

Джим Батчер Белая ночь

Аннотация

*На этот раз Гарри, похоже, ввязался в действительно опасную игру.
Кто-то убивает одну за другой ведьм города - даже самых слабых и неумелых.
Почему таинственный преступник щадит колдунов-мужчин, но планомерно уничтожает владеющих магическим даром женщин?
Возможно, потому, что колдовской дар передается по наследству только по материнской линии?
Логика подсказывает: за убийствами стоят вампиры.
Но истина и логика совпадают, увы, далеко не всегда.
Гарри уверен: все далеко не так просто, как кажется на первый взгляд.*

Джим Батчер Белая ночь

*Посвящается
Джесс и Даре, новым членам нашей семьи*

Глава ПЕРВАЯ

Многое на свете выглядит не тем, чем является на самом деле. И уж к самым плохим вещам это относится в первую очередь.

Я остановил свой покрытый боевыми шрамами, разноцветный «Фольксваген-Жук» перед старым чикагским многоквартирным домом — в каких-то четырех или пяти кварталах от моей берлоги. Обычно ко времени, когда полиция вызывает на место происшествия меня, дело обстоит довольно громко: налицо как минимум один труп, целое зарево синих мигалок,

все замотано черно-желтой полицейской лентой, вокруг толкуются представители прессы — ну, или, по крайней мере, их прибытие ожидается с минуты на минуту.

На месте преступления царил совершеннейшая тишина. Я не увидел у подъезда ни одной полицейской машины, да и «скорая» стояла всего одна, с выключенными мигалками. Мимо прошла молодая мамаша с двумя детьми; один младенец ехал в коляске, другой ковылял по тротуару, ухватившись за руку матери. Пожилой мужчина выгуливал палевого лабрадора. Ни зевак, ни каких-либо других признаков чего-то из ряда вон выходящего.

Странно.

Неприятный холодок пробежал по моему загривку несмотря на солнечный майский день. Обычно я не начинаю напрягаться до тех пор, пока не столкнусь как минимум с одной кошмарной тварью, занимающейся каким-либо живописным злодеянием.

Я отмахнулся от этого, списав на возрастную паранойю. Ну, я не то, чтобы слишком уж стар, особенно для чародея, но возраст — такая штука, не успеваешь оправиться от одного кризиса, а на подходе уже другой, и наверняка этот новый не приятнее предыдущего.

Я вытянул ручник Голубого Жучка и вошел в подъезд. Лестничный марш, по которому я поднялся, настоятельно требовал замены выбитых плиток или по меньшей мере хорошей влажной уборки. Лифтовой холл оказался вымощен серо-голубой плиткой, отполированной в центре ногами почти до зеркального блеска. Выходившие в него двери были старыми, обшарпанными, зато из настоящего дуба. Мёрфи ждала меня в холле.

Пяти футов с копейками роста, весом в сотню фунтов с небольшим, Мёрфи вряд ли производит впечатление крутого чикагского копа, имеющего дело с маньяками и монстрами. Как-то не положено копам иметь такие русые волосы или такой курносый нос. Порой мне кажется, что Мёрфи стала крутым копом, на которого она не похожа, исключительно из чувства противоречия — впрочем, ни избыточная голубизна глаз, ни кажущаяся безобидность не скроют стального стержня ее характера. Она встретила меня деловым (типа, «мы-на-работе») кивком.

— Привет, Дрезден, — чуть напряженно произнесла она.

— Ба, лейтенант Мёрфи, — протянул я и, шаркнув ножкой, склонился перед ней в изысканном поклоне — полной противоположности ее нарочито грубоватым манерам. Я делал это вовсе не из чувства противоречия. Нет, правда. — Я оглушен вашим присутствием.

Я ожидал, что она возмущенно фыркнет. Вместо этого она вежливо, не слишком весело улыбнулась мне.

— Сержант Мёрфи, — мягко поправила она меня.

Я поперхнулся. Ну и чурбан же ты, Гарри. Еще не занявшись делом, ты уже ухитрился напомнить Мёрфи, во что ей обошлись дружба с тобой и помощь тебе.

Мёрфи служила в полиции в чине лейтенанта и руководила отделом Специальных Расследований. ОСР — это ответ чикагской полиции на проблемы, не вписывающиеся в рамки «нормальных». Если вампир расчлняет иммигранта, если вурдалак убивает кладбищенского сторожа или если фэйри заговаривают чьи-то волосы так, что те растут не наружу, а внутрь, кому-то приходится это расследовать. Кому-то приходится лезть в это с головой, чтобы заверить потом власти и общество в том, что все в порядке. Неблагодарная работа, но ОСР справляется с ней, потому что у них крепкие нервы, и верная рука, и еще чародей Гарри Дрезден, готовый при необходимости прийти на помощь.

Мёрфино начальство крепко обиделось на нее за то, что она в разгар кризиса ушла с рабочего места, чтобы помочь мне. Собственно, для полицейского назначение руководителем ОСР и так приравнивается к ссылке в Сибирь. Но отняв у нее чин и статус, которых она добилась упорным трудом, ее еще и унизили — не столько в глазах подчиненных, сколько в ее собственных.

— Сержант, — со вздохом кивнул я. — Извини, Мёрф, я забыл.

Она пожала плечами.

— Не переживай. Я тоже периодически забываю. Как правило, когда отвечаю на звонки, сидя на работе.

— Все равно я болван.

— С этим не поспоришь, Гарри, — хмыкнула Мёрфи и легонько шлепнула меня по бицепсу. — Впрочем, твоей вины в этом нет.

— Очень благородно с твоей стороны, Минни-Маус, — отозвался я.

Она фыркнула и хлопнула ладонью по кнопке лифта.

— Как-то тихо здесь по сравнению с другими местами преступления.

Она поморщилась.

— Это и не преступление.

— Правда?

— Ну, не совсем, — ответила она и посмотрела на меня искоса. — Не официально.

— А-а, — протянул я. — Тогда я что, не считаюсь официальным консультантом?

— Официально нет, — подтвердила она. — Столлинзу здорово урезали бюджет. То есть, на оборудование и зарплаты еще хватает, но...

Я покосился на нее, заломив бровь.

— Меня интересует твое мнение, — сказала она.

— Насчет чего?

Она покачала головой.

— Не хочу настраивать тебя. Просто посмотри и скажи, что ты там увидел.

— Ну, это можно, — согласился я.

— Я сама тебе заплачу.

— Мёрф, ты не обяза...

Она очень пристально на меня посмотрела.

Раненая гордость сержанта Мёрфи не позволяла ей принимать милостыню. Я поднял руки в знак капитуляции.

— Как скажете, босс.

— Вот так-то лучше.

Она проводила меня в квартиру на седьмом этаже. Пара выходивших в коридор квартирных дверей приоткрылась и, проходя, я краем глаза увидел опасно выглядывавших жильцов. В дальнем конце коридора стояли двое парней, по виду санитаров — усталых, угрюмых санитаров. Один курил, второй просто прислонился к стене, скрестив руки на груди и сдвинув козырек бейсболки на глаза. Мёрфи отперла дверь ключом, не глядя на них; впрочем, они обратили на нее ненамного больше внимания.

Взмахом руки Мёрфи пригласила меня войти и осталась стоять у входа.

Я вошел. Квартирка оказалась маленькой, выдавшей вида, но чисто прибранной. Большую часть противоположной от входа стены с двумя окнами занимали миниатюрные джунгли из очень и очень ухоженных растений. Не отходя от двери, я разглядел небольшой телевизор на тумбочке, старый музыкальный центр и кушетку.

На кушетке лежала мертвая женщина.

Она лежала, сложив руки на животе. Опыта у меня маловато, чтобы определить, сколько она так пролежала, но лицо ее утратило уже естественные краски, а живот чуть вздулся, поэтому я решил, что она умерла по меньшей мере накануне. Возраст ее я тоже определить не смог — вряд ли больше тридцати. На ней был розовый махровый халат, на глазах — очки; волосы она собрала в пучок.

На столике рядом с диваном стоял пустой пузырек из-под лекарства со снятой крышкой. Рядом стоял графин с золотистой жидкостью, покрытый тальком для снятия отпечатков и накрытый пленкой — как и стакан, пустой, если не считать с полпальца воды на дне; судя по всему, это растаяли один или два кубика льда.

Рядом со стаканом лежала написанная от руки записка — тоже в прозрачном пластиковом мешке, вместе с гелевой ручкой.

Я осмотрел женщину. Потом подошел к столику и прочитал записку: *Я так устала бояться. Ничего не осталось. Простите меня. Жанин.*

Я поежился.

Поймите меня правильно: трупов за свою жизнь я понасмотрелся. Если уж на то пошло, мне доводилось видеть сцены преступлений, напоминавшие скорее бойню. И запахи мне встречались похуже этого: уж поверьте, вспоротое тело испускает такую вонь, что она кажется осязаемой. По сравнению со многими моими прошлыми делами эта картина представлялась почти что мирной. Обустроенной. Можно сказать, уютной.

Ничто в обстановке не говорило о том, что хозяйка квартиры умерла. Может, потому это и производило такое зловещее впечатление. За исключением трупа Жанин, квартира производила впечатление того, что хозяйка ее просто вышла перекусить.

Я побродил по квартире, стараясь ни к чему не прикасаться. Ванная и одна из спален оказались такими же, как гостиная: аккуратными, чуть тесноватыми, небогатыми, но совершенно явно ухоженными. Потом я заглянул на кухню. В раковине отмокали в давно остывшей воде тарелки. В холодильнике мок в маринаде из какого-то соуса цыпленок.

— Самоубийцы редко оставляют все готовым к обеду, правда? И посуду не складывают в раковину, чтобы помыть. Да и очки, как правило, снимают, разве нет?

Мёрфи издала горлом неопределенный звук.

— Никаких фотографий, — задумчиво продолжал я. — Ни семейных, ни выпускных, ни с отпуска в Диснейленде, — я повернулся к двери во вторую спальню. — Волос нет ни в сливе ванны, ни в мусорной корзинке. И компьютера нет.

Я отворил дверь во вторую спальню и зажмурился, чтобы не мешать другим органам чувств. Я обнаружил то, что и ожидал обнаружить.

— Она занималась магией, — тихо произнес я.

Свой личный алтарь Жанин устроила на низком деревянном столике у восточной стены. Приблизившись к нему, я ощутил легкое покалывание магической энергии — скорее не покалывание даже, а тепло, словно от почти полностью прогоревших углей. Собственно, энергии этой и раньше не было особенно чтобы много, а теперь, после смерти женщины, она и вовсе почти сошла на нет. Еще один восход солнца, и от нее не останется и следа.

На столе лежали в нужном, тщательно рассчитанном порядке несколько предметов: колокольчик; толстая тетрадь в кожаном переплете, возможно, дневник записей; старый оловянный кубок, простой, но без единого пятнышка, и маленький жезл из красного дерева с прикрепленным к одному концу медной проволокой куском хрусталя.

Единственный предмет производил впечатление совершенно здесь неуместного.

Очень, очень старый нож с узким лезвием, какие в эпоху раннего Ренессанса называли стилетами, лежал на ковре перед алтарем, нацелившись острием в противоположный угол спальни.

Я хмыкнул и, обогнув ковер, подошел к ножу. Нахмурившись, я подумал немного, потом скользнул взглядом от лезвия к рукояти. Прикинув в уме линию, я вернулся к двери и выглянул в гостиную.

Рукоять ножа показывала точно на тело Жанин.

Я снова подошел к ножу и, пригнувшись, проследил, куда показывает острие.

В точку на дальней стене.

Я оглянулся на Мёрфи — та остановилась в дверях спальни.

— Нашел что-нибудь? — поинтересовалась она.

— Пока не знаю точно. Подожди немного, — я подошел к стене и придвинул к ней ладонь с растопыренными пальцами, не касаясь ее. Потом зажмурился в попытке уловить следы сохранившейся в этой точке энергии. Я постоял так несколько секунд и опустил руку. — Что-то там такого есть, — сообщил я. — Но слишком слабое, чтобы распознать, не задействовав при этом Зрение. А мне до тошноты не хочется этого делать.

— И что тогда? — спросила Мёрфи.

— Только то, что придется лезть за инструментами. Сейчас вернусь, — я вышел, спустился к машине и достал из бардачка пластмассовую коробку для рыболовных снастей, с которой и вернулся в спальню покойной.

— Это что-то новое, — заметила Мёрфи.

Я поставил коробку на пол и открыл ее.

— Понимаешь, я тут обучаю свою ученицу основам томатургии. Вот и приходится выезжать за город в целях безопасности, — я порылся в коробке и нашел, наконец, пластмассовую пробирку, заполненную крупинками металла. — Первые две-три недели я просто таскал все навалом в пакете, но потом привел немного в порядок — так удобнее.

— А что это? — спросила Мёрфи.

— Медные опилки, — ответил я. — Они проводят энергию. Если энергия там хоть как-то упорядочена, может, мне удастся это увидеть.

— А-а, это вроде как тальк для отпечатков, — поняла Мёрфи.

— Именно, — подтвердил я. Потом достал из кармана ветровки кусок мела и очертил им на ковре едва заметный круг. Усилием воли я замкнул его, и невидимый барьер отгородил меня от случайных потоков энергии, позволив сосредоточиться на заклинании. Формула, которую я собирался использовать, не из простых, по крайней мере, для меня, так что пытаться работать с ней без магического круга — все равно, что зажечь спичку на ураганном ветру.

Я закрыл глаза, сосредотачиваясь, и высыпал на правую ладонь унцию-другую медных опилок. Потом прошептал формулу заклинания, зарядив их энергией — совсем слабым зарядом, но и его хватило бы, чтобы они притянулись к сохранившим энергию участкам стены. Дождавшись, пока они зарядятся, я шепнул: — *Illumina magnus*, — разрушил круг, стерев линию носком башмака, и швырнул горсть опилок в стену.

Потрескивая электрическими разрядами, устремились они к стене и прилипли к ней. В воздухе запахло озоном.

Я придвинулся к стене и осторожно подул на нее, очистив от случайно прилипших опилок. Потом отступил на шаг.

Медные опилки выстроились в определенном порядке, изобразив на стене символы. Точнее, буквы: ИСХОД 22.18.

Мёрфи сдвинула брови, глядя на надпись.

— Строфа из Библии?

— Угу.

— Я не помню, — призналась она. — А ты?

Я кивнул.

— Такое трудно забыть: «Ворожеи не оставляйте в живых».

Глава ВТОРАЯ

— Выходит, это убийство, — произнесла Мёрфи.

— Похоже на то, — согласился я.

— И убийца хотел, чтобы ты узнал об этом, — она подошла ко мне и остановилась, хмуро глядя на стену. — Коп бы этого не обнаружил.

— Угу, — кивнул я. Пустая квартира издавала щелкающие звуки, какие издает, оседая на протяжении жизни, любой дом. Должно быть, покойная привыкла к таким звукам.

— И что? — в голосе Мёрфи звучало едва заметное, но все-таки облегчение. — Что мы здесь видим? Работу какого-то религиозного психа? Охотника на ведьм? Возрождение инквизиции?

— Использувавшего магию, чтобы оставить нам послание? — усомнился я.

— Мало ли на что способны психи, — Мёрфи нахмурилась еще сильнее. — А правда, как оно сюда попало, это послание? Такое мог оставить только человек, занимающийся магией?

Я мотнул головой.

— Тот, кто убил ее, мог потом просто окунуть палец в воду, что оставалась в кубке, и написал это им на стене. Вода высохла, а следы энергии остались.

— От воды? — удивилась она.

— От освященной воды, — поправил я. — Считай ее святой водой. Позитивную энергию она, во всяком случае, аккумулирует точно так же.

Мёрфи продолжала хмуриться, переводя взгляд со стены на меня и обратно.

— Святой? — переспросила она. — Мне казалось, магия связана только с энергией, и с математическими уравнениями, и тому подобными штуками. Вроде электричества и термодинамики.

— Не все с тобой согласятся, — я мотнул головой в сторону алтаря. — Убитая принадлежала к викканцам.

— Ведьма?

— И ведьма тоже, — кивнул я. — Но далеко не все викканцы обладают реальными способностями к магии. Для большинства все их ритуалы и церемонии не заключают в себе настоящего волшебства.

— Тогда зачем же они всем этим занимаются?

— Возлюбленные мои, мы собрались здесь сегодня, чтобы соединить этого мужчину и эту женщину священными узами брака, — я пожал плечами. — У каждой веры свои ритуалы, Мёрф.

— Значит, тут дело в столкновении религий? — спросила Мёрфи.

Я пожал плечами.

— Настоящему викканцу, типа, трудно конфликтовать с другими религиями. Викканство вообще понятие довольно расплывчатое. Имеется ряд положений, которым следуют девяносто девять процентов викканцев, но в основе веры лежит свобода личности. Викканцы полагают, что до тех пор, пока это не причиняет вреда никому другому, ты волен действовать так, как тебе заблагорассудится, и верить в то, во что считаешь нужным. Поэтому их личные убеждения хоть немного, да отличаются от других. Так сказать, индивидуализированы.

Мёрфи, при всем при том остававшаяся католичкой, нахмурилась.

— Мне казалось, в христианстве тоже говорится кое-что насчет всепрощения, и терпимости, и отношения к другим так, как тебе хотелось бы по отношению к себе самому.

— Ну-ну, — кивнул я. — Как нельзя более подходит к крестовым походам, и к инквизиции...

— Вот именно, — заявила Мёрфи. — Как бы я ни относилась к исламу, или к викканству, или к любой другой религии, факт в том, что это всего лишь группы людей. У каждой веры свои ритуалы. Но поскольку участвуют в них живые люди, у каждой веры найдутся свои ублюдки.

— Для того, чтобы затеять бучу, достаточно одной стороны, — согласился я. — Ку-клус-клан ссылается на Священное Писание. Равно как куча разных реакционных религиозных организаций. И все они любители выдирать цитаты из контекста, — я махнул рукой в сторону стены. — Как в этом случае.

— Ну, не знаю. «Ворожеи не оставляйте в живых». На мой взгляд, вполне недвусмысленно.

— Выдрано из контекста, но недвусмысленно, — сказал я. — Ты только не забывай, что это строка из той же книги Библии, в которой рекомендуется предавать смерти ребенка, обругавшего своих родителей, или скотовладельца, чей вол по его недосмотру причинил кому-то вред, и вообще всякого, кто работает или хотя бы огонь разводит в субботу... не говоря уже о том, кто трахается с животными.

Мёрфи фыркнула.

— И еще надо помнить, что изначальный текст этот написан несколько тысяч лет назад. На иврите. В оригинале этой фразы используется слово, обозначающее того, кто складывает заклятия во вред другим. В той культуре различали магию полезную и вредоносную. К началу Средних Веков в религии преобладали убеждения, согласно которым каждый, занимавшийся магией в любом ее виде, автоматически зачислялся во враги человечества. При этом не делалось разницы между белой магией и черной. А к тому

моменту, когда эта строка добралась до Англии, славный король Джеймс имел зуб на ведьм, так что «наводящего вредные заклятия» перевели просто как «ворожею».

— Посмотреть с этой позиции, так фраза и впрямь вынута из контекста, — признала Мёрфи. — Но куча народу возразит тебе в том смысле, что Библия не может иметь изъянов. Что Господь Бог не допустил бы подобных ошибок.

— Мне кажется, Бог дал каждому свободу выбора, — сказал я. — Что предположительно — да нет, очевидно — подразумевает право отклоняться от исходного оригинала при переводе с одного языка на другой.

— Не заставляй меня думать, — запротестовала Мёрфи. — Моя вера превыше.

Я ухмыльнулся.

— Вот видишь? Потому я не религиозен. Должно быть, просто не умею держать язык за зубами достаточно долго, чтобы ужиться с кем-либо другим.

— Мне кажется, это потому что ты никогда не позволял никакой религии тронуть тебя за живое.

— Ну, и это тоже, — согласился я.

Ни я, ни она на протяжении всего этого разговора не оглядывался на лежавшее в гостиной тело. Воцарилась неловкая тишина. Поскрипывали половицы.

— Убийство, — произнесла, наконец, Мёрфи, глядя на стену. — Возможно, кто-то считает, что осуществляет священную миссию.

— Убийство, — повторил я. — Делать какие-то заключения преждевременно. И все-таки, чего ты мне позвонила?

— Этот алтарь, — ответила она. — И нестыковки в обстоятельствах ее смерти.

— Никто не примет магическую надпись на стене в качестве улики.

— Я понимаю, — кивнула она. — Официально она проходит по графе «самоубийство».

— Из чего следует, что я играю самостоятельно, — заметил я.

— Я переговорила со Столлинзом, — возразила она. — Я беру два дня отгула — начиная с завтрашнего дня. Так что я тоже в игре.

— Отлично, — я вдруг нахмурился: мне в голову вдруг пришла мысль, от которой мне сделалось немного не по себе. — Это ведь не единственное такое самоубийство, верно?

— Я сейчас при исполнении, — вздохнула Мёрфи. — Это информация, делиться которой с тобой я не имею права. В отличие от кого-то вроде, скажем, Баттерса.

— Верно, — согласился я.

Совершенно неожиданно Мёрфи стремительно крутанулась на месте, описав правой пяткой горизонтальный полукруг на высоте колена. Нога ее со стуком врезалась во что-то невидимое у нее за спиной, и это что-то тяжело ударило об пол. Мёрфи — зажмурившись! — навалилась на это невидимое что-то, и руки ее с растопыренными пальцами описали в воздухе несколько круговых движений, будто шаря вслепую. Потом Мёрфи хмыкнула, еще раз двинула руками и чуть повела плечами.

Высокий женский голос громко охнул от боли, а потом под Мёрфи возникла девушка. Мёрфи навалилась на нее, прижав к полу и завернув ей руку за спину под болезненным даже на вид углом.

Девушке было лет восемнадцать. Одежду ее составляли солдатские бутсы, черно-серые маскировочные штаны и серая футболка в обтяжку. Ростом она едва не на фут превосходила Мёрфи, да и сложение имела этакое... капитальное... кирпичное. Коротко остриженные, выбеленные перекисью волосы торчали задорными панковскими шипами. Татуировка, начавшись на шее, ныряла под футболку и показывалась уже на голом животе, вновь уходя дальше куда-то в штаны. Еще у нее были полдюжины колец в ушах, колечко в ноздре, колечко на брови и серебряный шарик под нижней губой. На руке, которую удерживала Мёрфи, поблескивал браслет из темных стеклянных бус.

— Гарри? — произнесла Мёрфи голосом, при всей вежливости и терпеливости требовавшим объяснения.

Я вздохнул.

— Мёрф, ты помнишь мою ученицу, Молли Карпентер?
Мёрфи склонила голову набок и вгляделась в профиль.
— О, да, конечно, — отозвалась она. — Просто не узнала без розово-голубых волос. Ну, и невидимой она в прошлый раз не была, — она вопросительно посмотрела на меня.
Я подмигнул ей и опустился на ковер рядом с девушкой, изобразив на лице самое убедительное из моих хмурых выражений.
— Я сказал тебе оставаться у входа в квартиру и упражняться в наблюдательности?
— Ох, да ладно, — взмолилась Молли. — Это же невозможно. И скучно как черт-те что.
— Повторение — мать учения, детка.
— У меня скоро задница отсохнет от этого вашего повторения! — возмутилась Молли. — Я и так знаю в сто раз больше, чем год назад!
— Еще лет шесть-семь в том же темпе, — кивнул я, — и ты, возможно — возможно! — созрешь, чтобы делать это самостоятельно. До тех пор ты моя ученица. Я твой наставник, и ты будешь делать все как я тебе говорю.
— Но я ведь могу помочь вам!
— Сидя в тюрьме — вряд ли, — заметил я.
— Вы вторглись на место преступления, — сообщила Мёрфи.
— Ох, да ладно вам, — буркнула Молли, но в голосе ее явственно зазвучали опасливые нотки.
(на всякий случай, если кто не знает, Молли уже совершеннолетняя)
Трудно придумать, какую менее удачную реплику она могла бы произнести.
— Что ж, — вздохнула Мёрфи, достала из кармана куртки наручники и защелкнула браслет на запястье у Молли. — Вы имеете право хранить молчание.
Глаза у Молли расширились, и она подняла взгляд на меня.
— Что? Гарри...
— Если же вы предпочитаете не воспользоваться этим правом, — назубок, как молитву, продолжала декламировать Мёрфи, — все, что вы скажете, может быть использовано против вас на суде.
— Мне очень жаль, детка, — я пожал плечами. — Это реальная жизнь. Послушай, твои приводы как несовершеннолетней уже списаны, да? Тебя будут судить как совершеннолетнюю. Первая судимость... тебе вряд ли дадут больше... а, Мёрф?
Мёрфи прервала заведенный ритуал.
— От тридцати до шестидесяти суток, скорее всего, — она вздохнула и продолжила зачитывать права арестованного.
— Вот видишь? Не так уж и страшно. Увидимся через месяц-другой.
Молли заметно побледнела.
— Но... но...
— Да, кстати, — добавил я. — В первый день поколоти кого-нибудь. Считается, что это избавит тебя от многих сопутствующих неприятностей.
Мёрфи вздернула закованную в наручники Молли на ноги.
— Вы поняли свои права?
Рот у Молли потрясенно открылся. Она переводила взгляд с Мёрфи на меня и обратно.
— Ну, — рассудительно сказал я, — ты могла бы еще извиниться.
— П-прошу прощения, Гарри, — пробормотала она.
Я вздохнул.
— Не у меня проси, детка. Не я веду следствие.
— Но... Молли осеклась и снова посмотрела на Мёрфи. — Я же т-только стояла там... н-ничего больше.
— В перчатках? — спросила Мёрфи.
— Н-нет.
— В обуви?

— Д-да.

— Трогали чего-нибудь?

— Э... — замялась Молли. — Ну, дверь. Так, толкнула чуть-чуть. И эту вазу китайскую, ну, в которой у нее мята растет. Ту, что с трещиной.

— Из чего следует, — сказала Мёрфи, — что если я докажу, что это убийство, осмотр помещения даст нам отпечатки ваших пальцев, вашей обуви, да и волосы ваши, пусть под таким слоем лака, тоже запросто могут падать. Поскольку вы не входите в число следователей или официальных консультантов, наличие всего этого на месте преступления автоматически переводит вас в разряд подозреваемых.

Молли мотнула головой.

— Но вы сказали ведь, это считается самоу...

— Даже если так, в отличие от Гарри вы незнакомы с правилами, и ваше присутствие здесь может уничтожить улики, необходимые для поисков настоящего убийцы, который, возможно, готовится нанести новый удар.

Молли смотрела на нее, открыв рот.

— Потому и существуют правила, не позволяющие посторонним находиться на месте преступления. Это не игра, миссис Карпентер, — Мёрфи говорила негромко, без угрозы. — Ошибка здесь может стоить кому-нибудь жизни. Вы меня понимаете?

Молли снова посмотрела на меня, и опять на нее, и плечи ее поникли.

— Я не хотела... Извините.

— Тем, кто уже мертв, извинения не помогут, Молли, — мягко произнес я. — Ты так и не научилась пока оценивать последствия, а это недопустимо. Ни в коем случае.

Молли чуть поежилась и кивнула.

— Надеюсь, такого больше не случится, — сказала Мёрфи.

— Нет, мэм.

Мёрфи скептически посмотрела на Молли, потом на меня.

— Она хотела как лучше, — вздохнул я. — Надеюсь помочь нам.

Молли бросила на меня исполненный благодарности взгляд.

Лицо у Мёрфи немного смягчилось, и она сняла с нее наручники.

— Надеюсь, что так.

Молли, морщась, растирала запястья.

— Э... мэм? Как вы догадались, что я здесь?

— Половицы скрипели, хотя никто на них не стоял, — сказал я.

— И ваш дезодорант, — добавила Мёрфи.

— Твой пирсинг на языке лязгнул о зубы, — продолжал я.

— И воздух шелохнулся несколько минут назад, — продолжала Мёрфи. — Причем так, что на сквозняк не похоже.

Молли поперхнулась, и на щеках ее выступил румянец.

— Ох, — только и сказала она.

— Но мы ведь ее не видели, правда, Мёрф?

Мёрфи мотнула головой.

— Ни чуточки.

Небольшая встряска во избежание избыточного самомнения всегда полезна для воспитанника. Моя воспитанница жалобно вздохнула.

— Что ж, — сказал я. — Раз уж ты здесь, можешь поучаствовать и дальше, — я кивнул Мёрфи и направился к двери.

— Куда мы сейчас? — спросила Молли. Двое санитаров, скучавших в холле за дверью, при виде выходящей из квартиры Молли выпучили глаза. Мёрфи вышла последней и дала им знак выносить тело.

— Повидаться с одним из моих друзей, — ответил я. — Ты польку любишь?

Глава ТРЕТЬЯ

Я не был в институте патологоанатомии с самой той заварушки с некромантами, то есть, выходит, года два уже. Не могу сказать, чтобы это место выглядело непривлекательно — и это при том, что предназначено оно для тех, кто совсем еще недавно был жив, а сейчас ожидает вскрытия. Расположено оно в небольшом технопарке — чистеньком таком, с зелеными лужайками, стриженными кустиками и свежепокрашенными разделительными линиями на стоянках. Сами строения здесь непритязательны, но функциональны и взгляда тоже не раздражают.

Это одно из тех мест, что преследуют меня в страшных снах.

Я и так-то не очень люблю общаться с покойниками, а тут, помнится, человек, которого я хорошо знал, попал в магические разборки и в результате, превратившись в ходячий супертруп, едва не растерзал голыми руками мою машину.

С тех пор я возвращался сюда только один раз, и то ненадолго. Есть дела приятнее, чем навещать места, подобные этому. Но раз уж я приехал, и поставил машину на стоянку, и подошел к дверям, я решил, что здесь не так уж и плохо, и без малейших колебаний ступил внутрь.

А вот Молли оказалась здесь впервые. По моей просьбе она убрала с лица большую часть своих побрякушек и напаялила поверх выбеленных перекисью, шипастых волос старую бейсболку. Даже так она мало смахивала на почтенную бизнесвумен, но в этом отношении я и сам ничего. Мой костюм тоже не назовешь деловым, а тяжелая кожаная ветровка так и вовсе сообщает моему образу этакой эксцентричности. Ну, или придавала бы, будь у меня немного больше денег.

Охранник, сидевший за той же стойкой, где убили Филя, ожидал меня, но не Молли, поэтому сказал мне, что ей придется подождать. Я сказал, что подожду вместе с ней — пусть Баттерс сам подтвердит, что мы к нему. Нельзя сказать, что перспектива тяжелого физического усилия, каковой он, похоже, считал набор телефонного номера, обрадовала охранника, но он все же буркнул что-то в трубку, пару раз недоверчиво хмыкнул, потом ткнул пальцем в кнопку. Замок в стальной двери зажужжал, и мы с Молли прошли дальше.

Прозекторских в морге несколько, но определить, в какой из них работает Баттерс, всегда проще простого. Достаточно прислушаться, откуда слышится полька.

Я шел на уханье тубы, к которому добавились звуки кларнета и аккордеона. Смотровая номер три. Я постучал в дверь и приоткрыл ее, не заходя.

Уолдо Баттерс сидел за столом, щурясь в экран компьютера и ерзая задом на стуле в ритм доносившейся из кассетника польке. Он пробормотал что-то себе под нос, кивнул и ткнул локтем в клавишу пробела, притопнув в такт ногой — все не оборачиваясь ко мне.

— Привет, Гарри.

Я зажмурился.

— Уж не «Богемская Рапсодия» ли?

— Янкович, — отозвался он. — Охренительный талант. Дайте мне пару секунд добить дела, прежде чем входить, ладно?

— Без проблем, — заверил я его.

— Вы с ним раньше работали? — шепотом спросила Молли.

— Умгум, — кивнул я. — Он проинформирован.

Баттерс дождался, пока не застрекочет принтер у него на столе, потом заглушил компьютер, взял с принтера пару распечатанных листов и сколол степлером. Потом он сунул их в пачку бумаг и перетянул ее большой канцелярской резинкой.

— О'кей, так сойдет, — он повернулся ко мне и ухмыльнулся.

Баттерс — тот еще чудак. Ростом он ненамного выше Мёрфи, а уж по части мускулатуры так и вовсе ей в подметки не годится. Всклобоченная черная шевелюра более всего напоминает взрыв проволоочной фабрики. Он весь состоит из коленок и локтей — что еще заметнее в зеленом хирургическом комбинезоне; лицо его тоже такое, угловатое, а глаза за толстыми линзами очков кажутся еще пронзительнее.

— Гарри, — произнес он, протягивая мне руку. — Давненько не виделись. Как рука?

Я обменялся с ним рукопожатием. Пальцы у Баттерса длинные, цепкие и уж никак не слабые. То есть, он не производит впечатления опасного человека, но силы духа ему не занимать, да и котелок очень даже варит.

— Месяца три, не больше. И спасибо, ничего, — я поднял одетую в перчатку левую руку и пошевелил пальцами. Безымянный палец и мизинец шевелились неуверенно, рывками, но, видит Бог, все-таки шевелились, когда я приказывал им шевелиться.

Дело в том, что во время стычки со стаей вампиров я ухитрился сжечь себе левую кисть. Я не позволил врачам ампутировать ее, но меня заверили в том, что мне никогда не удастся пользоваться ею. Баттерс назначил мне курс лечебной гимнастики, и мои пальцы снова почти годны к использованию, хотя смотреть на обожженную кисть по-прежнему страшно — впрочем, и это медленно, но меняется. Уродливые шрамы понемногу сглаживаются, и рука уже почти не напоминает оплавившийся восковой слепок, как это было раньше. И ногти начали расти.

— Отлично, — кивнул Баттерс. — Отлично. На гитаре продолжаете играть?

— Ну, я держу ее. Издаю какие-то звуки. Назвать это «игрой» было бы преувеличением, — я махнул рукой в сторону Молли. — Уолдо Баттерс, а это Молли Карпентер, моя ученица.

— Ученица, да? — Баттерс протянул руку и ей. — Приятно познакомиться. Он что, превращает вас в белок, и рыбок, и все такое, как в «Мече в Камне»?

— Если бы, — вздохнула Молли. — Я все пытаюсь уговорить его показать мне, как превращаться во всякое, но он не хочет.

— Я пообещал твоим родителям, что не позволю тебе превратиться в комок слизи, — напомнил я ей. — Скажите, Баттерс, вас никто — не будем называть имен — не предупреждал, что я могу заскочить?

— Было дело, — кивнул коротышка-патологоанатом. Он покачал пальцем в воздухе, подошел к двери, запер ее и привалился к ней спиной. — Не забывайте, Дрезден, я ведь не могу разбрасываться информацией направо и налево, верно? Работа у меня такая.

— Разумеется.

— Значит, вы от меня этого не слышали.

Я покосился на Молли.

— А кто-то говорил иначе?

— Вот и отлично, — сказал Баттерс. Он подошел ко мне и сунул в руку стопку бумаг.

— Имена и адреса больных, — произнес он.

Я нахмурился и просмотрел несколько листов: колонки текста, в основном чисто профессионального, поганого качества фотографии.

— Жертвы?

— Официально они скончались от естественных причин, — он стиснул на мгновение зубы. — Но... угу, я совершенно убежден, что это жертвы.

— Почему?

Он открыл рот, закрыл его и нахмурился.

— Вам приходилось видеть что-нибудь краем глаза? Так, чтобы, когда вы посмотрите на это прямо, там ничего не оказалось? Ну, или по крайней мере, оказалось, но не то, что показалось сначала?

— Конечно.

— Вот и здесь так, — сказал он. — Большинство видит в этом классические, обычные самоубийства. Всего лишь мелочи не укладываются в общую картину. Вы понимаете?

— Нет, — признался я. — Просветите меня.

— Возьмем хоть эту, верхнюю, — вздохнул он. — Полина Московитц. Тридцать девять лет, двое детей, муж, две собаки. Исчезла вечером в пятницу и вскрыла себе вены в гостиничной ванне около трех утра в субботу.

Я пробежал листок глазами.

— Я правильно понял? Она принимала антидепрессанты?

— Да, да, — кивнул Баттерс. — Но в пределах разумного. Восемь лет их принимала, и держалась вполне стабильно. И никаких суицидальных склонностей за ней тоже не наблюдалось.

Я покосился на поганого качества фотографию женщины заурядной внешности, лежавшей нагишом в ванне с помутневшей от крови водой.

— И что вас насторожило?

— Порезы, — ответил Баттерс. — Она пользовалась макетным ножом. Он лежал в ванной рядом с ней. Она перерезала связки на обеих запястьях.

— И что?

— А то, — хмыкнул Баттерс. — Стоило ей перерезать связки на одном запястье, как это очень и очень ограничило подвижности пальцы этой руки. И как она тогда ухитрилась повторить это с другой рукой? Двумя ножами одновременно? Тогда где второй нож?

— Ну, может, она его зубами держала? — предположил я.

— Допустим, я зажмурился, бросил камень в сторону озера, а попал в лодку, — сказал Баттерс. — Чисто теоретически такое возможно, но маловероятно. В любом случае вторая рана вряд ли оказалась бы такой глубокой и ровной. А тут они почти одинаковые — словно кто-то нарезал сыр кубиками.

— Полагаю, в официальном заключении об этом ни слова, — заметил я.

— Еще бы.

— Такое я сегодня уже слышал, — я нахмурился. — А что думает об этом Бриош?

При упоминании имени босса Баттерс поморщился.

— Говоря его собственными словами, мало ли чего случается. Самоубийство. Дело закрыто.

— Но сами вы считаете, нож держал кто-то другой?

Лицо коротышки-патологоанатома утратило выражение, и он молча кивнул.

— Ясно, — вздохнул я. — А что насчет сегодняшнего тела?

— Ничего не могу сказать, пока сам не гляну, — покачал головой Баттерс и подозрительно покосился на меня. — Вы что, считаете, что и здесь убийство?

— Не считаю, — поправил я его. — Знаю. Но это известно только мне, а мнение Мёрфи в управлении мало кого волнует.

— Угу, — со вздохом кивнул Баттерс.

Я перевернул страницы с заключением о смерти миссис Московитц и остановился на следующей подборке поганных фотографий. Тоже женщина. Из бумаг следовало, что ее звали Мария Касселли. Марии исполнилось двадцать три года, когда она приняла тридцать таблеток валиума и запила их флаконом жидкости для промывки раковин.

— Тоже в гостинице, — вполголоса заметил я.

Молли заглянула через мое плечо в фотографии, побледнела и отступила от меня на несколько шагов.

— Угу, — согласился Баттерс, немного беспокойно косясь на Молли. — Это несколько необычно. По большей части счеты с жизнью сводят дома. Ну, за исключением случаев, когда кому-то взбрэндится прыгнуть с моста, или свернуть машину в озеро, или что-то еще в этом роде.

— У миссис Касселли была семья, — заметил я. — Муж и двое младших сестер, которые проживали вместе с ними.

— Угу, — снова кивнул Баттерс. — Догадываетесь, что сказал Бриош?

— Что она застала мужа с одной из младших сестричек и решила покончить с этим?

— Вот-вот.

— Э... — вмешалась Молли. — Мне кажется, меня...

— В коридоре, — поспешно сказал Баттерс. — Первая дверь направо.

Молли вихрем вылетела из комнаты в указанном Баттерсом направлении.

— Господи, Гарри, — заметил Баттерс. — Она не слишком юна для такого?

Я помахал в воздухе фотографией тела Марии.

— Что-то слишком много такого.

— Она что, настоящий чародей? Как вы?

— Со временем, возможно, станет, — ответил я. — Если доживет.

Я пробежал глазами два следующих заключения. Женщины старше двадцати лет, обе покончили с собой в гостиничных номерах, у обеих имелись спутники жизни.

Последняя подшивка отличалась от них. Я прочитал ее и покосился на Баттерса.

— А что с этой?

Он развел руками.

— Гарри, я свое ремесло знаю. Мне нравится докапываться до истины. И у меня нет ни малейшего представления о том, почему умерла эта девочка. Все анализы, что я попробовал, дали отрицательный результат, все мои предположения не подтвердились. С медицинской точки зрения она в отличной физической форме. Выглядит так, словно ее организм... словно кто-то повернул выключатель. Просто вырубил энергию. В жизни не видел ничего подобного.

— Джессика Бланш, — я перечитал личные данные. — Девятнадцать лет. Хорошенькая. Ну, в любом случае симпатичная.

— Трудно сказать по труп, — вздохнул Баттерс. — Но да, я бы согласился.

— Но не самоубийство.

— Нет. Но умерла в гостиничном номере.

— Что-нибудь еще связывает ее с другими смертями?

— Мелочи, — ответил Баттерс. — Ну, например, при ней имела сумочка с документами. И никакой одежды.

— Из чего следует, что кто-то унес ее из номера, — я свернул бумаги в трубку и задумчиво похлопал ею по бедру. Отворилась дверь, и вошла Молли, вытиравшая рот бумажным полотенцем. — Эта девочка еще здесь?

Баттерс удивленно двинул бровью.

— Мисс Бланш? Да, здесь. А что?

— Мне кажется, Молли могла бы помочь нам.

Молли заморгала и посмотрела на меня.

— Э... Что?

— Боюсь, Молли, это будет довольно неприятно, — сказал я. — Но, возможно, тебе удастся увидеть что-нибудь.

— На мертвой девице? — тихо спросила Молли.

— Ты сама напросилась на эту поездку, — напомнил я.

Она нахмурилась, но кивнула, набрав в грудь воздуха.

— Ага. Э... Да, сама. То есть, я хочу сказать, да, я попробую. Правда.

— Правда? — переспросил я. — Ты уверена? Это ведь не из приятных зрелищ. Но если это даст нам хоть немного информации, это, возможно, спасет кому-нибудь жизнь.

Я внимательно смотрел на нее, пока она не решилась, не заглянула мне в лицо и не кивнула.

— Да.

— Хорошо, — кивнул я в ответ. — Тогда приготовься. Баттерс, нам нужно оставить ее на несколько минут одну. Мы можем пока сходить за мисс Бланш?

— Э... — замялся Баттерс. — Что вы конкретно хотите с ней сделать?

— Ничего особенного. По дороге объясню.

Он задумчиво пожевал губу и кивнул.

— Нам сюда.

По длинному коридору он провел меня в смотровую. Точно такую же, как та, в которой мы только что разговаривали, только в этой одну стену сплошь занимали, как и положено в морге, холодильные отсеки. Та самая смотровая, в которой год назад шайка зомби под предводительством некроманта раз и навсегда лишила Баттерса способности отмахиваться

от сверхъестественного мира.

Баттерс взял каталку, сверился с висевшим у двери списком, и подкатил ее к холодильникам.

— Не люблю сюда заходить, — признался он. — С тех пор, как Фил...

— Я тоже, — сказал я.

Он кивнул.

— Ладно, беритесь вот здесь.

Мне очень не хотелось этого делать. Ну да, я чародей, но общение с трупами не доставляет мне удовольствия, даже если они не пытаются двигаться как живые, пытаюсь при этом убить меня. Однако я постарался представить, будто мы грузим на каталку тяжелый мешок с продуктами, и помог ему достать лежавшее на металлическом поддоне и накрытое тяжелым полотнищем тело из холодильника и переложить его на каталку.

— Вот так, — сказал Баттерс. — И что она собирается с ней делать?

— Заглянуть в глаза, — ответил я.

Он не без скепсиса покосился на меня.

— Надеемся увидеть на сетчатке отпечаток последнего, что она увидела, или что-то в этом роде? Боюсь, это, скорее, относится к области мифов. Разве нет?

— Тело хранит и другие впечатления, — возразил я. — Последние мысли. Эмоции, воспоминания, — я тряхнул головой. — Собственно, подобные отпечатки происходившего могут сохраняться почти на любом неодушевленном объекте. Вы ведь слышали о таком, нет?

— Вы это серьезно? — спросил он.

— Угу. Но это хлопотно как черт знает что, да и смазать эти отпечатки проще простого.

— Ох, — сказал Баттерс. — Но вы думаете, на трупе могло сохраниться что-то такое?

— Возможно.

— Это было бы очень кстати.

— Надеюсь.

— А почему вы тогда все время этим не пользуетесь?

— Это дело тонкое, — ответил я. — В том, что касается магии, с точностью у меня неважно.

Он нахмурился, и мы покатали тележку из смотровой.

— А ваша волшебница-недоучка может?

— Чародейские способности — штука очень индивидуальная, — сказал я. — Одному чародею лучше дается одно, другому — другое. Тут все зависит от врожденных свойств, от личного опыта. У каждого свои сильные стороны.

— А у вас? — поинтересовался он.

— Находить предметы. Следить за предметами. Разносить все к чертовой матери — это у меня особенно хорошо получается, — я ухмыльнулся. — Перенацеливать энергию. Использовать энергию с тем, чтобы она вступала в резонанс с энергией тех предметов, которые я хочу найти. Накапливать энергию для того, чтобы использовать ее потом.

— Ага, — кивнул он. — И все это не требует точности?

— Ну, я достаточно набил руку, чтобы делать это более-менее точно, — сказал я. — Но... Одно дело, брэнчать по гитарным струнам, и совсем другое — исполнять сложную испанскую пьесу.

Баттерс обдумал это и снова кивнул.

— А девчонка, значит, гитарист-виртуоз?

— Почти что так. Силы у нее, конечно, поменьше, чем у меня, но у нее врожденные способности к деликатной магии. Особенно к той, что связана с ментальностью и эмоциями. Собственно, из-за этого она и напоролась на неприятности с...

Я прикусил язык, не договорив. Только мне не хватало еще обсуждать с кем-то Моллины нарушения Законов Магии. Ей и без того нелегко пришлось после тех ужасов, что она натворила по незнанию, так что живописать ее монстром-недоучкой было бы с моей стороны самым последним делом.

Секунду-другую Баттерс вглядывался в мое лицо, потом кивнул и сменил тему.

— Что вы думаете, она найдет?

— Представления не имею, — признался я. — Потому и пробуем.

— А вы сами смогли бы это сделать? — поинтересовался он. — То есть, я хочу сказать, если пришлось бы?

— Я пробовал что-то в этом роде, — уклончиво ответил я. — Но я не слишком силен в настройке, и результат оказался практически невнятным.

— Вы говорили, ей это может быть неприятно, — сказал Баттерс. — Почему?

— Потому что если там что-то еще сохранилось, и она сумеет уловить это, ей придется пережить это. От первого, так сказать, лица. Как будто это произошло с ней.

Баттерс негромко присвистнул.

— Ох. Да уж. Пожалуй, такое и впрямь неприятно.

Мы вернулись в первую комнату, и я заглянул в щелку, прежде чем открывать дверь и завозить каталку. Молли сидела на полу в позе лотоса, закрыв глаза и склонив голову чуть набок. Кончики больших и средних пальцев чуть касались друг друга.

— Тихо, — прошептал я. — Никакого шума, пока она не закончит. Ясно?

Баттерс кивнул. Как мог тихо, я отворил дверь. Мы закатали тележку в комнату, оставили ее перед Молли, по моему жесту молча отошли к дальней стене и приготовились ждать.

Молли потребовалось больше двадцати минут, чтобы сосредоточиться для относительно несложного заклинания. Собственно, концентрация мыслей или воли универсальна для всех разновидностей магии. Я проделывал это столько раз и с таких давних пор, что задумываюсь над этим только в случаях, когда заклинания особенно сложны, опасны... ну, или когда мне кажется, что немного осторожности не помешает. Гораздо чаще для того, чтобы сконцентрировать волю, мне хватает и секунды — это очень кстати в ситуациях, когда все решает скорость. Истекающие слюной демоны или злобные вампиры вряд ли дадут вам двадцать минут на подготовку к удару.

В общем-то, Молли прогрессировала достаточно быстро, но и учиться ей предстояло еще очень и очень многому.

Когда она, наконец, открыла глаза, взгляд их сделался отрешенным, блуждающим. Медленно, осторожно поднялась она на ноги и подошла к каталке с лежавшим на ней телом. Она откинула край простыни, открыв лицо мертвой девушки, потом все с тем же отрешенным выражением пригнулась и, прошептав что-то, приоткрыла той веки.

Она увидела что-то почти сразу.

Глаза ее открылись широко-широко, и она потрясенно охнула. Дыхание ее резко участилось, а потом она зажмурилась, постояла еще пару секунд застывшим изваянием и, негромко вскрикнув, медленно, безвольно осела на пол, где и осталась лежать, всхлипывая.

Она так и продолжала задыхаться, глядя перед собой пустыми глазами. Тело ее выгнулось, грудь напряглась, а бедра медленно задвигались взад-вперед. Потом она обмякла, и дыхание постепенно вернулось в норму, только с губ продолжали срываться негромкие, но без всякого сомнения удовлетворенные вздохи.

Я потрясенно уставился на нее.

Нет, правда.

Такого я не ожидал.

Баттерс громко сглотнул слюну.

— Э... — произнес он. — Я правильно понял, чем она сейчас занималась?

— Э... — отозвался я. — Э-э... Возможно.

— Так что все-таки произошло?

— Она... э... — я кашлянул. — Она чего-то ощутила.

— Нет, то, что она что-то ощутила, я как раз понял, — пробормотал Баттерс и вздохнул. — Ничего подобного не ощущал уже года два.

Насчет себя я промолчал. У меня этот срок приближался к четырем.

— Ясно, — произнес я вслух, вложив в это слово больше досады, чем хотелось бы.

— Она хоть совершеннолетняя? — поинтересовался Баттерс. — С точки зрения закона?

— Угу.

— Это хорошо. А то я как-то не ощущаю себя... персонажем Набокова, что ли, — он взъерошил волосы пятерней. — Чего теперь будем делать?

Я как мог изобразил профессиональную бесстрастность.

— Подождем, пока она придет в себя.

— Умгум, — кивнул он, покосился на Молли и снова вздохнул. — Вот бы и мне таких ощущений.

Не тебе одному, приятель.

— Скажите, Баттерс, здесь где-нибудь можно набрать для нее воды или чего такого? Принесете, а?

— Без проблем, — ответил он. — А вам?

— Спасибо, не надо.

— Я мигом, — Баттерс накрыл лицо трупа простыней и вышел.

Я подошел к девушке и нагнулся над ней.

— Эй, кузнечик. Ты меня слышишь?

Она молчала дольше, чем я ожидал — так бывает, когда говоришь по телефону с кем-то, находящимся на другом краю света.

— Д-да. Я... я слышу.

— Ты в порядке?

— О Боже, — она вздохнула и улыбнулась. — Да.

Я выругался про себя, потер переносицу, пытаюсь сдержать зарождающуюся головную боль, и мысли в голову лезли самые мрачные. Черт подери, каждый раз, когда я в интересах следствия напарываюсь на какое-либо жуткое психическое потрясение, к моей коллекции ночных кошмаров добавляется еще один. Кузнечик, можно сказать, в первый раз битую в руки взяла — и сразу же получила...

А что, собственно говоря, она получила?

— Я хочу, чтобы ты прямо сейчас, не отходя от кассы, рассказала мне, что ты чувствовала. Порой детали стираются из памяти — как фрагменты сна забываются.

— Идет, — пробормотала она, сонно потянувшись. — Детали. Она... — Молли тряхнула головой. — Ей было хорошо. Очень, очень хорошо.

— Это я уже понял, — буркнул я. — А еще что?

Молли продолжала медленно покачивать головой.

— А больше ничего. Только это. Одно-единственное ощущение. Экстаз, — она чуть нахмурилась, словно пыталась собраться с мыслями. — Как если бы все остальные ее чувства каким-то образом приглушили. Не думаю, чтобы было что-то еще. Ни звуков, ни картин — вообще ничего, что она могла бы запомнить. Ничего. Она даже не заметила, что умерла.

— Подумай хорошенько, — тихо произнес я. — Абсолютно любая мелочь может оказаться жизненно важной.

Тут вернулся Баттерс с запотевшей бутылкой воды в руках. Он отдал ее мне, а я протянул Молли.

— Вот, — сказал я ей. — Выпей.

— Спасибо, — она отвинтила крышку, повернулась на бок и, не садясь, сделала несколько глотков. Одежда при этой позе, казалось, сделалась еще более облегачающей.

Секунду Баттерс смотрел на нее, потом вздохнул и с видимым усилием заставил себя вернуться к столу и заняться заточкой карандаша.

— И что мы узнали?

— Похоже, она умерла счастливой, — сказал я. — Вы хоть токсикологический анализ взяли?

— Угу. Небольшой процент тетрагидроканнабинола в крови, но это может быть

следствием чего угодно — скажем, на рок-концерте кто-то рядом травку курил. Во всех остальных отношениях ничего такого.

— Черт, — сказал я. — И вы не нашли ничего такого, что могло бы... сделать это с жертвой?

— Ничего фармакологического, — покачал головой Баттерс. — Если только кто-то вставил ей электрод в зону мозга, заведующую наслаждением, и стимулировал ее. Однако, черт возьми, никаких следов трепанации. Уж их-то я заметил бы.

— Ну-ну, — вздохнул я.

— Значит, тут замешано что-то потустороннее, — продолжал Баттерс.

— Возможно, — согласился я и снова заглянул в бумажки. — Чем она занималась?

— Этого никто не знает, — ответил Баттерс. — О ней вообще, похоже, никто ничего не знает. Никто не объявлял ее в розыск. Родных и близких мы не нашли. Поэтому она и лежит здесь до сих пор.

— И адреса местного тоже не нашли, — предположил я.

— Только тот, что значился на выданной в Индиане водительской лицензии, но по нему никто не проживает. Ничего другого у нее в сумочке не было.

— И убийца забрал ее одежду.

— Судя по всему, да, — кивнул Баттерс. — Только зачем?

Я пожал плечами.

— Должно быть, не хотел, чтобы что-то такого нашли, — я задумчиво прикусил губу. — Или не хотел, чтобы это нашел я.

Молли резко села.

— Гарри, я вспомнила кое-что.

— Ну?

— Ощущение, — произнесла она, положив руку на пряжку пояса. — Такое, словно... ну, не знаю — это словно как слышишь, как двадцать оркестров разом играют, только потише. И еще, такое покалывающее ощущение в животе. Словно от этих медицинских колесиков с иголочками.

— Вертушка Вартенберга, — кивнул Баттерс.

— А? — не понял я.

— Вроде той штуки, которой я проверяю чувствительность вашей руки, Гарри, — пояснил Баттерс.

— Да, да, конечно, — я нахмурился и снова повернулся к Молли. — Откуда, черт подрал, тебе известно, на что это похоже?

Молли одарила меня ленивой, томной улыбкой.

— Это как раз из тех вещей, о которых вы предпочли бы не слышать от меня, Гарри.

Баттерс деликатно кашлянул.

— Их еще используют... э-э... для развлечения.

Я почувствовал, как розовеют мои щеки.

— Ну... да. Конечно. Баттерс, у вас маркера не найдется?

Он достал из стола маркер, кинул мне, а я сунул его в руку Молли.

— Покажи, где именно.

Она кивнула, легла на спину и закатала футболку с пуза. Потом закрыла глаза, сняла с маркера колпачок и медленно, сосредоточенно хмурясь, ткнула фетровой головкой в нижнюю часть живота. Еще и еще.

Когда она закончила, на животе ее отчетливо виднелись черные буквы: ИСХ. 22.18.

Снова Исход.

— Леди и джентльмены, — тихо произнес я. — Мы имеем дело с серийным убийцей.

Глава ЧЕТВЕРТАЯ

Всю обратную дорогу Молли молчала. Просто прижалась виском к холодному стеклу

Жучка и сидела так с полуприкрытыми глазами. Возможно, ловила последние отголоски наслаждения.

— Молли, — произнес я как мог мягче. — Героин тоже доставляет удовольствие. Можешь спросить Розы с Нельсоном — они подтвердят.

Легкая, довольная улыбка исчезла с ее лица, и она пристально посмотрела на меня. Потом брови медленно сдвинулись в раздумье, а еще через несколько минут лицо ее скривилось в болезненной гримасе, словно ее вот-вот стошнит.

— Это ее убило, — произнесла она наконец. — Убило. То есть, казалось, это так приятно... а на самом деле все не так.

Я кивнул.

— Она этого даже не поняла. У нее даже шанса спастись не было, — лицо у Молли скривилось еще сильнее. — Это ведь вампир, да? Из Белой Коллегии? Ну, которые питаются энергией секса?

— Вполне возможно, — тихо ответил я. — Впрочем, в Небывальщине и кроме них полно созданий, питающихся подобным образом.

— И она погибла в гостинице, — кивнула Молли. — Там, где порог не мог защитить ее от демона.

— Верно мыслишь, кузнечик, — хмыкнул я. — Если взять в расчет то, что остальные жертвы убиты не в стиле Белой Коллегии, приходишь к выводу, что убийц двое, если не больше, или же действовал один, но меняя технологию. Для более конкретных выводов информации маловато.

Она нахмурилась.

— И что нам делать теперь?

С минуту я молчал, думая о том же.

— Надо вычислить, что общего имели все эти жертвы. Если это общее, конечно есть.

— Ну, все они мертвы, — предположила Молли.

Я против воли улыбнулся.

— Не считая этого.

— Ладно, — кивнула она. — Что собираетесь предпринять вы?

Я мотнул головой в сторону лежавшей на торпедо у ветрового стекла стопки протоколов, что дал мне Баттерс.

— Начну с этого. Посмотрим, не удастся ли нарыть чего-нибудь. Потом повстречаюсь с кое-какими людьми, порасспрашиваю их кое о чем.

— А что делать мне? — спросила она.

— Посмотрим. Сколько бусин сможешь поднять и удержать?

С минуту она молча испепеляла меня взглядом. Потом сняла с левого запястья связку бус и оставила ее болтаться в воздухе. Бусины соскользнули вниз, оставив два-три дюйма свободной нити.

Молли пристально уставилась на связку — я сам смастерил это нехитрое устройство, помогающее тренировать сосредоточенность и отрешенность. В нашем ремесле это умение часто оказывается едва ли не решающим. Вся магия основана на энергиях изначального творения, и — хотите вы этого или нет — она реагирует на ваши мысли и эмоции. Стоит вашей мысли свернуть чуть в сторону или запутаться, стоит вам чуть отвлечься от того, что вы делаете — и ваша магия откликнется на это самым непредсказуемым, а зачастую и опасным образом.

Молли все еще проходила азы этого. Поймите меня правильно, девочка обладала немалыми способностями, но вот осознанности действий ей пока не доставало. Именно этому и пытался я ее обучить последний год с небольшим — ответственному, осторожному обращению со своими способностями. Ну, и тем опасностям, которые таит в себе наше ремесло. Для занятий магией Молли необходимо было иметь на плечах достаточно разумную башку; в противном случае это могло бы стоить ей жизни... а возможно, и мне тоже.

Молли была колдуньей.

Она использовала магию для того, чтобы копаться в сознании двоих своих друзей, пытаясь освободить их от наркотической зависимости, однако к этим мотивам примешивались личные эмоции, так что результат вышел довольно-таки жуткий. Один из этих двоих до сих пор не оправился от этого окончательно, другая выздоровела, но не без проблем.

Белый Совет обыкновенно казнит вас за первое же нарушение Законов Магии. Единственное исключение из этого правила допускается в случае, если член Совета берет на себя ответственность за перевоспитание колдуна, доказав при этом, что тот действовал с благими намерениями и искренне заблуждался. Если ему это удавалось — что ж, хорошо. Если нет, колдуна казнили. Равно как и поручившегося за него чародея.

Я сам был таким колдуном. Черт, да изрядная часть Совета до сих пор считает меня этакой бомбой со взведенным часовым механизмом, способной рвануть в любой момент. Когда Молли — связанная, с закрытым капюшоном лицом — предстала перед Советом, я выступил в ее защиту. Я не мог поступить иначе.

Черт, порой я очень и очень жалел об этом своем решении. Стоит только раз испытать мощь черной магии, и потом ужасно трудно удержаться от соблазна использовать ее еще раз. И еще. Моллины ошибки вели ее как раз в том направлении. Сердце-то у девочки доброе, и я это прекрасно знаю — просто она еще ужасно юна. Она выросла в семье с жестко заведенными порядками; стоило ей сбегать и зажечь собственной жизнью, как свобода ударила ей в голову. Теперь она вернулась к родителям, но до душевного равновесия и самоконтроля, без которых в нашем чародейском ремесле не выжить, ей было еще ой как далеко.

Дело в том, что научить человека метать в цель заряд испепеляющей энергии не так уж и сложно. Гораздо сложнее научить его тому, зачем это делать, зачем этого не надо делать, и когда надо поступать так или иначе. Молли видела в магии идеальное решение любых проблем. На самом деле это не так, и ей предстояло еще понять это.

Собственно, для этого я и смастерил браслет.

Долго — почти целую минуту — она, сморщив лоб от напряжения, смотрела на связку, и верхняя бусина, наконец, шевельнулась, поползла вверх по нити и замерла, упершись в палец. Секундой спустя к ней присоединилась вторая. Третья, прежде чем тронуться вверх, несколько секунд дергалась туда-сюда. Четвертой потребовалось еще больше времени. Пятая двинулась, было, с места, задрожала, потом Молли раздраженно выдохнула, и бусины, подчиняясь гравитации, соскользнули вниз.

— Четыре из тринадцати, — заметил я, сворачивая к дому. — Неплохо. Но для реальной работы маловато.

Она свирепо посмотрела на бусы и устало провела рукой по лбу.

— Вчера вечером у меня получилось шесть.

— Что ж, продолжай упражняться, — посоветовал я. — Это развивает концентрацию, ясность и волю.

— И что все это значит? — почти в отчаянии спросила Молли.

— Только то, что тебе есть еще над чем поработать.

Она со вздохом вылезла из машины, недовольно косясь на родительский дом. На самом деле вид его очень даже радует глаз: выбеленный штaketник изгороди, и вообще все этакое, уютное, загородное, несмотря на окружающий нас город.

— Вы это не слишком хорошо объяснили.

— Возможно, — кивнул я. — А возможно, это ты не слишком старалась.

Она испепелила меня взглядом, с видимым усилием удержалась от возмущенного ответа и раздражено тряхнула головой.

— Да, и простите. Ну, за ту дурацкую завесу, когда я за вами пошла. Я не думала, что выйдет так невежливо.

— Это ничего. Я сам бывал в твоей шкуре. Никто не ожидает от тебя только

идеального поведения, детка.

Она слабо улыбнулась.

— Но то, что вышло сегодня...

— Что вышло, то вышло, — сказал я. — Ну, и потом, не так уж плохо и вышло. Не уверен, что мне удалось бы прочитать что-либо по этой жертве — во всяком случае, так, как получилось у тебя.

Она чуть приободрилась.

— Правда?

Я кивнул.

— То, что ты узнала, может сильно нам помочь. Ты хорошо поработала. Спасибо.

Она, можно сказать, просияла. Раз или два после подобных комплиментов она сияла буквально — прямо-таки светилась; впрочем, дайте нам месяц-другой, и мы научимся с этим справляться. Она одарила меня улыбкой, делавшей ее еще младше, чем она была на самом деле, вспорхнула на крыльцо и скрылась в доме.

Скрылась, оставив меня наедине с чертовой уймой страниц с описаниями мертвых женщин. Рыться в них мне хотелось не больше, чем, скажем, сунуть свои мужские достоинства в измельчитель радиоактивной древесины.

Я вздохнул. Избежать этой работы я не мог, но мог заниматься ею, держа в руке стакан чего-нибудь укрепляющего.

Поэтому я отправился к МакЭнелли.

Кабак МакЭнелли — именно кабак, а не какой-нибудь там бар — одно из немногих мест в Чикаго, в которых тусуется почти исключительно оккультная публика. Вывески над входом у него нет как таковой. Чтобы попасть в него, надо спуститься с улицы на пол-этажа вниз и войти в ничем не примечательную дверь. Интерьер его составляют низкие потолки, изогнутая в плане барная стойка и расставленные на первый взгляд как попало резные деревянные колонны. Каким-то непостижимым образом Маку удается поддерживать в своем заведении более-менее стабильное электроснабжение — задача сложная с учетом всевозможных тусующихся здесь потусторонних личностей. Отчасти, должно быть, потому что полноценных чародеев вроде меня, разрушительно влияющих на любую технику, сюда захаживало не так и много, но отчасти и оттого, что сам он тоже прилагает к этому изрядные усилия. Электрического освещения у него, правда, нет — слишком уж накладно выходит все время менять лампочки — но вентиляторы под потолком исправно крутятся, и телефон тоже работает.

На стене у двери красуется деревянная доска с надписью: НЕЙТРАЛЬНАЯ ТЕРРИТОРИЯ. Это означает, что Мак — в соответствии с Неписаными Законами, выполняющими в сверхъестественном мире роль этой Женевской Конвенции — объявил свое заведение свободным от любых военных действий. То есть, любому представителю признающих эти Законы рас и наций гарантирован свободный вход в кабак и безопасность в его стенах. Конечно, эти взаимные обязательства враждующих сторон — всего лишь слова, но в сверхъестественном мире клятвы, пусть даже словесные, обладают почти физической силой. В общем, в результате этого в Чикаго есть место, где можно переговорить с нужным человеком, не опасаясь подвоха и даже не без удовольствия.

С другой стороны это означало, что, зайдя к Маку, ты рискуешь оказаться не в самой приятной компании.

Лично я всегда сажусь здесь спиной к закопченной стене.

Время близилось к вечеру, так что и народу здесь было больше обычного. Только два из тринадцати столов оставались свободными. Я выбрал тот, что располагался дальше от входа, и бросил на него бумаги и куртку.

Потом, сдерживая острое желание пригнуться под каждым из вращающихся слишком низко для моего роста вентиляторов, прошел к стойке и кивнул Маку.

Мак — худощавый тип, роста чуть выше среднего и с гладко выбритой головой. Лет ему на вид где-то от тридцати до пятидесяти. Одет он обычно в джинсы, белую рубашу и

белый фартук — заметьте, без единого пятнышка, несмотря на топящуюся деревянную плиту и скворчащие на ней сковороды.

— Мак, — сказал я ему. — Дай-ка мне пива.

Мак выставил на стойку бутылку темного стекла с пивом собственного приготовления. Я откупорил ее, выпил почти что залпом и вернул ему пустую бутылку вместе с двадцаткой.

— Продолжай в том же духе.

Мак удивленно хмыкнул, и брови его поползли вверх.

— И не спрашивай, — сказал я.

Он скрестил руки на груди и кивнул.

— Ключи.

Секунду я свирепо смотрел на него; впрочем, злость моя была напускной, и он прекрасно понимал это. Я достал из кармана ключи от Жучка и выложил их на стойку.

Мак дал мне еще бутылку, и я вернулся за столик, отхлебывая пиво на ходу. Когда я, обогнув изваянную в виде деревянного исполина, отбивающегося от доходивших ему до колен рыцарей-фэйре, колонну, подошел к столу, пиво в бутылке почти кончилось.

В нормальном состоянии я редко пью его вот так. Мне следовало бы вести себя осторожнее, но мне отчаянно не хотелось лезть во все эти бумаги трезвым. Я надеялся, вдруг вся гадость, в которой мне придется рыться, оставит в оглушенном алкоголем мозгу лишь слабый отпечаток.

Я уселся и принялся читать все, что дал мне Баттерс об убитых женщинах, делая довольно частые перерывы для новых порций пива. Я читал слова, ощущая в себе какую-то странную черноту. Я читал их и даже понимал, но смысл их казался мне не слишком значимым. Слова проваливались в меня как камешки в глубокий колодец: оставляя за собой легкую рябь и ничего больше.

Мне показалось, двоих убитых я знал, хотя и не по имени. Вполне возможно, я встречался с ними — может, даже здесь, у МакЭнелли. Других я не узнал; впрочем, я не претендую на знакомство со всеми членами нашего сообщества.

Я сделал перерыв на несколько минут и выпил еще пива. Мне ужасно не хотелось продолжать. Не хотелось видеть ничего из написанного. Мне вообще не хотелось иметь к этому никакого отношения. Я и без того наглядился за свою жизнь на искалеченных и убитых людей. Я видел слишком много убитых женщин. Больше всего мне хотелось сжечь эти чертовы бумаги, выйти на улицу и идти куда угодно, только бы подальше отсюда.

Вместо этого я продолжил читать.

К моменту, когда я отложил последнюю страницу, я так и не нашел никакой очевидной связи между убитыми, допивал пятую бутылку, а на улице стемнело. В баре стояла тишина.

Я огляделся по сторонам и увидел, что за исключением Мака и меня самого в зале никого нет.

Это показалось мне странным. Не то, чтобы Маково заведение постоянно ломилось от посетителей, но по вечерам здесь, как правило,людно. Не помню, чтобы хоть раз заставлял его столь же пустым в это время суток.

Мак вышел из-за стойки с бутылкой в руке и поставил ее на стол передо мной, стоило мне дотечь предыдущую. Он покосился на пустую бутылку и скользнул взглядом по остальным, выставленным мною в ровный ряд.

— Что, двадцатку я уже добил? — спросил я.

Он кивнул.

Я хмыкнул, достал из кармана кошелек и выложил на стол еще двадцать баксов.

Он хмуро посмотрел на нее, потом — еще более хмуро — на меня.

— Знаю, знаю, — буркнул я. — Обычно я так не набираюсь.

Он негромко фыркнул. Мак вообще немногословен.

Я вяло махнул рукой в сторону бумаг.

— Ненавижу, когда пострадавшие — женщины. То есть, я вообще терпеть не могу, когда кого-то убивают или увечат, но когда это женщины, еще хуже. Или дети, — я

испепелил взглядом бумаги, огляделся по сторонам и сложил, наконец, в голове два и два. — Возьми себе, — посоветовал я ему, — и присядь.

Мак удивленно повел бровью. Потом вернулся к бару, взял себе пива и сел напротив меня. Бутылку он открыл небрежным движением пальца. Мак — профессионал. Он подтолкнул мою бутылку ко мне и поднял свою в воздух.

Я кивнул. Мы чокнулись бутылками и выпили.

— Ну, — негромко произнес я. — И что в итоге?

Мак поставил бутылку на стол и обвел взглядом пустой кабак.

— Сам вижу, — сказал я. — Куда они все делись?

— Ушли, — ответил Мак.

Если бы Скрудж экономил не деньги, а слова, Мак был бы по сравнению с ним богачом. Мак избегает риторических фраз.

— Ушли, — повторил я. — Ты хочешь сказать, от меня?

Он кивнул.

— Испугались. Чего?

— Серого плаща.

Я медленно выдохнул. Я работаю Стражем Белого Совета уже почти два года. Корпус Стражей — это вооруженные силы Белого Совета, мужчины и женщины, готовые прибегать к насилию. В обычной ситуации Стражи исполняют, скорее, полицейские функции: следят за тем, чтобы никто не использовал своих магических способностей во вред другим людям. Только ситуация последние годы далека от нормы. Совет вовлечен в войну с коллегами вампиров. Большая часть Стражей погибла в сражениях, так что носителей форменного серого плаща катастрофически не хватает. Настолько катастрофически, что в их ряды приняли даже меня — это с моим-то темным прошлым.

Множество живущих в мире людей обладают теми или иными магическими способностями. Очень небольшая их часть обладает силой и способностями, позволяющими причислить их к Белому Совету. Для остальных общение со Стражами сводится к случаям, когда их предупреждают о возможном злоупотреблении магией.

Однако в случаях, если кто-либо нарушает Законы Магии, именно Стражи выявляют нарушителя, допрашивают его, судят и — скорее всего — казнят. Стражи наводят ужас. Даже на людей вроде меня, выступающих более-менее в их весовой категории. Для людей пожиже, из которых преимущественно и состоит Макова клиентура, Страж и вовсе представляется чем-то средним между ангелом небесным и страшилкой для детей.

Судя по всему, именно таким начинал казаться им и я, что могло стать помехой в моей охоте на цитирующего Библию убийцу.

Скорее всего, жертвы так или иначе относились к местному оккультному сообществу, однако многие викканцы неохотно говорят о своей вере или о своих собратьях по учению. Отчасти это связано с глубоко личным характером веры, отчасти с некоторой обособленностью их от общества. Так или иначе, заставить кого-либо из них говорить со мной — дело нелегкое. А уж если они заподозрят Стражей в причастности к убийствам, меня и вовсе могут убрать быстрее, чем вы успеете произнести «сожги ведьму».

— Ни у кого нет причин меня бояться, — сказал я. — Официально все эти женщины считаются самоубийцами. Я хочу сказать, если бы инстинкты Мёрфи не подсказали ей, что тут не все ладно, мы бы даже не догадывались о разгуливающем на свободе убийце.

Мак молча потягивал свое пиво.

— Если, конечно, — добавил я, — нет какого-нибудь другого, не известного мне фактора, убеждающего всех остальных в том, что никакие это не самоубийства.

Мак поставил бутылку на стол.

— Все эти убийства связаны, — тихо продолжал я. — Наверняка имеется какая-то связь, только в полицейских протоколах она не отображена. А вот магической братии она известна. Поэтому они все так и напуганы.

Мак хмуро смотрел на свою бутылку. Потом перевел взгляд на табличку

«НЕЙТРАЛЬНАЯ ТЕРРИТОРИЯ» на стене.

— Я знаю, — тихо сказал я. — Ты не хочешь впутываться в это. Но кто-то или что-то убивает женщин. И оставляет при этом мне послания — лично мне, никому другому. И кто бы это ни был, он или оно будет продолжать это, пока я его не найду.

Мак не пошевелился.

Я продолжал давить на него — осторожно, но давить.

— Сюда приходит куча народа. Приходит поесть, выпить. И поговорить. Ты готовишь еду, наливаешь питье, но ты для них почти что невидимка. Я же знаю, Мак, ты слышишь гораздо больше, чем кажется большинству. Мне кажется, тебе известно что-то такое, что могло бы помочь мне.

Некоторое время он молча смотрел на меня с непроницаемым выражением лица.

— Это не ты? — спросил он наконец.

Я чуть не расхохотался и только тут сообразил, что он совершенно серьезен.

Наверное, целая минута ушла у меня на то, чтобы переварить это. С тех пор, как я открыл свое дело в Чикаго, я уйму времени потратил, пытаясь помочь здешнему сверхъестественному сообществу. Я занимался экзорсизмом, разруливал проблемы с призраками, обучал молодежь и прочих обладающих магическими способностями умению справляться с этим своим потенциалом. Ну, и еще кое-что делал — помельче, попроще, не обязательно связанное напрямую с магией: советовал, как уладить проблемы с дружественными, но потусторонними существами, что часто имеют дело с магически одаренными смертными; советовал родителям, что делать с ребенком, ненароком поджигающим силой мысли хвост любимой кошке... в общем, оказывал всякую посильную помощь.

И несмотря на все это те самые люди, которым я помогал, боялись меня.

Даже Мак.

Пожалуй, я не могу обижаться на них за это. Я и впрямь сделался последнее время не таким доступным, как прежде — и из-за войны, и из-за моих новых обязанностей Стража, и со всеми этими хлопотами, связанными с моей ученицей. Получалось, что на людях я появлялся только в случаях, когда дело пахло керосином и кто-то умирал. Как-то забываю я иногда, какими жуткими бывают сверхъестественные дела. Сам-то я обладаю кое-какой силой. Я не тешу себя иллюзиями насчет того, что справлюсь с любым врагом, но и беззащитным меня не назовешь. Немного здравого смысла, опыта и способностей достаточно для того, чтобы представлять при необходимости угрозу даже довольно могущественным существам.

Эти же ребята не могли и этого. В некотором роде они нищие сверхъестественного мира, и защититься им в случае чего нечем. И, в конце концов, кому, как не мне, положено защищать людей от всяких сверхъестественных нападений? Если им известно о всех этих погибших женщинах, это означало для них либо то, что я достаточно жесток, чтобы совершить это, либо то, что я недостаточно старался, охраняя их, раз допустил такое. В обоих случаях это характеризовало меня не слишком хорошо. Добавьте к этому вполне естественный страх, и их реакция покажется вам вполне разумной.

Впрочем, это все равно причиняло мне боль.

— Это не я, — тихо сказал я ему.

Мак внимательно посмотрел на меня и медленно кивнул.

— Хотелось услышать от тебя.

— Конечно, — кивнул я. — Я не знаю, кто за этим стоит. Но даю тебе слово, когда поймаю того, кто это сделал, он дорого заплатит, кем бы он ни был, на кого бы ни работал. Обещаю тебе, Мак.

Он сделал еще глоток пива, подержав его немного во рту.

Я перелистал лежавшие передо мной страницы, открывая одну жуткую фотографию за другой. Мак видел их. Он со свистом втянул воздух сквозь зубы и чуть отодвинулся от стола, подальше от фотографий.

Я отодвинул последнюю пустую бутылку и развел руками.

— Помоги мне, Мак. Пожалуйста.

С минуту Мак молча смотрел на свою бутылку. Потом снова покосился на свое объявление. Потом снял со стопки бумаг верхний лист. Он перевернул его чистой стороной вверх, достал из кармана фартука карандаш, написал несколько слов и протянул мне.

Я прочитал. «Анна Эш, *Ordo Lebes*, завтра в четыре дня».

— Что это? — спросил я.

Он взял свою бутылку и встал из-за стола.

— Отправная точка.

Глава ПЯТАЯ

— *Ordo Lebes*, — повторила Мёрфи. Она сняла крышку со стаканчика кофе и сдула с его поверхности завиток пара. — Что-то у меня не очень с латынью.

— Это потому, что ты не спец по магии, как я.

Она закатила глаза.

— Верно. И что?

— *Lebes* означает большую кастрюлю, — объяснил я, пытаюсь (без особого, впрочем, успеха) подогнать кресло ее машины под свой рост. Купе «Сатурн» явно проектировались не для людей моего калибра. — Переводится как «Орден Большой Кастрюли».

— А может, «Орден Котла»? — предположила Мёрфи. — Звучит не так идиотски, да и с ведьмами как-то больше ассоциируется.

— Пожалуй, — согласился я.

— Спец по магии, — фыркнула Мёрфи.

— Я ведь осваивал латынь по самоучителю, не забывай. Надо было нам ехать в моей машине.

— В «Фольксвагене-Жуке» теснее, чем здесь.

— Зато я знаю, что там и где, — буркнул я, пытаюсь высвободить правую ногу, по ощущениям запутавшуюся в железяках автомобильного кузова.

— Чародеи всегда такие нытики? — Мёрфи сделала глоток кофе. — Ты сам хотел вести машину. Мне казалось, это у тебя бзик руководить.

— Бзик руководить?

— Бзик руководить, — подтвердила она.

— Разве не ты ни за что не нашла бы адрес этой тетки, если бы я пустил тебя за руль — и это у меня после этого бзик?

— У меня это не бзик, а просто жизненный фактор, — невозмутимо возразила она. — И потом, эта твоя клоунская тачка неважно растворяется в среде, что существенно при выездах вроде этого.

Я свирепо уставился в ветровое стекло и молча сидел так до тех пор, пока впереди не замаячил дом, в котором Анна Эш предположительно устраивала собрание Ордена Большой Кастрю... пардон, Большого Котла. Мёрфи нашла у тротуара просвет, достаточный для того, чтобы припарковаться — порой мне кажется, что она все-таки не лишена магических талантов. Трудно иначе объяснить то, что мы сумели остановить машину прямо перед домом, в тени и с отличным видом на входную дверь.

— Который час? — поинтересовался я.

— Пять минут назад было три, — отозвалась Мёрфи. — Не берусь утверждать наверняка, но по моим расчетам выходит пять минут четвертого.

Я скрестил руки на груди.

— Ты же знаешь, я не азартный игрок. Не буду спорить.

— Мне показалось, тебе, возможно, приятно будет сменить ритм. Не все же тебе вышибать двери и жечь дома.

— Я не всегда вышибаю двери, — возразил я. — Иногда просто сквозь стену проламываюсь.

— Короче, пока у нас неплохая возможность следить за тем, кто заходит в дом. Может, узнаем чего-нибудь полезного.

Я подозрительно хмыкнул.

— Чего-нибудь полезного, говоришь?

— Минута-другая ничего не решает, — Мёрфи пригубила кофе и кивнула в направлении женщины, подходившей к подъезду. Женщина как женщина, в обычном летнем платье, поверх которого была накинута белая мужская рубаша. Лет на вид тридцать пять-сорок, седеющие волосы собраны в пучок. Сандалии, темные очки.

— Знаешь эту?

— Угу, — кивнул я. — Знаю. Видел несколько раз у Бока в книжной лавке.

Женщина быстрой, уверенной походкой подошла к парадному и скрылась в дверях.

Мы с Мёрфи подождали еще. На протяжении следующих сорока пяти минут в дом вошло еще четверо женщин. Я узнал двоих.

Мёрфи сверилась с часами — настоящими карманными часами, с пружиной и колесиками, а не какими-то там микрочипами на батарейке.

— Почти четыре, — сообщила она. — Ты говорил, человек пять-шесть, не больше?

— Типа того, — согласился я.

— И явных злодеев ты не обнаружил?

— У злодеев есть одна неприятная черта: они не обязательно явные. Они забывают нафабрить усы и бакенбарды, рога оставляют дома, а черные колпаки отдают в чистку. Забавно, но это так.

Мёрфи посмотрела на меня в упор, и у меня создалось впечатление, что шутка не показалась ей слишком смешной.

— Ну что, идем?

— Еще пять минут. Во всей Вселенной не найдется такой силы, что смогла бы заставить собрание людей, взявших себе латинское название, сделать хоть что-нибудь вовремя. Если все они соберутся здесь к четырем, мы уж наверняка будем знать, что во все это вовлечена черная магия.

Мёрфи фыркнула, и мы подождали еще несколько минут.

— Ну, — спросила она, заполняя паузу. — Как у вас дела на войне? — она помолчала секунду-другую. — Господи, ну и вопрос.

— Ни шатко, ни валко, — ответил я. — Со времени нашей экспедиции в Арктис-Тор и последовавшего за ней поражения вампиров все как-то попритихло. Весной я выбирался в Нью-Мехико.

— Зачем?

— Помогал Люччо готовить будущих стражей, — ответил я. — Когда учишь огненной магии, да еще групповой, лучше держаться подальше от цивилизации. В общем мы провели там два дня, превращая тридцать акров песчаной пустыни в стекло. Потом туда наведалься пара вурдалаков из Красной Колегии и убила двоих наших юнцов.

Мёрфи вопросительно покосилась на меня.

При одном воспоминании об этом я невольно стиснул зубы. Впрочем, этим ребятам все мои переживания уже не помогли бы. Поэтому я сделал вид, будто не понимаю, что она дает мне шанс выговориться.

— Ну, а серьезных боевых действий, если подумать, не было. Так, мелочь. Мерлин предпринимает попытки усадить вампиров за стол мирных переговоров.

— По твоему тону не похоже, что ты в восторге от этого, — заметила Мёрфи.

— Король Красных все еще силен, — сказал я. — Начнем с того, что вся эта война — его рук дело. Если он сейчас и пойдет на перемирие, так только для того, чтобы вампиры смогли зализать раны, пополнить свои ряды и с новыми силами обрушились на нас.

— То есть, ты предлагаешь убить их всех? — спросила она. — Пусть Бог рассудит, кто

из них прав, а кто виноват?

— Мне плевать, рассудит их кто или нет, — возразил я. — Просто мне осточертело видеть всех тех, кого они уничтожили, — зубы мои против воли стиснулись еще крепче. Странно еще, что они не начали крошиться.

Я попытался успокоиться, но получилось это у меня неважно. Вместо того, чтобы унять напряжение и злость, я только почувствовал себя до ужаса усталым.

— Черт, Мёрф. Слишком много людей пострадало от этого. Иногда мне кажется, как бы я ни пытался им помочь, разницы все равно никакой.

— Ты это о нынешних убийствах, да?

— И о них тоже.

— Но это же не твоя вина, Гарри, — спокойно возразила Мёрфи. — Ты сделал все, что в твоих силах, и невозможно требовать от тебя большего. Бессмысленно казнить себя за это.

— Правда?

— Мне наставники все время это говорят, — она задумчиво подняла на меня взгляд. — И знаешь, глядя на тебя, я готова с ними согласиться.

— Тут такая штука, Мёрф, — вздохнул я. — Что, если в моих силах сделать больше?

— Что, например?

— Не знаю, — признался я. — Ну, что-то такое, что смогло бы помешать этим скотам.

Что-то вроде того, что я сделал в Нью-Мехико. Господи. Даже думать об этом тошно. Я потер переносицу, пытаюсь унять нарастающую головную боль.

Мёрфи дала мне минуту поразмыслить, хочу ли я продолжать разговор. Я продолжал молчать, и она кивнула.

— Ну что, идем? — спросила она с явным облегчением.

Я кивнул и сделал честную попытку поддержать ее настроение.

— Ага. Еще бы только кости у меня не скрючились в этом пытошном орудии, на котором ты едешь, — я открыл дверцу и, разминая затекшие ноги, выбрался на тротуар.

Я не успел еще захлопнуть дверцу, когда в поле зрения показалась еще одна женщина, направлявшаяся к дому. Высокая, стройная, с короткой, короче даже, чем у меня, стрижкой. Макияжем она не пользовалась, так что возраст отчетливо читался на ее лице.

Со времени нашей последней встречи она заметно изменилась.

В тот раз Хелен Беккитт щеголяла нагишом, держа в руке хорошенький такой, маленький револьвер двадцать второго калибра, причем дырку в бедре тогда проделала мне именно она. Они с мужем попались в тот раз — а вот доморощенный черный маг по имени Виктор Селлз стараниями Гарри Дрездена пал жертвой им же порожденных кровожадных тварей. В построенной Виктором небольшой преступной империи Беккитты занимали нижний уровень. Впрочем, их все равно судили и отправили в тюрьму по обвинению в производстве и распространении наркотиков.

Я застыл на месте, боясь малейшим движением привлечь к себе ее внимание. Быстрым шагом, с совершенно лишенным каких-либо эмоций лицом она миновала меня и вошла в дом.

Мёрфи следила за мной и все поняла. Она тоже застыла как вкопанная и посмотрела вслед Хелен Беккитт только тогда, когда та уже скрывалась за дверью.

— Гарри? — спросила она. — Что случилось?

— Заговор, — пробормотал я. — Обретает очертания.

Глава ШЕСТАЯ

— Не нравится мне все это, — сказала Мёрфи. — У Хелен Беккитт более чем достаточно оснований не любить тебя.

Я презрительно фыркнул.

— Покажи мне тех, у кого их нет.

— Я не шучу, Гарри, — скрипнув, закрылись двери лифта, и мы двинулись вверх. Дом

был старой постройки, и лифт в нем явно не относился к категории скоростных. Мёрфи тряхнула головой. — Если то, что ты сказал насчет страха, который испытывают перед тобой люди, правда, значит, на то есть причина. А может, кто-то сознательно распространяет про тебя слухи.

— И это повод бояться Хелен?

— Она уже стреляла в тебя раз, и тогда у нее не вышло. Может, на этот раз она решила подойти к делу серьезнее.

— Пуля — дура, — возразил я, — штык — тоже так себе, но уж слово и того пожиже. Далее по первоисточнику.

— Очень это подозрительно — встретить ее здесь. Она ведь преступала закон, Гарри, и в тюрьму попала твоими стараниями. Что-то мне не верится, чтобы она заигрывала с местной оккультной тусовкой исключительно из добрых чувств.

— Вот не знал, что в наша полиция оперирует такими понятиями, как «добрые чувства». Скажи, Мёрф, ты правда полицейский?

Она одарила меня раздраженным взглядом.

— Ты хоть когда-нибудь можешь обойтись без этих своих дурацких шуточек?

— Даже во сне бормочу лимерики. Черно-белые, разумеется.

— Хоть пообещай, что будешь действовать с оглядкой, — вздохнула Мёрфи.

— Жила-была дама приятная, — откликнулся я. — На вид совершенно квадратная.

Мёрфи раздраженно подняла руки вверх, сдаваясь.

— Черт бы тебя побрал, Дрезден.

Я заломил бровь.

— Уж не переживаешь ли ты за меня.

— Там ведь женщины, — пояснила она. — А ты не всегда способен к логической мысли, когда дело касается женщин.

— Значит, ты считаешь, что я должен действовать с оглядкой?

— Да.

Я повернулся, смерил ее взглядом и понизил голос.

— Бог мой, Мёрф. А как ты думаешь, зачем я тебя с собой взял?

Она подняла взгляд на меня и улыбнулась, отчего к уголкам ее глаз сбежались морщинки. Голос ее, правда, оставался резким.

— Я так и поняла: тебе нужен был с собой кто-то, способный увидеть детали, уступающие в заметности мигающей неоновой вывеске.

— Да ладно тебе, — покачал головой я. — Я и не мигающую заметил бы.

Двери лифта раздвинулись, я пересек холл, направляясь к дверям квартиры Анны Эш — и налетел на невидимую занавеску, выстроенную из лучей какой-то покалывающей энергии футах в четырех или пяти от двери. Я отшатнулся назад, и Мёрфи пришлось упереться в мою спину рукой, чтобы избежать столкновения.

— Что там? — спросила она.

Я осторожно поднял левую руку. При том, что чувствительность к обычным раздражителям у сожженной кожи пока не восстановилась, проблем с улавливанием даже слабых потоков магической энергии я не испытываю. Как мог, я растопырил пальцы, зажмурился и прислушался к ощущениям.

— Оберег, — тихо произнес я.

— Как у твоей квартиры? — спросила она.

— Ну, не такой сильный, — ответил я, осторожно проводя рукой слева направо. — И примитивнее. Мой можно сравнить с кирпичной стеной и режущей проволокой. Этот больше похож на алюминиевый сайдинг и стальную сетку. Но энергии в него закачено от души. Огненной, похоже, — я нахмурился и огляделся по сторонам. — Ха. Убить, пожалуй что, не убило бы, но вломило бы крепко.

— А огонь привел бы в действие пожарную сигнализацию, — добавила Мёрфи. — Заставил бы людей покинуть дом. Вызвать полицию.

— Ага, — подтвердил я. — А еще выдать с потрохами твоего условного подозреваемого, какой бы природы он ни был — сверхъестественной или нет. Эта штука не рассчитана на убийство, — я отступил на шаг и кивнул Мёрфи. — Подойди и постучи.

Она посмотрела на меня, не веря своим глазам.

— Ты шутишь, да?

— Если этот оберег сделан тят-ляп, он может среагировать на мою ауру и сработать.

— А просто нейтрализовать его ты не можешь?

— Кто бы его ни сделал, он не пожалел ни времени, ни сил для того, чтобы обезопасить это жилище, — сказал я. — Было бы невежливо просто взять и сломать его.

Мёрфи склонила голову набок, и тут до нее дошло.

— И ты напугаешь их, если пройдешь сквозь барьер так, будто его нет?

— Угу, — негромко подтвердил я. — Они напуганы, Мёрф. Мне необходимо держать себя как можно мягче, иначе мне не добиться от них ни малейшей помощи.

Мёрфи кивнула и постучала в дверь.

Дверная ручка повернулась, не успела она коснуться двери пальцами в третий раз.

За дверью обнаружилась миниатюрная, пухлая женщина. Ростом она уступала даже Мёрфи, на вид лет сорока, светловолосая, с румяными ангельскими щечками, похоже, привыкшими к улыбке. Одета она была в платье бледно-лилового цвета, а в руках держала маленькую собачку — кажется, йоркширского терьера. При виде Мёрфи она расплылась в улыбке.

— Добрый день, сержант Мёрфи. Я вас сразу узнала.

— Добрый день, — с легким опозданием — всего на секунду, не больше — произнесла Мёрфи. — Моя фамилия Мёрфи, я работаю в отделе расследований... черт.

Мёрфи зажмурилась и замолчала.

— Ой, — произнесла женщина. — Простите, пожалуйста... я мола бы и подумать, прежде чем говорить, — она сделала рукой неопределенный жест. — Ну я и дура.

Я открыл было рот, чтобы представиться, но женщина опередила и меня.

— Ну конечно же, вас нельзя не узнать, мистер Дрезден, — она прижала пальцы к губам. Пальцы чуть дрожали. — Ой, опять. Простите меня. Меня зовут Эбби.

— Рад познакомиться, Эбби, — негромко произнес я и протянул руку ладонью вниз под нос ее маленькому йорку. Тот осторожно обнюхал ее и оживленно завилял хвостиком. — Привет, собака страшная.

— Тото, — представила песика Эбби. — Ну да, классика, — продолжала она прежде, чем я успел что-то сказать. — Если не испортилось, зачем тогда чинить? — она кивнула мне. — Прошу прощения, сейчас хозяйку позову, она с вами поговорит. Я просто ближе других к двери оказалась, — и дверь захлопнулась у нас перед носом.

— Ну конечно, — сказал я, обращаясь к закрытой двери.

Мёрфи повернулась ко мне.

— Дичь какая-то.

Я пожал плечами.

— Ну, хоть псу я, вроде, понравился.

— Она ведь знала, что мы собираемся сказать, Гарри — прежде, чем мы рот успевали раскрыть.

— Я заметил.

— Она что, вроде телепата?

Я мотнул головой.

— Не в том смысле, как ты себе это представляешь. Она не делает тайны из того, чем занимается, так что если бы она по-настоящему залезла в чужие головы, Совет разобрался бы с ней уже давным-давно.

— Тогда откуда она знала, что мы собирались сказать?

— Думаю, она ясновидящая, — ответил я. — В смысле, она может заглядывать в будущее. Возможно, всего на секунду-другую, и вряд ли она умеет сознательно управлять

этим процессом.

Мёрфи задумчиво хмыкнула.

— Такое может пригодиться.

— В некотором отношении — да, — кивнул я. — Только ведь будущее не на камне высечено.

Мёрфи нахмурилась.

— Это как если бы я в последний момент решила представиться ей не как сержант, а как Кэррин Мёрфи?

— Угу. Получилось бы, что она ошиблась. Люди вроде нее способны ощущать... ну, скажем так, некое облако потенциальных будущих. До сих пор мы с тобой здесь не попали еще в непредсказуемую ситуацию — для этого никаких магических способностей не требуется. Обычное вежливое общение — на вид она увидела именно то, что должно было последовать. Но это не так. Ей ведь пришлось прикинуть наиболее вероятную возможность, что в нашем случае оказалось не слишком сложно.

— Это потому у нее вид такой рассеянный, — задумчиво предположила Мёрфи.

— Угу. Она одновременно отслеживала происходящее, то, что могло произойти, отсеивала то, что вряд ли могло произойти — и это все в считанные секунды, — я покачал головой. — Вот когда они способны заглянуть в будущее дальше, чем на пару секунд — это уже гораздо хуже.

Мёрфи нахмурилась.

— Почему?

— Потому, что чем дальше ты можешь заглядывать, тем больше вероятных сценариев развития событий, — объяснил я. — Представь себе шахматную партию. Начинающий шахматист рад, если способен просчитывать игру на четыре или пять ходов вперед. При попытке просчитать ее на десять ходов вперед число комбинаций, которые позволяют правилами игры, увеличивается в геометрической прогрессии. Мастера-шахматисты способны и на такое, а когда к делу подключаются компьютеры, возможности открываются и вовсе фантастические. Трудно даже себе представить, какие.

— И это еще на ограниченном, условном пространстве шахматной доски, — кивнула Мёрфи. — А уж в реальном мире...

— Игра крупнее, и ставки выше, — я покачал головой. — В общем, небезопасный талант. И побочный эффект непредсказуем. Врачи почти всегда ставят людям вроде Эбби диагнозы типа эпилепсии, болезни Альцгеймера или чего-либо вроде этого. Ставлю пять баксов на то, что медицинский браслет у нее на запястье имеет гравировку «эпилептик» — и что эта ее милая собачка обучена чутко приближение припадков и предупреждать ее.

— Браслета я не разглядела, — призналась Мёрфи. — Ставка не принимается.

Пока мы беседовали так минут пять перед запертой дверью, в квартире тоже кипела дискуссия. Сквозь дверь до нас доносились приглушенные, напряженные голоса, в конце концов разом заглушенные еще одним, громче остальных. Прошла еще секунда, и дверь открылась.

Перед нами стояла та самая женщина, которую мы первой увидели на улице. Смуглая кожа, темные глаза и коротко стриженные темные прямые волосы наводили на мысль о предках-индейцах — поколения два или три назад. Роста я дал бы ей около шести футов, лет чуть меньше сорока. Брови на серьезном лице чуть сдвинулись, образовав тревожную складку на переносице, и по тому, как она стояла, загораживая собой проход, у меня сложилось впечатление, что при необходимости она запросто может превратиться в такого бульдога.

— Никто из нас не нарушал Законов, Страж, — произнесла она негромко, но твердо.

— Приятно слышать, — хмыкнул я. — Анна Эш?

Она прищурилась и кивнула.

— Меня зовут Гарри Дрезден, — представился я.

Она надула губы, и взгляд ее сделался чуть удивленным.

— Вы надо мной смеетесь? Я знаю, кто вы.

— Ну, я на всякий случай, — по возможности извиняющимся тоном сказал я. — Как-то не все из тех, с кем я встречаюсь, знают, кто я. А это Кэррин Мёрфи из полиции.

Анна кивнула Мёрфи.

— Вы позволите глянуть на ваше удостоверение, мисс Мёрфи?

Мёрфи уже держала наготове карточку в кожаной оплетке и протянула ее Анне. Та посмотрела на фотографию под прозрачным пластиком, сверила ее с лицом и почти неохотно вернула ее. Потом повернулась ко мне.

— Что вам нужно?

— Поговорить, — ответил я.

— О чем?

— Об *Ordo Lebes*, — сказал я. — И о том, что случилось за последние дни с несколькими женщинами.

Голос ее продолжал звучать вежливо, но я услышал в нем скрытое напряжение.

— Уверена, вам об этом известно гораздо больше, чем нам.

— Это не так, — возразил я. — Именно это я и собираюсь исправить.

Она покачала головой, почти не пытаясь скрыть недоверие.

— Я не идиотка. Стражи следят за всем. Это каждому известно.

Я вздохнул.

— Ага, только я забыл принять свои мультивитамины имени Джорджа Оруэлла... да и положенного завтрака от Большого Брата не получил. Я надеялся, вы согласитесь поговорить со мной немного — ну, так, как вы это делаете с обычными людьми.

Она продолжала смотреть на меня с опаской.

— Откуда мне знать, что вы не обманываете?

— Мисс Эш, — мягко вмешалась в наш разговор Мёрфи. — Он говорит правду. Мы здесь, чтобы помочь, если это в наших силах.

Несколько секунд Анна покусывала губу, переваривая это. Взгляд ее переходил с меня на Мёрфи и обратно, потом она оглядывалась куда-то за спину. Наконец она повернулась ко мне.

— Внешность может быть обманчива. Я не могу проверить, кто вы на самом деле — и те ли вы, за кого себя выдаете. Я предпочитаю перестраховаться.

— Осторожность не мешает никогда, — согласился я. — Но в вашем случае это начинает отдавать паранойей, мисс Эш.

Она взялась за дверную ручку.

— Это мой дом. И я не приглашаю вас войти.

— Вот здорово, — вздохнул я и, осторожно отстранив ее, перешагнул порог прежде, чем она успела закрыть дверь.

При этом я ощутил давление порога — ауру защитной магической энергии, окружающую любое жилье. Энергия порога встретила мою энергетическую ауру — и задержала ее. В случае, если бы Анна — хозяйка квартиры — пригласила меня, энергия порога расступилась бы подобно занавеске. Она этого не сделала, и в результате мне пришлось оставить большую часть моей энергии у дверей. Возникли у меня необходимость применить силу, находясь в квартире, и мне пришлось бы исчерпать ее практически до донца.

Я повернулся и увидел, что Анна смотрит на меня с неприкрытым удивлением. Уж она-то прекрасно понимала, что я только что сделал.

— Вот, — сказал я ей. — если бы я явился из мира духов, я бы не смог перешагнуть ваш порог. Если бы я собирался напасть на кого-нибудь здесь, стал бы я обезоруживать себя, а? Черт подери, да если уж на то пошло, пришел бы я сюда с копом, чтобы делать это все у него на глазах?

Мёрфи уловила намек и вошла таким же образом, как я только что.

— Я... — растерянно пробормотала Анна. — Как... откуда вам было знать, что оберег

не взорвется вместе с вами?

— Простая логика, — заверил я ее. — Вы человек осторожный, а в доме наверняка проживают дети. Не думаю, чтобы вы состряпали что-то такое, что грохнуло бы при входе в дверь кого угодно.

Она сделала глубокий вдох и кивнула.

— Впрочем, вам вряд ли понравилось то, что вышло бы, попробуй вы взломать дверь.

— Верю, — кивнул я. Я ей действительно верил. — Мисс Эш, я здесь не для того, чтобы угрожать кому-либо или причинять вред. Я не могу заставить вас говорить со мной. Если вы потребуете, чтобы я ушел прямо сейчас, я уйду, — заверил я ее. — Но ради вашей же безопасности позвольте мне прежде поговорить с вами. Всего несколько минут. Это все, о чем я прошу.

— Анна? — послышался голос Эбби. — Я думаю, тебе стоит выслушать их.

— Да, — произнес другой женский голос — негромкий, низкий. — Я согласна. И я знаю о нем кое-что. Если он дает слово, он его держит.

Подумать, так я никогда прежде не слышал голоса Хелен Беккитт — ну, если не считать сладострастных стонов. Но негромкая уверенность и совершеннейшая бесстрастность настолько вязались с ее почти безжизненным взглядом, что у меня не возникло и тени сомнения насчет того, кому принадлежал этот голос.

Я переглянулся с Мёрфи и снова поднял взгляд на Анну.

— Ну, мисс Эш? — спросил я ее.

— Дайте мне слово. Поклянитесь своей силой.

Такие клятвы — дело серьезное; по крайней мере среди чародеев моего класса. Клятвы обладают силой. Поклявшись своим магическим талантом, поневоле задумаешься, прежде чем нарушать клятву — это чревато тяжелыми последствиями. Я не колебался с ответом.

— Клянусь своей силой, я буду соблюдать все нормы поведения гостя в вашем доме, и ни причинять вреда собравшимся у вас людям, ни лишать их моей помощи, буде она потребуется.

Она чуть перевела дыхание и кивнула.

— Очень хорошо. Я обещаю вести себя как подобает радушной хозяйке — со всеми вытекающими из этого обязательствами. И будьте добры, зовите меня просто «Анна», — она произнесла свое имя старомодно, как до сих пор говорят в Старом Свете: «Ан-на». Потом жестом пригласила нас пройти. — Прошу вас не обижаться, если я обойдусь без представления моих знакомых.

Что ж, это я вполне мог понять. Полное имя, услышанное из уст его обладателя, дает чародею, да и просто одаренному заклинателю определенную власть, способность сложить целый ряд опасных, а то и смертельных заклятий, не менее эффективных, чем сложенные, скажем, на крови, обрезках ногтей или волос. Конечно, выдать свое полное имя в обычной беседе почти невозможно, но случалось и такое... в общем, люди понимающие стараются держаться осторожно, называя свое имя, если не хотят, чтобы его использовали против них.

— Ничего страшного, — заверил я ее.

Квартира у Анны оказалась очень даже ничего, явно полностью отремонтированная и заново обставленная в последний год или два. Из окон открывался довольно-таки приятный вид, а мебель производила вид настоящей, деревянной, и качественной.

В гостиной находилось пять женщин. Эбби сидела в деревянном кресле-качалке, а на коленях у нее свернулся йорк. Хелен Беккит стояла у окна, апатично глядя на город. Двое других женщин сидели на диване, и еще одна — в стоявшем рядом кресле.

— Полагаю, вам известно, кто я? — поинтересовался я у них.

— Они знают, — негромко произнесла Анна.

— Хорошо, — кивнул я. — Тогда вот что известно мне. Кто-то убил по меньшей мере пять женщин, так или иначе связанных с магией. Некоторые из этих смертей обставлены как самоубийства. Однако имеются улики, говорящие об обратном, — я набрал в грудь воздуха. — И еще: на двух телах я обнаружил послания, адресованные мне или кому-то

вроде меня. Такие, чтобы их не могла видеть полиция. Мне кажется, мы имеем дело с серийным убийцей, и мне кажется, члены вашего ордена могут представлять для него...

— Или для нее, — вставила Мёрфи, стараясь не смотреть в сторону Беккит.

Беккит скривила губы в горькой усмешке, но не пошевелилась.

— Или для нее, — согласился я. — Представлять интерес для убийцы.

— Он это серьезно? — спросила женщина — одна из тех, кого я не знал. Она была старше остальных, лет сорок пять-пятьдесят. Несмотря на теплый день, она щеголяла в светло-зеленом свитере с высоким воротником, придававшим ей сходство с черепахой. Собранные в тугий пучок волосы имели когда-то, должно быть, насыщенный рыжий цвет, но сейчас в них хватало серо-стальных прядей. Макияжем она не пользовалась, похоже, принципиально, и брови над очками в угловатой серебряной оправе росли гуще, чем позволяет подавляющее большинство женщин.

— Совершенно серьезно, — заверил я ее. — Скажите, могу я вас называть как-нибудь? Мне кажется, было бы невежливо сразу называть вас Черепахой, не попытавшись узнать имени.

Она чуть напряглась, старательно избегая встречаться со мной взглядом.

— Присцилла, — пробормотала она.

— Присцилла, — кивнул я. — Если честно, я пока в основном тычусь вслепую. Я плохо понимаю, что происходит — потому и пришел поговорить с вами.

— Тогда откуда вы узнали об нашем ордене? — поинтересовалась она.

— В реальной жизни я частный следователь, — ответил я. — Расследую всякое.

— Он лжет, — заявила Присцилла, глядя на Анну. — Не может не лгать. Ты же знаешь, что мы видели.

Анна перевела взгляд с Присциллы на меня и покачала головой.

— Я так не думаю.

— И что вы видели? — спросил я у Анны.

Анна оглянулась на остальных, но возражений не услышала, и она снова посмотрела на меня.

— Вы правы. Несколько членов нашего ордена погибли. Чего вам, возможно, не известно — так это то, что еще несколько человек пропали, — она сделала глубокий вдох. — Не только из нашего ордена, но вообще из нашего круга. На конец прошлого месяца мы не досчитывались более двадцати человек.

Я негромко присвистнул. Два с лишним десятка человек — это уже серьезно. Поймите меня правильно: люди пропадают все время — по большей части добровольно. Но в нашем узком кругу люди поневоле теснее друг к другу; отчасти это происходит именно потому, что им известно о существовании сверхъестественных хищников, которые с радостью скушают их при малейшей возможности. Это самый что есть стадный инстинкт, примитивный и прямолинейный — но он помогает выжить.

Если пропало целых два десятка человек, значит, велика вероятность того, что кто-то вышел на охоту. И если этот кто-то — убийца, у меня на руках серьезная проблема. Впрочем, разве мне привыкать к такому?

— Вы сказали, ваши люди что-то видели. Что именно?

— В случае... — она тряхнула головой и прокашлялась. — В случае тех троих членов нашего ордена, чьи тела нашли, в последний раз их видели в обществе высокого человека в сером плаще.

Я даже зажмурился.

— И вы решили, что это я?

— Я не могу утверждать наверняка, — подала голос Присцилла. — Время было темное, и она стояла на улице перед моим домом. Я видела их в окно.

Ей не удалось скрыть то, что она едва не произнесла не «их», а «вас».

— А я выходила от Бока, — добавила Эбби серьезным тоном, глядя куда-то перед собой. — Поздно. Я видела, как она шла с мужчиной, и только.

— Этого я не видела, — произнесла Хелен Беккитт. Голос ее звучал бесстрастно, ровно, убежденно. — Салли ушла из бара с симпатичным темноволосым мужчиной, сероглазым, с бледной кожей.

В животе у меня похолодело. Краем глаза я увидел, как лицо Мёрфи тоже сделалось бесстрастным.

Анна подняла руку, призывая Хелен к молчанию.

— По меньшей мере двое заслуживающих доверия свидетелей показали, что в последний раз видели пропавших в обществе мужчины в сером плаще. Другие же, напротив, говорят о красивом brunete.

Я тряхнул головой.

— И вы решили, что парень в сером плаще — это я?

— Много ли найдется в Чикаго высоких мужчин в сером плаще, вращающихся при этом в наших кругах, сэр? — ледяным тоном поинтересовалась Присцилла.

— Такой ткани цена три бакса за ярд на распродаже, — возразил я. — И высокие мужчины в городе с восьмимиллионным населением тоже нельзя сказать, чтобы редкость.

Присцилла прищурилась.

— Тогда кто это был?

Эбби хихикнула, на что Тото вильнул хвостом.

Я задумчиво пожевал губу.

— Ну, я совершенно уверен, что это не Мёрфи.

Хелен Беккит презрительно фыркнула.

— Если это шутка, то неудачная, — взвилась Присцилла.

— Ох. Прошу прощения. С учетом того, что я узнал о наличии в показаниях серого плаща несколько секунд назад, мне показалось, что и ваш вопрос звучит не слишком, чтобы серьезно, — я повернулся к Анне. — Это не я. И это не Страж нашего Совета — или, по меньшей мере, я чертовски надеюсь на то, что это не Страж нашего Совета.

— А если все-таки Страж? — тихо спросила Анна.

Я скрестил руки на груди.

— Тогда я сделаю так, чтобы он никогда и никому больше не смог причинить вреда.

— Прошу прощения, — вмешалась Мёрфи. — Вы сказали, погибли три члена вашего ордена. Не будете ли вы добры назвать их имена?

— Мария, — произнесла Анна медленно, словно в такт похоронной процессии. — Жанин. Полина.

До меня дошло, куда клонит Мёрфи.

— А что насчет Джессики Бланш? — спросила она.

Анна нахмурилась и, подумав, мотнула головой.

— Не думаю, чтобы это имя было мне знакомо.

— Значит, она не член ордена, — кивнула Мёрфи. — И в ваших, гм, кругах она не вращалась?

— Во всяком случае, не среди моих знакомых, — ответила Анна и оглянулась на остальных. — Никому больше не известно это имя?

Последовало молчание.

Я переглянулся с Мёрфи.

— Некоторые из этих случаев отличаются от остальных.

— А некоторые — не отличаются, — возразила она.

— Хотя что-то для начала, — сказал я.

У кого-то на руке забибикали часы, и девушка, сидевшая на диване рядом с Присциллой, резко выпрямилась. Совсем еще юная девушка — на вид не старше двадцати, и кожа ее имела этаким насыщенный цвет уроженки южной Индии. Еще ее отличали карие глаза под тяжелыми, выпуклыми веками, а также бандана, которую она повязала на свои прямые черные волосы. Одежду ее составляло фиолетовое балетное трико и чулки кремового цвета на длинных ногах, и вообще она имела сложение профессиональной танцовщицы.

Мужские часы казались на ее тонком запястье непропорционально большими. Она нажала на кнопку, выключая сигнал, и взволнованно повернулась к Анне.

— Десять минут, — произнесла она.

Анна нахмурилась, кивнула и медленно двинулась к двери, вежливо напоминая нам, что пора и честь знать.

— Мы больше ничем не можем вам помочь, мистер Страж? Мисс Мёрфи?

В нашем сыщицком ремесле, когда тебя начинают выпроваживать с целью скрыть что-либо, мы называем это уликой.

— Конечно! — лучезарно улыбнулся я. — А что должно произойти через десять минут?

Анна остановилась, и ее вежливая улыбка померкла.

— Мы как могли лучше ответили на ваши вопросы. Вы дали мне слово, мистер Страж, что не будете злоупотреблять моим гостеприимством. Вы поклялись.

— Спрашивая вас, я действую в ваших же интересах, — ответил я.

— Вы так считаете, — сказала она. — Я считаю, что это вас не касается.

Я со вздохом кивнул и протянул ей свою визитку.

— Вот мой телефон. На случай, если вы передумаете.

— Благодарю вас, — вежливо отозвалась Анна.

Мы с Мёрфи вышли. Спускаясь в лифте, мы оба молчали. Я стоял, хмурый как туча. В прошлом такое настроение никогда не помогало мне в решении моих проблем, но все ведь когда-то случается в первый раз, верно?

— Думаешь, им известно что-то еще? — спросила Мёрфи, когда мы вышли из подъезда на солнце.

— Что-то им известно, — сказал я. — Или им кажется, что известно.

— Это был риторический вопрос, Гарри.

— Урыла, — я тряхнул головой. — Ну и что будем делать дальше?

— Пороемся в том, что стоит за Джессикой Бланш, — ответила она. — Посмотрим, не откопается ли чего.

Я кивнул.

— Все проще, чем рыскать по Чикаго в поиске парней в длинных серых плащах.

Она помедлила с ответом; я достаточно хорошо знал ее, чтобы понимать, что она осторожно выбирает слова.

— Возможно, не проще, чем найти бледного, привлекательного, темноволосого мужчину, который может быть, а может и не быть тем, кого последним видели с женщиной, умершей в разгар сексуального возбуждения.

Пару секунд мы оба молчали, слышались только наши шаги.

— Это не он, — произнес я наконец. — Он мой брат.

— Ага, конечно, — согласилась она.

— То есть, я довольно давно с ним не общался, — признался я. — И он живет сейчас сам по себе, — добавил я через несколько шагов. — Зашибает неплохие деньги... не знаю, как именно. Он же сам ни за что не скажет.

— Да, — кивнула Мёрфи.

— И полагаю, он сейчас кормится досыта, — продолжал я. — И само собой, где и как, он тоже не скажет, — мы прошли еще немного. — И он считает сам себя чудовищем. И ему физически дурно от попыток жить как нормальный человек.

Мы перешли улицу. Я ступил на тротуар и посмотрел на Мёрфи.

— Блин.

Мы не спеша двинулись по тротуару к Мёрфиному «Сатурну».

— Гарри, — тихо произнесла она. — Я думаю, ты прав насчет него. Но на карту поставлены жизни людей. Мы должны знать точно.

Одной мысли о том, что мой брат, единственная родная мне душа, плоть и кровь, может быть замешан во всей этой гадости, хватило, чтобы меня пронзила вспышка

ослепительного, бессмысленного гнева. Высказанное Мёрфи в мягкой форме обвинение подлило масла в огонь, и это застало меня врасплох. Наверное, никогда еще прежде я не испытывал такого острого желания уничтожить грозящую моему брату опасность. Эмоции клокотали во мне расплавленным металлом, и я вдруг поймал себя на том, что чисто инстинктивно собираю их энергию и преобразую ее для удара. Какую-то секунду мне хотелось крушить всех и вся — начиная с того, кто хотя бы в мыслях имел причинить вред Томасу.

Я зарычал и зажмурился, пытаюсь взять себя в руки. Я же не на войне — я всего-то иду по тротуару. Вокруг меня не находилось ни одной цели, чтобы испепелить ее этим гневом, но и оставлять эту рвущуюся из меня разрушительную энергию без выхода тоже не стоило. Я наклонился, коснулся тротуара кончиками пальцев в попытке заземлить готовый вырваться разряд, и мне это почти удалось: большая часть его ушла в землю, и только часть рассеялась в воздухе вокруг меня.

Это спасло нам жизнь.

Стоило мне высвободить энергию, как ближний к нам светофор взорвался и погас, Мёрфин мобильник завершал «Звездно-полосатый флаг», у трех стоявших ближе к нам машин сработала сигнализация...

...и Мёрфин «Сатурн» окутался ослепительно-ярким клубком взрыва.

Глава СЕДЬМАЯ

Времени предпринять что-либо у меня не было. Даже если бы я ждал взрыва, пригнувшись и держа наготове защитное поле, я вряд ли совладал с его энергией. Взрыв произошел внезапно, мгновенно, и его совершенно не беспокоило, укрываясь я от него или нет. Что-то, больше всего похожее на огромную пуховую подушку, запущенную в меня кем-то калибра Халка Невероятного, ударило меня в грудь.

Меня оторвало от земли и отшвырнуло на несколько футов. На лету я зацепил плечом почтовый ящик, а потом я уже лежал на спине, глядя в ясное летнее небо.

Я остался жив — неплохо для начала с учетом ситуации. Значит, взрыв был не слишком сильный. Заряд, скорее, зажигательный, чем фугасный — так, старый, добрый огненный шар, от которого, конечно, вылетают окна и воспламеняются предметы, а ударная волна несет с собой некоего Гарри Дрездена, чародея, слегка б/у.

Я сел и уставился на клубящееся на месте Мёрфиного «Сатурна» облако черного дыма, из которого выбивались языки алого огня. Это вполне подтверждало мои предположения. Я скосил глаза набок и увидел Мёрфи, сидевшую на асфальте. На нижней губе ее набухла кровью ссадина. Вид она имела бледный и слегка оглушенный.

Я ничего не мог с собой поделаться. Я начал ржать как пьяный.

— Что ж, — выдохнул я, наконец. — С учетом обстоятельств я вынужден признать, что ты была права. Ни хрена я не умею управлять, и у тебя стопроцентное право вести машину. Спасибо, Мёрф.

Она пристально посмотрела на меня и сделала глубокий вдох.

— Не за что, — процедила она сквозь зубы.

Я ухмыльнулся и откинулся на спину полежать на асфальте еще немного.

— Ты как, в порядке?

Она смахнула кровь с губы.

— Кажется, да. А ты?

— Двинулся плечом о почтовый ящик, — отозвался я. — Побаливает немного. Нет, правда, не сильно. Но аспирину, пожалуй, принял бы. Одну таблетку, не больше.

Она вздохнула.

— Господи, ну и нытик же ты, Дрезден.

Мы посидели минуту молча, пока где-то вдалеке не послышались и не начали приближаться к нам сирены.

— Думаешь, бомба? — спросила Мёрфи тоном, какой обычно бывает у людей, не знающих, чего бы еще сказать.

— Угу, — кивнул я. — Я стравливал в землю часть энергии, когда она рванула. Должно быть, я сбил с настройки ее таймер или приемник сигнала. В общем, привел в действие раньше срока.

— Если только это не задумывалось как предупредительный выстрел, — заметила она. Я хмыкнул.

— Тогда кому это предназначалось, как думаешь?

— Ну, за последнее время я, вроде, никому не насолила, — сказала Мёрфи.

— Я тоже.

— По совокупности ты насолил гораздо большему количеству людей, чем я.

— По совокупности? — возмутился я. — И кто это говорит! Ну, и потом, заминированные автомобили плохо вписываются в... ну... в...

— В поговорку? — предположила Мёрфи, стараясь придать голосу этакое английское звучание.

— В поговорку! — возгласил я, в меру сил имитируя Джона Клиза. — Нет такого в моем почти неохватном собрании пословиц. И ты со своими цитатками из Монти Пайтона меня сейчас достанешь.

— Ты просто нытик, Гарри, — ее улыбка померкла. — Впрочем, поговорка или нет, но заминированная машина вполне вяжется с образом экс-преступницы.

— Не забывай, миссис Беккит все время находилась с нами, в доме.

— А мистер Беккит? — напомнила Мёрфи.

— М-да, — кивнул я. — Гм. Думаешь, он ошивался здесь?

— Я думаю, нам нужно кой-чего выяснить, — ответила она. — Тебе лучше идти.

— Правда?

— Не забывай, я-то не на службе, — объяснила Мёрфи. — Машина моя. Всем будет проще, если допрашивать придется одного, а не двоих.

— Верно, — согласился я и заставил себя встать. — Какая нить тебе интереснее?

— Я бы занялась нашей странной покойницей и Беккитами, — ответила она. Я протянул ей руку, и она приняла ее, что для нас двоих означало больше, чем могло бы показаться со стороны. — А ты?

Я вздохнул.

— Пойду, поговорю с братом.

— Уверена, он в этом не замешан, — тихо произнесла Мёрфи. — Но...

— Но он знает толк в ремесле инкуба, — договорил я... впрочем, не уверен, что Мёрфи имела в виду именно это. Я мог бы и разозлиться на эту ее ремарку, но, рассуждая трезво, я не мог винить ее в подозрительности. В конце концов, она коп, ей положено. Всю свою сознательную жизнь она провела, разбираясь с самыми гнусными человеческими подлостями. В общем, рассуждая трезво, она более чем имела право подозревать всех и каждого — по крайней мере, до тех пор, пока у нас не будет больше информации. От этого зависели людские жизни.

Однако Томас — мой брат, моя кровь. И логика мало что могла с этим поделать.

Первая машина с мигалкой — полицейский патруль — вывернулась из-за угла в паре кварталов от нас. По пятам за ней следовали пожарные.

— Пора, — тихо произнесла Мёрфи.

— Посмотрим, смогу ли нарыть чего-нибудь, — сказал я и пошел прочь.

Всю дорогу до дома я сохранял боевую готовность номер один: следил, не идет ли за мной кто-нибудь, не подстерегает ли кто меня в местах потенциальной засады... ну, и т. д., и т. п. Ничего такого ни по дороге, ни непосредственно у входа в мою полуподвальную квартиру мне не встретилось.

Я спустился по бетонным ступенькам к двери — такой, стальной... солидной, в общем — и, пробормотав заклинание, отключил оберегов. Потом повозился с ключами, отпирая

обычные, материальные замки и вошел.

Мистер поддал мне под колени плечом в знак приветствия. Мой серый кот весит около тридцати фунтов, так что я едва не врезался спиной в дверь. Я нагнулся и почесал ему за ухом. Мистер довольно мурлыкнул, обошел меня кругом, потерся еще раз о мои ноги и вернулся на книжный шкаф дремать в ожидании вечерней прохлады.

Из темной ниши, которая служит мне кухней, показалась огромная груда серого с черным меха. Груда распахнула в зевке зубастую пасть и направилась в мою сторону, приветственно виляя хвостом. Дойдя до меня, пес сел и ткнулся мордой мне в район живота. Я потрепал его обеими руками по холке.

— Привет, Мыш. Все спокойно на домашнем фронте, а, мальчик?

Он вильнул хвостом еще раз, продемонстрировал свои белоснежные зубищи и вывалил язык в довольной собачьей ухмылке.

— Ох, да, почти забыл, — сказал я. — Будь добр, принеси, а?

Мыш с готовностью поднялся, и я открыл дверь. Он выскользнул на улицу совершенно бесшумно. Для носорога Мыш вообще перемещается на удивление легко.

Мягко ступая по выстеленному разномастными коврами полу, я подошел к камину и опустился в мягкое кресло у огня. Потом снял трубку и набрал номер Томаса. С минуту я терпеливо слушал длинные гудки, буравя телефон злобным взглядом и не зная, что делать. Так ничего и не придумав, я набрал номер еще раз. С тем же успехом. Что ж, попробовать стоило.

Еще минуту я кусал губу, переживая за брата.

Мыш вернулся еще через минуту — довольно долго для короткой прогулки по не представляющему для собаки опасности маршруту до почтового ящика и обратно. В зубах он держал несколько конвертов, которые осторожно положил на старый журнальный столик у дивана. Потом вернулся к двери и навалился на нее мохнатым плечом. Видите ли, моя дверь установлена с перекосом, так что открывать ее сушее мучение, а когда она открыта, хочешь — не хочешь, это мучение приходится повторять, чтобы ее закрыть. Мыш толкнул ее на место, фыркнул и, вернувшись, улегся у моих ног.

— Спасибо, малыш, — я взял почту, почесал его еще раз за ухом и, пробормотав заклинание, зажег несколько свечей. — Счета, — сообщил я ему, перебирая конверты. — Еще счета. Фигня всякая. Очередной каталог от «Удачной Покупки»... Боже правый, эти ребята что, принципиально не сдают? Новый адвокат Ларри Фаулера, — я приложил нераспечатанный конверт ко лбу и закрыл глаза. Угрожает мне очередной вариацией на тему все того же иска, — я вскрыл конверт, пробежался взглядом по тексту и бросил на пол. — Его почитать, так я псих какой-то.

Я выдвинул из стола ящик, пошарил в нем на ощупь и выудил ключ на колечке с овальным пластиковым брелком, украшенным логотипом — таким же, как на моих визитках: ГАРРИ ДРЕЗДЕН, ЧАРОДЕЙ. ПАРАНОРМАЛЬНЫЕ РАССЛЕДОВАНИЯ, КОНСАЛТИНГ, РЕКОМЕНДАЦИИ. РАЗУМНЫЕ ЦЕНЫ.

Я посмотрел на ключ. Его дал мне Томас на тот крайний случай, если мне понадобится зайти к нему в его отсутствие. Сам он, в свою очередь, тоже сохранил ключ от моей квартиры, даже съехав с нее. На этот счет у нас с ним имелось неписаное соглашение. Ключи хранились на случай, если кому-либо из нас потребуется помощь. Вовсе не для того, чтобы шарить в доме у брата в отсутствие хозяина.

(Ну, конечно, имелись у меня легкие подозрения насчет того, что Томас наведывался ко мне несколько раз в надежде разгадать тайну, как это мое жилище ухитряется оставаться чистым и прибранным. Однако поймать фэйре-уборщиков за работой ему не удалось. И не удастся: они свое дело знают. Возможно, это их единственный недостаток: про них никому не расскажешь. Стоит кому-то узнать эту тайну, и они уйдут. И даже не спрашивайте, почему).

В памяти моей снова возникли лица убитых женщин. Я вздохнул и сунул ключ в карман.

— О'кей, мальчик, — сказал я. — Пошли, проведем Томаса.

Мыш с готовностью вскочил, энергично завил хвостом. Мыш любит ездить на машине. Он подбежал к двери, зубами снял с крючка у двери поводок и принес его мне.

— Подожди минутку, — посоветовал я ему. — Мне нужно собрать арсенал.

Терпеть не могу, когда всякого рода пакости происходят летом. Я облачился в мою до безобразия теплую ветровку. Я решил, с учетом потенциальной вероятности повторного использования зажигательных бомб риск погибнуть от перегрева не кажется таким уж страшным. Ну, и место в Книге Гиннеса это мне тоже почти гарантировало. Может, даже номинацию на премию Дарвина.

Видите? Даже я умею мыслить позитивно.

Я нацепил на руку новый, усовершенствованный браслет-оберег, а на пальцы правой руки — аж три серебряных кольца. Потом сунул в карман жезл, щелкнул карабином, пристегнув поводок к ошейнику Мыша, взял стоявший у двери посох и вышел на улицу.

Подходя к Жучку, я скомандовал Мышу остановиться и подождать в отдалении. Я обошел свой старый, латаный-перелатанный разноцветный «Фольксваген», внимательно осмотрев его со всех сторон. Потом лег на асфальт заглянуть под днище. Потом поднял капот, осмотрел мотор и заглянул в багажник. Я даже проверил его на предмет следов враждебной магии. Я не обнаружил ничего, похожего на бомбу или вообще представляющего собой угрозу, если не считать недоеденного буррито, забытого мною в багажнике с полгода назад.

Я отворил дверцу, свистнул Мышу, и мы отправились нарушать неприкосновенность жилища моего брата.

Прежде мне ни разу еще не приходилось бывать у Томаса дома, так что, оказавшись на месте, испытал легкий шок. То есть, по адресу я предположил, что он живет в одном из новых домов Кабрини-Грин — некогда трущобного квартала, ставшего объектом масштабной городской реконструкции (не в последнюю очередь из-за соседства с Золотым Берегом, вторым по уровню концентрации миллионеров жилым районом в мире). Как бы то ни было, эта часть города постепенно становилась все пристойнее, и новые дома, выстроенные на месте снесенных, мне даже нравились.

Однако Томас жил не в одном из этих домов. Его дом стоял на другой стороне улицы — на Золотом Берегу. Когда мы с Мышом нашли нужный подъезд, уже темнело, и я ощущал себя так, словно иду по городу нагишом. Блин, да таких шикарных ботинок, как у тамошнего консьержа, у меня отродясь не было.

Я отворил входную дверь парадного Томасовым ключом и направился к лифтам; Мыш следовал за мной по пятам. Консьерж подозрительно косился в мою сторону, и по дороге от входа до лифта я насчитал по меньшей мере две камеры видеонаблюдения. Охрана, несомненно, хорошо разбиралась в том, кто жилец этого дома, а кто нет — и долговязый тип в черном плаще с двухсотфунтовой собакой на поводке явно не входил в первую категорию. Поэтому я изо всех сил старался усыпить их подозрения, всем видом изображая спокойствие и непоколебимую уверенность в правоте своих действий.

То ли это подействовало, то ли охрана не стоила тех денег, что им платили, но меня никто не задержал, я поднялся на лифте на шестнадцатый этаж и подошел к двери Томасовой квартиры.

Я отпер дверь, для приличия пару раз постучал и, не дожидаясь ответа, вошел.

Выключатель света оказался там, где ему и полагалось быть: рядом с дверью.

Квартира у Томаса оказалась... ну, скажем так — шикарная. Входная дверь открывалась в гостиную, размерами превосходившую всю мою квартиру, вместе взятую, в которой мне могло грозить что угодно, только не агорафобия. Стены были оклеены тёмно-алыми обоями, а пол устлан угольно-серым ковром. Мебель явно покупалась одновременно, в едином стиле — от диванов до стойки под домашний кинотеатр: хромированная сталь, черная кожа и чуть больше ар-декошных финтифлюшек, чем предпочел бы я сам. Плазменный телик не влез бы в моего Жучка, и к нему прилагались,

разумеется, DVD-плеер, и колонки, и полки для видео и аудио дисков. Рядом на полке красовалась новейшая игровая приставка с аккуратно смотанными шнурами. На стене висели два постера: «Волшебник из страны Оз» и «Пираты из Пензанса» — ну, где Кевин Клейн играет короля пиратов.

Ну что ж. Приятно видеть, что брат, похоже, неплохо устроился в жизни. Правда, я так и не знал, за какую работу платят столько бабок.

Кухня ни в чем не уступала гостиной: все те же хром и черная кожа, только стены имели белую окраску, а пол вместо ковра был вымощен дорогой белой плиткой. Все содержалось в безукоризненном порядке. Ни одной грязной тарелки, ни одного наполовину выдвинутого ящика, ни крошки, ни бумажки. Все горизонтальные поверхности сияли стерильной чистотой. Я заглянул в шкафы. Ничего лишнего — только аккуратные стопки разобранных по размеру тарелок.

Чушь какая-то. При всех положительных качествах мой брат всегда оставался раздолбаем и пофигистом.

— Я все понял, — сообщил я Мышу. — Мой брат умер. Умер, а на его место поселился какой-то омерзительно аккуратный клон.

Я заглянул в холодильник. Не хотел, но заглянул. Шаря по чужому дому, нельзя не заглянуть в холодильник. Холодильник оказался пуст, если не считать винной полки и едва ли не полусотни бутылок Макова пива — Томас его любит. Мак убил бы его на месте за то, что он хранит его холодным. Ну, по крайней мере полил бы презрением, это точно. Подобное обращение с продуктом в глазах Мака заслуживает высшей меры наказания.

Я залез в морозильник. Вот он оказался набит под завязку — готовыми обедами трех видов, аккуратно рассортированными по упаковкам. Впрочем, в него влезло бы еще штук девять или десять — я решил, что они все-таки съедены. Должно быть, Томас выбирался в супермаркет раз в месяц или два. Это уже больше походило на него: пиво и еда, которая готовится одним нажатием кнопки на микроволновке. Для такой готовки не нежно посуды, что и подтвердил осмотр ближнего к морозильнику шкафчика: в нем обнаружилась большая упаковка разовых ножей и вилок. Поест. Выбросить все, что осталось. Ни готовки, ни мытья посуды.

Я еще раз огляделся по сторонам на кухне и отправился дальше.

Обе спальни открывались в небольшой холл; еще одна дверь вела в ванную. Заглянув в нее, я торжествующе фыркнул. В ванной царил полнейший бардак: повсюду валялись зубные щетки и расчески, на полу стояла пара пустых бутылок из-под пива, а вся остальная поверхность кафеля была завалена грязной одеждой. Картину разгрома дополняло несколько валявшихся там и сям початых рулонов туалетной бумаги, тогда как на держателе сиротливо висела пустая картонная трубка.

Я осмотрел первую спальню. Она тоже больше соответствовала образу Томаса. В ней стояла кровать калибра кинг-сайз без выраженных ног и изголовья: только стальной каркас, на котором покоился большой квадратный матрас. Белые простыни, несколько подушек в белых наволочках и большое одеяло в темно-синем пододеяльнике. Все это пребывало в некотором беспорядке. На полу перед распахнутым настежь шкафом валялась одежда. На тумбочке с наполовину выдвинутыми (и почти пустыми) ящиками стояли две корзины с чистым, тщательно выглаженным бельем. Еще в спальне имелась книжная полка, уставленная разного рода художественной литературой, и будильник-радио на тумбочке. В углу стояли, прислоненные к стене, старая кавалерийская сабля и шпага на манер мушкетерских. От взгляда моего не укрылось то обстоятельство, что до них легко было дотянуться, не вставая с постели.

Я вернулся в коридор и мотнул головой в направлении гостиной.

— Это все маскировка, — сказал я Мышу. — Парадная часть квартиры. Он хочет создать впечатление. Так, чтобы ни у кого даже мысли не возникло посмотреть на остальное.

Мыш склонил голову набок и посмотрел на меня.

— Может, мне стоит просто оставить ему записку, а?

Зазвонил телефон, и я едва не подпрыгнул на месте от неожиданности. Удостоверившись, что непосредственная угроза инфаркта миновала, я вернулся в гостиную, размышляя, стоит ли мне брать трубку. Я решил воздержаться. Возможно, это звонили с поста охраны проверить, что это за незнакомец с небольшим ручным мамонтом. Если бы я ответил им в отсутствие Томаса, они запросто могли бы заподозрить что-то. Еще как заподозрить. Оставь же я их беседовать с автоответчиком, и они могут еще пребывать некоторое время в неуверенности. Я подождал немного.

Бибикнул автоответчик.

— Действуйте согласно Уставу, — произнес голос моего брата, — снова бибикнул сигнал.

Донесшийся из автоответчика женский голос текучестью напоминал мед.

— Томас, — произнес голос, судя по произношению, европейский, и имя его она произносила этак, «Тоу-мосс», с ударением на втором слоге. — Томас, это Александра, я ужасно скучаю без тебя. Ну пожалуйста, мне просто необходимо встретиться с тобой сегодня вечером. Я знаю, у тебя есть другие, что у тебя много других, но я не в силах больше без тебя, ты мне нужен, — голос ее понизился и сделался еще гуще и слаще. — Никто другой, никто-никто на свете не делал со мной такого, как ты. Прошу тебя, умоляю, не прогоняй меня, — она продиктовала номер телефона, и в ее исполнении это прозвучало как прелюдия к сексуальной игре. К моменту, когда она, наконец, повесила трубку, я начал ощущать себя едва ли не вуайеристом.

— Только этого мне не хватало, — со вздохом заметил я Мышу.

Что ж, по крайней мере я знал теперь, как Томас утоляет свой Голод. Александры и «многих других» для этого, должно быть, более чем хватало. Я ощущал в этом... двусмысленность, что ли? Он удовлетворял демоническую составляющую своей натуры, стараясь набрать как можно больше жертв — с тем, чтобы по возможности распределить между ними потенциальный ущерб, не допуская опасных его размеров. Однако это же приводило к тому, что число женщин, помеченных его объятиями, пристрастившихся к тому, что на них кормятся, целиком покорившихся его обаянию — число этих несчастных росло.

В некотором роде Томас обладал властью над ними, а власть, как известно, разлагает личность. Она таит в себе уйму соблазнов, и неизвестно еще, насколько стойко держался по отношению к ним Томас.

Я сделал глубокий вдох.

— Не фантазируй, Гарри, не фантазируй. Он твой брат. И он невиновен... по крайней мере, пока не доказано обратное, так ведь?

— Так, — ответил я сам себе.

Я решил оставить Томасу записку, но бумаги под рукой не оказалось. Ни в девственно-стерильной кухне, ни в гостиной я ее не нашел, в спальне — тоже. Я покачал головой, пробормотал пару ласковых слов в адрес тех, у кого в доме записку оставить не на чем, и вспомнил про вторую спальню.

Я открыл дверь, щелкнул выключателем и застыл на месте.

Комната выглядела как кабинет личного бухгалтера Рэмбо. У одной стены стоял рабочий стол с компьютером. Вдоль двух других стен стояли еще два стола поуже. Один служил для разборки и чистки огнестрельного оружия — двух полуавтоматических пистолетов незнакомой мне марки. Один предмет, впрочем, я узнал — набор для переделки законного полуавтоматического оружия в абсолютно незаконное автоматическое. На втором были разложены оружейные инструменты и различные предметы, вполне годные для того, чтобы без особого труда соорудить из них, скажем, самодельное осколочное взрывное устройство — тем более, что ящики под столом подозрительно напоминали стандартную укупорку для взрывчатки.

В голове моей мелькнула и еще одна мысль, и мысль эта мне очень не понравилась: из всего этого можно соорудить фугас, а можно и просто зажигательную бомбу.

На одной из стен висела пробковая доска, к которой кнопками крепились бумаги.

Схемы. Фотографии.

Медленно, на негнущихся ногах подошел я к доске.

Фотографии изображали мертвых женщин.

Я узнал их всех.

Жертвы.

Фотографии были сделаны полароидом — немного зернистые, с цветом, искаженным вспышкой, но ракурсы примерно совпадали со снимками из полицейских досье. С одной только разницей: все полицейские снимки имели в углу маркировку — дату и инвентарный номер на квадратике самоклеющейся пленки. Ну и, конечно, к каждому полицейскому снимку прилагался листок с точной привязкой к помещению и его обстановке.

На Томасовых снимках ничего такого не было.

Из чего следовало: снять их могли только до того, как на место прибыла полиция.

Срань господня...

О чем только думал мой брат? Кой черт он оставил всю эту фигню напоказ? У всякого, имеющего хоть малейшее представление о том, что происходит, не останется ни малейшего сомнения в том, что это Томас был там до приезда полиции. Что это он убийца. Если уж мне, его брату, это кажется чертовски странным...

— Блин-тарарам, — со вздохом сказал я Мышу. — Ну уж хуже этого обернуться уже не может. Правда?

Чья-то тяжелая, уверенная рука постучала в дверь квартиры.

— Охрана, — произнес мужской голос. — И полиция Чикаго. Будьте добры, откройте дверь, сэр.

Глава ВОСЬМАЯ

У меня было всего несколько секунд на размышление. Если уж охрана вызвала копа, значит, они увидели во мне серьезную угрозу. И если я выкину чего-нибудь подозрительного, они обязательно осмотрят квартиру — обязаны это сделать. А если это случится, и они увидят то, что скрыто у моего брата в его оружейной, я навлеку на нас обоих столько неприятностей — мало не покажется.

Я отчаянно нуждался в спасительной лжи. Только очень хорошей, убедительной лжи. Я закрыл двери в Томасову оружейную, в спальню и, стоя посередине безукоризненно стильной гостиной, оглядывался по сторонам в поиске подсказки. Я с надеждой смотрел на Дороти, на Железного Дровосека, на Пугало и на Трусливого Льва — и ничего. Король пиратов в мужественно расстегнутой до пояса белой рубашке тоже не подсказал мне ни одной идеи.

И тут меня осенило. Собственно, ложь эту придумал не я, а Томас. В прошлом он с успехом пользовался ею — такие штуки вообще в его стиле. Все, что от меня требовалось — это разыграть ее без ошибок.

— Вот уж не думал, что дойду до жизни до такой, — признался я Мышу, прислонил посох к стене, набрал в легкие воздуха и распахнул дверь.

— Это ведь он вас послал? — рявкнул я в проем. — Он, так ведь? И не пытайтесь вешать мне лапшу на уши!

Девушка-полицейский (блин, на вид еще совсем девчонка) одарила меня усталой, вежливой улыбкой.

— Прошу прощения, сэр?

— Томас! — рявкнул я еще громче. — Значит, у самого него кишка тонка встретиться со мной лицом к лицу? Поэтому он вместо себя своих громил посылает?

Девушка страдальчески вздохнула.

— Прошу вас, сэр, не надо горячиться, — она повернулась к местному охраннику, лысеющему мужчине лет сорока пяти. — Поймите, если верить сотруднику службы

безопасности здания, вы не проживаете в этой квартире, но вошли в нее с помощью ключа. В подобной ситуации им положено задать вам несколько вопросов.

— Вопросов? — возмутился я. Признаюсь, я с большим трудом сдержался, чтобы не шипеть. Честно. Однако я мог и перегнуть палку. В общем, я ограничился тем, что напустил на себя самый холодный вид из тех, на которые горазда обычно Мёрфи. — Почему бы для начала не поговорить о том, как так вышло, что он не занес меня в ваш список, а? После того, как сам дал мне ключ? И почему он так и не пришел навестить малыша? — я ткнул дрожащим от благородного негодования пальцем в Мыша. — Спросите лучше у него, какие он на этот раз отговорки придумает!

Судя по виду девицы, у нее вдруг разболелась голова. Она зажмурилась, поднесла руку ко рту, кашлянула, а потом отступила в сторону, махнув парню-охраннику.

Он тоже поморгал немного.

— Сэр, — начал он наконец. — Тут дело-то всего в том, что мистер Рейт не давал в охрану списка тех, кому разрешен вход в его квартиру.

— На его месте я тоже бы не давал! — заявил я. — Я годы — годы! — жизни отдал ему, и не позволю, чтобы меня выкидывали на помойку как сношенную обувь! — Я покачал головой. — Никогда, — понизив голос, заметил я девице-полицейскому, — никогда не флиртуйте с красивыми мужчинами. Одни страдания от той любви.

— Сэр, — вмешался охранник. — Простите, что перебиваю. Дело в том, что наши жильцы платят за то, чтобы их охраняли. Вы позволите глянуть на ваши ключи?

— Поверить не могу, что он так... — я оборвал фразу на полуслове, достал из кармана ключ и протянул ему. Охранник взял его, повертел перед глазами, потом сверил номер со списком, лежавшим у него в папке.

— Это один из комплекта, — подтвердил он.

— Так оно и есть. Томас сам дал мне его, — кивнул я.

— Ясно, — пробормотал охранник. — Э... не будете ли вы против показать мне удостоверение личности, сэр? Я сниму факс и сохраню, чтобы... э... во избежание подобных инцидентов в будущем.

Что ж, убить братца я всегда успею.

— Разумеется, сэр, — ответил я, стараясь сохранять вид оскорбленной добродетели. Достав из бумажника водительское удостоверение, я протянул его охраннику. Коп скосила глаза, пытаясь прочитать мою фамилию.

— Я сейчас, — заявил охранник и поспешил к лифту.

— Не сердитесь на него, — сказала девица-коп. — Им платят за то, чтобы они были... чуть-чуть параноиками.

— Но уж вы-то в этом не виноваты, — заверил я ее.

Несколько секунд она задумчиво смотрела на меня.

— Значит вы и владелец этой квартиры... это...

— Мы это, — я вздохнул. — С красавчиками никогда наверняка не скажешь, правда?

— Ну... в общем, нет, — согласилась она. Голос ее звучал ровно, лицо оставалось бесстрастным, но я-то умею распознать игрока. — Вы не обидитесь, если я спрошу, что вы здесь делаете?

Мне стоило держать ухо востро. Девица была явно не дура. И ей казалось, она что-то учуяла.

Я обреченно махнул рукой в сторону собаки.

— Видите ли, мы жили вдвоем в тесной квартире. Завели собаку, но не думали, что она вырастет такой большой. Томасу не по душе теснота, поэтому он переехал, и... — я пожал плечами и постарался выглядеть так, как Мёрфи, когда говорит о своих бывших. — Мы договаривались пересекаться раз-два в месяц, но он вечно уваливает под тем или иным предлогом. Он не хочет, чтобы его жизни мешала собака, ему дороже вот это, — я мотнул головой в сторону квартиры.

Девица огляделась по сторонам и вежливо кивнула.

— Славное местечко, — вряд ли мои слова ее убедили. Во всяком случае, не окончательно. Я буквально видел, как вертятся колесики у нее в голове, формулируя новые вопросы.

Меня спас Мыш. Он поднялся, подошел к двери и вопросительно посмотрел на копа.

— Господи, ну и махина, — сказала она и чуть отодвинулась от него.

— Да вы не бойтесь, он добряк, правда, — заверил я ее, потрепав Мыша по холке.

Мыш одарил ее белозубой ухмылкой, сел и подал ей лапу.

Она рассмеялась и пожала ее. Потом дала Мышу понюхать ладонь и погладила его.

— Да вы тоже умеете ладить с собаками, — заметил я.

— Я сейчас прохожу курс обучения для работы в подразделении К-9, — подтвердила она.

— Вы ему понравились, — сказал я. — Это необычно. Он обыкновенно побаивается чужих.

Она улыбнулась.

— О, мне кажется, собаки понимают, когда нравятся кому-то. Они умнее, чем люди считают.

— Видит Бог, иногда даже мне далеко до них, — я вздохнул. — А с какими породами вы там в К-9 работаете?

— Ну, это зависит от характера работы, — улыбнулась она и пустилась в подробное рассуждение об оптимальных для полицейской работы породах собак. Время от времени я задавал ей наводящие вопросы или просто кивал, а Мыш демонстрировал умение сидеть, лежать и перекатываться на спину. Ко времени, когда вернулся охранник с моим удостоверением и извиняющимся выражением лица, Мыш валялся на спине, выставив лапы вверх, а коп чесала ему пузо и рассказывала трогательные истории про встречи с бродячими собаками в детстве.

— Сэр, — заявил охранник, возвращая мне ключ и лицензию и стараясь делать при этом вид, будто он не избегает прикасаться ко мне. — Я приношу свои извинения за доставленные неудобства, но вы не проживаете в этом доме, а следовательно, должны были отметить на входе — так положено.

— Очень на него похоже, — буркнул я. — Вечно он о таких вещах забывает. Наверное, мне стоило позвонить, убедиться, что он вам сказал.

— Мне очень жаль, — сказал он. — Мне не хотелось вас беспокоить. Но до тех пор, пока у нас не будет письменного заявления от мистера Рейта, в котором он подтверждает ваше право на беспрепятственный вход в квартиру, я вынужден просить вас покинуть помещение. Я понимаю, это бумажная формальность, но боюсь, обойти это требование невозможно.

Я вздохнул.

— Этого можно было от него ожидать. Нет, я понимаю, сэр, вы просто выполняете свою работу. Позвольте мне только прогуляться в туалет, и я уйду.

— Не вижу возражений, — кивнул он. — А вы, мэм?

Коп оторвалась от Мыша и внимательно посмотрела на меня. Потом тоже кивнула, и они с охранником направились к лифту.

Я запустил Мыша обратно в квартиру, прикрыл дверь и прислушался. В целом свете не осталось для меня ничего, кроме звука и тишины.

— Вы уверены? — спрашивала коп у охранника.

— О, совершенно, — заверил он ее. — Томас вообще со странностями.

— Он водил сюда мужчин?

— Раз или два, — ответил тот. — Этот дылда новый, но ключ у него подлинный.

— Он мог его украсть, — возразила коп.

— Воришка-гей баскетбольного роста, идущий на дело с собакой? — удивился охранник. — Что ж, проверим на выходе, не выносит ли он холодильник. Если Рейт хватится чего-нибудь, мы наведем его на этого парня. Он снят у нас на видео, у нас есть копия его

водительского удостоверения — никуда не денется, если то.

— Если они состоят в связи, — не успокаивалась коп, — чего же тогда этот ваш Рейт не внес своего дружка в список на вход?

— Вы ведь знаете этих голубых — они не от мира сего, — хмыкнул охранник. — Он только свою задницу прикрывал.

— Можно сказать, и так, — сказала девица.

Похоже, охранник не заметил иронии в ее голосе.

— В общем, так. Мы за ним присмотрим.

— Уж будьте добры, — попросила коп. — Мне все это не нравится, но если вы так уверены...

— Не хотелось, чтобы эти голубые устраивали скандал. Да и никому этого не хочется.

— Видит Бог, — нет, — без особого энтузиазма согласилась коп.

Я осторожно закрыл дверь до конца и повернулся к Мышу.

— Господи, благослови упертых.

Мыш удивленно склонил голову набок.

— Упертые видят нечто, о чем они подозревали — и сразу перестают замечать все остальное, будь оно хоть у них перед носом, — объяснил я ему. — Наверное, потому они и такие упертые.

Судя по невозмутимому виду Мыша, его это не слишком огорчило.

Я вернулся в оружейную, включил свет и уставился на пробковую доску с висевшими на ней картами, записками, фотографиями и схемами. Времени на то, чтобы разобраться во всем этом у меня не было.

Я закрыл глаза, убрал выстроенные у меня в мозгу барьеры (давненько я этого не делал) и послал в самые недра своего сознания короткую команду:

Запомни.

Я открыл глаза, подошел ближе к стене и внимательно отсканировал ее взглядом, не пытаясь вникнуть в содержание увиденного. Все это заняло не больше минуты. Покончив с этим, я выключил свет, забрал свои вещи и вышел.

При выходе из дома я задержался у столика охраны. Парень с извиняющимся лицом кивнул и дал рукой знак проходить. Мы с Мышом покинули в дом, ни на минуту не сомневаясь в своей гетеросексуальности.

А потом я сел в Жучка и отправился домой посоветоваться с падшим ангелом.

Глава ДЕВЯТАЯ

По дороге домой я купил гамбургеров — четыре штуки мне и четыре Мышу. Еще я купил луковых колечек, но Мыш не получил ни одной, потому что мой костюм высшей химической защиты находился в чистке.

Мистер же, как старший по званию, получил одно колечко. Он откусил кусочек, с минуту погонял остаток по полу кухни, а потом помурлыкал у двери, чтобы я выпустил его на вечерний променад.

Когда я покончил с ужином, было уже начало одиннадцатого, и я потешил себя мыслью, не отложить ли мне дальнейшие следственные действия до завтра. Что-то в последнее время ночные вахты даются мне немного труднее, чем в те славные времена, когда мне только-только исполнилось двадцать, и во мне бурлило то, что мой старый наставник Эбинизер МакКой называл «уксусом».

И дело не в том, чтобы просто не заснуть. Ну, конечно, в те дни мне было проще не обращать внимания на усталость и сохранять концентрацию. Но это я худо-бедно могу и сейчас — вот отходить от подобных авралов теперь сложнее. Каждая бессонная ночь обходится мне теперь в пару дней ограниченной работоспособности. Ну, и все травмы и ранения последних лет тоже сказываются. Будь я нормальным смертным, я бы давно уже ковылял на негнущихся ногах, охая от боли, как профессиональный футболист или, там,

боксер к концу карьеры.

Но я не нормальный смертный. Те мои свойства, благодаря которым я могу заниматься магией, радикально увеличивают продолжительность жизни, а также помогают постепенно исцелиться от ранений, которые у нормального человека сказывались бы до самого конца. Не то, чтобы это слишком уж помогает мне в обычной, повседневной деятельности, но с учетом всего того, что досталось на долю моего многострадального тела, я рад и этому. Могло быть и хуже. Потеря руки — тяжелый удар для любого. Жить три или четыре столетия без перспективы рано или поздно восстановить ее было бы совсем, как это нынче говорится, западло.

Перспектива поспать манила. Но Томас, возможно, нуждался в моей помощи. Вот умру — отосплюсь как следует.

Я покосился на свою изувеченную руку, взял гитару и уселся на диван. Потом зажег несколько свечей и, сосредоточившись на обожженной кисти, принялся за дело. Сначала несложные аккорды, потом еще несколько упражнений для разогрева, потом спокойная, негромкая игра. Ну, конечно, стопроцентно здоровой свою руку я бы никак не назвал, но она была уже гораздо лучше, чем прежде, да и пальцы уже достаточно слушались меня, чтобы хоть отдаленно воспроизводить мелодию.

Мыш поднял голову и посмотрел на меня. Он негромко вздохнул, поднялся с места и побрел в спальню, закрыв за собой дверь носом.

Развелось тут критиков...

— Ладно, Лаш, — произнес я, не прекращая игры. — Давай поговорим.

— Лаш? — произнес негромкий женский голос. — Я что, наконец-то заслужила у тебя ласкательное прозвище?

Только что в кресле передо мной никого не было, а мгновением спустя в нем — фьють — волшебным образом возникла женщина. Высокая, футов шесть, атлетического сложения. Обыкновенно она являлась мне в образе пышущей здоровьем молодой женщины, красивой, но не вызывающей внешности, одетой в короткую, выше колен античную тунику. На ногах ее красовались кожаные сандалии со шнуровкой до щиколоток. Цвет ее волос менялся, но в целом внешность оставалась более-менее неизменной.

— С учетом того, что ты падший ангел, в буквальном смысле слова старше времени и способный на мысли и действия, постичь которых до конца я не в состоянии, тогда как я всего лишь смертный со способностями чуть выше средних, мне это представляется, скорее, почти неприкрытой дерзостью, — я улыбнулся ей. — Лаш.

Она откинула голову и рассмеялась, на вид, искренне.

— Слышать это от тебя не так оскорбительно, как от любого другого смертного. И, в конце концов, я же не та, о которой ты говоришь. Я всего лишь ее тень, представитель, гость в твоём сознании.

— Гостей приглашают, — возразил я. — Ты больше похожа на торговца пылесосами, который уговорил пустить его в дом и не хочет уходить.

— Туше, хозяин мой, — признала она. — Хотя хочу надеяться, я оказалась полезнее и значительно вежливее, чем названный тобой персонаж.

— Даже так, — сказал я. — Это не отменяет того факта, что тебя никто не приглашал.

— Так избавься от меня. Возьми монету, и я воссоединюсь с остальной своей частью. Ты избавишься от меня, и все.

— Угу, — я презрительно фыркнул. — Именно. До тех пор, пока Большая Сестра не залезет в мою голову целиком, превратив меня в сумасшедшую игрушку, и я не сделаюсь монстром наподобие остальных динарианцев.

Ласкиэль — падший ангел, все существо которого в настоящий момент находилось в замурованном у меня в подвале древнем римском динарии, умиротворяющее подняла руку.

— Скажи, разве я не с уважением относилась к твоему жизненному пространству? Разве я не вела себя так, как ты просил: неподвижно, беззвучно? Скажи, хозяин мой, когда я в последний раз вмешивалась, когда говорила с тобой?

Я взял неверный аккорд, поморщился и начал этюд сначала.

— В Нью-Мехико. Только не говори, что об этом просил я.

— Разумеется, ты, — возразила она. — Выбор всегда за тобой.

Я мотнул головой.

— Я не знаю языка вурдалаков. И насколько мне известно, из людей его не знает никто.

— И в древнем Шумере никто из них не жил, — заметила Ласкиэль.

Я проигнорировал эту реплику.

— Мне нужно было допросить этого вурдалака, чтобы вернуть ребят. Времени ни на что другое не оставалось. Я обратился к тебе как к последнему средству.

— А сегодня? — поинтересовалась она. — Сегодня я последнее средство?

Следующие два аккорда вышли у меня резче и громче, чем полагалось бы.

— Это Томас.

Она сложила руки на коленях и уставилась на пламя ближней от нее свечи.

— Ах, да, — произнесла она еще тише. — Ты ведь очень за него переживаешь.

— Он и я — одной крови.

— Позволь мне сформулировать по-другому. Твоя забота о нем излишне иррациональна, — она склонила голову набок и внимательно посмотрела на меня. — Почему?

— Он мой брат, — произнес я совсем тихо.

— Я понимаю твои слова, но смысла в них от этого не больше.

— Его и нет, — сказал я. — Для тебя нет.

Она нахмурилась, и ее обращенный на меня взгляд сделался чуть обеспокоенным.

— Ясно.

— Нет, — возразил я. — Ничего тебе не ясно. Не дано.

Лицо ее сделалось отстраненным, взгляд вернулся к свече.

— Не будь так уж уверен, хозяин мой. У меня тоже были братья и сестры. Когда-то давно.

Мгновение я молча смотрел на нее. Бог свидетель, это прозвучало чертовски искренне. Это не так, Гарри, сказал я себе. Она лжет. Она из кожи вон лезет, пытаясь понравиться тебе или по крайней мере втереться в доверие. И стоит ей этого добиться, как тебе прямая дорога на призывной пункт Адского Легиона.

Я в жесткой — очень жесткой — форме напомнил себе о том, что предлагал мне падший ангел: знание, силу, сотрудничество... не бесплатно, совсем не бесплатно. С моей стороны было бы верхом глупости продолжать и дальше полагаться на ее помощь — даже при том, что в прошлом это, несомненно, не раз спасало жизнь и мне, и многим другим. Я напомнил себе, что полагаться на нее слишком часто закончится для меня очень, очень и очень плохо.

Впрочем, вид она до сих пор имела опечаленный.

Некоторое время я молча подбирал мелодию на гитаре. Трудно не испытывать время от времени некоторое сочувствие к ней. Фокус только в том, чтобы не забывать о том, каковы ее истинные цели: искушение, совращение, подчинение своей воле. И избежать этого я мог единственным способом — принимать каждое решение обдуманно, взвешенно, на холодную голову, не позволяя эмоциям брать верх. В противном случае я очень скоро окажусь в руках Ласкиэли — той, настоящей, заключенной в монете.

Блин, то-то весело будет...

Я постарался выбросить эту мысль из головы и с грехом пополам одолел «Every Breath You Take» из репертуара «Полис», а потом и акустическую версию «I Will Survive», которую сам, собственно, и подобрал. Покончив с этим, я попытался изобразить маленькую пьесу собственного сочинения, которая должна была бы звучать как испанская гитара, одновременно разрабатывая два наиболее непослушных пальца левой руки. Я исполнял ее, должно быть, раз тысячу, и хотя добился, конечно, некоторого прогресса, слушать ее, не морщась, все-таки пока не мог.

Только не в этот раз.

Доиграв где-то до середины, я вдруг сообразил, что делаю это безупречно. Я исполнял ее быстрее обычного темпа, добавляя новые расцветки, переборы — и на слух выходило неплохо. Очень неплохо. Сантана не постыдился бы.

Я доиграл пьесу до конца и посмотрел на Ласкиэль.

Она спокойно встретила мой взгляд.

— Иллюзия? — спросил я.

Она чуть качнула головой.

— Я просто хотела помочь. Я... я безумно давно не писала музыки. Несколько веков как не писала, и не играла. Я просто...помогла той музыке, что ты слышал у себя в мыслях, передаться на твои пальцы. Минуя несколько поврежденных нервов. Но музыка твоя, хозяин мой.

Наверное, это лучшее, что могла сделать для меня Ласкиэль. Поймите меня правильно: я чертовски благодарен ей за те случаи, когда она спасала мне жизнь — но игра на гитаре это совсем другое дело. Она помогла мне создать нечто прекрасное, и это задело какие-то струны, спрятанные во мне так глубоко, что я даже не догадывался о их существовании. Не знаю, откуда, но я совершенно твердо знал: никогда, никогда больше в жизни мне не удастся самому сыграть так хорошо. Ни-ко-гда.

Способно ли зло, настоящее Зло с большой буквы «З» на такое? Создать нечто, столь цельное и прекрасное?

Осторожнее, Гарри, осторожнее...

— Это не поможет ни мне, ни тебе, — негромко произнес я. — Спасибо, но мне нужно освоить это самому. Прорвусь как-нибудь, — я отставил гитару в сторону. — И потом, надо заняться делом.

Она коротко кивнула.

— Очень хорошо. Это касается квартиры Томаса и того, что в ней находилось?

— Да. Можешь мне это показать?

Ласкиэль подняла руку, и противоположная камину стена изменилась.

Ну, на самом-то деле она осталась прежней. Просто Ласкиэль — та ее часть, что существовала только в моем сознании — обладала способностью наводить иллюзии потрясающего, я бы сказал, до ужаса потрясающего качества, пусть даже видеть их мог я один. А еще она могла воспринимать физический мир с помощью моих органов чувств — и уж опыта и знаний ей было не занимать. Почти безупречная память ее хранила самые мельчайшие детали увиденного.

В общем, она сотворила для меня иллюзию стены Томасовой оружейной комнаты и наложила ее поверх моей реальной стены. Даже освещение в точности воспроизводило то, что я видел пару часов назад.

Я подошел к стене и принялся изучать то, что на ней висело — на этот раз обстоятельно, без спешки. Почерк у моего братца тот еще, вследствие чего его записки не слишком чтобы продвинули меня в смысле понимания ситуации.

— Хозяин мой... — начала Ласкиэль.

Я поднял руку, призывая ее к молчанию.

— Подожди. Дай мне сначала посмотреть на это непредвзято. Потом скажешь мне, что думаешь.

— Как тебе угодно.

Примерно час я, хмурясь, разбирался в бумажках. Пару раз мне пришлось свериться с календарем. Я достал из кармана блокнот и время от времени корябал в нем свои заключения.

— Ладно, — негромко произнес я, возвращаясь на диван. — Томас следил за рядом людей. За убитыми женщинами и еще за несколькими. В разных районах города. Фактически вел оперативную слежку за ними. Мне кажется, он даже нанимал в отдельных случаях частного детектива или двух. Очень уж подробно зафиксированы у него перемещения и их

сроки, — я помахал в воздухе блокнотом. — Здесь имена всех тех, кого он... — я пожал плечами, — кого он отслеживал. Я думаю, остальные имена из списка — это те, пропавшие, о ком говорили леди из Ордена.

— Думаешь, Томас на них охотился? — спросила Ласкиэль.

Я открыл, было, рот для отрицательного ответа, но сдержался.

Осмотрительность, Гарри. Рассудительность. Логика.

— Мог, — тихо произнес я. — Но мои инстинкты говорят, что это не он.

— Но почему не он? — продолжала допытываться Ласкиэль. — Твои доводы на чем-то основаны?

— Только на его личности, — сказал я. — Это не он. Соблазнять, чтобы убивать? Нереально. Возможно, он ушиблен этой их инкубской дурью, даже наверняка так, но он не причинит вреда больше, чем это возможно в его положении.

— Осознанно не причинит, — согласилась Ласкиэль. — Однако мне кажется, я должна обратить твоё внимание на то...

Я оборвал ее взмахом руки.

— Знаю, знаю. В это может быть вовлечена его сестра. Она и так уже пожрала волю лорда Рейта. Она может играть и с рассудком Томаса. А если не Лара, есть уйма других, кто мог бы это сделать. Томас мог совершать все это против воли. Блин, да он мог бы делать это, даже не помня о том, что совершил.

— Но мог бы делать это и добровольно. У него есть еще одно уязвимое место, — заметила Ласкиэль.

— А?

— Лара Рейт удерживает Жюстину.

М-да, это обстоятельство я в расчет не принимал. Жюстина была для моего брата... ну, не знаю даже, как точно назвать то, чем она для него являлась. Но он любил ее, а она — его. И не их вина в том, что она слегка съехала с катушек, а он родился пожирающим чужие жизненные силы чудищем.

Они оба с готовностью отдали бы жизнь друг за друга в тяжелую минуту, и это повязало их двоих отравленными, смертными узами. Настоящая любовь действует так на вампиров Белой Коллегии, причиняя им невыносимую боль — почти так же, как действует на другие породы вампиров святая вода. На тех, кого коснулась чистая, настоящая любовь, невозможно кормиться — именно это практически положило конец возможности для Томаса находиться рядом с Жюстиной.

Что ж, может, оно и к лучшему. Последнее их настоящее свидание едва не стоило Жюстине жизни. Я видел ее после этого — полуживое, высушенное седоволосое существо, едва способное сложить пару слов. Зрелище того, что он с ней сделал, причиняло моему брату боль хуже физической. Насколько мне известно, он даже не пытался больше быть частью ее жизни. Я не могу его в этом винить.

Теперь Жюстина находилась на попечении Лары, хотя та тоже не могла кормиться ей.

Что не помешало бы ей при необходимости перерезать Жюстине горло.

Мой брат вполне мог пойти на самый неблагоприятный поступок, если бы от этого зависело благополучие Жюстины. Блин. Ради нее он мог бы совершить что угодно.

Средства. Мотивы. Возможности. Все слагаемые, необходимые для убийства.

Я бросил еще один взгляд на иллюзорную стену. Верхний ряд фотографий, записок и схем выстроился от края до края пробковой доски. Следующий ряд оказался короче, следующий — еще короче, и к нижней части доски бумажки постепенно сходили на нет, образуя на ней этаким перевернутый треугольник. На острие его красовался единственный стикер желтого цвета.

Надпись на нем, в отличие от остальных каракулей, читалась без труда.

Ordo Lebes ? Найти.

— Чтоб тебя, Томас, — пробормотал я. Потом повернулся к Ласкиэли. — Убери это. Ласкиэль кивнула, и иллюзия исчезла.

— Есть еще одно, что тебе необходимо знать, хозяин мой.

Я внимательно посмотрел на нее.

— Ну, что еще?

— Это может касаться твоей безопасности и хода твоего расследования. Позволь, я покажу тебе.

Слово «нет» едва не сорвалось с моего языка; впрочем, я был не в том положении, чтобы выпендриваться. Опыт и знания Ласкиэли могли оказать мне неоценимую помощь.

— Только короче, ладно?

Она кивнула, встала с дивана — и я вдруг оказался в квартире Анны Эш, какой она запомнилась мне по дневному визиту.

— Хозяин мой, — сказала Ласкиэль. — Вспомни, скольких женщин видел ты входящими в здание.

Я чуть нахмурился, припоминая.

— Легко. Полдюжины... Впрочем, могли ведь подойти и до нашего с Мёрфи приезда.

— Вот именно, — кивнула Ласкиэль. — А теперь смотри.

Она взмахнула рукой, и в квартире возникли образы меня и Мёрфи.

— Анна Эш, — произнесла Ласкиэль. Она кивнула мне, и перед моим изображением возникло еще одно, Анны. — Можешь описать других присутствующих?

— Хелен Беккит, — назвал я. — Только она худее и старше, чем была, когда я ее видел в прошлый раз.

У окна возник образ Беккит.

Я махнул рукой в направлении кресла-качалки.

— Эбби с Тото сидели здесь.

В кресле возникла пухлая блондинка с собачкой на коленях. Я устало потер лоб. — Э... Еще двое на диване и одна в кресле.

На означенных местах возникли еще три призрачные фигуры.

Я ткнул пальцем в диван.

— Такая, симпатичная, в танцевальном трико, с постоянно озабоченным лицом, — одна из призрачных фигур обрела очертания, и я перешел к следующей. — Полная подозрений Присцилла... Очень невежливо себя держала, — фигура рядом с озабоченной девушкой превратилась в Присциллу.

— Ну, и о чем ты? — спросил я.

Ласкиэль тряхнула головой, повела рукой, и образы людей в квартире исчезли.

Все — кроме одной призрачной фигуры в кресле у дивана.

Я зажмурился.

— Что ты помнишь об этой? — поинтересовалась Ласкиэль.

Я напряг память. Обычно у меня не возникает с этим особых проблем.

— Ничего, — признался я. — Ни одной чертовой детали. Ни-че-го, — я сложил два и два, и получил в результате плюху. — Кто-то прикрылся занавесой. И у этого кого-то достаточно умения, чтобы сделать ее достаточно умело. То есть, человека я видел, но ничего сказать про него не могу. Не невидимка, но лишенный примечательных черт.

— В утешение тебе скажу, — улыбнулась Ласкиэль, — что ты переступил порог без приглашения, и это лишило тебя большей части сил. В подобных условиях у тебя почти не было возможности заметить занавесу — не говоря уже о том, чтобы заглянуть сквозь нее.

Я кивнул, хмурясь на призрачную фигуру.

— Это сделано специально, — буркнул я. — Анна нарочно заманила меня неприглашенным. Она прятала от меня мисс Икс.

— Вполне вероятно, — согласилась Ласкиэль. — Или...

— Или они сами не знали о том, что в помещении присутствует кто-то еще, — сказал я. — И в таком случае... — я отшвырнул блокнот и, зарывав, встал с дивана.

— Что ты делаешь? — удивилась она.

— Если загадочная гостья в новинку и для Ордена, она до сих пор там, а им грозит

опасность. А если Орден про нее знает, значит, они водили меня за нос и лгали мне, — я с удвоенной энергией распахнул входную дверь. — В обоих случаях стоит съездить туда, чтобы прояснить кое-что.

Глава ДЕСЯТАЯ

Я проверил Жучка на предмет бомб, в результате чего у меня сложилось впечатление, что меня очень скоро будет тошнить от этой процедуры. Бомб, впрочем, не обнаружилось, так что мы тронулись в путь.

Я припарковал машину в запрещенном месте в квартале от дома Анны Эш. Остаток пути мы проделали пешком. Я практически наугад потыкал кнопки домофона до тех пор, пока кто-то не глядя запустил меня внутрь, и поднялся на Аннин этаж.

На этот раз я пришел, вооружившись как на медведя. Еще в лифте я достал из кармана пузырек мази — темного липкого зелья, от которого на коже остаются не смывающиеся еще пару дней следы. Я отвинтил крышку, сунул в него палец и осторожно втер его в веки и слезники. Обыкновенно эта штука используется для того, чтобы видеть суть под гламурными побрякушками фэйре. Завеса, сотканная магией смертного — немного другое дело, но я надеялся, что бальзам поможет мне увидеть хоть немного больше. В любом случае, я смог бы замечать движение и — если повезет — составить представление о том, чего мне ожидать, если запахнет керосином.

Мыша я с собой захватил тоже не без умысла. Дело в том, что эта махина преданных мышц и угрожающих зубов умеет еще унюхивать нехороших парней и всякую нечисть. Мне еще не приходилось встречать тварь, способную просочиться мимо Мыша незамеченной; впрочем, целиком отрицать вероятность такого я не мог, поэтому имел наготове резервный план действий.

Я вышел из лифта, и по спине у меня разом забегали мурашки. Мыш резко поднял голову и огляделся по сторонам — он тоже ощутил нечто.

Плотное облако магической энергии окутало весь этаж.

Я осторожно коснулся его и обнаружил нечто, напоминающее наведенный сон — одно из классических заклятий в действии. Не очень даже сильное заклятие. Мне доводилось видеть раз, как умело сложенное заклятие погрузило в сон целый корпус больницы графства Кук. Я сам наводил похожее, чтобы спасти рассудок Мёрфи, и оно действовало целых двое суток.

Это было совсем другим — легким, едва ощутимым и ни капельки не угрожающим. Такое тонкое, хрупкое заклятие способно просачиваться в квартиры сквозь дверные щели, и даже порог не служит ему препятствием — тем более, большинство порогов на этаже не отличалось особой силой: все-таки, квартиру не сравнить с настоящим домом-крепостью. Если те заклятия, о которых я говорил, можно сравнить с сильным снотворным, это я сопоставил бы, скорее, со стаканом теплого молока. Кто-то очень хотел, чтобы чувства у жильцов на этаже притупились настолько, чтобы они не замечали ничего необычного, но не подвергая их при этом опасности. Начнись в доме пожар — и у тех хватит сил выбежать наружу.

И не смотрите на меня так. Это куда вероятнее, чем вам кажется.

Так или иначе, кто-то сложил это заклятие очень даже искусно: с хирургической точностью, я бы сказал, с изяществом — как ту завесу, которую заметила днем Ласкиэль. В высшей степени профессионально.

Я проверил, готов ли к работе мой браслет-оберег, и шагнул к Анниной двери. Оберег тоже никуда не делся, поэтому я стукнул посохом в пол перед самой дверью.

— Мисс Эш? — окликнул я. Сомнительно, чтобы я разбудил этим кого-либо из соседей. — Это Гарри Дрезден. Нам надо поговорить.

Мне никто не ответил. Я повторил еще раз, и на этот раз до меня донесся звук, словно кто-то старался перемещаться бесшумно. Половица скрипнула так тихо, что я не слал бы

утверждать наверняка, что это мне не послышалось. Я покосился на Мыша. Он наострил уши и чуть подался вперед — значит, тоже услышал это.

Этажом выше кто-то спустил воду в туалете. Потом кто-то открыл и закрыл дверь — тоже на другом этаже. Из квартиры Анны Эш больше не доносилось ни звука.

Не люблю, когда пауза затягивается.

— Отойди-ка, дружок, — посоветовал я Мышу. Он послушно попятился — неуклюже, как это получается у крупных собак.

Я занялся оберегом. По эффективности он был все равно что соломенный домик Ниф-Нифа — против большого злого волка он не продержался бы и пары секунд.

— Ща как дуну, ща как двину, — пробормотал я, чуть напряг волю и, взяв посох обеими руками, осторожно дотронулся его концом двери.

— *Solvos*, — пробормотал я. — *Solvos. Solvos*.

Стоило посоху коснуться двери, как я послал в него небольшой заряд энергии. Я буквально видел, как она струится по нему, заставляя вырезанные на дереве руны на долю мгновения вспыхивать бледно-голубым светом. Мое заклятие ударило в Аннину дверь и разлетелось фонтаном белых брызг: это высвобожденная столкновением энергия оберега рассеивалась в беспорядке в воздухе.

— Анна? — окликнул я еще раз. — Мисс Эш?

Ответа не последовало.

Я повернул дверную ручку. Она оказалась не заперта.

— Не нравится мне это, — сказал я Мышу. — Ладно, идем, — я осторожно толкнул дверь и заглянул в полутемную квартиру.

Тут-то и сработала ловушка.

Впрочем, успех ловушки зависит от того, насколько врасплох удастся застать намеченную жертву. Я держал свой новенький, усовершенствованный браслет-оберег наготове. Темная квартира осветилась зеленоватой вспышкой, и этот клубок света устремился ко мне. Я поднял левую руку, на запястье которой поблескивала цепочка из сплетенных полосок различных металлов — преимущественно, серебра. Подвешенные к цепочке крошечные металлические щиты в своей прошлой жизни тоже были серебряными. Теперь мне пришлось заменить большую часть их щитами из стали, меди, никеля и бронзы.

Новый оберег действовал не совсем так, как старый. Прошлый выстраивал жесткий, хоть и невидимый барьер, отражавший материальные тела и кинетическую энергию. Жара, скажем, он не задерживал. Собственно, именно поэтому моя левая рука прожарилась, можно сказать, до костей. Да и от других видов энергии, тем более магических, старый оберег защищал так себе. Когда бы не война и необходимость тратить столько времени на занятия с Молли (совершенствуясь при этом), мне бы и в голову не пришло мастерить такой изощренный девайс. По сложности он превосходил все, что мне приходилось мастерить прежде. Каких-нибудь лет пять назад мне это было бы просто не по зубам. Мне бы тогда не хватило на это времени... да и острой необходимости в этом, пожалуй, тоже не было.

Впрочем, одно дело тогда, а другое — сейчас.

Выстроившийся передо мною щит представлял собой не привычный светящийся бледно-голубым прозрачный купол. Вместо этого он расцвел всеми цветами радуги и тут же застыл серебристой глыбой. Я сделал его куда хитроумнее старого. Защищая от всего того, что задерживал старый, он служил одновременно барьером для жара, холода, электричества — даже, если потребовалось бы, для звука и света. Помимо этого он справлялся (по крайней мере, по моим расчетам) с самыми разнообразными магическими энергиями. Пожалуй, в описываемый момент эта его способность играла решающую роль.

Светящийся зеленый шар вырвался за порог и мгновенно вспух разрядами крошечных переплетающихся молний.

Заклятие ударило в мой щит и рассыпалось по коридору фейерверком злобных оранжевых искр. Я мгновенно убрал защитное поле.

— *Forzare* ! — рявкнул я, высвобождая встречный заряд энергии.

Невидимая сила метнулась в дверной проем — и тут же напоролась на защитное поле порога. Большая часть энергии ушла на его преодоление — должно быть, сквозь дверь в квартиру прорвалось не больше процента от выпущенного мною заряда, но на это я и надеялся. Вместо того, чтобы крушить все на своем пути (а подобными заклятиями я поднимал и переворачивал машины), энергии этой хватило аккурат для того, чтобы сбить с ног взрослого человека.

До меня донесся удивленный женский вскрик, а потом стук упавшего на пол тела.

— Мыш! — крикнул я.

Пес ворвался в квартиру, а я вошел следом за ним, вновь оставив большую часть своих магических способностей у порога.

Именно на этот случай в кармане моей ветровки лежал револьвер 44-го калибра. В квартиру я вступил, держа его в левой руке; локтем правой я двинул по выключателю.

— День у меня сегодня не задался, — сообщил я.

Мыш тем временем удерживал кого-то на месте — точнее говоря, опрокинул на пол и уселся сверху. Веса в Мыше две сотни фунтов: в качестве удерживающего средства более чем достаточно, и хотя он демонстративно оскалил зубы, никакой активной борьбы там не наблюдалось.

Справа от меня стояла, застыв как кролик в луче прожектора, Анна Эш, и именно на нее я наставил свой пистолет.

— Ни с места, — предупредил я ее. — На магию я сейчас не способен, а это значит, у меня больше, гораздо больше соблазна нажать на курок.

— О Боже, — пробормотала она севшим от потрясения голосом. Потом облизнула губы, не пытаясь скрыть дрожи. — Ладно. Т-только не стреляйте, пожалуйста. Не делайте этого.

Я приказал ей подойти к Мышу и его пленнице. Она повиновалась, и это дало мне возможность контролировать обеих, не крутя головой. Я чуть расслабился, и хотя пистолета не опустил, но палец с курка убрал.

— Не делать? Чего?

— Того, что вы сделали с другими, — устало произнесла Анна. — Не делайте этого. Не нужно.

— С другими? — переспросил я, не вложив в эти слова и половины того отвращения, что ощущал. — Вы что, решили, что я пришел убить вас?

Она уставилась на меня как на ярмарочного уродца.

— Вы явились сюда, вы взломали мою дверь, вы тычете в меня пистолетом. И как, по-вашему, я должна о вас думать?

— Не ломал я вашей двери! Она была не заперта!

— Но вы сломали мой оберег!

— Да потому, что боялся, что вам грозит опасность, дура вы несчастная! — взорвался я. — Я боялся, что здесь находится убийца.

Несколько раз кашлянула, словно задыхаясь, женщина. Прошла, наверное, секунда, прежде чем я сообразил, что это смех, и смеется прижатая Мышом к полу женщина.

Я опустил пистолет, щелкнул предохранителем и сунул его в карман.

— Нет, правда. А вы решили, что это идет убийца? И приготовили западню для него?

— Ну... нет, — неуверенно пробормотала Анна. — То есть, это не я ее сделала. Наш орден... мы наняли частного сыщика, чтобы он занялся этими убийствами. Это она придумала заманить убийцу в ловушку, когда он явится сюда.

— Частного сыщика? — я покосился на вторую женщину. — Мыш!

Мой пес, вильнув хвостом, поднялся, попятился и сел у моей ноги. Женщина, которую он удерживал все это время, села.

Кожа ее имела бледный оттенок — не болезненный, как это бывает у тех, кто почти не бывает на солнце, но здоровый цвет древесины под внешним слоем грубой коры. Вытянутое лицо я не назвал бы красивым — скорее, привлекательным: большие, полные живого

интеллекта глаза, выразительный рот. Стройная, с длинными руками и длинными ногами, она была одета в джинсы, черную футболку с эмблемой «Аэросмита» и коричневые кожаные сапоги с высоким голенищем. Она приподнялась, опершись локтями о пол, склонила голову набок, так что длинная прядь волос соломенного цвета упала ей на глаз, и не без ехидства улыбнулась мне.

— Привет, Гарри, — она коснулась пальцами кровоточащей точки на нижней губе и поморщилась, хотя ехидства в ее голосе от этого не убавилось. — Это у тебя новый посох, или ты просто рад меня видеть?

Сердце мое пару раз дернулось, чуть не выпрыгнув из груди, я зажмурился, открыл глаза и снова посмотрел на женщину... женщину, бывшую в моей жизни первой.

— Привет, Элейн.

Глава ОДИННАДЦАТАЯ

Пока Анна Эш варила кофе, я присел в кресло. Мыш пошел за Анной на кухню: уж он-то никогда не теряет надежды урвать кусочек. Там он уселся, всем своим видом изображая муки голода и повиливая хвостом.

Потом мы как цивилизованные люди пили кофе.

— Мисс Эш, — начал я, принимая у нее чашку.

— Анна, — поправила она меня.

Я согласно кивнул.

— Анна. Первым делом позвольте попросить у вас прощения за то, что напугал вас. Это не входило в мои намерения.

Она сделала глоток кофе, хмурясь, посмотрела на меня и кивнула.

— Мне кажется, я могу понять, что вами двигало.

— Спасибо, — сказал я. — И простите, что разнес ваш оберег. С удовольствием восстановлю его вам.

— Мы столько времени потратили на эту штуку, — вздохнула Анна. — То есть, я понимаю, что она... она не слишком профессионально выполнена.

— Мы? — переспросил я.

— Орден, — пояснила она. — Мы сообща пытались защитить наши дома.

— Совместная защита, — восхитился я. — Это как раньше амбары возводили.

Она кивнула.

— Примерно так, — она прикусила губу. — Только когда мы это делали, нас было еще больше.

На секунду самообладание покинуло ее. Анна разом сделалась ужасно усталой и еще более ужасно напуганной. При виде этого я ощутил неприятный укол. Настоящий страх не такой, каким его показывают в кино. Настоящий страх некрасив, не громок, но безжалостен. Он сродни боли, и мне чертовски тяжело было видеть его на лице у Анны.

Я перевел взгляд на Элейн — она тоже задумчиво смотрела на меня. Она сидела на диване, опершись локтями на разведенные колени. Чашку кофе она небрежно держала в руке. У любой другой эта поза казалась бы чуть мужской... ну, лишенной женственности. Только не у Элейн. Это только добавляло ее виду силы и уверенности.

— Он и правда не хотел причинить тебе вреда, Анна, — произнесла она, поворачиваясь к хозяйке. — У него с детства бзик — нести всем на помощь. Мне кажется, это даже придает ему такого дурацкого очарования.

— Мне кажется, в настоящий момент нам лучше задуматься о будущем, — заметил я. — Самое время обменяться информацией и вместе помозговать над ней.

Анна с Элейн обменялись долгим взглядом. Потом Анна снова покосилась на меня.

— Ты уверена?

Элейн ответила ей коротким, убежденным кивком.

— Это не он пытается причинить тебе вред. Теперь я в этом совершенно уверена.

— Теперь? — поморщился я. — Так ты из-за этого пряталась за занавесой, когда я приходил сюда в первый раз?

Элейн чуть повела точеной бровью.

— Ты не заметил ее тогда. Откуда ты узнал?

Я пожал плечами.

— Птичка напела. Ты что, считаешь, я и впрямь способен на такое?

— Нет, — мотнула головой Элейн. — Но я обязана была удостовериться.

— Уж ты-то могла бы знать меня, — буркнул я, не в силах скрыть обиду.

— Я тебе верю, — отозвалась Элейн; что бы ни звучало в ее голосе, но только не извинения. — Но ведь это мог быть не ты, Гарри. Твою внешность мог принять кто-то другой. Или это мог совершать ты под воздействием какого-то фактора. На кону человеческие жизни. Я не могла рисковать.

Мне очень хотелось огрызнуться — типа, если она допускает хотя бы мысль о том, что я могу быть убийцей, значит, она вообще меня не знает. Еще больше мне хотелось встать и, не оглядываясь, выйти из этой квартиры, пока я не...

Я вздохнул.

Ох уж мне эта ирония судьбы...

— Вы совершенно очевидно ожидали здесь убийцу, — сказал я Анне. — Сонное заклетье. Ловушка. С чего вы взяли, что он должен прийти?

— Это я, — призналась Элейн.

— А ты с чего это взяла?

Она напустила на себя безмятежно-невинный вид.

— Птичка, — произнесла она, имитируя мои интонации. — Птичка напела.

Я фыркнул.

Анна вдруг округлила глаза.

— Вы двое были вместе, — она повернулась к Элейн. — Потому ты его и знаешь.

— Это было очень давно, — заверил я ее.

Элейн подмигнула мне.

— Но первая любовь не забывается, правда?

— Первая железнодорожная катастрофа тоже не забывается.

— Железнодорожные катастрофы могут возбуждать. Даже доставлять удовольствие, — заметила Элейн. Она продолжала улыбаться, хотя глаза ее погрузнели немного. — Ну, не считая завершения.

Я невольно улыбнулся в ответ, хотя и немного кривовато.

— Верно, — согласился я. — Только я был бы весьма признателен, если бы ты не уклонялась от дела под всей этой ностальгической дымовой занавесой.

Элейн сделала глоток кофе и пожала плечами.

— Я расскажу тебе, что знаю, если ты расскажешь мне, что известно тебе.

Я скрестил руки на груди и нахмурился.

— Не далее, как минуту назад, не ты ли говорила, что веришь мне?

Она выгнула бровь дугой.

— Доверие — это улица с двусторонним движением, Гарри.

Я откинулся на спинку кресла и отхлебнул кофе из чашки.

— Ладно, пожалуй, правда твоя. То, что ты пряталась под занавесой, я понял, анализируя мой первый разговор здесь. Я не смог вспомнить ни одной подробности о женщине, сидевшей в кресле у дивана, а такое со мной обычно не случается. Поэтому я сделал вывод, что это занавеска — и пришел сюда, потому что не исключал возможности того, что тот, кто скрывался за ней, мог угрожать ордену.

На мгновение Элейн прикусила губу и нахмурилась.

— Ясно.

— Твоя очередь.

Она кивнула.

— Я работала в Лос-Анджелесе, специализировалась на делах вроде этого. Так вот, Чикаго — не первый город, в котором такое случилось.

Я даже зажмурился.

— Чего?

— Сан-Диего, Сан-Хосе, Остин и Сиэтл. За последний год систематически похищались и убивались члены небольших организаций вроде *Ordo Lebes*. Большая часть этих случаев выдавалась за самоубийства. С учетом Чикаго убийца уничтожил тридцать шесть человек.

— Тридцать шесть... — я, хмурясь, побарабанил пальцем по ручке кофейной чашки. — Ни слова об этом не слышал. Ни одного проклятого слова. Год, говоришь?

Элейн кивнула.

— Гарри, мне надо знать еще одно. Возможно ли, что к этому причастны Стражи?

— Нет, — как мог увереннее ответил я. — Невозможно.

— Потому что они такие милые, полные терпимости люди? — не сдавалась она.

— Нет. Потому, что я знаю Рамиреса, регионального командующего, ответственного за большую часть этих городов. Он ни за что не принял бы участия ни в чем подобном, — я тряхнул головой. — И потом, у нас и так острая нехватка людей. Стражей чертовски не хватает. И у них нет ни малейшего повода убивать людей за просто так.

— В Рамиресе ты уверен, — кивнула Элейн. — Можешь ли ты поручиться так за каждого Стража?

— А что?

— А то, — ответила Элейн, — что в каждом из этих городов по меньшей мере двоих жертв видели в обществе мужчины в сером плаще.

Ого-го...

Я поставил чашку на стол и сцепил руки на коленях, размышляя.

Мало кому об этом известно, но кто-то у нас в Совете регулярно снабжает информацией вампиров, и последствия этого разрушительны. Что самое обидное, предателя до сих пор не поймали. Хуже того, я сам видел не одно доказательство существования и активной деятельности еще одной закулисной организации, причем действующей с таким размахом и столь эффективно, что у меня не оставалось ни малейших сомнений: о меньшей мере часть ее членов — чародеи. Я называл их про себя Черным Советом — собственно, а как их еще назвать? — и держал ухо востро в ожидании их появления на сцене.

И гляньте-ка! Вот вам один.

— Значит, вот почему я ничего об этом не слышал, — буркнул я. — Если все считают, что это дело рук Стражей, наивно ожидать, что они обратятся к этим самым Стражам за помощью. Тем более, к той калоше, которая исполняет эти обязанности здесь.

Элейн кивнула.

— Верно. А ко мне обратились всего через месяц после того, как я получила лицензию и открыла свое дело.

Я хмыкнул.

— Откуда они про тебя-то узнали?

Она улыбнулась в ответ.

— Я значусь в «Желтых Страницах». В графе «Чародеи».

Мне ничего не оставалось, как фыркнуть.

— Я всегда знал, что ты сдувала у меня контрольные.

— Не вижу ничего плохого. Главное, списывать правильные ответы, — она откинула прядь волос за ухо таким знакомым, привычным жестом, что сердце защемило от уймы связанных с этим воспоминаний. — Впрочем, большая часть дел попадает ко мне по рекомендациям старых клиентов... работой моей, вроде, довольны. Так или иначе, всех... ну, почти всех жертв объединяет одно: они жили одни или изолированно.

— А я, — тихо произнесла Анна, — последняя из членов ордена, кто живет одна или изолированно.

— Скажи, в тех, остальных городах, — спросил я у Элейн. — Убийца ничего не

оставлял за собой? Ну, там, посланий? Намеков?

— Каких? — удивилась Элейн.

— Цитат из Библии, — ответил я. — Оставленных таким образом, что прочесть их в состоянии только люди вроде тебя или меня.

Она покачала головой.

— Нет. Ничего такого. А если и было, я этого не заметила.

Я устало вздохнул.

— Так вот, в двух случаях на месте преступления оставлены послания. У вашей знакомой Жаннин и еще одной женщины по имени Джессика Бланш.

Элейн нахмурилась.

— Я так и поняла из того, что ты говорил прежде. Только смысла в этом никакого не вижу.

— Очень даже есть смысл, — возразил я. — Только мы его пока не нашли, — я нахмурился. — Как думаешь, могут какие-то из других смертей иметь отношение к Белой Коллегии?

Элейн нахмурилась и встала. Она отнесла свою чашку на кухню и вернулась, задумчиво хмурия бровь.

— Не могу утверждать наверняка, что не имеют. Не знаю. Но и доказательств того, что имеют не видела, точно. А что?

— Прошу прощения, — неуверенно вмешалась Анна. — Белая Коллегия?

— Белая Коллегия вампиров, — уточнил я.

— А что, их несколько разных? — удивилась она.

— Угу, — кивнул я. — Красная Коллегия — это те, с которыми воюет сейчас Белый Совет. Такие, похожие на летучих мышей, но способны принимать человеческий облик. Кровососы. Вампиры Белой Коллегии больше похожи на людей. Психопаразиты. Соблазняют своих жертв и питаются их жизненной энергией.

Элейн кивнула.

— Но почему ты меня о них спросил, Гарри?

Я набрал в грудь воздуха.

— Я обнаружил нечто, что позволяет предположить: Джессика Бланш погибла в результате того, что ее энергию пожрал какой-то сексуальный хищник.

Некоторое время Элейн молча смотрела на меня.

— Не укладывается в общую схему, — сказала она наконец. — Что-то не так.

— Или кто-то.

Она нахмурилась.

— Есть только одна точка, от которой можно раскручивать поиски.

— Джессика Бланш, — кивнул я.

Мыш вдруг вскочил, повернулся мордой к дверям и зарычал.

Я тоже встал, вдруг вспомнив, что вся моя сила осталась за порогом квартиры, а оставшейся магии не хватит даже на то, чтобы выбраться из бумажного мешка.

Погас свет. Мыш продолжал рычать.

— О Боже, — выдохнула Анна. — Что происходит?

Я стиснул зубы и зажмурился, пытаясь адаптироваться к внезапной темноте. Обоняния моего коснулся слабый, но едкий запах.

— Чувствуете? — спросил я.

— Что? — голос Элейн звучал на удивление спокойно.

— Дым, — ответил я. — Нам надо убираться отсюда. Мне кажется, дом горит.

Глава ДВЕНАДЦАТАЯ

— Свет, — негромко скомандовал я.

Я не договорил еще, а Элейн уже бормотала слова заклинания, и ее амулет-

пентаграмма, почти точная копия моего, засиял зеленовато-белым светом. Она подняла его над головой, держа за серебряную цепочку.

В этом неярком свете я подошел к двери и осторожно дотронулся до нее — так, как учили на занятиях по безопасности в школе. Ничего особенного я не заметил.

— В коридоре огня нет, — сообщил я.

— Пожарная лестница? — спросила Элейн.

— Она рядом, — заверила ее Анна.

Мыш продолжал рычать, не сводя взгляда с двери. Запах дыма усиливался.

— Кто-то или что-то поджидает нас в коридоре.

— Что? — ахнула Анна.

Элейн перевела взгляд с Мыша на меня и прикусила губу.

— Окно?

Сердце мое колотилось что-то очень уж часто. Не люблю я пожаров. Не люблю получать ожоги. Это больно и некрасиво.

— Может, я и смог бы управлять падением, — сказал я, заставляя себя дышать ровно, спокойно. — Но в доме полно людей, а сигнализация и спринклеры явно выведены из строя. Должно быть, кто-то их заколдовал. Надо поднять жильцов.

Мыш повернул свою лохматую башку и секунду-другую внимательно смотрел на меня. Потом описал круг по комнате, тряхнул головой пару раз потянул в себя воздух — и сделал то, чего я не знал за ним со времен его щенячества, когда он запросто помещался в карман моей ветровки.

Он залаял.

Громко. Напористо. «ГАВ! ГАВ! ГАВ!» — с механической монотонностью метронома.

Ну, то есть, возможно, суть вещей это мое описание и передало, но вот интенсивность — вряд ли. Всем в Чикаго хорошо известно, как ревет сирена штормового предупреждения. Если вы живете где-нибудь в штатах Среднего Запада, у вас тоже есть такие — системы оповещения о приближающихся торнадо. Возможно, к таким сиренам вы даже привыкли. Я сам жил как-то раз ярдах в тридцати от такой — так вот, поверьте мне на слово, этот звук воспринимается совсем по-другому, когда вы находитесь прямо рядом с его источником. Это не просто завывание. Когда он раздается у вас над ухом, он становится осязаемым — таким каскадом, размазывающим мозг по стенкам вашего черепа.

Лай Мыша можно было бы сравнить с этим — отчасти. Каждый раз, когда он лаял, клянусь вам, у меня некоторые мышцы самопроизвольно дергались или сжимались как от инъекции адреналина. Я не смог бы спать даже при половинной громкости такого лая — и это без учета тех доз энергии, что лупили по мне электрическими разрядами с каждым новым «гав!» В тесном пространстве квартиры лай просто оглушал не хуже артиллерийского залпа. Мыш гавкнул так раз двенадцать, а потом смолк. Наступила внезапная тишина, только в ушах звенело.

Прошло несколько секунд, прежде чем уши мои снова обрели способность слышать, и до меня донеслись звуки с этажа над нами: шлепки босых ног, одновременно соскочивших с кроватей. Такие звуки слышишь обычно в казарме при подъеме по тревоге. В квартире за стеной кто-то кричал. Залаяли другие собаки, заплакали дети. Захлопали двери.

Мыш снова сел, поводя башкой из стороны в сторону на каждый новый звук.

— Блин-тарарам, Гарри, — выдохнула Элейн, широко раскрыв глаза. — Это... Откуда, черт подери, у тебя настоящая Храмовая Собака?

— Э... Если уж на то пошло, из места, очень похожего на это, — я потрепал Мыша по загривку. — Умница, пес.

Мыш вильнул хвостом и распахнул пасть в довольной ухмылке.

Левой рукой — в правой я держал пистолет — я отворил дверь и, вытянув шею, посмотрел вправо-влево по коридору. Там и сям метались хорошо видные в дыму лучи фонариков. Слышались крики: «Пожар! Пожар! Выводите всех!»

В коридоре царил хаос. Я не разглядел никого, похожего на затаившегося убийцу —

впрочем, скорее всего, если я не видел его (или их), то и они вряд ли имели шанс разглядеть меня в столпотворении спешивших покинуть дом людей.

— Анна, где пожарная лестница?

— Э... Там, куда все бегут, — ответила Анна. — Справа.

— Справа, — кивнул я. — О'кей, значит, план таков: выходим вместе с жильцами из дома, пока не сгорели к чертовой матери.

— Тот, кто все это устроил, — напомнила Элейн, — наверняка ждет нас на улице.

— Сейчас обстановка для этого недостаточно интимная, — возразил я. — Но будем осторожны. Мы с Мышом идем первые. Анна, держитесь за нами. Не отставайте. Элейн, прикрываешь нас с тыла.

— Щиты? — спросила она.

— Угу. Справишься?

Она оскорбленно повела бровью.

— Ладно, — кивнул я. — О чем, бишь, я? — я взял в руку поводок Мыша и бросил взгляд на свой посох. — Будем отступать с достоинством, — Мыш разинул пасть и натянул поводок. Я перехватил посох правой рукой, а левую с зажатым в ней пистолетом сунул в карман ветровки, чтобы его не было видно. — Анна, положите руку мне на плечо, — пальцы ее послушно сжали мой рукав. — Отлично. Пошли, Мыш.

Мы с Мышом вышли в коридор; Анна не отставала ни на шаг. Мы драпали — будем честными, это называется именно так. Ну, в лучшем случае, отступали. Нет, все-таки драпали. Тикали. Уносили ноги. Пожар в доме — это ужас; кому-кому, а уж мне это хорошо известно.

Правда, такого, чтобы дом при этом был полон жильцов, со мной еще не случалось — и признаюсь, я ожидал на порядок больше паники, чем оказалось. Возможно, все дело в том, как разбудил всех Мыш. Никто не оступался и не задевал за стены, как это обычно бывает с теми, кого вдруг разбудили из глубокого сна. Все держали, так сказать, ухо остро и хвост трубой, и хотя боялись, конечно, все, страх этот помогал эвакуации, а не мешал ей.

С каждым лестничным пролетом дым становился все гуще, и я постепенно начинал задыхаться. Не могу сказать, чтобы это меня ободряло. Большая часть жертв при пожаре погибает от дыма задолго до того, как до них добирается огонь. Впрочем, нам все равно не оставалось ничего, как спешить дальше.

А потом мы миновали дым. Пожар начался тремя этажами ниже Анниной квартиры, и огнестойкой двери с этого этажа на лестницу просто не было: только петли с ошметками полотна. Из расположенного за ней коридора густыми клубами валил черный дым. Мы-то прорвались, но над Анной оставалось еще четыре этажа, а лестница быстро превращалась в огромный дымоход. Жильцам этих этажей наверняка приходилось туго, и Бог знает, чем все это могло для них кончиться.

— Элейн! — прохрипел я.

— Сейчас! — откликнулась она, закашлялась бросилась обратно к зияющему проему. Дым жадными черными щупальцами потянулся к ней; она неожиданно царственным жестом вскинула руку, и он разом исчез.

Ну, не совсем. В дверном проеме что-то мерцало и переливалось, словно кто-то затянул его тонкой мыльной пленкой — а с другой стороны его набухал, клубился, силясь прорвать ее, дым. На лестнице разом стало тише, жадный рев огня унялся немного, и стали слышны шарканье ног и людское дыхание.

Несколько секунд Элейн всматривалась в закупорившее проем силовое поле, удовлетворенно кивнула и спокойной, деловой походкой направилась догонять нас.

— Тебе не нужно остаться на случай, если через нее кто-нибудь попытается пройти? — спросил я. Мыш прижимался к моим ногам: ему явно было страшно и не терпелось покинуть горящий дом.

Она взмахом руки остановила меня, потом внимательно прислушалась.

— Нет, — сказала она, наконец. — Эта штука проницаема для живых существ.

Соберись. У нас в запасе минута, максимум две.

Проницаема? Ого! Я бы такого ни за что не осилил, тем более, без подготовки. Впрочем, в том, что касалось сложных заклинаний, Элейн всегда была сильнее меня.

— Верно, — кивнул я, взял ее руку и положил на плечо Анне. — Пошли, быстро.

А потом вокруг не было ничего кроме ступеней, мечущихся лучей фонариков, эха голосов и шагов. Я перешел на бег. Не потому, что бегать полезно, но потому, что мне не хотелось, чтобы нас догнали в случае погони. Не могу сказать, чтобы мы от этой гипотетической погони сильно оторвались: половина моих сил уходила на кашель от дыма, но и второй, по крайней мере, хватало на то, чтобы присматривать за Анной и занятой поддержанием щита Элейн, не спотыкаться о Мыша и не падать под ноги тем, кто спускался следом.

Ко времени, когда мы спустились на второй этаж, я уже был в состоянии изготовить свой собственный щит.

— Элейн! — прохрипел я через плечо. Она прошептала что-то, задышавшись, пошатнулась и схватилась за лестничный поручень. Анна подхватила ее, не давая упасть. Сверху послышались грохот, рев и испуганные крики.

— Быстро, быстро! — подгонял я своих спутниц. — Элейн, готовь щит.

Она кивнула и повернула серебряное кольцо на пальце левой руки рисунком вверх. Похожий на взмах крыла миниатюрный щит на кольце напоминал один из тех, из которых складывался мой браслет-оберег.

Мы одолели последний лестничный марш и вывалились на улицу.

Там оказалось не так темно, как я ожидал. Хотя ближние к дому фонари вырубались, те, что подальше, продолжали исправно гореть. Ну, и горящая квартира добавляла немного света. Не то, чтобы этот свет ослеплял — в лучшем случае, освещал интерьер горячей квартиры; одно из окон было разбито, и из него валил черный дым.

Из дома выбегали, кашляя, люди. Кто-то из соседей, а может, и изнутри дома, с мобильного, вызвал пожарных, потому что, судя по завыванию сирен, к дому их приближалось в изобилии. Погорельцы толпились на противоположной стороне улицы, подальше от горящего дома, и уже оттуда — с безопасного, как им казалось, расстояния, смотрели на пожар. Почти все были в той или иной степени раздеты: одна пышнотелая юная леди, например, щеголяла в красной шелковой простыне, держа в руке туфли на длинных шпильках. Ее спутник в красном же шелковом халате ощущал себя явно не в своей тарелке; не могу сказать, чтобы я не понимал его чувств.

Собственно, я замечал все эти подробности только в силу профессии: следовательно положено быть наблюдательным.

Именно поэтому, вглядываясь в толпу на случай, если красные шелковые простыни и туфли на шестидюймовых шпильках скрывают очередную засаду, я увидел высокого мужчину в сером плаще.

Разглядел я его плохо — фары пожарных машин били в глаза. Но я увидел, как взметнулась пола плаща, словно он ощутил на себе мой взгляд и отвернулся. Опознать его по силуэту я, увы, не смог.

Впрочем, насколько я мог судить, сам он этого не знал. Он застыл как вкопанный, потом повернулся и нырнул за угол.

— Мыш! — рявкнул я. — Остаешься с Анной!

А потом пустился в погоню за Серым Плащом.

Глава ТРИНАДЦАТАЯ

Вообще-то, гнаться без оглядки за кем-то по ночному Чикаго — не самый разумный поступок.

— Не пори горячку, Гарри, — прохрипел я сам себе на бегу. — Болван, именно так ты обычно и огребашь неприятностей на свою задницу.

Двигаясь с легкостью профессионального спортсмена-марафонца, Серый Плащ свернул в темный переулок, где мне никак уж не приходилось бы рассчитывать на помощь копов или прочих спасателей.

Пока не поздно, это стоило обдумать, вычислить его дальнейшие ходы.

О'кей, допустим, я Серый Плащ. Мне нужно замочить Анну Эш, поэтому я поджег дом... нет, постойте-ка... Поэтому я использовал такую же зажигательную бомбу, как та, что испепелила Мёрфин «Сатурн». Сунул ее, скажем, в микроволновку на кухне парой этажей ниже Анниной квартиры, отрубил в доме электричество, телефон и сигнализацию и устроил там хороший пожар — бац! А потом принялся ждать под дверью у Анны, пока она в панике выскочит из квартиры, чтобы без помех прикончить ее и уйти, оставив все улики гореть синим пламенем. И все вышло бы шито-крыто, выглядя как несчастный случай. Вот только я никак не ожидал застать Анну в обществе двух первоклассных чародеев, и уж тем более не ожидал, что вместе с ними будет еще Мыш. Пес перебудил всех лаем, и все расчеты на отсутствие свидетелей пошли прахом. Кто-то наверняка позвонил пожарным — в общем, вечер не сложился. Надеяться на то, что Анну удастся устранить без лишнего шума, просто наивно.

И что мне теперь делать?

Привлекать к себе внимание я не хочу, уж это точно, иначе зачем мне было прикладывать столько усилий в попытке выдать все это за несчастный случай. Я осторожен, хитер и терпелив, иначе я не провернул бы все в четырех других городах, не засветившись. Я поступлю так, как поступил бы на моем месте настоящий, хитрый хищник.

Я сделаю ноги.

Я обязательно буду держать где-нибудь неподалеку машину на случай экстренного отступления.

Серый Плащ добежал до конца переулка и повернул налево, опережая меня футов на двадцать. Потом свернул за угол и прибавил хода, направляясь к многоэтажной стоянке.

Я не стал гнаться за ним дальше.

Видите ли, раз уж я такой матерый, расчетливый убийца, я должен исходить из худшего: из того, что мой преследователь тоже не дурак, а к тому же еще и полон сил. Поэтому самое разумное с моей стороны — заманить его в гараж, где полно углов и поворотов, позволяющих запутать след — а главное, свою машину я оставил вовсе не здесь. Стопудово не здесь. Пока я буду расплачиваться за парковку, пока буду выезжать наружу, я наверняка привлеку к себе то самое внимание, которого хотел бы избежать. Я здесь только для того, чтобы запутать преследователя в рядах машин, в лабиринтах проездов и проходов, а потом без помех вернуться к своей тачке.

Не сбавляя скорости, я выбежал на улицу, свернул за угол и остановился, пригнувшись, готовый в любой момент сорваться с места. У дальней стены гаража не стояло ни одной машины, в переулке — тоже. Значит, Серый Плащ оставил тачку либо на улице перед входом в гараж, либо за углом слева. Стоя на углу, я мог контролировать оба этих места.

Я укрылся за мусорным контейнером, надеясь на то, что я и впрямь так хитер, как мне кажется. Впрочем, в одном я был совершенно уверен: в том, что преследовать Серого Плаща в темном гараже в лучшем случае просто глупо, а в худшем — смертельно опасно. Застань он меня врасплох, и от меня мокрого места не останется.

Ну, это если исходить из того, что он не настоящий Страж — иначе он запросто мог поразить меня молнией, или огненным смерчем, или любой другой подобной дрянью на выбор. Эта мысль, право же, немного ободрила меня.

Видите ли, большую часть своей взрослой жизни я провел в постоянном страхе перед Стражами. Они преследовали меня, превратились в этиких персональных страшилок — а теперь, несмотря на тот факт, что я сам сделался одним из них, я испытывал почти детскую радость при мысли о том, что мерзавец, за которым я охочусь, может оказаться Стражем. Это давало мне идеальную возможность с лихвой расплатиться за все мои прошлые страхи.

Если, конечно, это не Страж, проделывающий все это по приказу. Были времена, когда

я сказал бы вам, что Белый Совет состоит из достойных людей, превыше всего ставящих человеческую жизнь. Теперь-то я знаю его лучше. В тех случаях, когда это представляется ему уместным, Совет сам нарушает Законы. А подростков, нарушивших эти же самые законы по чистому незнанию, он казнил. Ну и война тоже способствовала этому: в нынешней, почти отчаянной ситуации Совет предпочитает не рисковать своей задницей, меньше заботясь при этом сохранностью чужих жизней.

Трудно, конечно, представить себе логику, согласно которой находящийся при исполнении обязанностей Страж опустится до подобных действий, или капитан Люччо — командующий Корпусом Стражей — отдаст такой приказ, но я давно уже разочаровался в честности и искренности Совета в целом и Стражей в частности. Кстати, в действиях Серого Плаща я особой логики тоже не видел. Сценарий, по которому я пытался предугадать его действия, основывался на логике, но логично мыслящий человек не будет убивать людей, выставляя их при этом самоубийцами, правда? Так что вполне возможно, я зря тратил время.

Похожая на тень фигура возникла на краю крыши и сиганула с высоты шести этажей на асфальт. Секунду-другую Серый Плащ стоял пригнувшись, будто прислушивался, а потом распрямился и быстрым, но спокойным шагом направился к припаркованным у тротуара машинам.

Я даже зажмурился.

Вот сукин сын.

Нет, все-таки, логика — иногда — срабатывает.

Я стиснул зубы, крепче сжал в руке посох и выпрямился, чтобы как следует врезать этому Серому Плащу — пусть провалится прямо в ад.

И застыл.

Если Серый Плащ и впрямь из Черного Совета, если он копает под Белый Совет и вообще умножает суммарное зло на планете, разнести его в клочья, возможно, не самый умный поступок. До сих пор Черный Совет был, простите за заимствованное определение, призрачной угрозой. То есть, я не сомневался в том, что они замышляют недоброе, и что, судя по избранным ими методам, жизни невинных людей они ни во что не ставят — взять хотя бы то, как Серый Плащ поджег дом, полный спящих людей, ради того, чтобы поразить одну-единственную цель. Что ж, это вполне укладывалось в их общую тактику: наносить удары неявно, не давая понять ни того, кто это совершает, ни того, чего он на деле этим добивается.

Ну, конечно, если Черный Совет действительно существует в реальности, а не только в теории.

Впрочем, машина для бегства Серого Плаща тоже существовала пока только в теории.

Вот он, желанный шанс добыть хоть какую-то информацию о Черном Совете. Знание — это абсолютное оружие. Так было всегда, и так будет.

Я мог отпустить Серого Плаща, сесть ему на хвост и посмотреть, что мне удастся узнать, а уже потом прихлопнуть его к чертовой матери. Может, он выведет меня к чему-то, жизненно важному — ну, типа, как «Энигма» для союзников во Вторую Мировую. С другой стороны, может, ни к чему и не выведет. Ни одна уважающая себя тайная организация не позволит себе начать операцию, не просчитав возможности провала агента и последствий этого. Блин, даже если Серый Плащ выложит мне все, что знает, информация все равно будет неполной.

И все это, конечно, если исходить из того, что Плащ и впрямь член Черного Совета. Очень большое допущение. А действуя, исходя из допущения, вы рискуете не столько буквой «д», сколько опущением. Не кого-то там, а себя, любимого. Вполне возможно, не останови я его сейчас, пока у меня есть такая возможность, Серый Плащ нанесет еще один удар. Погибнут люди.

Да уж, Гарри. А сколько людей погибнет, если Черный Совет и дальше будет наращивать мускулы?

Черт. Черт, черт, черт. Сердце диктовало мне прихлопнуть Серого Плаща прямо сейчас.

Лица с полицейских фотографий стояли у меня перед глазами, смотрели на меня стеклянными, мертвыми глазами, вызывая к отмищению. Я боролся с почти неодолимым желанием выйти из укрытия и врезать этому вонючему убийце так, чтобы от него мокрого места не осталось.

Однако рассудок диктовал мне другое. Рассудок диктовал мне остыть, поразмыслить и поступить так, как будет лучше для большинства тех, чьи жизни зависели от меня.

Разве не я говорил себе всего несколько часов назад, что все мои действия — если я хочу, конечно, сохранить контроль над собой — должны диктоваться рассудком и здравым смыслом?

Это далось мне нелегко. Очень, очень нелегко. И все же я поборол адреналиновый шторм и жажду бить и крушить, и пригнулся за мусорным контейнером, лихорадочно думая, как поступить. Серый Плащ тем временем сел в зеленый седан, завел мотор и вырулил на улицу. Пригнувшись, я перебрался на новую позицию между двумя стоящими у тротуара машинами и дождался, пока Серый Плащ проедет в считанных футах от меня.

Тогда я нацелил конец посоха в корму его тачки и сосредоточился.

— *Forzare*, — шепнул я. Тонкая — такая тонкая, какую мне только удалось настроить — струя энергии сорвалась с конца моего посоха и ударила в машину чуть выше заднего бампера с силой вылетевшего из-под колес камешка. Машина проехала мимо меня, не сбавив хода, и я успел еще разглядеть номерной знак.

— *Tractis* ! — шепнул я, стоило ей отъехать чуть дальше, а потом поднял посох и поднес его конец к глазам.

В свете уличного фонаря на нем поблескивал кусочек зеленой эмали размером с половину центовой монетки. Я лизнул кончик пальца, прижал его к краске и снял ее с посоха. В кармане моей ветровки всегда найдется коробок водостойких спичек — так, на всякий случай. Свободной рукой я достал его, открыл, вытряхнул спички и осторожно положил на их место кусочек краски.

— Попался, гад, — прошептал я.

По логике вещей Серому Плащу полагалось очень скоро избавиться от машины, так что времени у меня оставалось в обрез. Если ему удастся улизнуть от меня и причинить вред еще кому-либо, это останется на моей совести. Я не собирался допустить этого.

Я сунул спичечный коробок в карман, повернулся и бегом бросился обратно к Анне и Элейн. Когда я добрался до них, горящий дом и пожарные машины, число которых прибывало на глазах, освещали квартал едва ли не ярче дневного света. Я высмотрел в толпе Элейн, Анну и Мыша, и подошел к ним.

— Гарри, — выдохнула Элейн с нескрываемым облегчением. — Что, поймал его?

— Нет пока, — ответил я. — Нужно еще поработать немного. Тебе есть, где укрыться?

— Номер в гостинице, вроде, вполне надежен. Вряд ли кому-то еще известно, кто я. В «Эмбер-Инн».

— Хорошо. Забери Анну с собой. Я тебе позвоню.

— Нет, — с неожиданной твердостью возразила Анна.

Я покосился на пылающий дом и нахмурился.

— Понятное дело, вы предпочли бы спокойно провести ночь дома, но...

— Я должна убедиться, что с остальными нашими все в порядке, — сказала она. — Что, если убийца решит нацелиться на кого-нибудь из них?

— Элейн, — повернулся я к той за поддержкой.

В ответ Элейн пожала плечами.

— Я на нее работаю, Гарри.

Я выругался про себя и покачал головой.

— Ладно. Соберите всех вместе и держите оборону. Позвоню утром.

Элейн кивнула.

— Идем, Мыш, — вздохнул я, взял его за поводок, и мы отправились домой — и к Маленькому Чикаго.

Глава ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ

Вернувшись домой, Мыш проследовал напрямик к пластиковому тазу, служившему ему миской. Сосредоточенно, с голодной устремленностью доел он весь лежавший в ней сухой корм до последней крошки, выпил всю воду из стоявшей рядом плошки, а потом плюхнулся на свое любимое место у камина, даже не покружившись на месте, как он обычно это делает. Заснул он практически мгновенно.

Я пригнулся потрепать его по загривку и на всякий случай пощупал ему нос. Нос был холодный и влажный — все как положено. Хвост его слабо дернулся при моем прикосновении, но глаз он не открыл — слишком устал. Не знаю, чего такого особенного вложил он в свой лай, что смог разбудить весь дом, но это явно совершенно лишило его сил. Я снял ветровку и укрыл его — пусть спит.

Потом еще раз позвонил Томасу домой, но попал только на автоответчик. Поэтому я накинул на плечи свой тяжелый фланелевый халат — он теплый, а в моей подвальной лаборатории изрядно холодно, — сдвинул ковер, прикрывавший люк в полу, и спустился по стремянке вниз, по дороге воспламенив заклинанием свечи.

В моей лаборатории всегда было немного тесно, но с тех пор, как я взялся за обучение Молли, в ней и вовсе не пройти. Лаборатория представляет собой прямоугольную бетонную коробку. Три стены заняты дешевыми проволочными стеллажами, сплошь уставленными книгами и емкостями с необходимыми мне для работы материалами (ну, например, герметичный свинцовый контейнер, в котором хранятся полторы унции обедненного урана), а также прочими полезными в моем ремесле причиндалами. В число последних входят, скажем, пожелтелый от времени человеческий череп, лежащий на полке в окружении нескольких любовных романов в бумажной обложке, или имеющее ценность, скорее, для коллекционера собрание вампирских клыков — трофеев Стражей со всех Штатов, хотя большую часть добыли все-таки мы с Рамиресом.

В дальнем конце лаборатории, у свободной стены мне удалось-таки выкроить место для маленького стола и пары стульев. Здесь Молли выполняла большую часть своих заданий, вела дневник, упражнялась в расчетах заклинаний и держала книги, которые я давал ей на прочтение. Мы с ней как раз приступили к курсу изготовления бальзамов и зелий, так что в описываемый момент большую часть поверхности стола занимали ступки, колбы и горелки. Пожалуй — это и к лучшему: по крайней мере, они заслоняли пятна, оставшиеся от первого ее неудачного опыта по этому предмету. Рядом со столом поблескивал вмурованный в бетонный пол серебряный круг, который я использовал для призывания всякой нечисти.

Раньше главным моим рабочим местом служил большой стол в центре помещения. Только не сейчас. Сейчас всю его поверхность занял Маленький Чикаго.

Именно так я назвал уменьшенную модель Чикаго — по крайней мере, центральной его части в радиусе четырех миль от Бёнем-Харбор. Каждая улица, каждый дом были представлены здесь в упрощенном, уменьшенном виде. Я изготовил их из олова, но каждый элемент содержал крошечную частицу оригинала — коры с деревьев, крошки асфальта с дорожного покрытия, осколки кирпича (мне долгое время приходилось ходить с молотком в кармане). Модель открывала мне новые, весьма любопытные пути использования магии, и с ее помощью я мог теперь узнать о Сером Плаще гораздо больше, чем всего год назад.

Ну... или все могло рвануть к чертовой матери. Тут уж или одно, или второе.

Чародей я все-таки очень еще молодой, а Маленький Чикаго — безумно сложная игрушка, в которой циркулирует чертова уйма магической энергии. Мне приходилось из кожи вон лезть, совершенствуя модель с тем, чтобы она соответствовала постоянно меняющемуся городу. В противном случае модель могла выйти из строя, причем, вполне возможно, очень впечатляющим образом. Действительно, неконтролируемое высвобождение такого количества энергии в замкнутом пространстве лаборатории превратило бы меня в хорошо прожаренный стейк.

Короче, Маленький Чикаго — сложный и дорогой инструмент, и я ни за что бы не взялся за его изготовление, не будь у меня квалифицированного консультанта.

Я достал из кармана спичечный коробок, поставил его на край стола и повернулся к черепу.

— Поднимайся, Боб, — сказал я. — Дело есть.

Череп на полке пошевелился, и в пустых глазницах его загорелись крошечные огоньки. Послышался звук, напоминающий человеческий зевот, и череп повернулся в мою сторону.

— Что стряслось, босс?

— Новый злодей, и действует чертовски грамотно.

— Он что, перешел на метрическую систему? — удивился Боб. — Наш, американский злодей должен действовать не грамотно, а унциево!

— Что-то настроение у тебя игривое.

— Я просто возбужден. Ведь я сейчас поведу с пышкой, правда?

Я бросил на череп строгий, очень строгий взгляд.

— Она не пышка. И не пончик. И не ром-баба. И вообще, не баба. Она моя ученица.

— Как ни назови, — возразил Боб. — Но ведь я ее сейчас увижу, да?

— Нет, — отрезал я.

— Ох, — сказал Боб, вложив в это междометие всю обиду и разочарование шестилетнего ребенка, которого только что отправили спать из-за праздничного стола. — Почему нет?

— Потому что она все еще не научилась мудро распоряжаться своей силой, — ответил я.

— Так я ей помогу! — обрадовался Боб. — Уж с моей-то помощью она столько всего сможет!

— Вот именно, — кивнул я. — Запомни, ты под колпаком, пока я не скажу иначе. Не привлекай к себе внимания. Не смей открывать ей того, кто ты на самом деле. При Молли ты просто неодушевленная игрушка — вплоть до дальнейшего моего распоряжения.

— Гмм, — вздохнул Боб. — Такими темпами мне ни за что не увидеть ее нагишом вовремя.

— Вовремя? — хмыкнул я. — Для чего?

— Для того, чтобы восхититься ею в расцвете ее юной, невинной, полной жизненных соков красоты! А так к моменту, когда ты разрешишь мне поговорить с ней, боюсь, она начнет увядать.

— Почему-то я почти уверен, что ты переживешь такой удар.

— Жизнь, Гарри — это не только выживание.

— Верно, — согласился я. — Есть еще работа.

Боб закатил глаза-огоньки в пустых глазницах черепа.

— Брат мой. Ты держишь ее за монашку, а меня заставляешь работать как собаку. Это несправедливо.

Я начал собирать все необходимое, чтобы завести Маленький Чикаго.

— Кстати, о собаках. Сегодня вышла странная история, — я рассказал Бобу про Мыша и его лай. — Тебе известно что-нибудь про Храмовых Собак?

— Больше твоего, — вздохнул Боб. — Но ненамного. По большей части почерпнутое из слухов и сказок.

— И ничего, похожего на правду?

— Почти ничего. Ну, несколько моментов, на которых сходятся различные источники.

— Валяй.

— Они не совсем смертные, — сказал Боб. — Это потомки священной собаки Фу и земной суки. Они очень умны, очень преданы, выносливы и при необходимости могут здорово надрать кому-нибудь задницу. Однако основная их функция — сторожевая. Они следят, не проникает ли в наш мир темных духов или энергий, они охраняют людей или их территорию, а также предупреждают их и всех остальных об опасности.

— Что ж, тогда ясно, почему Старая Май отрядила на помощь Стражам изваяния этих Храмовых Псов, — я достал метелку, сделанную из рябиновой палочки и связки совиных перьев и осторожно смахнул ею пыль с миниатюрного города. — А что насчет этого лая?

— Их лай обладает некоторой сверхъестественной силой, — ответил Боб. — Во многих преданиях говорится о том, что его слышно на расстоянии до пятидесяти или даже шестидесяти миль. И его свойства не ограничиваются физическими: он способен проникать в Небывальщину, и его улавливают даже бестелесные создания. Они его боятся; большинство их бежит его как огня — кстати, при необходимости Мышь может запросто запустить зубы, несмотря даже на то, что они духи. Я думаю, этот лай-будильник, о котором ты говоришь, является частью его сторожевых свойств, таким оповещением о грозящей опасности.

— Суперпес, — хмыкнул я.

— Но не пуленепробиваемый. Храмовые псы смертны.

Это стоило обдумать. Интересно, можно ли найти кого-нибудь, кто изготовил бы Мышу кевларовый бронежилет.

— Ладно, Боб, — сказал я. — Заводи и проверь системы.

— Слушаюсь, босс. Надеюсь, ты отметишь, что я делаю это, не повторив еще раз жалобы на несправедливость того, что ты видел эту пышку неглиже, а я нет.

— Отмечу в протоколе, — буркнул я, снял с полки череп и поставил его на лист голубого прозрачного пластика, обозначавший озеро Мичиган. — Проверь, все ли в порядке, пока я настрою морду лица для работы.

Череп повернулся лицом к городу, а я сел на пол в позе лотоса и закрыл глаза, сосредотачиваясь и замедляя сердцебиение. Дышать я старался реже, глубже, чтобы с каждым выдохом меня покидали тревоги, эмоции — все кроме того, что нужно для работы.

Помнится, раз, обсуждая со мной боевые искусства, Мёрфи сказала, что рано или поздно наступает момент, когда никто уже не может научить тебя ничему новому. И что стоит тебе достичь этого состояния, как единственным способом продолжать совершенствоваться остается передавать свои знания кому-то еще. Именно поэтому она занималась с детьми и вела курсы самообороны для женщин.

Тогда это показалось мне расплывчатой мудростью вроде тех, на которые так горазд буддизм, но блин-тарарам, она оказалась совершенно права. В свое время у меня уходил целый час на то, чтобы настроиться на нужный лад. Зато в процессе обучения Молли медитации я сам поневоле повторил азы этой науки и к удивлению своему понял их лучше и глубже, чем мне это удалось в ее возрасте. Даже не знаю, кто из нас двоих получил больше от наших совместных занятий, она или я.

Сейчас у меня уходило на сосредоточение десять-двенадцать минут. Когда я встал и вернулся к столу, во всем мире не осталось больше ничего кроме меня, Маленького Чикаго и необходимости найти убийцу.

— Боб? — прошептал я.

— Все в порядке. Зеленый свет, капитан, — добавил он, довольно удачно изобразив шотландский акцент.

Я кивнул, не говоря ничего в ответ. А потом я напряг волю, и огоньки в глазницах у черепа разом съезжились до размеров булавочной головки. Свечи тоже померкли. Между оловянными зданиями вытянулись, перечеркнув улицы, черные тени. В лаборатории сделалось еще на пару градусов холоднее — это я буквально высасывал энергию из окружавшего меня воздуха; температура же моего тела, напротив, повысилась примерно на столько же, отчего кожа моя слегка горела. Я медленно выпустил воздух из легких, и у лица моего повисло маленькое облачко выдоха.

Медленными, осторожными движениями взял я спичечную коробку, открыл ее и, достав из нее кусочек зеленой эмали, положил ее на крышу крошечной копии моего дома.

— *Reperios. Invenios*, — повторил я несколько раз шепотом, положив одну руку на карту города, а пальцем другой прижав зеленое пятнышко эмали.

На мгновение ощущения затуманились, а потом Маленький Чикаго стремительно надвинулся на меня. Его здания росли на глазах, превращаясь в небоскребы, и пару мгновений спустя я стоял на улице перед оловянной копией моего дома в натуральную величину.

Еще секунда-другая ушла у меня на то, чтобы оглядеться по сторонам.

Внешне все напоминало Чикаго. Вокруг ощущалось движение. Неясные силуэты листьев, трепетавших на оловянных деревьях, призрачные образы настоящих листьев на настоящих деревьях настоящего Чикаго. Слабый свет пробивался сквозь занавески в обозначенных нишами оловянных окнах. Призрачные автомобили шуршали шинами по улицам. До меня доносились приглушенные звуки города, слабые запахи.

Ну, конечно, я мог задрать голову и увидеть себя самого, мое физическое тело, возвышавшееся над миниатюрным городом таким двоюродным братом Годзиллы. В небе над Маленьким Чикаго мерцали огни: отсветы лабораторных свечей, оранжевые глаза Боба — слишком большие для звезд. Наверное, примерно так видится Солнце с дальних планет системы.

Я коснулся краски, чуть напряг волю, и зеленое пятнышко, вспыхнув крошечным клубком зеленого света, взвилось в воздух, на мгновение замерло над моей рукой, а потом крошечной кометой устремилось на север.

— Может, тебе и удалось выйти сухим из воды в других городах, Серый Плащ, — пробормотал я. — Но Чикаго — мой город.

Моя плоть тоже превратилась в комок мерцающего серебряного света, и я почувствовал, что лечу сквозь призрачные образы ночного Чикаго — таким же духом, как те, что окружали меня в созданной мною модели.

Поисковое заклятие привело меня в точку, расположенную в полутора кварталах южнее парка на Гуди-сквер — небольшого островка зелени, который городу удалось сохранить в обступивших его каменных джунглях. Яркая светящаяся точка догнала призрачный образ едущего по улице автомобиля, и тот разом сделался отчетливым и материальным.

— Попался, гад, — выдохнул я и подобрался ближе к машине, держась рядом с ее задним бампером и сосредоточив внимание на водителе. Призрачный образ, черт его подери, оставался расплывчатым. Стальной кузов машины сдерживал мое заклятие, и это мешало мне разглядеть водителя лучше. Возможно, мне и удалось бы накачать в него больше энергии и добиться большей четкости изображения, но я оставлял это на крайний случай. Малейший перебор — и все заклятие могло полететь ко всем чертям, оставив меня слишком изможденным, чтобы восстановить связь. Гораздо более разумным представлялось держаться вплотную к нему и слушать. Уловить звук проще — тем более, что тесный интерьер салона только усиливал его.

Машина остановилась в трех шагах от парка. Странное это место: образ у него какой-то раздвоенный. Парк пытается совместить в себе изысканную работу ландшафтного дизайнера и детскую площадку, и всякий раз, когда я вижу его, у меня складывается впечатление, что побеждают детки. Что ж, я за них рад. В возрасте четырех, или шести, или даже восьми лет думаешь не о эстетике итальянского Возрождения, а о том, где бы лучше поиграть. Я, во всяком случае, в свое время думал именно об этом.

Я сосредоточился чуть сильнее, и звуки ночного города ожили вокруг меня, превратившись из невнятного ропота в реальный городской шум — словно я сам стоял на этом месте. Шум уличного движения. Далекая полицейская сирена. Почти неслышный шелест шин по расположенной почти в миле магистрали. Похожее на стрекот кузнечика щебетание далекой сигнализации. Все это представлялось мне звуками оркестра, пробующего инструменты перед увертюрой.

Быстрые, уверенные шаги приближались к машине. Занавес поднимался.

Отворилась правая, пассажирская дверь машины, и рядом с первой призрачной фигурой возникла другая. Дверь захлопнулась — громче и резче, чем можно было.

— Ты с ума сошел, — спросил пассажир, — назначив встречу здесь?

— Чем это место плохо? — буркнул Серый Плащ.

Голос его оказался тенором, хот слышался мне отдаленным, словно из радиопередачи с помехами. И акцент... какой-то такой, восточноевропейский. Трудно сказать.

— Самое что есть гнездо чертовых зажиточных белых англо-саксонских американцев, — буркнул пассажир. Голос его звучал ниже, так же приглушенно, и ни намек на иностранный акцент я не услышал. Ни дать, ни взять телеведущий со Среднего Запада. — Здесь пруд пруди их частных секьюрити. Полиции. Стоит кому-то что-то заподозрить, и не успеешь оглянуться, как окажешься в центре внимания.

Серый Плащ негромко рассмеялся.

— Поэтому мы в полной безопасности. Глубокая ночь. Все эти милашки спят сладким сном. Нас никто не увидит.

Второй недовольно буркнул что-то в ответ. На пассажирском сидении вспыхнул и погас язычок огня, и до меня с легким запозданием дошло, что он просто зажег сигарету.

— Ну?

— Нет.

— Нет? — переспросил пассажир. — Ни телок? Ни чародея? Что значит — «нет»?

— И те, и другой, — произнес Серый Плащ. В голосе его послышался лед. — Ты говорил, он боится огня.

— Боится, — подтвердил пассажир. — Ты бы видел его гребаную руку.

Левая моя рука невольно сжалась с силой, от которой хрустнули суставы, и эхо реального звука в лаборатории донеслось и до воссозданного магией города.

Голова Серого Плаща повернулась как на звук выстрела.

— Чего? — не понял пассажир.

— Ты слышал?

— Чего слышал?

— Что-то... — неопределенно произнес Серый Плащ.

Я затаил дыхание, заставив пальцы разжаться.

Несколько секунд пассажир оглядывался по сторонам.

— Ты его боишься, — хмыкнул он, наконец. — Только и всего. Ты его упустил, потому и боишься.

— Да не боюсь я, — огрызнулся Серый Плащ. — Естественная предосторожность. Он сильнее и изобретательнее, чем у вас полагают. Вполне возможно, он смог каким-то образом проследить за мной.

— Сомневаюсь. Для этого требуются точность и тонкость расчета. Он не из таких.

— Правда? — хмыкнул Серый Плащ. — Он ухитрился почуять пожар прежде, чем их этаж отрезало, а еще разбудил весь дом — предварительно усыпленный мною, заметь! И преследовал меня некоторое время.

Пассажир напрягся.

— Ты что, приперся сюда с ним на хвосте?

— Нет. Я страхнул его прежде, чем он успел сесть мне на хвост. Но это не исключает того, что он может использовать для слежки другие, более изощренные методы.

— Он просто громила, — сказал пассажир. — Примитивный громила. Он здорово умеет жечь и разрушать, но и только. Он как зверь, которого надо загонять и огораживать флажками.

Несколько секунд в машине царила тишина.

— Просто поразительно, — произнес Серый Плащ, — что такой идиот как ты сумел пережить встречу с этим чародеем.

Ага. Занятно. По крайней мере, с пассажиром я когда-то уже встречался. И он остался после это жив. Мало кто-то из моих противников может похвастаться этим — признаюсь, я сам не в восторге от этого — но и тех, кто выжил, не один и не два. Впрочем, даже это значительно сужало круг подозреваемых по сравнению с положением на несколько секунд

назад.

А еще слова Серого Плаща заставили меня неуютно поежиться. Он гораздо лучше разбирался в положении вещей, чем любой другой, полагающийся только на свои пять чувств, и он умел шевелить мозгами. Для врага это самое что есть поганое свойство. Умному врагу не обязательно быть сильнее тебя, или быть быстрее тебя, или даже просто быть рядом, чтобы представлять собой смертельную угрозу. Блин, да если бы заложенная в машину бомба не сработала раньше времени, он бы изжарил разом меня и Мёрфи, и я погиб бы, даже не узнав о его существовании.

— Честно говоря, я удивлен тому, что чародей еще жив, — заявил пассажир. — Впрочем, это неважно. Если бы мы его убили, нас бы только благодарили за его устранение, и это играло бы нам на руку. А теперь пусть он расправляется со Скави — это тоже лишь помогает нам.

— Если только, — заметил Серый Плащ без особого энтузиазма в голосе, — ему не удастся расправиться и с нами.

Мгновение-другое оба молчали.

— По крайней мере, — произнес пассажир, — одной цели мы достигли. Он заинтересован в том, чтобы прекратить чистку.

— О да, — согласился Серый Плащ. — Его внимание ты привлек, это точно. Вопрос только в том, будет ли он помогать нам так, как ты, похоже, склонен полагать.

— Рискуя ради этого кружка ведьм? Конечно. Он не сможет удержаться. Теперь, когда ему известно о том, что задумал Скави, Дрезден из кожи вон лезть будет, только бы защитить их.

Ага. Скави. А эти ребята, значит, манипулируют мной, чтобы надрать ему задницу.

Ну, хоть что-то полезное.

— Как думаешь, он скоро нанесет новый удар? — спросил Серый Плащ, имея в виду, судя по всему, этого Скави.

— Вряд ли. Это не в его стиле. Он выждет день или два, прежде чем предпринять что-нибудь. Он же хочет, чтобы они мучились в ожидании его.

— Гмммм, — протянул Серый Плащ. — Обыкновенно я считаю вкусы Скави отвратительными, но в этом конкретном случае они, похоже, совпадают с моими. Страх от неопределенности добавляет им прелести.

— О, ну конечно же, — вяло откликнулся пассажир. — Мы можем потерять все, если ты и дальше будешь думать лишь о усладе для твоих зубок.

Серый Плащ негромко усмехнулся.

— Увы, пока нет. Сильно сомневаюсь, чтобы Круг благосклонно отнесся к подобным действиям. Кстати, раз уж речь зашла — как прошла твоя попытка?

— Безуспешно, — признался пассажир. — Он не желает со мной разговаривать.

— А ты всерьез верил, что он на это пойдет?

Пассажир пожал плечами.

— Он член семьи. Впрочем, это тоже неважно. Я найду их, когда придет срок — согласится он сотрудничать или нет.

— Надеюсь, что так, — сказал Серый Плащ. — Это в твоих интересах. Круг требует моего отчета об операции.

Пассажир неуютно поерзал на месте.

— Правда? И что ты собираешься им сказать?

— Правду?

— Ты шутишь.

— Вовсе нет, — заверил его Серый Плащ.

— Они плохо реагируют на ошибки, — заметил пассажир.

— И еще хуже на обман.

Пассажир сделал еще одну, долгую затяжку. Потом снова выругался.

— Значит, этому не поможешь.

— Не хорони себя раньше времени. Мы еще не достигли критической отметки, и потом, они не уничтожают орудия, которые могут еще пригодиться.

Пассажир неприятно усмехнулся.

— Строгие но справедливые?

— Строгие, — согласился Серый Плащ.

— При необходимости, — заметил пассажир, — мы еще можем его устранить. У нас хватит на это сил. Я всегда...

— Полагаю, эта мера преждевременна — если он, конечно, не начнет представлять собой большую угрозу, чем прежде, — перебил его Серый Плащ. — Я думаю, Круг согласится с этим.

— Когда я их увижу? — спросил пассажир. — В смысле, лично?

— Это не я решаю. Я всего лишь связной, ничего больше, — он пожал плечами. — Однако, если этот проект получит развитие, я думаю, мы сможем просить о встрече.

— Я все сделаю, — угрюмо заявил пассажир. — Он не мог увести их далеко.

— Тогда тебе лучше шевелиться, — кивнул Серый Плащ. — Пока Скави не опередит тебя в гонке.

— Не опередит нас, — поправил пассажир.

В голосе Серого Плаща, когда он ответил, я уловил легкую усмешку.

— Разумеется.

Несколько секунд в салоне царила неловкая тишина, потом пассажир рывком распахнул дверь, выбрался из машины и ушел, не проронив больше ни слова.

Серый Плащ смотрел ему вслед, пока тот не скрылся в ночи, потом тоже вышел из машины. Мое бестелесное «я» заглянуло в машину. Так я и знал: рулевая колонка раскурочена, провода зажигания замкнуты накоротко.

Мгновение-другое я разрывался на части, не в силах определить, за кем из двоих следовать. Пассажир пытался добыть от кого-то какую-то информацию. Это означало, скорее всего, что он держит этого «кого-то» в плену и допрашивает. С другой стороны, это же вполне могло означать и то, что, скажем, он не в состоянии добиться от этого «кого-то» внятного ответа, сколько бы выпивки он тому ни ставил. И еще я знал теперь, что пассажир пересекался со мною раньше — про Серого Плаща я не знал и этого.

Да, этот, второй — совсем другое дело. Он уже пару раз пытался убить меня, и по меньшей мере часть тридцати шести смертей, о которых говорила мне Элейн, была на его совести. Он умен, и он связан с какой-то неизвестной мне группировкой, которую называл «Круг». Уж не она ли является реальным аналогом вычисленного мною в теории Черного Совета?

Он тем временем уходил все дальше от машины — якоря, удерживавшего все мое замысловатое заклятие, и чем больше делалось расстояние между нами, тем более призрачным становился его силуэт. Если я не последую за ним немедленно, он просто-напросто растворится в этом необъятном городе.

Кем бы ни был этот его пассажир, я, очевидно, обращал его уже в бегство. Если это удалось мне раз, удастся и еще.

Значит, Серый Плащ.

Я догнал Серого Плаща, перенацелив на него заклятие. Он прошел несколько кварталов, свернул в переулок и спустился по лесенке, которая привела его к двери — должно быть, раньше она вела в подвал вроде моего. Он огляделся по сторонам, дернул за цепь, которая казалась намертво прижавшейся к стене, открыл дверь и скрылся за ней.

Черт. Если у этого места есть порог, мне ни за что не войти внутрь. Я просто буду биться своей нематериальной башкой в дверной проем — как муха в стекло. И это не говоря о том, что, если он позаботился защитить это место мало-мальски эффективными оберегами, те запросто могут разнести к чертовой матери мою духовную составляющую — ну, по меньшей мере нанести моей психике серьезный урон. Я вполне могу очнуться на полу своей лаборатории, мыча и пуская слюни, разом превратившись из профессионального чародея в

безработный овощ.

К черту. Такой работой, как моя, нельзя заниматься, шарахаясь от любой воображаемой угрозы.

Я собрал волю в кулак и рванулся вперед, вслед за Серым Плащом.

Глава ПЯТНАДЦАТАЯ

Порога не было — уже хорошо. Оберегов — тоже, что еще лучше. Серый Плащ вошел не в жилое помещение — он вошел в Преисподнюю.

Чикаго — город старый, по крайней мере, по американским стандартам. В том или ином виде он существовал уже во времена войн с французами и индейцами, задолго до создания Соединенных Штатов. Поскольку геология здесь представляет собой большое болото, здания с годами имеют привычку медленно-медленно погружаться. В свое время именно так погрузились старые деревянные улицы, поверх которых выстроили несколько слоев новых улиц.

Там, где грунт не представляет собой медленно перемешивающуюся грязь, он сменяется скальными породами. В таких местах прорыты туннели, кое-где соединяющиеся с естественными пещерами. Некоторое время в одном из таких туннелей располагался проект «Манхеттен», пока его не перевели на чертовы куличики. До кого-то в правительстве, похоже, все-таки дошло, что разработка и изготовление атомного оружия в центре второго по размеру города страны — не самая удачная идея.

Короче, все, что осталось после этого — это безумный лабиринт переходов, пещер, полуразрушенных старых зданий и извилистых туннелей, на вид готовых обрушиться в любую минуту. Здесь темно, люди сюда почти не забредают, и в результате чикагская Преисподняя превратилась в дом, кров и убежище для самых всевозможных тварей, которых не видали глаза смертных, даже чародеев. Некоторые из этих существ в свою очередь расширили эту сеть туннелей и пещер, образовав тщательно охраняемые территории, в которых никогда не светит солнце, не дует ветер. Здесь царят темнота, холод, сырость и страх. Те факты, что здесь обитают существа, не питающие особой любви к человечеству, а возможно, еще и радиоактивный фон с сороковых годов сохранился, как-то не слишком располагают к развитию в этих местах туризма.

Серый Плащ прошел сквозь трещину в задней стене здания и быстро направился вглубь туннелей Преисподней. При этом силуэт его сделался еще более неясным. Мне приходилось держаться ближе к нему, а это требовало от меня все больших усилий. Дело в том, что мой Маленький Чикаго отображает Преисподнюю не слишком точно: отчасти потому, что карт этого места просто-напросто не имеется, а также потому, что попытка взять частицы объектов для модели мало чем отличается от самоубийства. Ну и (в большей степени) потому, что я в голову не брал делать этого.

Сквозь полупрозрачную завесу земли, камня и кирпича я все еще мог разглядеть настоящего меня, стоявшего над городом. Одну руку я все еще держал выставленной вперед, только пальцы мои дрожали, а по лицу стекал пот. Странно, но напряжения я отсюда не ощущал. Черт, этого я не предусмотрел. Запросто могло статься, что я ломился вперед, совершенно не осознавая того, какой ценой мне это дается. А ведь это могло привести к смерти моего физического тела, оставив меня...

Где и каким это меня оставит, я не знал. Но в любом случае это убило бы меня. Впрочем, мой дух мог и остаться здесь таким жалким привидением.

Не распускай нюни, Дрезден. Ты не для того выбрал эту профессию, чтобы сбежать при первых признаках усталости.

Я двинулся дальше, не забывая, однако, по возможности чаще проверять состояние того меня, что стоял наверху.

Серому Плащу не пришлось идти долго. Он подошел к небольшой расселине в скальной поверхности, протиснулся в нее боком и, упершись руками и ногами в ее стенки,

принялся ловко карабкаться наверх. Футак в восьми или девяти от пола расселина открывалась в помещение с тремя кирпичными и одной земляной стенами — наполовину обвалившийся фундамент, решил я. Обстановка в помещении была спартанская: пара надувных матрасов, спальный мешок, фонарь, маленький мангал, бумажный мешок с древесным углем и несколько картонных коробок с продуктами.

Серый Плащ задвинул отверстие, сквозь которое попал в подвал, тяжелым деревянным щитом и для надежности пригрузил его несколькими здоровенными булыжниками. Потом открыл одну из коробок, достал из нее пару диетических батончиков, которыми люди терзают свой желудок, когда боятся потолстеть, съел их и запил минеральной водой из пластиковой бутылки. Жизненно важная информация, право слово. Просто счастье riskовать своей метафизической задницей ради таких бесценных улик.

Я покосился наверх. Мое лицо побелело и блесело от пота.

Я полагал, что Серый Плащ включит фонарь, чтобы осветить помещение, но он повернул его лучом к стене, открыл второй ящик, достал из него диск размером с кухонный поднос и положил его на пол. Простую деревянную пластину, на которой тускло поблескивал заделанный в нее круг из красноватого металла — скорее всего, меди.

Серый Плащ надавил ногтем на десну, а когда отнял палец от рта, на кончике его блеснула кровь — неожиданно яркая, материальная в призрачном окружении. Коснувшись пальцем круга, он завел нараспев заклинание, которого я не знал.

Почти мгновенно внутри круга соткался туман, закрутившийся в воронку, а еще через секунду воронка сложилась в миниатюрную человеческую фигуру в рясе с тяжелым капюшоном, не оставлявшим ни малейшей возможности разглядеть лицо.

При всем этом его я уже видел прежде — ну, по крайней мере, кое-кого, одетого в точности так же.

Последний раз я видел Коула, когда на него обрушивался чудовищной силы смерч — энергия пошедшего вразнос апокалиптического заклęcia под названием «Темносияние». Выжить в таком катаклизме для смертного человека — дело почти нереальное. То есть, я не верил, что он остался после этого в живых, совсем не верил. Не мог это быть тот самый человек.

Правда, не мог?

Ну, конечно, я мог спутать его с кем-нибудь другим. В конце концов, внешность кольценосца-назгула очень даже распространена среди тех, кто считает себя чернокнижником. Запросто могло статься, что этот тип не имеет ни малейшего отношения ни к Коулу, ни к до сих пор не нашедшему реального подтверждения Черному Совету.

С другой стороны, если уж на то пошло, именно Коуловы штучки навели меня в свое время на мысль о существовании Черного Совета. Может, он и есть член того Круга, а котором говорил Серый Плащ? Помнится, я раз опрокинул ему на голову машину, и он почти не поморщился. Если он и впрямь так хорошо защищен, может, он и от сумасшедшей энергии распадающегося Темносияния сумел прикрыться?

Хуже того, а если не смог? Что, если он лишь один из многих подобных психов, таких же опасных, каким был он сам?

Очень мне эта мысль не понравилась.

— Господин, — произнес Серый Плащ, склоняя голову, да так и остался стоять в этой позе.

Последовала долгая пауза: Коул явно не спешил с ответом.

— Ты потерпел неудачу, — произнес он наконец.

— Я не добился еще успеха, — почтительно возразил Серый Плащ. — Занавес еще не упал.

— А что дурак, который был с тобой?

— Продолжает ломать дрова, господин. Я могу оставить его в живых, а могу устранить — как вы пожелаете, — Серый Плащ набрал в грудь воздуха, словно решаясь. — Он вовлек в это дело чародея. Похоже, между ними существует нечто вроде вендетты.

Маленькая туманная фигура издала шипящий звук.

— Болван. Смерть Дрездена дает нам слишком мало, чтобы из-за нее ставить под угрозу всю операцию.

— Он не советовался со мной по этому поводу, господин, — произнес Серый Плащ, склонив голову еще ниже. — Иначе я смог бы отговорить его.

— И что случилось?

— Я попытался устранить его вместе с последними отбракованными.

— Дрезден вмешался?

— Да.

Коул снова зашипел.

— Это меняет дело. Какие меры предосторожности ты принял?

— Во плоти он меня не преследовал, господин — в этом я совершенно уверен.

Коул поднял крошечную руку, призывая его к молчанию — что-то напряженное увиделось мне в этом жесте, что-то болезненное. А потом его капюшон начал поворачиваться.

Взгляд туманной фигурки встретился с моим, и я ощутил физический удар, словно кто-то врезал мне кулаком по грудной клетке.

— Он здесь! — зарычал Коул.

Туманная фигурка повернулась ко мне и подняла обе руки.

Странная, холодная сила надавила на меня и оттолкнула назад на несколько футов прежде, чем я успел собраться с силами и удержаться на месте. Остановился я только в нескольких футах от Серого Плаща и Коула.

Коул стиснул похожие на клешни кулаки.

— Дерзкий щенок. Я порву твой разум в клочья.

Я оскалил зубы в ухмылке и шире расставил нематериальные ноги.

— Валяй, Дарт Вейдер в халате.

Коул злобно завизжал, а потом выкрикнул слово, от которого голова моя загудела как котел, а призрачные стены убежища Серого Плаща содрогнулись. Как ни пытался я противостоять его заклятию, оно ударило в меня с силой товарного состава. С таким же успехом я мог бы, скажем, силиться остановить океанский прилив. Я отлетел куда-то назад и в сторону.

В самое последнее мгновение я успел, собрав остаток сил, сосредоточиться на Сером Плаще и сложить заклинание, позволявшее мне разглядеть его лицо. И мне это удалось: на какую-то долю секунды я увидел лицо мужчины лет тридцати пяти, худощавое, вытянутое, с волчьим выражением в глазах.

А потом меня захлестнула лавина алой боли, словно кто-то вцепился в мою голову с двух сторон и рвет ее на части.

Потом все померкло.

Глава ШЕСТНАДЦАТАЯ

Я очнулся от того, что кто-то тряс меня за плечо, а кто-то другой прижимал затылком к бензопиле.

— Гарри, — услышал я голос Молли. Она говорила через какой-то репродуктор, прижатый раструбом к моему виску; по другой стороне головы кто-то методично колотил молотком. — Эй, босс, вы меня слышите?

— Уу, — сказал я.

— Что случилось?

— Уу, — повторил я более раздраженно, словно злясь на ее недогадливость.

Молли в отчаянии вздохнула.

— Вас не надо отвезти в больницу?

— Нет, — прохрипел я. — Аспирин. Воды. И не ори.

— Я ведь почти шепотом, — обиделась она и встала. Ее армейские бутсы грохотали по полу не хуже Годзилловых шагов.

— Боб, — просипел я, стоило ей скрыться в люке. — Что случилось?

— Не знаю точно, — отозвался Боб, приглушив голос. — То ли они стерлись, то ли она использует какую-то новую косметику для рук. Ну, когда она накалывала эти свои татуировки, у нее еще сохранялся детский жирок, так что рано или поздно они не могли не измениться, но...

— Да не с ней! — прорычал я, пестуя в раскалявавшемся от боли мозгу картины изощренной мести. — Со мной.

— А-а... — спохватился Боб. — Модель словно что-то ударило, сильно. Вихрь энергии. Бабах. Твою ментальную камеру сгорания прямо изнутри вспышкой осветило.

— Очень плохо?

— Трудно сказать. Сколько я пальцев показываю?

Я вздохнул.

— Очень ли плохо все с Маленьким Чикаго, Боб?

— А-а. Выражайся поточнее, ладно, Гарри? Могло быть и хуже. Неделя ремонта, это максимум.

Я застонал.

— Все слишком громко и ярко, — я попробовал пошевелить руками-ногами. Это причиняло боль — странную такую, тягучую, но все же они меня слушались. — Так что же, все-таки, случилось?

— Повезло тебе, вот что. Что-то такое, на что ты там напоролся, отвесило тебе хорошую плюху психической энергии. Впрочем, физически ей пришлось преодолевать сначала закоулки модели, а потом твой порог. И то, и другое ослабило энергию удара, иначе...

— Иначе что? — поинтересовался я?

— Иначе ты бы не маялся этой головной болью, — сказал Боб, и огоньки в глазницах черепа мигнули и погасли.

По лестнице снова загрохотали Моллины бутсы. Она поставила на стол пару свежих свечей, сделала глубокий вдох, зажмурилась и очень старательно произнесла заклинание, каким я обычно пользуюсь, воспламеняя их.

Свет почти материальными лучами вонзился мне в мозг. Больно было — хоть волком вой. Я дернулся и прикрыл лицо рукой.

— Ой, простите, — спохватилась она. — Я вас здесь, внизу, даже разглядеть не могла, вот и...

— В следующий раз просто ткни меня в глаз карандашом, — буркнул я, отойдя немного от потрясения.

— Простите, Гарри, — повторила она. — Аспирину дать?

Я молча протянул руку, и она сунула в нее пузырек с таблетками, а в другую — стакан холодной воды. Я откупорил пузырек зубами, вытряхнул в рот несколько таблеток и запил их водой. Потом, совершенно обессиленный этими действиями, вытянулся на полу и лежал так, жалея себя, пока болеутоляющее не начало действовать.

— Молли, — дошло до меня. — У нас что, разве урок сегодня?

— Нет, — успокоила она меня. — Но сержант Мёрфи звонила нам домой — искала вас. Она сказала, вы не отвечаете на звонки. Вот я и решила заехать, проверить, все ли в порядке.

— Что ж, очень кстати, — хмыкнул я. — Проблем с берегами не было?

— На этот раз никаких.

— Хорошо, — я медленно открыл глаза, давая им возможность привыкнуть к ослепительному сиянию свечей. — Мыш. Мыш, возможно, очень хочет, чтобы ты выпустила его прогуляться.

Я услышал что-то, похожее на стук копыт нетерпеливого жеребца и, сощутив взгляд, посмотрел вверх. Мыш просунул морду в отверстие люка, каким-то образом изобразив на

ней встревоженный вид.

— Я в порядке, паникер ты этакий, — заверил я его. — Иди, гуляй.

Молли поднялась на несколько ступенек и вдруг застыла, глядя сверху на Маленький Чикаго.

Я нахмурился. Потом заставил себя встать, посмотрел на стол и нахмурился еще сильнее.

В металлической столешнице зияла дыра — примерно в том месте, где Серый Плащ спустился в Преисподнюю. Одно из зданий обуглилось — оплавленное олово стекло в дыру застывшим воском. Все в радиусе десятка дюймов от дыры было покрыто слоем черной сажи. Черт, если бы стол не принял на себя магический удар, он пришелся бы по моей голове, и дыра бы зияла в ней. Собственно, отчасти я сооружал Маленький Чикаго именно для этого — в качестве не только рабочего инструмента, но и защитного средства при работе с подобного рода магией. Так или иначе, вид Маленького Чикаго изрядно отрезвлял.

Тут я вспомнил и поперхнулся. Коул. Это был Коул. Я услышал в его голосе ненависть и угрозу — хорошо знакомые мне ненависть и угрозу. Ну, и силу его магии тоже трудно с чем-нибудь спутать. Значит, он сумел пережить распад Темносияния. Он работал с этим «Кругом» — то есть, с тем самым Черным Советом, о существовании которого я догадывался, — и, похоже, неприятности в Чикаго назревали куда более серьезные, чем мне казалось прежде.

Ох, блин. Вся эта ситуация решительно начинала действовать мне на нервы.

— Вот видишь, — повернулся я к Молли. — Все как я говорил. Эта штука опасна. Потому никаких игр с ней, пока я не разрешу. Ясно?

Молли судорожно сглотнула.

— Ясно.

— Ладно, иди. Позаботься о Мыше. Да, и будь так любезна, позвони Мёрфи на сотовый. Попроси ее приехать.

— Вам не нужно помочь сегодня? — спросила она. — Ну там, проводить вас куда-нибудь, или еще чего?

Я посмотрел на нее. Потом на стол. Потом снова на нее.

— Уже спросить нельзя, — обиженно проворчала Молли и поднялась вверх.

Ко времени, когда я принял душ, побрился и натянул на себя чистую одежду, я чувствовал себя почти человеком, если не считать головной боли. Мёрфи приехала вскоре после этого.

— Что, черт подери, с тобой случилось? — спросила она вместо приветствия.

— Получил виртуально по башке от Коула, — ответил я.

С Мышом Мёрфи поздоровалась как положено — почесав ему обеими руками подбородок.

— Что еще за Коул?

— Черт, я забыл, — хмыкнул я. — Когда мы общались с Коулом в прошлый раз, ты была на Гавайях со своим хахалем.

Мёрфи чуть покраснела, но улыбнулась.

— Кинкейд не хахаль. Он мужик. Очень даже ничего такой мужик.

Молли, валявшаяся с задранными на стену ногами на полу, уронила книгу. Она поспешно подобрала ее и сделала вид, что целиком поглощена чтением, а наша с Мёрфи беседа ее вовсе даже не интересует. Возможно, она даже могла бы в этом кого-нибудь убедить, не держи она книгу вверх ногами.

— Долго рассказывать, — буркнул я. — А если коротко, Коул — чародей.

— Смертный? — поинтересовалась Мёрфи.

— Почти наверняка... впрочем, лица его я ни разу не видел. Все, что я знаю — что он сильнее меня. На порядок круче. Я, типа, ввязался в драку с ним, и мне сильно повезло, что я остался после этого жив.

Мёрфи нахмурилась.

— Тогда как тебе удалось побить его?

— Плюнул на правила и толкнул его под локоть, когда он орудовал со сверхъестественной взрывчаткой. Бабах. Я думал, он погиб.

Мёрфи, продолжая хмуриться, села в кресло.

— О'кей, — сказала она. — Расскажи лучше все с начала.

Я потерял виски, в которых пульсировала боль, и рассказал все начиная с нашего с ней расставания и кончая развязкой нашей с Коулом встречи. Я опустил только отдельные подробности насчет Элейн и всего, что касалось Круга. Слишком уж опасна эта информация, чтобы делиться ею с кем-либо. Блин, я бы и сам предпочел бы не знать этого.

— Скави, — пробормотала Мёрфи. — Что-то я по ним слышала...

— Это один из самых влиятельных кланов Белой Коллегии, — кивнул я. — Рейты, Мальвора и Скави. Большая Тройка.

— Точно, — вспомнила Мёрфи. — Психические вампиры. Рейты питаются похотью. Мальвора — страхом. А эти Скави чем?

— Болью, — ответил я. — Или отчаянием — в зависимости от того, как переводить те тексты, что имеются в архивах Совета.

— И самоубийство, — добавила Мёрфи, — это, фактически, крайнее проявление отчаяния.

— С такими дедуктивными способностями, — заметил я, — из тебя мог бы выйти детектив.

С минуту мы молчали, пока Мёрфи переваривала информацию.

— Я правильно поняла? — нарушила, наконец, молчание Мёрфи. — В городе орудуют эти Скави. Если верить твоей бывшей подруге, частному детективу, которую наняла Анна Эш, кто-то из них убил уже женщин в четырех других городах, и он продолжает это здесь — четыре раза, как минимум, и эта Анна должна стать номером пять.

— Угу, — подтвердил я.

— А тем временем этот Серый Плащ, работающий на Коула, тоже здесь, и занят примерно тем же самым, но ты считаешь, что он не помогает этому Скави. Ты считаешь, он вместе с пассажиром, кем бы он ни был, действует против убийцы. Ты считаешь, именно эти двое оставили улики, которые ты обнаружил на телах, чтобы подключить к расследованию тебя и убрать Скави.

— И это не все, — добавил я. — Мне кажется, я знаю, кто этот пассажир.

— Кто?

— Беккит, — сказал я. — Все сходится. Он внедрил к ним свою жену, чтобы та снабжала его информацией. Он уже выступил раз против меня и остался жив, но это стоило ему нескольких лет жизни и лишило криминальных доходов. У него более чем достаточно поводов не любить меня. Вот с кем разговаривал Серый Плащ из клана Мальвора.

— Ого! Серый Плащ из Мальвора? Откуда тебе это известно?

— Оттуда, — хмыкнул я, — что он говорил о некоторых общих вкусах со Скави — о том, что жертва перед убийством должна понимать, что с ней произойдет. Мальвора делают это для того, чтобы жертва сильнее боялась. Скави — для того, чтобы сильнее отчаялась.

Мёрфи кивнула, прикусив губу.

— А еще Белая Коллегия любит манипулировать другими исподтишка. С тем, чтобы те делали для них грязную работу.

— Ну, например, чтобы я убрал соперника из Скави, — предположил я.

— Что ж, логично, если учесть, что Мальвора соперничают со Скави.

— Вот именно, — кивнул я. — Потрохом чую, что моя догадка верна. Как и то, что пассажиром был Беккит.

— Теория убедительная, Дрезден, — заявила Мёрфи.

— Спасибо, сам знаю.

— Вот только Беккит почти семь лет как мертв. Убит в тюрьме во время беспорядков.

— Должно быть, Беккит заключил сделку с Мальвора и... — я зажмурился. — Он... что?

— Погиб, — сказала Мёрфи. — Бунт в тюрьме. Трое заключенных убиты, несколько ранены. Он попал в число первых. Можно сказать, оказался в неудачное время в неудачном месте. Один из заключенных пытался отобрать пистолет у охранника, тот случайно нажал на курок и убил Беккита наповал.

— Э... — произнес я и нахмурился. Терпеть не могу, когда реальный мир действует вразрез с идеальной логикой. — А имитировать смерть он не мог?

Она покачала головой.

— Я смотрела дело, я говорила с охранником. И вскрытие делали, и опознание тела родственниками, и похороны — все как положено, все девять ярдов. Он мертв, Гарри.

— Черт, досадно, — буркнул я и сдвинул руками раскалывающуюся от боли голову. — А так все сходилось...

— Такова жизнь, — философски заключила Мёрфи. — А это подземное убежище, что ты нашел...

— Давно уже опустело, — буркнул я.

— Может, туда и стоит наведаться, если захватить с собой вот этого сыщика, — она наклонилась и чмокнула Мыша в могучий затылок. Блин, мой пес определенно получает от жизни больше, чем я. — Возможно, этот Серый Плащ, теоретически из Мальвора, оставляет за собой устойчивый запах.

— Попробовать, пожалуй, можно, — согласился я. — Но более чем вероятно, он позаботился о том, чтобы сбить его.

— Не поняла, — сказала Мёрфи. — Кто специально сбивает запах там, где прожил сколько-то времени?

— Вампиры. По запаху они ориентируются не хуже Мыша.

— А-а... Ну, да, — Мёрфи вздохнула. — Еще один сожженный дом.

— Это не... — начал я.

— Это не он виноват! — встряла Молли.

— Это не ты виноват, — согласилась Мёрфи. — Я знаю. Но согласишься, выглядит все это до ужаса странно. В мою машину закладывают зажигательную бомбу. А через несколько часов такую же — ну, или почти такую — приводят в действие в здании, расположенном всего в квартале от этого места.

— Думаешь, аналогичное устройство?

— А ты сам как считаешь?

— Думаю, аналогичное.

Мёрфи кивнула.

— Уверена, так и окажется. Но, конечно, на экспертизу потребуется время. Тебя видели?

— Меня, а также почти миллион других, — буркнул я.

— Ну, хоть так. И все равно, очень скоро найдется куча таких, у кого возникнут вопросы. Чем быстрее мы разберемся с этим делом, тем лучше.

Я поморщился.

— Зря я церемонился с ним вчера вечером. Надо было прихлопнуть его к чертовой матери прямо на месте. А теперь у меня никакой возможности отыскать его снова, и он знает, что мы его ищем.

— Это так, однако Серый Плащ — не главная наша проблема, — возразила Мёрфи. — Так, побочная линия сюжета. Настоящий убийца — Скави. Верно?

— Верно, — тихо согласился я. — Верно. И у нас нет ни малейшего представления о том, кто он и где он сейчас.

Мёрфи нахмурилась.

— Но он ведь вампир, так? То есть, я хочу сказать, ты ведь можешь опознать, вампир кто-то или нет?

— С Белой Коллегией это не так просто, — вздохнул я. — Они маскируются на порядок лучше других вампирских рас. Я и представления не имел о том, кто такой Томас, даже пообщавшись с ним при первой встрече. И ты ведь помнишь, как сама разговаривала с Дарби Крейном.

— Угу.

— Ты распознала в нем вампира?

— Я распознала в нем скользкого типа, — ответила Мёрфи. — Но ты-то знал, что на самом деле это Мадригал Рейт.

— Только предполагал, — поправил я ее. — Возможно потому, что подсознательно уловил семейное сходство с папочкой Рейтом. Потому я и помешал тебе коснуться его. Но никаких магических подсказок, — я прикусил губу. — Черт, не удивлюсь, если они обладают способностью сбивать восприятие потенциальной жертвы. Когда Инари Рейт пыталась кормиться на мне, я — даже находясь в их гребаном доме, даже зная, что она малолетняя суккубиха — не заподозрил опасности до тех пор, пока не было поздно.

— И я с Крейном ничего такого не заподозрила, — призналась Мёрфи. — Так что этот Скави... может оказаться кем угодно.

— Ну, я совершенно уверен, что это не я. И почти так же уверен, что это не ты.

— Ты уверен, что ты профессиональный сыщик?

— Случаются сомнения.

— А что Томас? — спросила Мёрфи.

— Он представляет интерес, скорее, для наемных громил, а не легавых.

Мёрфи насупилась.

Я почти улыбнулся, было, этому, но вспомнил о положении дел и как-то передумал.

— Я оставил ему записку. Пока ничего.

— Я не об этом, — тихо сказала Мёрфи. — Может он иметь отношение к этому делу? Есть ли вероятность того, что пассажир — он?

— Пассажир — не он.

Она подняла руку.

— Гарри, я спрашиваю, вероятно ли такое?

— Послушай, мы же знаем, что убийца — из Скави.

— Мы знаем, что так считает Серый Плащ, — поправила меня Мёрфи. — Но ты забыл кое-что.

— Чего?

— Что по меньшей мере одна из этих женщин погибла от передоза сверхъестественного наслаждения. И не испытывала при этом ни страха, ни отчаяния.

Я хмуро уставился на нее.

— Скажи, Гарри, такое возможно? Я ведь только о возможности спрашиваю.

— Ну, пожалуй, — пробормотал я. — Но Томас не партнер Серому Плащу. Если только... — договорить предложения я не смог.

— Если только этот пассажир держит его в плену? — предположила Мёрфи. — Если та «попытка» о которой они говорили, имела целью силой добиться от Томаса какой-то информации?

Я поморщился.

— Томасу уже полагалось бы выйти на связь.

— У нас есть еще немного времени. Серый Плащ говорил, нового хода Скави можно ожидать только через день или два, так ведь?

— Угу.

— Ты говорил, что он ведет себя достаточно умно. Что, если он и об этом подумал?

— Нам остается надеяться, — вздохнул я. — Удалось выяснить чего-нибудь о Джессике Бланш?

— Продолжаю искать. Удочки закинула, теперь надо побегать еще немного.

Я перевел дух.

— А мне нужно связаться с Элейн и орденом. Может, удастся разговорить Хелен Беккит. И еще можно позвонить другим Стражам. Может, кому-нибудь из них известно о последних действиях Белой Коллегии.

Мёрфи встала из кресла.

— Звучит так, словно у нас имеется план.

— Может, нам даже удастся самим поверить в это, — хмыкнул я, — если будем повторять это почаще. Идем.

Глава СЕМНАДЦАТАЯ

Контактный телефон Рамиреса находился в ресторане, который кто-то из его родни держал в восточном Лос-Анджелесе. Я передал сообщение кому-то, для кого английский явно был вторым, если не третьим языком. Рамирес перезвонил мне, не прошло и десяти минут.

— Белая Коллегия? — переспросил мой приятель. — Не помню, чтобы слышал про них что-то в последнее время, Гарри.

— А про профессионального сыщика-чародея? — поинтересовался я. — Работает в Лос-Анджелесе.

— Элейн Меллори? — хмыкнул он. — Высокая такая, красивая, умная, почти такая же неотразимая, как я?

— Она самая, — подтвердил я. — Про нее тебе чего-нибудь известно?

— Насколько я могу судить, ничего плохого за ней не числится. Приехала в наши края пять или шесть лет назад, окончив колледж в Сан-Диего, работает в сыском агентстве. Откуда-то у нее неплохая подготовка по части томатургии, но когда я проверил ее на стандартный набор тестов, она не набрала достаточно баллов для того, чтобы претендовать на членство в Совете, — он помолчал немного и добавил — с усмешкой, но не слишком веселой: — Если, конечно, потери не заставят нас понизить планку.

— Ну-ну, — заметил я. — Но ты считаешь, свое дело она знает?

— Ну, — протянул Рамирес, — я намекнул ей, что она могла бы представляться как-нибудь иначе, нежели «чародей». Когда бы не война, один древний динозавр давно бы обиделся на того, кто присваивает себе этот титул без должных на то оснований.

Я фыркнул.

— Не называй меня динозавром. Это несправедливо по отношению к ископаемым ящерам. И вообще, что такого тебе сделали динозавры?

— Ничего, если не считать той скачки с долговязым психом, ты забыл? Меллори неглупа, и она успела неплохо зарекомендовать себя в наших краях. Особенно по части поиска пропавших детей. Провернула пару экзорсизмов, до которых у меня руки по занятости не дошли. Тебе ее помощь может оказаться кстати. Хотя есть у меня одно небольшое «но».

— Какое именно? — спросил я.

— Ее отношение к мужикам. Я несколько раз закидывал удочку, и она давала мне от ворот поворот. Раз десять уже.

— С ума сойти, — сказал я.

— Вот и я так считаю, — согласился Рамирес. — Это вызывает у меня законные сомнения в ее уме. А что?

Я коротко изложил ему все, что знал об убийствах, и то, что рассказала мне Элейн о других городах.

— Кто-то подставляет Стражей, — заявил он.

— Похоже на то. Подрывает веру в нас, и все такое.

— Пять городов. Вот ублюдки, — он на мгновение отвернулся от трубки сказать пару слов кому-то, стоявшему рядом. — Подожди немного. Сейчас наведу справки о том, что нового слышно про Белую Коллегию.

Я подождал несколько минут. Он перезвонил довольно быстро.

— Судя по тому, что дошло до нас здесь, Белый Король встречался с представителями Совета и объявил о временном перемирии. И он согласился содействовать в том, чтобы склонить Красных к переговорам и окончанию войны.

— Я с ним знаком, — сказал я. — Он, скажем так, не Киссинджер. Да и не Ганди.

— Ага. Поневоле задумываешься, что он выгадывает от окончания войны, да?

Я хмыкнул.

— Ну, не могу сказать, чтобы Красные питали к Белым нежную любовь. Перемирие не стоит ему ни гроша. Его народ так и так не слишком вовлечен в эту кашу.

Рамирес задумчиво промышчал что-то.

— Судя по твоим словам, похоже, не все из Белых согласны с его точкой зрения на войну.

— Они изрядно разобщены. Фактически это три независимых клана. Просто Рейту посчастливилось формально возглавлять их. Если Рейт ищет мира, вполне естественно ожидать от остальных противодействия этому.

— Нравятся мне эти вампиры. Такие они все противоречивые, неожиданные такие.

— Попробуй произнести это быстро, пять раз без перерыва, — посоветовал я.

Он честно попробовал, и у него вышло без ошибки.

— Вот видишь? — заявил он. — Вот почему женщины от меня без ума.

— Они тебя просто жалеют, Карлос.

— Я не против, пока они спускают трусики, — жизнерадостно сообщил он, и голос его стал серьезнее. — Дрезден, я как раз собирался звонить тебе. Типа... хотел узнать, как ты там. Ну, сам понимаешь. После Нью-Мехико.

— Со мной все в порядке, — заверил я его.

— Ну-ну, — недоверчиво хмыкнул он.

— Послушай, — сказал я. — Забудь ты Нью-Мехико. Я, например, забыл. Надо двигаться дальше, заниматься сегодняшними проблемами.

— Конечно — отозвался он, но особой убежденности в его голосе я не услышал. — Сам доложишь Люччо, или лучше я?

— Давай ты.

— Ладно, — согласился он. — Помощь не нужна?

— Зачем? — удивился я. — Тебе что, там, у себя делать нечего?

Он вздохнул.

— Ладно, ладно. В любом случае, если Белые пойдут на переговоры, я смогу выделить пару-другую парней тебе в подкрепление.

— Угу, знать бы еще, против кого подкрепляться, — буркнул я.

— Я понимаю. В общем, понадобится помощь, только попроси.

— Спасибо.

— Береги свою задницу, Дрезден.

— Я бы посоветовал тебе то же самое, но ты и так, поди, взгляда от нее не отрываешь в восхищении.

— С такой-то задницей, как у меня, разве можно ей не восхищаться? — удивился Рамирес. — *Vaya con Dios*.

— И тебе удачи.

Я положил трубку и откинулся на спинку стула, потирая продолжавшие болеть виски. Потом закрыл глаза и с минуту пытался думать внятно. В основном, правда, мысли в голову лезли насчет головной боли, что мало помогало делу.

— Гарри? — окликнула меня Молли.

— Мммм?

— Можно спросить?

— Ну?

— Э... — она неуверенно замолчала, словно подбирая слова.

Это становилось интересным, и я открыл глаза.

— Мне просто интересно, почему вы расспрашивали Стража Рамиреса про Элейн Меллори.

Я снова закрыл глаза.

— То есть, сержант Мёрфи сказала, что она ваша бывшая подружка, так? Тогда чего вы спрашивали так, будто с ней незнакомы?

Я буркнул что-то невнятное.

— Ну, вообще, я так поняла, что вы с ней знакомы. И вы хотели узнать, что думает о ней Страж Рамирес, не говоря ему, что знакомы с ней, — она набрала в грудь воздуха. — Вы утаиваете вещи от Стражей.

Я вздохнул.

— Уже не первый год, детка. Черт-те как давно.

— Но... Я же под Дамокловым Проклятием, значит, и вы тоже. Это из тех штук, узнав про которые они могут и опустить его, правда? Тогда... м-м... зачем вы это делаете?

— Какая разница? — устало ответил я.

— Ну, — неуверенно, с опаской произнесла она. — Раз мне могут отрубить голову в той же степени, что и вам, значит, для меня есть разница. И мне кажется, я имею право знать, в чем тут дело.

Я хотел, было, нарычать на нее, что, мол, не ее это ума дело — и осекся, поскольку, черт подери, в ее словах имелась логика. Какими бы они ни казались мне неудобными и неуместными, она имела несомненное право спрашивать меня об этом.

— Я рос сиротой, — сказал я ей. — Вскоре после того, как моя магия начала проявляться, меня усыновил человек по имени ДюМорн. Большей частью своих знаний я обязан ему. Элейн он тоже усыновил. Мы росли вместе. Мы любили друг друга.

Молли отложила книгу в сторону и выпрямилась, внимательно слушая меня.

— ДюМорн оказался чернокнижником. Черным чародеем, чернее надо поискать. Он надеялся вырастить из нас своих верных помощников. Хорошо обученных, сильных чародеев, скованных заклятием верности. С Элейн у него более-менее получилось. Я заподозрил недоброе и выступил против него. Я его убил.

Молли зажмурилась.

— Но Первый Закон...

— Вот именно, — кивнул я. — Именно так я и попал под Дамоклово Проклятие. Меня взял на поруки Эбинизер МакКой. Спас мне жизнь.

— Как вы мне, — тихо произнесла она.

— Угу, — я нахмурился, глядя в погасший камин. — Джастин сгорел, и я думал, Элейн вместе с ним. Лишь спустя много лет выяснилось, что она спаслась и скрывалась.

— И ни разу не связалась с вами? — возмутилась Молли. — Вот сучка!

Я криво улыбнулся.

— В последний раз, когда мы виделись, я старательно уничтожал единственного человека, которого она считала отцом, и, судя по всему, пытался убить и ее. Это не самая простая ситуация, Молли.

— Но я все-таки не совсем понимаю, почему вы лгали, говоря о ней.

— Потому что мне очень несладко пришлось, избавившись от ДюМорна так, это сделал я. Если бы Стражи узнали, что она тоже была при этом и бежала от Совета вместо того, чтобы сдаться им... — я пожал плечами. — Похоже, ей удалось убедить Рамиреса в том, что она недостаточно сильна, чтобы вступать в Совет.

— А на самом деле это не так? — спросила Молли.

— Она мало в чем уступает мне, — тихо ответил я. — Что ж, это к лучшему. Не знаю, как Стражи отреагируют на то, что у ДюМорна имелась вторая ученица — в любом случае, ничего хорошего ждать не приходится. И я не хочу давать им такой возможности.

— На случай, если я вам этого еще не говорила, — заметила Молли, — ваши Стражи — сборище изрядных задниц. К присутствующим здесь это не относится.

— У них не самая простая работа, — возразил я. — У нас, в смысле. Я же говорю, детка: все не так просто, — я медленно поднялся и снял с гвоздя ключи и поводок Мыша. — Пошли, — сказал я. — Заброшу тебя домой.

— А вы куда?

— Поговорю с Орденом, — ответил я. — Анна собрала их всех под охрану Элейн.

— А почему бы просто не позвонить им?

— Эффект внезапности, — пояснил я. — Не хочу, чтобы Хелен Беккит знала, что я к ним. Она в этом явно замешана, нутром чую. С людьми проще говорить, если застаешь их врасплох.

Молли нахмурилась.

— Вы уверены, что вам не понадобится моя помощь?

Я выразительно посмотрел на нее. Потом на браслет на ее запястье.

Она стиснула зубы, сняла с руки браслет и сосредоточенно уставилась на него. Спустя три минуты и две бусины она сдалась, задыхаясь и истекая потом от усилия. В общем, вид она имела довольно жалкий.

— Все не так просто, — тихо напомнил я ей и надел браслет обратно ей на запястье. — Ничто не дается легко. Побольше терпения. И не спешить.

— Легко вам говорить, — буркнула она и первая вышла к машине, держа Мыша на поводке.

Ясное дело, она ошибалась. Вовсе это не легко.

Чего мне хотелось по-настоящему — так это перекусить и завалиться в постель, пока голова не пройдет немного. Впрочем, этого мне явно не светило.

Кем бы ни был этот Скави, что бы он там ни задумал, у меня оставалось не слишком много времени на то, чтобы остановить его, пока он не добавил к своему послужному списку еще одну жертву.

Глава ВОСЕМНАДЦАТАЯ

«Эмбер-Инн» для центра Чикаго, можно сказать, большая диковина: неплохая гостиница с очень и очень разумными ценами. Она не слишком большая, не слишком шикарная, и строили ее не Фрэнк Ллойд Райт, и не Мис Ван дер Роэ. В ней не жил, ей не владел никто знаменитый, и никого знаменитого в ней не застрелили. Все это вместе взятое, наверное, и служит причиной того, что номера в ней не нужно бронировать за месяц или два, хоть расположена «Эмбер-Инн» почти в самом центре города.

Я и сам предпочитаю останавливаться именно в таких местах в тех редких случаях, когда мне приходится по делу выезжать в другие города. В конце концов, моя работа заключается в расследовании, а не оценке прелестей пятизвездочных отелей. Главное, чтобы гостиница располагалась недалеко от нужного мне места, и чтобы счет за нее не выходил за размеры воображаемого. Я слышал, некоторые частные сыщики любят пошиковать за счет клиента, но мне такое всегда казалось непрофессиональным и, в конечном счете, вредным для бизнеса. Полагаю, Элейн выбрала гостиницу по тем же соображениям.

Я не стал спрашивать, где она остановилась, у администратора. В этом не было нужды. Я просто повернулся к Мышу.

— Ищи, малыш, — сказал я ему.

Мыш повел носом, и мы двинулись по коридорам так, словно это место принадлежало нам. В нашем деле это очень важно: изображать уверенность. Это не дает людям возможности заподозрить вас в чем-либо, а если и не убеждает до конца, заставляет их относиться к вам чуть осторожнее.

Наконец Мыш остановился перед дверью, и я вытянул вперед руку и, полуприкрыв глаза, поискал следы магии. Дверь защищал оберег. Не то, чтобы он отличался мощью или крепостью — в отсутствие настоящего домашнего порога соорудить такой почти невозможно — но выполнен он был на славу, и я не сомневался, что это работа Элейн. Судя

по всему, заклятие высвобождало только крошечную каплю энергии, возможно, лучик света или негромкий звук, предупреждающий ее о посторонних.

Пару мгновений я раздумывал, не войти ли громко, на манер Злого Серого Волка, и решил, что не стоит. Это могло бы показаться Элейн слишком невежливым, а я не хотел пугать никого, кроме Хелен Беккит — если она, конечно, находилась в номере. Ну и потом, поднятая сигналом тревоги, ожидающая нападения убийцы, Элейн запросто могла выпустить в дверь молнию прежде, чем разглядела бы, кто пришел. Я постучал.

Ничего не изменилось, но инстинкты подсказали мне, что за дверью кто-то стоит. И магия здесь ни при чем — просто только что я ощущал нечто подобное тому, что чувствуешь, стоя в пустом доме, а секундой спустя это ощущение исчезло.

Энергия, питавшая оберег, чуть дрогнула. Щелкнул замок, и дверь приоткрылась. За ней стояла Элейн, и губы ее кривились в легкой улыбке.

— А, понял, — сказал я. — Не оберег. Глазок.

— Такая уж наша девичья доля, — хмыкнула она. — Приходится импровизировать. Ты ужасно выглядишь.

— Ночь нелегкая выдалась.

— Похоже на то. Я думала, ты позвонишь.

— Проезжал мимо, вот и решил заглянуть.

Она задумчиво надула губы.

— Правда? — спросила она. Я увидел, что шестеренки у нее в голове пришли в движение; она кивнула и понизила голос. — Кто?

— Беккит, — прошептал я в ответ.

— Она здесь.

Я кивнул, и она открыла дверь и шагнула в сторону, пропуская меня. Номер оказался чистым, незамысловатым — двуспальная кровать, диванчик и журнальный столик.

Присцилла в светло-зеленом свитере и плотной шерстяной юбке сидела на диване, глядя на меня с неодобрением, достойным Диккенсовского персонажа. Эбби с Тото расположились на полу, где последний затеял смертный бой с белым спортивным носком, который ему удалось наполовину стащить с ноги своей пухлой хозяйки, имевшей какой-то отрешенный вид. Анна сидела на краю кровати, и ее темные, покрасневшие от усталости глаза смотрели куда-то в пространство. Хелен, как и накануне, стояла у окна, чуть отодвинув занавеску и глядя на улицу.

При виде Мыша Тото немедленно покинул поле битвы и принялся нервно кружить в радиусе двух дюймов от ног Эбби. Мыш не спеша подошел, обнюхал его и начал старательно вылизывать своим огромным язычком.

— Леди, — вежливо произнес я и выдержал небольшую паузу. — Миссис Беккит.

Она не повернулась ко мне, только улыбнулась, не отрывая взгляда от окна.

— Да, мистер Дрезден?

— Что вам известно? — спросил я.

— Прошу прощения? — удивилась она.

— Вам об этом что-то известно, и вы об этом не говорите. Колитесь.

— Не имею ни малейшего представления, о чем это вы, — сказала она.

Анна Эш встала и нахмурилась.

— Мистер Дрезден, вы ведь не обвиняете Хелен в причастности к этому делу?

— Еще как обвиняю, — буркнул я. — Им известно о нашей прошлой встрече, а, Хелен? Вы им не рассказывали?

Теперь уже все в помещении смотрели в нашу сторону.

— Хелен? — прервала затянувшуюся паузу Эбби. — Что он имеет в виду?

— Скажите им, мистер Дрезден, — произнесла Хелен, и голос ее чуть заметно окрасился нотками сухого юмора. — Я и в мыслях не имела лишать вас наслаждения глядеть сверху вниз на кого-то, менее праведного, чем вы.

— О чем это она? — встрепелась Присцилла и испепелила меня взглядом. Похоже,

она окончательно определилась с тем, как относиться ко мне — вне зависимости от того, что я скажу.

Приятно сознавать, что в жизни все-таки есть что-то неоспоримое, ибо Беккит меня разочаровывала. Ее сподвижницы ничего не знали о ее прошлом. Открыв им его, я, возможно, уничтожил бы ту жизнь, которую она сумела построить для себя за годы, прошедшие с ее освобождения из тюрьмы — для большинства людей в ее положении это тяжелейшая травма. Она давно уже потеряла дочь, вскоре после этого — мужа, отсидела срок в тюрьме, и ее преступления до сих пор оставляли на ней темный след.

Я ожидал, что она попытается уйти от разговора, настаивать на своей невиновности или обвинять меня во лжи. Поскольку ни того, ни другого, ни третьего она не сделала, я предположил, что она ударится в панику и попытается бежать, или наглухо замкнется. В зависимости от того, как сильно я по ее мнению сломаю ей жизнь, я мог даже ожидать от нее попытки убить меня.

Вместо этого она стояла, как ни в чем не бывало, не выказывая ни малейшего страха, и на губах ее играла легкая улыбка — ни дать, ни взять новоявленная святая перед тем, кто вот-вот убьет ее.

Что-то тут не сходилось. Терпеть не могу, когда что-то не сходится. Но раз уж я ввязался в эту конфронтацию — тем более, здесь, на глазах у всего ордена — идти на попятную я не мог без риска лишиться репутации... а ведь ради этого и затевалась вся эта буча: подорвать репутацию Совета.

Я сдержал свою агрессивность и постарался держать себя вежливо даже сочувственно, но серьезно.

— Известно ли кому-нибудь из вас, что миссис Беккит — уголовница?

Присцилла округлила глаза под линзами очков. Она переводила взгляд с Хелен на Анну и обратно. Хелен все с той же легкой улыбкой смотрела в окно.

Первой заговорила Анна.

— Нет, — произнесла она, хмурясь. — Она не говорила нам этого.

Судя по реакции, Беккит вообще оглохла.

— Она входила в секту, возглавляемую чернокнижником, которого мне пришлось устранить несколько лет назад, — сказал я. Я говорил ровно, бесстрастно. — Она принимала участие в ритуалах, с помощью которых получался наркотик, от которого пострадало множество людей, а также в других ритуалах, имевших целью убийство соперников чернокнижника.

Последовало потрясенное молчание.

— Н-но... — пробормотала Эбби. — Но это же Первый Закон. Первый Закон.

— Хелен? Это правда?

— Не совсем, — произнесла Хелен. — Он не упомянул, что это были специфические ритуалы, сексуальные по природе, — она коснулась кончиком языка нижней губы. — Ну да все равно. Извращенные и чрезвычайно сексуальные по природе.

Присцилла потрясенно смотрела на Хелен.

— Боже мой, Хелен. Зачем?

В первый раз со времени моего прихода Беккит отвернулась от окна, и пустота в ее глазах сменилась неописуемо отрешенной, холодной яростью. Голос ее понизился до шепота, твердостью не уступавшего ледниковому льду.

— У меня имелся повод поступать так.

Я старался не заглядывать в эти ледяные глаза. Мне не хотелось видеть того, что скрывается за ними.

— За вами статья, миссис Беккит. В прошлом вы были соучастницей сверхъестественных убийств. Не исключено, что вы занялись этим снова.

Она пожала плечами; лицо ее снова утратило всякое выражение.

— А не исключено, что не занялась.

— Правда? — поинтересовался я.

Она снова повернулась к окну.

— Что смысла отвечать, Страж? Совершенно ясно, что вы уже осудили меня. Если я скажу, что я принимала в этом участие, вы решите, что я виновна. Если скажу, что не принимала, вы все равно сочтете меня виновной. Единственное, что мне осталось — это отрицать ваше драгоценное моральное право обвинять других, — она поднесла руку к губам, повернула воображаемый ключ и выбросила его в окно.

Воцарилась тишина. Анна встала и подошла к Беккит. Положив руку ей на плечо, она с усилием повернула ее лицом к себе.

— Не отвечай, — тихо произнесла Анна. — Пока это касается меня, в этом нет нужды.

— И меня, — заявила Присцилла.

— Конечно, ты к этому непричастна, — сказала Эбби.

Беккит огляделась по сторонам, задерживаясь взглядом на каждой по отдельности. Губы ее дрогнули, и глаза предательски заблестели. Она поморгала, сдерживая себя, но одна слезинка все-таки скатилась по ее щеке. Она коротко кивнула подругам и отвернулась к окну.

Чутье подсказывало мне, что виновная женщина вела бы себя по-другому — и что сыграть это так мастерски почти невозможно.

Беккит не имела к этому делу никакого отношения. Теперь у меня не осталось в этом никаких сомнений.

Черт меня подери.

Детективом положено добывать информацию. До сих пор я преимущественно упустил ее из рук, тогда как часы продолжали тикать.

Присцилла, недобро прищурившись, повернулась ко мне.

— Может, вы хотели бы обвинить нас в чем-нибудь еще? Поделиться с нами какими-то еще обличениями? — интенсивность ее взгляда, нацеленного на меня, приобрела опасные размеры.

Как-то неуютно сделалось мне от этого взгляда.

— Послушайте, — сказал я. — Я же пытаюсь вам помочь.

— Да? — скептически переспросила Присцилла. — Уж не поэтому ли всех пропавших видели в обществе мужчины, описание которого совпадает с вашим?

Я открыл было рот, чтобы ответить, но она не дала мне такой возможности.

— И правды от вас я не ожидаю — если только такой, которая служит вашим целям... уж не знаю, что вы там задумали.

Я очень старался держать себя в руках, ибо испытывал сильный соблазн слегка поджарить эту дурицу.

— Ангелы на небесах плачут, когда кто-то, такой чувствительный, мягкосердечный и любвеобильный, как вы, Присцилла, превращается в циника.

— Гарри, — чуть слышно выдохнула Элейн у меня над ухом. Я покосился на нее. На мгновение она встретилась со мной взглядом, и хотя губы ее не шевельнулись, я отчетливо услышал ее голос. Видит Бог, она выставляет себя идиоткой, но затыкать тебе рот горю не поможет.

Я пару раз моргнул и чуть улыбнулся в ответ. Это заклятие, позволявшее нам двоим общаться, мы сложили черт-те сколько лет назад, но когда-то не проходило и дня, чтобы мы им не пользовались. Занятия случались скучные до ужаса, а эта штука была куда удобнее обычных записочек. Ну, и для тех случаев, когда мы задерживались надолго после отбоя и не хотели, чтобы ДюМорн знал об этом, она тоже подходила.

Я воскресил в памяти подзабытую уже формулу и промыслил ответ.

Господи, я и забыл. С шестнадцати лет этим не занимался.

Элейн отозвалась улыбкой — короткой, редкой, из тех, белозубых, когда глаза сияют золотыми фейерверками.

Я тоже.

Лицо ее посерьезнело, она бросила взгляд на Присциллу, потом снова на меня.

Помягче с ними, Гарри. Им больно.

Я недоуменно нахмурился.

Что?

Она покачала головой.

Оглядись как следует.

Я повиновался — на этот раз я сделал это не спеша. Как-то до сих пор моя конфронтация с Беккит мешала мне заметить, что еще происходило в номере. А в номере царили напряжение и еще что-то, тяжелое и горькое. Скорбь?

И тут я увидел, чего здесь не хватало. Точнее, кого.

— Где та, маленькая брюнетка?

— Ее звали, — почти с ненавистью выпалила Присцилла, — Оливия.

Я заломил бровь и покосился на Элейн.

— Звали?

— Когда мы звонили ей вечером, с ней все было в порядке, — ответила она. — Но когда заехали забрать ее сюда, дома ее не оказалось.

— Тогда откуда вы...

Элейн с подчеркнуто нейтральным выражением лица скрестила руки на груди.

— В вестибюле ее дома установлено несколько камер видеонаблюдения, и еще несколько — на улице перед входом. Одна из них зафиксировала, как она уходит с очень бледным темноволосым мужчиной.

— Ого, — сказал я. — Как вы добыли материалы наблюдения?

Элейн блеснула зубами.

— Очень хорошо попросила.

Я согласно кивнул.

Добрым словом и точным действием добиваешься больше, чем просто добрым словом.

— Охранник там — гад мелкий, — хмыкнула Элейн. — Ничего, синяки пройдут.

Она достала пару листков писчей бумаги с черно-белыми распечатками видеонаблюдения. Я сразу же узнал Оливию в ее танцевальном прикиде — даже со спины, что демонстрировало ее еще выгоднее. Рядом с ней шел мужчина. Ростом чуть ниже шести футов, с пышной темной шевелюрой, в джинсах и черной футболке. На одном из кадров он повернулся к Оливии, и я разглядел его в профиль.

Это был мой брат.

Это был Томас.

Глава ДЕВЯТНАДЦАТАЯ

— Вы уверены? — допытывалась Анна у Элейн. — Может, спокойнее отсидеться дома у кого-нибудь из нас? Они все защищены берегами...

Элейн категорически мотнула головой.

— Убийце известны все ваши адреса. Этого места он не знает. Оставайтесь здесь, держитесь все вместе, не шумите. Наш убийца нападал только на тех, кто был один.

— И мой пес даст вам знать, если объявится какая-то опасность, — добавил я. — Скорее всего, он просто массой задавит всякого, кто попыбует угрожать вам, но если он на манер Лесси будет убеждать вас уйти, уходите сразу же — все до единой; держитесь вместе и, по возможности, на людях.

Мыш подсунил морду под руку Анне и вильнул хвостом. Тот с готовностью последовал его примеру и ходил у ее ног до тех пор, пока она не погладила и его. По крайней мере, это заставило ее улыбнуться.

— Но если мы уйдем отсюда, как мы с вами свяжемся?

— Я вас найду.

— Как вы нашли убийцу? — огрызнулась Присцилла.

Я проигнорировал ее выпад, стараясь сохранять достоинство.

Элейн не стала сдерживаться.

Она шагнула к Присцилле, едва не столкнувшись с ней.

— Вы, злобная, неблагодарная, несносная язва, а ну заткнитесь! Этот человек пытается помочь вам, и я тоже, так что вы могли бы держать себя повежливее хотя бы ради этого!

Присцилла вспыхнула как мак.

— Вам платят не за то, чтобы вы нас оскорбляли или поучали!

— За те гроши, что вы мне платите, я не должна терпеть ваше хамство, — парировала Элейн. — Можете забрать их себе и не переживать на этот счет. Правда, боюсь, в таком случае вы вообще перестанете переживать о чем-либо, и очень скоро.

— Это что, угроза? — окрысилась Присцилла.

Элейн уперла руку в бедро.

— Это констатация факта, сучка.

— Присцилла, прошу тебя, — вмешалась Анна. — Не ты ей платишь из своего кармана. Это делаю я. Она нам нужна. Она профессионал. Если она считает, что нам разумнее сотрудничать с мистером Дрезденом, значит, мы так и поступим. И относиться мы к ним будем, как и положено профессионалам — с уважением. Не умеешь вести себя вежливо — лучше помолчи.

Присцилла насупилась, глядя на Анну, скрестила руки на груди и покорно отвернулась в сторону.

Элейн благодарно кивнула Анне.

— Я не знаю, как долго нас не будет. Как только что-нибудь прояснится, я дам вам знать.

— Спасибо, мисс Меллори, — она чуть помедлила. — И вам спасибо, мистер Дрезден.

— Держитесь вместе, — напомнил я, и мы с Элейн ушли.

— Надеюсь, ты сменил машину, — заявила Элейн по дороге к стоянке. Мы свернули за угол, и взгляду открылся Жучок во всем его пестром великолепии.

— Мне нравится эта, — сказал я и отворил ей дверь.

— Ты сменил интерьер, — заметила она, когда я сел на свое место и завел мотор.

— Старый слопали демоны.

Элейн рассмеялась, осеклась и уставилась на меня.

— Ты это серьезно?

— Серьезней не бывает. Плесенные демоны. Слопали все подчистую до самого металла.

— Господи, ну и жизнь у тебя. Гламурная, право слово.

— Элейн, — вздохнул я. — Мне казалось, ты говорила мне, что готова сидеть тише воды, ниже травы до тех пор, пока не созрешь предстать перед Советом...

Насмешливое выражение разом исчезло с ее лица, сменившись подчеркнуто-нейтральным.

— Это имеет сейчас какое-то значение?

— Угу, — кивнул я. — Если мы охотимся за убийцей вместе, имеет. Мне нужно знать.

Она нахмурилась, потом пожала плечами.

— Не могла же я просто сидеть, сложа руки. Вокруг меня люди страдали. Ими манипулировали. Запугивали. Вот я и позаимствовала страничку из твоей книги.

— И ты навешала лапши на уши Стражу, который пришел проверять тебя?

— Можно подумать, ты сам никогда не утаивал ничего от Стражей.

— Элейн... — начал я.

Она покачала головой.

— Гарри, я знаю тебя. Я доверяю тебе. Но Совету не доверяю и думаю, никогда не начну. И меня как-то не слишком прельщает перспектива стать новобранцем в этой их войне с вампирами — а так наверняка и вышло бы, пройди я тесты Рамиреса с полной отдачей.

Мгновение мы молча смотрели друг на друга.

— Пожалуйста, а? Я пойду с тобой. Я поддержу тебя перед Советом.

Она положила мягкие, теплые пальцы мне на запястье.

— Нет, Гарри, мягко произнесла она. — Я не позволю этим людям определять мою жизнь. Я не позволю им определять, жить мне или нет, а если жить, то как.

Я вздохнул.

— Но ты могла бы делать столько добра.

— Мне казалось, именно этим я и занималась сейчас, — возразила она. — Помогая людям. Творя добро.

Что ж, не лишено логики.

— Ну, Стражи и впрямь описаются от злости, если ты сейчас явишься к ним с признанием, что скрывала от них свои способности.

— Да, — согласилась она. — Пожалуй, так.

— Черт, — сказал я. — Твоя помощь была бы нам очень кстати.

— Не сомневаюсь, — кивнула она. — Взгляд ее отвердел, и в голосе вдруг зазвучал лед. — Но я никому не позволю командовать над собой. Ни-ко-му. Ни-ко-гда.

Я зажмурился на мгновение, потом повернулся к ней.

Она чуть вздернула подбородок, и в зеленых глазах ее поблескивали слезы.

— Нет, Гарри.

Я накрыл ее руку своей, и пальцы наши сами собой сплелись — по старой привычке, наверное.

— Извини, Элейн. Я не хотел давить на тебя. Я просто не знал...

Она поморгала и отвернулась от меня.

— Да нет. Это ты меня прости. Я вываливаю на тебя все свои переживания, а это вовсе не обязательно, — она смотрела в окошко на город. — После того, как ты убил ДюМорна, мне целый год снились кошмары. Одни и те же, каждую ночь. И я боялась, что это не сон. Что он жив. И что он приходит за мной.

— Он мертв, — успокоил я ее.

— Я знаю. Я ведь как ты своими глазами видела, как он погиб. Но я так боялась... — она тряхнула головой. — Потому я и сбежала к Летним. Просто сбежала. Потому что сил моих не было это терпеть.

— Потому ты и занялась этим, вернувшись в мир? — спросил я. — Борешься со своим прошлым?

— Пришлось, — ответила она, и голос ее окреп немного. — Надоело бояться всего на свете, год за годом. Я боялась толпы, боялась замкнутых пространств, открытых пространств, высоты... Ночные кошмары. Паранойя. Господи, порой мне кажется, на свете не осталось фобий, какими бы я не страдала.

То, что она описывала, не редкость: примерно это испытывают те, чей разум силой подчинялся воле чужого разума. С помощью магии не так сложно залезть в чью-нибудь чужую голову — беда в том, что если вы попытаетесь перестроить ее по своему вкусу, это не может не нанести ущерба психике ее обладателя. В лучшем случае это приведет к мнительности и фобиям; в худшем — к полнейшему расстройству или помешательству.

Ну, и даже без магических аспектов, нельзя забывать об эмоциональном потрясении. В один-единственный вечер Элейн лишилась практически всего: друга, приемного отца, крова.

Кстати, о доме: утрата его для сироты — совсем не то же, что для большинства других. Кто-кто, а я это знаю. Подобно мне, детство Элейн прошло в переездах из одного детского дома в другой. Подобно мне, настоящий дом, человек, ставший для нее отцом, означали сбывшуюся самую сокровенную мечту. Утрата этого причинила чудовищную боль и мне, а ведь в мою голову Джастину запустить свои когти не удалось. Элейн эти события не могли не причинить на порядок больше боли и психологических травм.

— Я позволила страху править собой, и он пустил корни и пошел в рост. Я не могла оставаться в стороне, Гарри. Я же знаю, как изменить положение дел — значит, я должна воспользоваться этим своим умением. А если бы я не сделала этого, я навсегда осталась бы орудием ДюМорна. Мелким, перепуганным орудием, — она передернула плечами. — Я

больше никому не позволю решать за меня, как мне жить. Не могу, и все тут. И в стороне стоять, ничего не делая, тоже не могу. И ни капельки об этом не жалею. И будь я проклята, если буду извиняться за это перед кем-либо — ни перед тобой, ни перед любым другим.

Я только хмыкнул.

— Чего? — спросила она.

— Мне кажется, я понял тебя.

— И что, готов и дальше работать со мной?

Я сжал ее пальцы чуть сильнее.

— Конечно.

Напряжение, сковывавшее ее плечи, спало немного, и она сжала мои пальцы в ответ.

— Теперь моя очередь, — сказала она.

— Твоя? Очередь?

Она кивнула.

— Ты узнал убийцу на фото.

— Чего? — возмутился я. — Ничего подобного.

Она закатила глаза.

— Ну же, Гарри. Это же я.

Я вздохнул.

— Ну, да.

— Кто это? — спросила она.

— Томас Рейт. Из Белой Коллегии.

— Откуда ты его знаешь?

— Он... — очень немногим известно, что Томас мой брат. Для нас обоих гораздо безопаснее, чтобы так оставалось и дальше. — Он мой друг. Я ему доверяю.

— Доверяешь, — тихо заметила Элейн. — Я правильно расслышала, ты произнес это в настоящем времени?

— Томас никому не причиняет вреда, — сказал я.

— Он вампир, Гарри. Он причиняет вред каждый раз, как кормится на ком-то.

Черт, в последнее время он кормился весьма неплохо...

— Я знаю Томаса, — настаивал я. — Он не убийца.

Элейн нахмурилась.

— Обманутое доверие причиняет боль, Гарри. Поверь мне, уж я-то знаю.

— У нас нет ни одного доказательства того, что за убийствами стоит Томас, — заявил я. — Их может совершать кто-то другой, и этот кто-то может маскироваться под Томаса. Ты ведь знаешь, на свете полным-полно тварей, меняющих облик и, следовательно, способных на такое.

— Такое вероятно, но не более того, — возразила Элейн, кивнув в сторону лежавших на торпедо фотографий. — Как правило, самое простое объяснение является и единственно верным.

— Рано или поздно, — вздохнул я, — мне попадется дело, в котором все будет просто и ясно. Вот только не думаю, что нынешнее дело из таких.

Элейн медленно перевела дух, внимательно вглядываясь в мое лицо.

— Ты переживаешь за него.

Что смысла отрицать очевидное?

— Угу.

— Он тебе тоже доверяет?

— Угу.

— Тогда почему он сам тебе ничего не объяснил? Почему не связался с тобой?

— Не знаю. Знаю только, что убийца — не он.

Она медленно кивнула.

— Но вот он, рядом с Оливией.

— Угу.

— Тогда, мне кажется, ты согласишься со мной в том, что нам необходимо найти его.
— Угу.
— Ты можешь это сделать?
— Могу.
— Раз так, поехали, — сказала она, щелкнув замком ремня безопасности. — Отыщем его и поговорим. Постараюсь держаться непредвзято, — она посмотрела на меня. — Но если окажется, что это он, Гарри, его надо остановить, и я надеюсь, ты поможешь мне в этом.
— Если окажется, что это он, — буркнул я, — он сам захочет от меня этого.

Глава ДВАДЦАТАЯ

Я уже не первый год работаю детективом в Чикаго, так что могу утверждать: чаще других дел вам приходится искать потерянные вещи. Первое свое поисковое заклятие я сложил для того, чтобы искать ключи от дома, которые имел обыкновение терять, когда мне было четырнадцать. С тех пор я использовал его не одну тысячу раз. Иногда с его помощью находились такие вещи, которых я с радостью не находил бы никогда. Еще чаще я попадал с его помощью в неприятности.

На этот раз я почти не сомневался в том, что найду и то, и другое.

Я мог бы использовать для поиска Томаса свою кровь, а мог свой серебряный амулет-пентаграмму. Тот, что дала мне в свое время мать — и похожий был от нее у Томаса. Я знал, что он, как и я, почти никогда не снимает его, так что если только кто-то не отобрал его, он висит у него на шее.

Поэтому я в очередной раз сложил заклятие, повесил амулет болтаться под зеркалом заднего вида и вырулил на улицу. Амулет чуть отклонился на цепочке от вертикали, словно легкое магнитное поле притягивало его к другому, Томасову амулету. Я вел машину, следя за амулетом — не самое легкое занятие, поскольку заклятие не принимало в расчет ни направления чикагских улиц, ни пробок, но я проделывал это далеко не в первый раз, так что Голубой Жучок медленно, но верно продвигался в нужном направлении.

Всю дорогу Элейн молчала, искоса наблюдая за моими действиями. Я понимал, что она пытается вычислить, почему я использую для поиска нашего предполагаемого похитителя/убийцы именно этот амулет. Впрочем, вопросов она не задавала — просто сидела молча, доверив поиск мне.

В конце концов я остановил машину и вышел, захватив с собой висевший на цепочке амулет. Очень мне не нравилось направление, которое он упрямо продолжал показывать — на восток, на врезавшиеся в озеро Мичиган пирсы Бёнем-харбора, вдоль которых выстроились десятки рыболовных и прогулочных катеров и яхт.

— Лодки, — проворчал я. — Ну почему обязательно лодки?

— Что ты имеешь против лодок? — поинтересовалась Элейн.

— У меня с ними связаны не самые лучшие воспоминания, — признался я. — И вообще со всей прибрежной полосой.

— Пахнет здесь тухлой рыбой и бензином, — заметила Элейн.

— Тебе никогда не нравился мой одеколон, — хмыкнул я и достал с заднего сидения свой посох. — Тебе бы тоже хорошее дрекольё не помешало.

Элейн откликнулась на это белозубой улыбкой и достала из своей сумочки цепь. Взяв оба конца в руку, она оставила свободными фута два тяжелых металлических звеньев. Вплетенные в звенья жилы желтоватого, напоминающего медь металла, образовывали замысловатую руническую надпись.

— Ты слишком скован традициями, — сообщила Элейн. — Тебе стоило бы поучиться гибкости.

— Осторожнее, а? Если ты скажешь, что у тебя с собой еще и пара наручников, а с ними заговоренный аркан, я не отвечаю за свои сексуальные реакции.

Элейн фыркнула.

— Невозможно отвечать за то, чего у тебя никогда не было, — она покосилась на мое запястье. — Кстати, у тебя очень симпатичный новый оберег.

— Угу. Очень сексуальный, не так ли?

— Сложный, — серьезно отозвалась она. — Сбалансированный. Сильный. Универсальный. Сомневаюсь, чтобы мне удалось сделать такой. Мастерская работа, Гарри.

Я вдруг почувствовал, что краснею, так тронул меня этот ее комплимент. Глупости, да и только.

— Ну, он далек от идеала. Требуется на порядок больше энергии, чем старый. Но я решил — лучше уж быть усталым, чем мертвым.

— Подумать, так вполне разумное решение, — согласилась она и прищурилась, глядя на причалы. — Можешь определить, какое именно судно нам нужно?

— Пока нет. Но над водой заклятие теряет силу — значит, это одно из тех судов, что стоят у самого берега.

Элейн кивнула.

— Пойдешь первым?

— Угу. Только шевелиться нам придется быстро. Держись от меня футов в десяти-пятнадцати.

— Почему это? — нахмурилась Элейн.

— При меньшем интервале будем слишком легкой мишенью. Нас запросто срежут одной автоматной очередью.

Она чуть побледнела.

— Мне казалось, ты ему доверяешь.

— Доверяю, — подтвердил я. — Но я не знаю, кто там, с ним, может быть.

— Это ты на работе такому научился? Насчет автоматов?

Левая рука моя непроизвольно дернулась.

— Ну, если честно, я это усвоил по опыту с огнеметами. Но к автоматам это тоже относится.

Она сделала глубокий вдох, и взгляд ее зеленых глаз скользнул вдоль причала.

— Ясно. Ладно, иду вторая.

Я изготовил браслет-оберег, покрепче взялся за посох и перехватил амулет за цепочку так, чтобы он мог показывать направление. Потом повторил нужные слова, чтобы радиус действия заклятия охватывал дальний от берега ряд судов. До меня доносились легкие шаги Элейн за спиной и шлепки волн по корпусам катеров.

Летний небосклон понемногу заволакивало тучами, и над озером погромыхивал далекий гром. Народу в порту было меньше, чем полагалось бы в это время суток, но и так на причалах и на палубах виднелось десятка два-три человек. И из всех только я один щеголял в плотной кожаной ветровке, так что на меня сразу же начали коситься.

Амулет привел меня к дальнему от берега катеру. Большому катеру, по крайней мере по меркам этого порта — судя по внешности, он запросто мог бы дублировать того, из «Челюстей». Старый, обшарпанный, с посеревшей от времени и непогоды окраской, с растрескавшейся деревянной палубой. Окна рубки помутнели от толстого слоя пыли и сажки. Катер отчаянно нуждался в очистке и покраске — весь, кроме надписи на носу, сиявшей свежим черным лаком: ЖУЧОК-ПЛАВУНЕЦ.

Я отошел футов на десять проверить направление. Амулет упрямо показывал на «Водяного Жучка».

— Эй! — крикнул я. — Эй, там, на борту! Томас!

— Ответом мне было молчание.

Я оглянулся через плечо.

Элейн отошла в сторону — так, чтобы видеть всю палубу, оставаясь при этом на расстоянии в два десятка футов от меня... как это называется по-военному? Подготовка позиции для перекрестного огня? Или позиций для огневого прикрытия? А черт его знает, как это называется, главное, эта ее позиция позволяла нам в случае, если кто-нибудь

выскочит на нас из рубки, порвать его в хлам прежде, чем вы успеете сказать «бе-е-е».

Но, конечно же, если у кого-то на борту имелись по отношению к нам враждебные намерения, а также хоть капля мозгов, он тоже не мог не понимать этого.

— Томас! — крикнул я еще раз. — Это я, Гарри Дрезден!

Если кто-то на борту рассчитывал причинить мне вред, разумнее всего с его стороны было бы не подавать признаков жизни, заманивая меня на борт. Это изрядно уменьшало мои шансы избежать нападения, а его шансы пальнуть в меня, напротив, повышало — собственно, рассуждая логически, только так и можно иметь дело с чародеями. Дайте только нашему брату перевести дух, и с нами хлопот не оберешься.

— О'кей, — бросил я Элейн, не спуская глаз с катера. — Я поднимаюсь на борт.

— Думаешь, это разумно?

— Нет, — я оглянулся на нее. — У тебя есть план лучше?

— Нет, — призналась она.

— Тогда прикрой меня.

— Прикрыть тебя? — скептически покачала головой Элейн, но перехватила свободный конец цепи левой рукой, и на звеньях заиграли едва заметные вспышки света — сомневаюсь, чтобы их заметил кто-нибудь кроме меня. — Я-то думала, я сюда работать приехала. А выходит, я в каком-то полицейском боевичке.

— Ну-ну, — хмыкнул я. — Я дурачок, но дурачок красивый. Это ты у нас мозговитый консерватор.

— А если это мне хочется быть дурочкой?

— Ну, тогда можешь сама прыгать на этот чертов катер.

— Брось командовать, — сказала она тоном, которым обычно повторяют наспех заученный список покупок. — Мы здесь затем, чтобы ловить маньяков, а не превращаться в них. И не делай там никаких глупостей — у меня всего две с половиной секунды на действия, прежде чем я уйду.

— Это воодушевляет, сказал я и прыгнул с причала на палубу.

Я пригнулся, готовый к неприятностям, но никто на меня не прыгал. Один из соседних катеров завел двигатель, который вряд ли прошел бы тест на чистоту выхлопа, не говоря уже о шумности, но даже так я расслышал негромкий стук где-то внизу, под палубой. Я застыл, но никаких других звуков не услышал, если не считать продолжавшего грохотать неподалеку мотора, который, судя по доносившемуся запаху, еще и бензина жег втрое против нормы.

Стараясь двигаться по возможности тише, я обогнул рубку. Зазора между рубкой и леером оставалось всего ничего, так что мне пришлось пробираться бочком. Я осторожно выглянул из-за угла рубки — пустая палуба, раскрытая дверь и короткая лестница, ведущая внутрь катера. До сих пор я не видел никого, хотя чье-то присутствие постоянно ощущалось — кто-то явно находился там, внизу, и этот кто-то явно знал о моем присутствии.

Возможно, мне стоило бы поболтаться снаружи, прислушиваясь и принохиваясь в надежде обнаружить и другие намеки на то, кто же находится на катере. Впрочем, заниматься этим долго я все равно бы не смог: слишком уж подозрительной показалась бы окружающим моя фигура, шмыгающая, пригибаясь, по палубе без видимой цели. Ну, конечно, кто-нибудь и не обратил бы на это внимания. Блин, да большинство нормальных людей не обратило бы на этого внимания. Но уж наверняка найдется один такой, который сочтет это достаточно подозрительным, чтобы звякнуть в полицию.

— К черту, — буркнул я, удостоверился, что спина моя надежно защищена ветровкой, выставил вперед руку с браслетом и скользнул вниз по ступенькам.

Недоброе я ощутил примерно за полсекунды до того, как кто-то обрушился на меня со спины, с лестницы — должно быть, он поджидал меня, распластавшись на крыше рубки, где я никак не мог его увидеть. Я начал, было, поворачиваться к нему лицом, но пятки его с силой ударили меня в правую лопатку и швырнули вперед.

Моя заговоренная ветровка чертовски надежно защищает меня от зубов, когтей и даже пуль, но в случае простого удара проку от нее практически никакого. Охнув от боли, я успел

выбросить перед собой защитное поле и тут же убрать его, пока сам не расплющился как при столкновении с кирпичной стеной. Короткий импульс энергии достаточно замедлил мое падение, чтобы я успел сгруппироваться и покатиться по полу. Я остановился, стоя на карачках лицом к лестнице, по которой спускался ко мне Томас, и выражение лица его не обещало ничего хорошего.

На нижней ступеньке он задержался, пригнувшись; в одной руке он держал один из тех причудливо изогнутых ножей, которыми пользуются гурки, в другой — двустольный дробовик с обрезанными дюймов до шести стволами, нацеленными точно мне в голову. Роста в моем брате без малого шесть футов, он худощав и собран из плетеных кожаных ремней и стальных тросов. Глаза на бледном лице пылали гневом — даже обычный цвет грозовой тучи сменился в них злобным металлическим блеском, а это означало, что тело его трансформировалось, и сила у него теперь не человеческая, а вампирская. Поверх длинных, до плеч черных волос он повязал красную пиратскую бандану — и даже так вид имел на порядок моднее моего.

— Томас! — рявкнул я. — Блин, ты чего?

— Слушай сюда, жопа. У тебя есть еще шанс сдаться. Убери заклятия — и лицом к стене!

— Томас, да не валяй же дурака. Только этого мне сейчас не хватало.

Томас оскалился в недоброй ухмылке.

— Брось. Ты здорово притворяешься, но я-то знаю, что ты не Гарри Дрезден. Настоящий Дрезден ни за что не приперся бы сюда с тёткой вместо собаки.

Я вылупил на него глаза и опустил руку с оберегом.

— Это еще, черт подери, что за фигня? — я испепелил его взглядом, но голос чуть понизил. — Блин-тарарам, да если б ты не был моим братом, я бы тебя с дерьмом смешал.

Томас опустил обрез, и на лице его тоже обозначилось потрясение.

— Гарри?

За его спиной мелькнула какая-то тень.

— Постой! — заорал я.

Отрезок цепи обвился вокруг его горла. Блеснула зеленая вспышка, сухо треснул разряд, прозвучавший в тесном салоне громко, как выстрел.

— Гарри? — послышался голос Элейн, высокий, громкий. — Гарри?

— Я же сказал тебе: постой, — прохрипел я.

Она сбежала по лестнице и пригнулась ко мне.

— Он тебя не ранил?

— Не ранил, пока ты не уронила его на меня, — огрызнулся я. Что не соответствовало истине, но, видите ли, когда меня систематически прикладывают мордой об пол, я бываю и раздражительным. Я осторожно дотронулся до губы, и палец окрасился кровью. — Блин.

— Извини, — сказала Элейн. — Я думала, ты попал в беду.

Я тряхнул головой, прочищая мозги, и посмотрел на Томаса. Он лежал с открытыми глазами и вид имел совершенно потрясенный. Он дышал, но руки и ноги лежали безвольными плетями. Губы едва заметно шевелились. Я пригнулся к нему.

— Чего?

— Ох, — прошептал он.

Я сел, немного успокоившись. Если уж он мог жаловаться, значит, дело не так плохо.

— Что это было? — спросил я у Элейн.

— Тазер.

— Разряд конденсатора?

— Да.

— А где заряжаешь?

— От грозы. Ну, или просто от розетки.

— Круто, — сказал я. — Может, стоит и мне такой завести.

Томас повернул голову, и одна нога его сначала дернулась, а потом согнулась в колене.

Элейн стремительно повернулась к нему, держа цепь наготове. Вплетенные в звенья медные жилы засияли зловещим светом.

— Полегче, полегче, — вмешался я. — Меньше страсти. Мы же здесь, чтобы поговорить, помнишь?

— Гарри, его надо хотя бы связать.

— Он нам ничего не сделает, — заявил я.

— Ты хоть сам себя послушай, — голос ее зазвучал резче. — Гарри, при том, что все убеждает в обратном, ты пытаешься убедить меня в том, что доверяешь существу, специализирующемуся на манипуляции сознанием своих жертв. Ты же знаешь, жертвы Белой Коллегии именно так о ней говорят.

— Здесь совсем не это произошло, — возразил я.

— И это они тоже говорят, — настаивала Элейн. — Я не говорю, что это твоя вина, Гарри. Но эта тварь каким-то образом добралась до тебя — вот ты так и реагируешь.

— Он не тварь, — рявкнул я. — Его зовут Томас.

Томас сделал глубокий вздох и, вроде бы, пришел немного в себя.

— Все в порядке, — произнес он слабым голосом, но совершенно разборчиво. — Можете выходить.

Передняя стена салона скрипнула и сдвинулась в сторону, открыв проем в расположенное за ней маленькое помещение размерами не больше гардеробной. В ней находилось несколько женщин и двое или трое детей, которые с опаской выбрались из своего убежища.

Одна из них была Оливия-танцовщица.

— Вот, — негромко произнес Томас, повернувшись к Элейн. — Вот они все, живые и здоровые. Можете сами проверить.

Я встал, охая от боли, и обвел женщин взглядом.

— Оливия, — произнес я.

— Страж? — тихо отозвалась она.

— Вы в порядке?

Она улыбнулась.

— Руки-ноги затекли. Там немного тесновато.

Элейн переводила взгляд с нее на Томаса и обратно.

— Он с вами ничего не сделал?

Оливия удивленно зажмурилась.

— Нет, — сказала она. — Да нет, конечно. Он только спрятал нас в этом убежище.

— Убежище? — переспросил я.

— Гарри, — перебила меня Элейн. — Здесь часть тех женщин, кого считали пропавшими.

Секунду-другую я переваривал эту информацию, потом повернулся к Томасу.

— Что, черт подери, с тобой случилось? Почему ты мне ни слова об этом не сказал?

Он тряхнул головой — все-таки он не совсем отошел еще от удара.

— Были причины. Не хотел тебя впутывать в это.

— Ну, так я все равно впутан, — сообщил я. — Так что можешь все выкладывать.

— Ты был у меня дома, — сказал Томас. — Ты видел стену в гостевой спальне.

— Угу.

— За ними охотились. Я пытался понять, кто будет следующей. Почему. Ну, я высчитал. В общем, получилась гонка — кто первый до них доберется, — он оглянулся на женщин с детьми. — Вот я и выдернул всех, кого успел, из-под носа убийц и собрал здесь. — Он попробовал покрутить головой из стороны в сторону и поморщился. — Черт. Еще дюжина сейчас в избушке на острове милях в двадцати к северу отсюда.

— Укрытие, — пробормотал я. — Ты собирал их в укрытие.

— Угу.

Элейн долго-долго смотрела на женщин, потом перевела взгляд на Томаса.

— Оливия, — спросила она. — Он говорит правду?

— Насколько я могу судить, да, — подтвердила девушка. — Он настоящий джентльмен.

Уверен, никто кроме меня не заметил того, что при этих ее словах глаза Томаса вспыхнули холодным, свирепым голодом. Он мог обращаться с женщинами мягко и почтительно, но я-то знал: часть его хочет от них совсем другого. Он крепко зажмурил глаза и сделал несколько глубоких вдохов. Я узнал ритуал, с помощью которого он держал под контролем темную сторону своей натуры, но промолчал.

Элейн вполголоса разговаривала с Оливией; та начала представлять остальных. Я привалился к стене — тьфу, совсем забыл, что мы находились на катере: переборке — и принялся тереть пальцем ту точку между бровями, где зарождалась боль. Чертов жирный дым с того катера, рев его мотора добавляли боли, и...

Я тряхнул головой, вскочил и пулей вылетел на палубу.

Тот здоровенный уродливый катер снялся с якоря и плыл теперь борт о борт с «Жучком-Плавунцом», заблокировав ему выход на открытую воду. Иссиня-черного дыма из его мотора валило столько, что это никак не могло быть случайностью. Удушливое облако уже окутало «Плавунца», и сквозь него я даже не мог разглядеть соседнего причала.

Чья-то фигура прыжком переметнулась с палубы вонючего катера на корму «Плавунца» и застыла, пригнувшись как изготовившийся к нападению тигр. Прямо на моих глазах черты мужчины лет тридцати пяти начали меняться: челюсти вытягивались вперед, превращая лицо в звериную морду, руки удлинялись, ногти превращались в омерзительного вида когти.

Тварь повернулась ко мне мордой, оскалила клыки и пронзительно взвыла.

Вурдалак. Опасный соперник... Впрочем, справиться с таким все-таки реально.

И тут на палубе окутанного дымом катера появилось еще несколько фигур, еще и еще. Члены их с хрустом меняли пропорции, и дюжина новых вурдалаков, разинув пасти, оглушительным хором подхватили вопль первого.

— Томас! — крикнул я, почти задыхаясь от дыма. — У нас проблема.

Чертова дюжина вурдалаков, щелкая зубами, жадно выставив когти, сверкая полными кровожадной злобы глазами, неслись прямо на меня.

Черт бы их побрал, эти гребаные катера.

Глава ДВАДЦАТЬ ПЕРВАЯ

Честно говоря, моя работа Стража приносит мне не слишком много радости. Мне не доставляет удовольствия быть солдатом в войне с вампирскими коллегиями. И биться с силами...

Я чуть было не сказал «зла», но с годами я как-то все меньше уверен в том, все ли вокруг подпадает под четкие определения по кодексу джедаев/сидхов.

Скажем, так: биться с силами тварей, пытающихся убить меня, моих друзей и людей, которые не в состоянии себя защитить — короче, биться с ними — это вам не фильм приключенческий. Это кошмар. Настоящий. Насилие и смятение, страх и ярость, боль и отчаяние. И все это происходит быстро, не оставляя вам времени на размышление, лишая вас уверенности.

Нет, правда, это ужасно — но, должен признать, одна положительная сторона в этом все же имеется.

Я изрядно поднабрался опыта по части боевой магии.

И со времен той заварушки в Нью-Мехико у меня не осталось ни малейших предубеждений против того, чтобы мочить с ее помощью вурдалаков.

Ближний ко мне вурдалак угрожал мне в наибольшей степени, но в качестве мишени уступал другим. Впрочем, не отбейся я от него, и быстро, он запросто оторвал бы мне голову или просто отвлек на время, достаточное для того, чтобы его приятели навалились на меня

всей толпой. В обычной ситуации я бы скормил ему заряд телекинетической энергии из серебряного колечка, которое я ношу на пальце правой руки, и которое накапливает энергию с каждым ее, руки, взмахом. Жаль только, высвободив заряд, кольцо становится совершенно бесполезным.

На этот раз я нанизал на палец не одиночное серебряное колечко, а три серебряных кольца, спаянных в единый перстень, причем каждое из этих трех колец силой не уступало тому, одиночному.

Да, чуть не забыл: и такие перстни у меня красовались на каждом пальце правой руки.

Я сжал посох, выставив перстни вперед, и прицелился.

— Получай! — рявкнул я.

Струя энергии ударила в вурдалака, сорвала его с кормы «Плавунца» и швырнула о нос неприятельского катера с силой, достаточной, чтобы сломать позвоночник. Послышался неприятный треск, боевой клич вурдалака сменился полным боли визгом, тут же оборвавшимся, когда холодные воды озера Мичиган сомкнулись над его головой.

Первый из его дружков уже взвился в воздух. Я выждал долю секунды, выбрав упреждение, и разрядил следующий перстень прежде, чем ноги его успели коснуться палубы «Плавунца». Этот врезался не в борт, но в двух прыгнувших следом вурдалаков, и все трое полетели искупаться. Вурдалаки номер пять и шесть оказались самками, что меня ни капельки не остановило, и я опрокинул их в озеро двумя новыми разрядами.

До этого момента все шло более-менее хорошо, но потом четверо новых тварей прыгнули одновременно — вряд ли по умыслу; скорее, по чистой случайности, — и я успел выбить только двоих. Двое остальных приземлились на палубе «Плавунца» и бросились на меня.

Тут уже было не до фокусов. Я взмахнул посохом, упер один его конец в стену рубки, а другой нацелил в зубы ближнему от меня вурдалаку. Его собственные сверхъестественные сила и скорость только усугубили последствия столкновения. Осколки желтых клыков полетели на палубу, а сам вурдалак опрокинулся навзничь. Второй прыгнул прямо через его распластавшееся по палубе тело...

...и едва не напоролся носом на ствол моего револьвера сорок четвертого калибра, который я успел выхватить из кармана ветровки. Револьвер рявкнул, голова вурдалака дернулась назад, и он мешком плюхнулся на меня. Я довольно больно двинулся спиной о стену рубки, зато вурдалак с безумным визгом упал.

С расстояния в два фута я всадил ему в голову еще пару пуль и опорожнил барабан в череп того, первого, который напоролся на мой посох. Бурая, водянистая кровь забрызгала палубу.

К этому времени на палубе находилось еще трое вурдалаков, и я слышал треск обшивки нашего катера под когтями тех двоих, которых я сбросил в воду — те явно пришли в себя и теперь лезли к нам на борт.

Одного я оглушил разрядом своего перстня, отшвырнув на двух его приятелей, но времени этим выиграл немного — только на то, чтобы активировать защитное поле. Двое вурдалаков с размаху врезались в мерцающий купол и отлетели назад.

И тут двое, что вскарабкались на палубу из воды, накинулись на меня с флангов. Я ощутил острую боль в подбородке, а потом длинные вурдалачьи когти ударили в кожу ветровки. Пробить ее они не смогли, но и силы удара хватило, чтобы едва не вышибить мне дух — словно мне врезали по ребрам закругленными концами черенков от лопаты.

Я упал, но успел лягнуть вурдалака по колену. Удар вышел точный: что-то хрустнуло, и вурдалак злобно взвизгнул однако тут на меня навалился его напарник, и мне пришлось поднять левую руку, защищая горло от его когтей. Защитное поле мигнуло и вырубилось, и остальные вурдалаки испустили восторженный вопль.

Женский голос звонко, повелительно выкрикнул слова заклинания. Что-то взревело, на мгновение вспыхнул ярко-зеленый свет, и наседавший на меня вурдалак дернулся, а голова его вдруг просто исчезла куда-то с плеч, только омерзительно пахнущая кровь была из

обрубка шеи. Я отпихнул его тело в сторону и встал. На палубу вырвалась Элейн, вертя над головой свою сыпавшую зелеными искрами цепь.

— *Aerios!* — крикнула она.

В воздухе перед ней соткалось нечто, напоминавшее миниатюрный торнадо, только положенный набор и светившийся изнутри зеленым. Эта штука принялась очищать палубу с такой скоростью, что мне пришлось поспешно убраться с ее пути.

Вихрь расшвырял вурдалаков как мощный вентилятор — хлопья попкорна. Одновременно с этим он разогнал немного жирный, удушливый дым. Я сделал глоток относительно чистого воздуха и только теперь понял, что почти задохнулся.

— Я долго не продержусь! — крикнула Элейн.

Вурдалаки начали оправляться от шока и лезть обратно на палубу. Жечь их огнем я не мог — слишком много вокруг нас находилось деревянных судов и причалов, емкостей с горючим и незащищенных людей. Поэтому мне пришлось орудовать жезлом — не подключая к этому свою магию. Вот, кстати, преимущество традиционного тяжелого инструмента: его всегда можно использовать в качестве удобной палицы.

Головы вурдалаков как раз начали показываться над бортом, и я пробежался по периметру корабля, исполнив по ним, а также по когтистым лапам небольшое барабанное соло.

— Томас, — крикнул я. — Нам надо убираться отсюда!

Густой дым почти полностью лишил нас обзора, но я все-таки разглядел нескольких вурдалаков, выбравшихся на пирс: дорога на берег тоже была для нас перекрыта.

— Отведите катер от берега! — кричала Элейн.

Дымящий как вулкан катер вурдалаков врезался в корму «Плавунца», и мне пришлось схватиться за рубку, чтобы не упасть. Секундой спустя сотрясение повторилось: это уже «Плавунец» ударился о пирс.

— Не получится! Он слишком близко! — отозвался я.

— Ложись! — рывкнул Томас у меня над ухом, хлопнув одновременно ладонью по плечу. Я пригнулся, и перед самым моим носом мелькнул вороненый металл обреза. Стволы грянули; еще до того, как я увидел результат выстрела, я был совершенно уверен в одном: слышать этим ухом я не смогу как минимум несколько дней. Заряд картечи угодил в вурдалака, который ухитрился забраться на крышу рубки и готовился уже спрыгнуть оттуда на меня.

— Ффух! — выдохнул я. — Спасибо.

— Гарри! — крикнула Элейн, и в голосе ее я услышал отчаяние.

Я оглянулся в ее сторону и увидел, что ее доморощенный циклон стихает. Несколько вурдалаков сумели-таки зацепиться когтями за палубу и висели, выжидая удобного момента забраться обратно.

— Плохо дело, плохо, — сообщил Томас.

— Сам знаю! — огрызнулся я. Оглянувшись через плечо, я успел разглядеть в темном проеме салона бледное лицо Оливии, за которой смутно маячили остальные женщины и дети. — Пешком нам отсюда не выбраться. Они выход с пирса перерезали.

Томас огляделся по сторонам и мотнул головой.

— Гарри! — выдохнула Элейн. Заклятие ее почти совсем лишилось силы, и палубу снова начало завлакивать отвратительным черным дымом.

Убить вурдалаков нелегко. Я разделался с двоими, Элейн — с третьим... Томас, кажется, добил-таки четвертого, но остальные от методично повторяющихся пендалей с последующим купанием в холодном озере только зверели.

В холодном озере...

Ага. План действий.

— Держи! — крикнул я, бросая посох Томасу. — Дай мне несколько секунд! — я повернулся к Оливии. — Все приготовьтесь за мной, и не отставать!

Оливия передала мою команду тем, кто стоял за ней, а я тем временем рывком развязал

шнурок, удерживавший за отворотом ветровки мой жезл. Взяв его наизготовку, я вытянул шею, пытаюсь заглянуть за блокировавший нас катер. За ним не виднелось ничего кроме тридцатифутовой полосы воды и смутно различимого за пеленой дыма следующего пирса.

При виде жезла Томас вполголоса выругался, но все же перехватил ловким движением — собственно, почти все, что он делает, отличается ловкостью и изяществом — посох и принялся дубасить им вурдалаков.

Порой мне бывает трудно поверить в то, что Томас не человек — тем более, что он приходится мне братом. Однако случается, что мне против воли напоминают о его истинной натуре.

Вурдалаки сильны и до омерзения (на слове «омерзение» желательно сделать особое ударение) стремительны. Однако по сравнению с Томасом в его вампирском облики они сразу же показались неповоротливыми безликими врагами из боевика с Арни Шварценеггером в главной роли. Он вихрем ворвался в их ряды, и тяжелый дубовый посох вращался в его руках со скоростью пропеллера. Он делал выпады и уворачивался, вкладывая в удары свою сверхъестественную силу. Жаль, что я не мог драться бок о бок с ним, но это не помогло бы нам выбраться из западни — а только в этом оставалась для нас надежда на спасение.

Поэтому вместо того, чтобы броситься ему на помощь, я стиснул зубы, крепко сжал в руке жезл и принялся накапливать энергию — всю до последней доступной мне капли. Заклятие требовало от меня чертовски много сил, но в случае, если оно сработало бы, мы оказались бы в безопасности. Я напомнил себе об этом, застыв с закрытыми глазами, пока мой брат бился за наши жизни.

Классом Томас превосходил каждого из противостоявших ему вурдалаков по отдельности, но хотя от его ударов тем приходилось очень и очень несладко, убить их моим посохом представлялось делом, очень и очень малореальным. Для этого Томасу пришлось бы перебить им позвоночник или, скажем, размозжить череп. Для этого, в свою очередь, требовалось тщательно прицелиться, а вот такой возможности без риска быть погребенным под грудой остальных вурдалаков у Томаса как раз и не было. Он это понимал. Вурдалаки это тоже понимали, поэтому дрались с инстинктивным ожесточением стаи, уверенные в том, что раньше или позже силы у их жертвы иссякнут.

Впрочем, не совсем так. Стоило бы дыму накатить на нас еще раз, и мы продержались бы максимум минуту или три, прежде чем задохнуться. Правда, стрельба и визг не могли не насторожить кого-нибудь, так что в полицию, наверное, уже позвонили, и не раз. Я наверняка услышал бы уже приближающиеся сирены, повернись я к берегу тем ухом, которое меньше пострадало от пальбы моего брата. Тут до меня дошло еще одно обстоятельство: кто-то оставался на катере, продолжавшем блокировать «Плавунцу» выход из порта. Тот, кто притащил сюда вурдалаков; тот, кто ждал здесь в засаде. Конечно, вурдалаки чертовски кровожадны по натуре, но действовать по заранее составленному плану не умеют — для этого им требуется руководство. Что-то, а нападать под прикрытием дымовой завесы они ни за что не догадались бы. Значит, тот, кто стоял за штурвалом того катера, вряд ли был вурдалаком.

Значит, Серый Плащ? Ну, или его пассажир?

Тот я сообразил еще одну вещь: у нас и двух минут в запасе не оставалось. Стоит полиции прибыть на место, и этот, вурдалачий босс, даст им команду действовать более слаженно — тут-то все и кончится.

Когтистая вурдалачья лапа полоснула по бедру Томаса, разорвав ему джинсы. Он пошатнулся, восстановил равновесие и продолжал драться так, словно ничего не случилось — только кровь, слишком светлая, чтобы сойти за человеческую, окропила палубу.

Я стиснул зубы еще крепче, накапливая силы. Волоски на моих запястьях стали дыбом, и в ушах загудело от распиравшего перепонки давления. Мышцы мои болезненно, почти до судороги напряглись. Перед глазами поплыли разноцветные звезды, и я прицелился жезлом.

— Гарри! — поперхнулась Элейн. — Не будь идиотом! Ты же нас всех убьешь!

Я слышал ее слова, но не отозвался, целиком поглощенный заклятием. Оно должно было сработать. То есть, однажды это у меня получилось. В теории, от меня требовалось повторить это еще раз, только немного мощнее.

Я запрокинул голову, нацелил жезл в небо и разинул рот.

— *Fuego!* — выкрикнул я как мог громче. С конца жезла сорвался язык — да нет, столб! — ослепительно-белого огня. Даже накатывавший на катер жирный дым сгорел в этой огненной колонне, взмывшей в небо на высоту двадцатипятиэтажного дома.

Какую магию ни возьми, вся она подчиняется определенным принципам, в том числе всеобъемлющим законам физики. И уж во всяком случае — закону сохранения энергии. Сотворить энергию из ничего невозможно. Если кому-то приспичило получить двадцатипятиэтажный столб огня, способного превратить в пар средний танк, энергию для такого разогрева надо откуда-то взять. Большинство моих заклятий питается моей же собственной энергией — силой воли, эмоциями. Впрочем, заклятия могут использовать и внешние источники энергии.

Это заклятие, например, питалось тепловой энергией вод озера Мичиган.

Рев огня и разбежавшейся от него ударной волны заглушил остальные звуки, словно их и не было. Озеро испустило внезапный, трескучий рык. За какую-то долю секунды водная гладь между нашим катером и соседним пирсом застыла, покрывшись толстым слоем белого льда.

Я пошатнулся от внезапно накатившей на меня усталости. Пропустить через себя такой поток энергии — это вам не фиг собачий, так и травму недолго заработать.

— Бегите! — крикнул я Оливии. — По льду! К тому причалу! Женщины с детьми первые!

— Убейте их! — рявкнул мужской голос со стороны нападавшего катера.

Вурдалаки взвыли и ринулись вперед — похоже вид жертв, готовых вот-вот выскользнуть из западни, лишь добавил им сил.

Я устало привалился к стене рубки и смотрел вслед Оливии и ее спутницам. Они бежали по льду, то и дело поскальзываясь. Лед возмущенно трещал у них под ногами, и по поверхности его медленно, но верно начинала расползаться паутина трещин.

Я стиснул зубы. При том, что воды озера Мичиган никак не назовешь теплыми, дело происходило в самый разгар лета, так что даже тот небольшой кусок поверхности, что я заморозил своим заклятием, состоял из черт-те какого объема воды. Представьте себе, сколько тепла требуется для того, чтобы вскипятить всего один чайник, а потом попробуйте представить это же, только наоборот. Если вам нужно заморозить чайник, это же тепло надо отнять. Теперь помножьте это количество тепла на миллиард — поскольку именно столько чайников мне и требовалось заморозить.

Оливия, женщины и дети благополучно добрались до пирса и рванули по нему прочь; страх добавлял им скорости, и это было только к стати.

— Гарри, — окликнула меня Элейн. Цепь ее метнулась вперед и опрокинула вурдалака, сумевшего проскользнуть мимо Томаса.

— Они в безопасности! — крикнул я. — Прочь, уходите прочь, быстро! Томас, делаем ноги!

Я выпрямился и изготовил браслет-оберег.

— Пошли, — сказала Элейн, хватая меня за руку.

Я мотнул головой.

— Я тяжелее вас, — выдохнул я. — Пойду последним.

Элейн удивленно нахмурилась, открыла рот, чтобы возразить, потом побледнела и кивнула. Не говоря больше ни слова, она перемахнула через леер и побежала к соседнему причалу.

— Томас! — заорал я. — Ложись!

Томас, не оглядываясь, упал ничком, и вурдалаки торжествующе бросились на него.

Я разрядил все оставшиеся кольца в упор.

Вурдалаки отлетели назад; впрочем, времени это подарило нам немного.

Томас перекатился по палубе и соскользнул на лед. Я оглянулся: Элейн уже поднялась на причал. Томас несея по льду как ниндзя из японского мультика — огромными прыжками, даже сделав раз в воздухе сальто.

Мне не хотелось прыгать на лед с размаху, но и оставаться в ожидании, пока меня слопают вурдалаки, мне тоже не хотелось. Я постарался как мог смягчить удар и сразу же рванул к берегу.

Лед хрустел. На втором же шаге под правой ногой, которую я уже вот-вот отрывал от его поверхности, зазмеилась трещина. Чтоб меня. Может, я недооценил требуемую энергию. Может, речь шла о двух миллиардах чайников.

Я сделал еще шаг, и лед угрожающе застонал. Трещин становилось все больше. Мне требовалось одолеть всего два десятка футов, но соседний причал вдруг показался мне в миле от нас.

За спиной слышались вопли вурдалаков, ринувшихся в погоню, едва они увидели мою спину.

— Плохо дело, плохо дело, плохо, — бормотал я себе под нос. Лед за спиной взвизгнул, и один из вурдалаков с воплем исчез в воде.

Новые трещины, шире первой, побежали по льду передо мной.

— Гарри! — заорал Томас, тыча пальцем куда-то мне за спину.

Я обернулся и увидел Мадригала Рейта, стоявшего на палубе «Плавунца» в каких-то десяти футах от меня. Он раздвинул губы в довольной улыбке.

А потом вскинул тяжелый автомат и открыл огонь.

Глава ДВАДЦАТЬ ВТОРАЯ

Я завизжал как резаный. Вовсе не от страха — во-первых, это помогло мне мобилизовать остаток энергии, а во-вторых, это могло помешать Мадригалу точно прицелиться. Не прекращая акустического воздействия на противника, я съехал в комок. Стороннему, несведущему наблюдателю могло бы показаться, что я впал в детство, с головой накрываясь ветровкой; на деле я действовал по хорошо отрепетированному, чертовски хитроумному плану, имевшему целью позволить мне пережить несколько следующих секунд.

Мадригал Рейт приходился Томасу двоюродным братом, и внешность у него похожая: темные волосы, изящное, бледное лицо. В общем, хорош собой, хотя и не так, конечно, как Томас. К сожалению, силой и скоростью он тоже не уступал Томасу, и если он и стрелял хотя бы вполтину так хорошо, как Томас, не попасть в меня он не мог — с такого-то расстояния.

И он не промахнулся.

Заговор, который я наложил на свою ветровку, не раз и не два сослужил мне добрую службу. Он защищал меня от когтей, и клювов, и клыков, и даже от осколков битого стекла спас однажды. Он смягчал силу удара самых разнообразных предметов, как тупых, так и острых. В общем, он неоднократно спасал мне жизнь в потенциально опасных для здоровья ситуациях. Но на такое я его никак не рассчитывал.

Существует огромная разница между тем оружием, которым пользуются обычные чикагские громилы, и тем, что состоит на вооружении в армии. Боевые пули в стальной оболочке в отличие от обычных, свинцовых, не плющатся. Они тяжелее, они летят с большей скоростью, и энергия их целиком сконцентрирована в точке соприкосновения с целью — а это значит, что рассчитаны они не на то, чтобы, деформируясь или разлетаясь на осколки, причинять телу максимум повреждений, а на то, чтобы пробить насквозь все, что встретится на пути. Самый совершенный бронежилет почти бесполезен, когда огонь ведется из армейского стрелкового оружия, тем более, когда дистанция стрельбы составляет всего десять футов.

Пули ударили в меня не серией отдельных попаданий, как я ожидал, но одним непрерывным шквалом грохота, давления и боли. Мир пошел кругом. Я кубарем катился по трескающемуся льду. Солнце нашло просвет в клубах дыма и било мне в глаза. На меня волной накатила тошнота, а этот чертов свет в глаза сделался просто невыносимым. Я вдруг разом лишился сил, и хотя я помнил, что должен сделать что-то важное, никак не мог вспомнить, что именно.

* * *

... если бы еще не этот чертов свет, продолжавший жечь мне глаза...

— ...здесь было бы даже приятно, — буркнул я Рамиресу и прикрыл глаза рукой от жгучих лучей нью-мексиканского солнца. — Каждое утро так и кажется, будто в глаза кто иголками тычет.

Рамирес, одетый в армейские штаны с распродажи, свободную белую футболку, широкополую тропическую шляпу цвета хаки (одно поле пристегнуто, второе раздолбайски оттопыривается в сторону) и солнечные очки-ленту, отозвался своей обыкновенной белозубой улыбкой и тряхнул головой.

— Ради Бога, Гарри, кто мешал тебе захватить очки?

— Не люблю очки, — признался я. — Какие-то совершенно посторонние штуковины на глазах... и вид пучеглазый.

— Ты чего больше боишься, вида пучеглазого или ослепнуть? — поинтересовался Рамирес.

Глаза привыкли немного к свету, и я опустил руку; сильно прищурившись, солнце можно было даже терпеть.

— Заткнись, Карлос.

— Кто у нас сегодня самый ворчливый чародей? — произнес Карлос тоном, каким разговаривают обычно с любимой собакой.

— Будь ты всего на пару лет старше, и с такого количество пива на сон грядущий у тебя тоже башка затрещит, — я добавил про себя еще несколько проклятий, тряхнул головой и попытался изобразить из себя то, каким представляют себе опытного чародея — то бишь, перестал хныкать... перестать хмуриться у меня, правда, не получилось. — Кто у нас сегодня?

Рамирес достал из кармана записную книжку и полистал ее.

— Ужасная Двойня, — ответил он. — Близняшки Трейлмен.

— Ты шутишь. Им же еще двенадцати не исполнилось.

— Шестнадцать, — возразил Рамирес.

— Двенадцать, шестнадцать, — проворчал я. — Один фиг, дети.

Улыбка Рамиреса померкла.

— Им некогда быть детьми, дружище. У них талант заклинателей, поэтому они нам нужны.

— Шестнадцать, — повторил я. — Блин-тарарам. Ладно, давай сначала позавтракаем.

Мы с Рамиресом отправились в столовую. Место, которое Люччо выбрала для обучения будущих Стражей основам боевой магии, было некогда городком, выросшим в одночасье во время рудного бума и также в одночасье вымершим, когда жила медной руды, вызвавшей его к жизни, иссякла. Располагался он довольно высоко в горах, и хотя Альбукерк лежал меньше чем в сотне миль к юго-востоку от нас, мы могли бы с таким же успехом разбить лагерь на поверхности Луны. О цивилизации здесь не напоминало ничего кроме нас самих, обветшалых останков города и таких же обветшалых останков шахты на горе над ним.

Мы с Рамиресом проталкивали в качестве названия этого места Кэмп-Бубум — во-первых, в память о том буме, из-за которого возник город, а во-вторых, с учетом того, что в магии, которой мы здесь обучали, тоже хватало всяких разных «бум» и «бабах». Люччо

наложила на это свое вето; правда, нас подслушал кто-то из учеников, так что к вечеру второго дня место иначе, чем «Кэмп-Бубум», уже не называли, как бы ни морщились на это некоторые старшие товарищи.

Четыре с лишним десятка подростков разбили свои палатки внутри каменных стен церкви, построенной когда-то в отчаянной попытке навести хоть какой-то порядок в хаосе Дикого Запада. Люччо жила с учениками, но мы с Рамиресом и еще двое молодых Стражей, помогавших в учебном процессе, поставили палатки в развалинах того, что некогда было салуном, или борделем, а может, тем и другим вместе. Весь день, с утра до вечера, мы натаскивали своих подопечных, а когда с наступлением ночи воздух свежел, и ученики засыпали, мы резались в покер, пили пиво, и если я принимал чуть больше своей обычной дозы, я даже мог побренчать что-нибудь на гитаре.

Рамирес с друзьями поднимались поутру свежими как огурчики, словно дрыхли с девяти вечера. Чертовы молодые ублюдки. Временную столовую устроили рядом с колодцем, вода в котором даже в эту чертову жару оставалась холодной — если как следует покачать насос. Собственно, вся столовая состояла из нескольких складных столов; готовили и накрывали на стол дежурные ученики. Как правило, утренняя трапеза ограничивалась миской сухого завтрака, зато к этому прилагался еще кофе, так что я худо-бедно оставался в живых и даже не порывался укокошить кого-нибудь — правда, это в основном потому, что завтракал я один, прежде, чем кто-либо успевал напороться на меня ворчливого.

Я взял миску корнфлекса, яблоко, большую кружку благословенного напитка и отошел чуть в сторону. Рядом опустилась на камень Люччо.

— Доброе утро, — сказала она. Люччо состояла в рядах Белого Совета пару сотен лет, и из всех чародеев заслуженно считалась одной из самых опасных. По внешности ее, правда, сказать это было трудно. Выглядела она девушкой младше Рамиреса — длинные, выющиеся карие волосы, очаровательное юное лицо с совершенно убийственными ямочками на щеках. Когда мы с ней познакомились, она выглядела совсем по-другому: стройной, обветренной, седой дамой в годах — просто с тех пор она столкнулась с чернокнижником по прозвищу Собиратель Трупов. Тот (проживавший тогда в нынешнем теле Люччо) вызвал ее на поединок, а потом проделал свой фирменный трюк: обменялся с ней телами.

Я догадался об этом прежде, чем Собиратель Трупов освоился на новом месте — и пустил ему пулю в голову. Собирателю пришел конец — но это лишило Люччо возможности получить свое тело обратно. Так и вышло, что моими, можно сказать, усилиями она застряла в юном, очень и очень симпатичном теле. Это не позволяло ей лично участвовать в боевых действиях, предоставив это своему заместителю, Моргану, а сама она теперь руководила учебным лагерем, в котором будущие Стражи осваивали науку убивать гадов прежде, чем те убьют их.

— Доброе утро, — отозвался я.

— Вам вчера письмо пришло, — сказала она, доставая из кармана конверт.

Я взял его, пробежал взглядом адрес и вскрыл.

— Гмм...

— От кого? — поинтересовалась она тоном человека, занимающего время вежливой беседой.

— От Стража Йошимо, — ответил я. — Порасспрашивал ее немного насчет генеалогии. Хотел выяснить, не приходился ли ей родственником один мой знакомый.

— И как? — спросила Люччо.

— Приходится, — ответил я. — Но очень дальним. Интересно, — я замолчал, но Люччо вежливо хмыкнула, приглашая продолжать. — Мой друг — потомок Шо Таи.

— Боюсь, это имя мне незнакомо, — призналась Люччо.

— Так звали последнего короля Окинавы, — пояснил я и задумчиво нахмурился. — Бьюсь об заклад, это не простое совпадение.

— Не совпадение?

Я покосился на Люччо и тряхнул головой.

— Простите. Это, можно сказать, побочный проект... скорее, любопытство, — я еще раз тряхнул головой, сложил письмо от Йошимо и убрал его в карман джинсов. — К обучению боевой магии это отношения не имеет, так что мне лучше выбросить это на время из головы.

— А-а, — произнесла Люччо, но дальше допытываться не стала. — Дрезден, мне хотелось с вами кое о чем поговорить.

Я неопределенно хмыкнул.

Она повела бровью.

— Вы никогда не задумывались, почему вам не вручили меча?

Стражи как правило ходят с серебряными мечами — это и знак принадлежности к чародейским вооруженным силам, и очень кстати, если дело доходит до драки. И это не простые мечи: в них тоже заключена сложная, очень мощная магия, дающая их обладателям изрядное преимущество в бою.

— О, — кивнул я и отхлебнул горячего кофе. — Если честно, я не особенно задумывался об этом. Я так решил, вы мне просто не доверяете.

Она нахмурилась.

— Ясно, — кивнула она. — Нет. Вовсе не из-за этого. Если бы я вам не доверяла, я бы просто не доверила вам и серого плаща.

— Скажите, а что мне такого сделать, чтобы вы мне больше не доверяли? — поинтересовался я. — Потому что — уж не обижайтесь — у меня нет никакого желания носить этот чертов плащ.

— Никаких обид, — сказала она. — Но вы нам нужны, поэтому придется вам поносить еще этот плащ.

— Черт.

Она улыбнулась на мгновение и тут же посерьезнела — что совсем не вязалось с ее юным лицом.

— Дело просто в том, что все мечи должны изготавливаться индивидуально под каждого отдельно взятого Стража. Этим занималась лично я — а сейчас вышло так, что я больше не способна делать это.

Я нахмурился и сделал еще глоток.

— Потому, что... — я сделал неопределенный жест рукой.

Она кивнула.

— Это тело не обладает магическим потенциалом того, прежнего. Я даже не знаю, удастся ли мне когда-нибудь восстановить свой прежний уровень, но в любом случае, ждать этого в скором времени не приходится, — она пожала плечами. Лицо ее оставалось бесстрастным, но я не сомневался, что она с усилием сдерживает в себе досаду и горечь. — Остается ждать, пока кто-нибудь не сумеет соединить мою методику со своими способностями, или пока я не восстановлюсь в достаточной степени. Боюсь, раньше новых клинков не будет.

Я похрустел корнфлексом и глотнул еще кофе.

— Должно быть, это очень нелегко. В смысле, новое тело. После того, как вы столько лет жили в другом.

Она повернулась ко мне, удивленно округлив глаза.

— Я... Да, это так.

— Но вы привыкаете, правда?

Она задумчиво уставилась в свою миску.

— Головной боли хватает, — тихо произнесла она. — Чужие воспоминания. Наверное, они принадлежали настоящей хозяйке этого тела. Чаще всего я вижу их во сне. Я вообще плохо сплю, — она вздохнула. — Ну и потом, я уже сто сорок лет как забыла о том, что такое сексуальное желание или месячные.

Я очень осторожно сглотнул прожеванный корнфлекс и даже не поперхнулся.

— Послушать, так это очень... гм... беспокойно. И неприятно.

— Очень, — произнесла она все так же тихо. — По большей части, да. Спасибо, что спросили, — она сделала глубокий вдох, резко выдохнула и встала, разом вернувшись в обычное целеустремленное состояние. — Так или иначе, мне кажется, вы заслужили объяснения.

— Да ничего такого, — сказал я. — Но спасибо...

Утреннюю тишину разорвали автоматные очереди.

Люччо развила спринтерскую скорость прежде, чем я успел оторвать задницу от камня. Я не считаю себя неповоротливым. Я достаточно побывал в переделках, чтобы не каменеть при внезапной вспышке насилия. Впрочем, на долю Люччо переделок выпало вдесятеро больше моего, так что она просто была быстрее и вообще круче меня. Пока мы бежали, до нас доносилась продолжающаяся стрельба, вопли, потом пара чертовски громких взрывов и совершенно нечеловеческий визг. Я догнал Люччо, когда мы, обогнув выступ горы, выбежали к столовой, и я не стал опережать ее.

Я до глупого галантен. Но не дурак.

На месте столовой царил разгром. Повсюду валялись перевернутые столы, рассыпавшийся по земле корнфлекс мешался с кровью. Я увидел двух упавших подростков — один кричал, другой молча свернулся калачиком, и его трясло. Впрочем, остальные тоже залегли ничком. Футы в тридцати от них в единственной сохранившейся стене кузницы зияло огромное круглое отверстие — такие обычно остаются на месте, куда попадает разряд энергии Рамиреса. Рядом валялся оторванный ствол чего-то крупнокалиберного. Только ствол — казенная часть, приклад и тот, кто за него держался, похоже, исчезли вместе с недостающими в стене кирпичами.

В отверстии возникла голова Рамиреса. Половина его лица была забрызгана какой-то темно-коричневой жижей.

— Капитан, ложитесь!

Свистнули и ударили в грязь в футах от ног Люччо пули; через секунду до нас донесся и звук выстрелов.

Люччо даже не замедлила бега. Она выбросила вперед правую руку с растопыренными пальцами. Что именно она сделала, я не разглядел, но воздух между нами и склоном горы вдруг заволокло дымкой.

— Где? — крикнула она.

— Здесь у меня двое раненых вурдалаков! — крикнул в ответ Рамирес. — Еще как минимум двое выше по склону, метрах в ста двадцати.

Пока он докладывал, из-за угла разбитой стены выскочил другой Страж, нацелил свой посох куда-то вверх и выкрикнул слово заклинания. Послышалось басовитое гудение, блеснула вспышка, и иссиня-белая вспышка молнии, сорвавшись с конца посоха, ударила в склон примерно в том месте, откуда слышались выстрелы. Здоровенный валун, в который она угодила, рассыпался фонтаном каменных брызг — сквозь выставленную Люччо завесу это выглядело довольно странно.

— Осторожно! — крикнул Рамирес. — Они захватили двоих ребят!

Тот, второй Страж испуганно покосился на него и тут же нырнул в укрытие: со склона снова открыли стрельбу. Он испустил короткий, сдавленный вскрик и схватился за ногу. Одна из лежавших недалеко от него учениц тоже охнула, и щека ее окрасилась кровью.

— Черт, — зарычала Люччо. Она остановилась, подняла другую руку, и висевшее в воздухе марево сгустилось, переливаясь красками как эти декоративные масляные светильники.

Частые очереди сменились одиночными выстрелами: завеса мешала нападавшим прицеливаться. С каждым выстрелом подростки вздрагивали и охали.

— Курсантам лежать! — громко скомандовала Люччо. — Не шевелитесь. Не шумите, чтобы не выдать своего положения противнику.

Пули ударили в землю у самых ее ног: уж ее-то голос неприятель точно слышал. Она не пошевелилось, хотя лицо ее покрылось капельками пота. Впрочем, возможно, это просто

от усилий, которых требовало от нее маскирующее заклятие.

— Дрезден, — бросила она мне сквозь зубы. — По нам стреляет только один из них. Прижимает нас к земле, пока остальные отходят с пленными. В первую очередь мы должны защитить ребят, и мы не можем помочь раненым, пока по нам стреляют.

— Подержите еще завесу, прикройте их, — отозвался я, и новая пуля тут же осыпала меня землей. Я благоразумно шагнул в сторону. — Стелком я займусь.

Она кивнула, и во взгляде ее мелькнуло что-то, напоминающее уязвленную гордость.

— Только быстро. Я долго не продержусь.

Я кивнул в ответ, посмотрел вверх по склону — и отворил Взгляд.

Наведенная Лючко завеса исчезла, словно ее не было. Теперь я видел склон весь до мельчайшей детали — и это при том, что на картину накладывались все отпечатки магии и эмоций, что случились здесь за много лет. Таковы уж побочные эффекты моего Взгляда: я видел отметину на склоне, где девушка, что лежала теперь, скорчившись и дрожа от попадания пули, попала под огонь; место, где больше ста лет покончил с собой безнадежно пристрастившийся к опиуму старик, и где до сих пор блуждала по ночам его неприкаянная тень.

И я видел небольшой сгусток темноты, сотканной из эмоций разгоряченного боем вурдалака.

Запомнив это место, я убрал Взгляд и бросился вверх по склону, виляя из стороны в сторону. Попасть в такую мишень чертовски нелегко, даже если она неуклонно приближается к тебе — а мне очень не хотелось, чтобы меня подстрелили, даже при скрывавшей меня до поры завесе Лючко. Бежать вверх по неровному склону тяжело, но дневная жара еще не началась, к тому же я регулярно занимаюсь бегом... вот только бегать я обыкновенно предпочитаю от нехороших парней, а не в их сторону.

Стрельба продолжалась, но пули пока ложились довольно далеко от меня. Я бежал, не сводя взгляда с той точки на склоне, где лежал в укрытии стрелявший вурдалак. До сих пор завеса мешала мне разглядеть его; впрочем, окажись это по-другому, и это означало бы либо то, что я вышел из зоны ее действия, либо то, что она вообще исчезла — а значит, что и я представляю для вурдалака легкую цель. Надо было подобраться ближе. Я не захватил с собой ни жезла, ни посоха, что изрядно ограничивало радиус эффективного действия моей магии и ее точность. Удерживать защитное поле и атаковать одновременно с этим я тоже не мог. У меня в распоряжении имелась только одна попытка.

Я бежал, смотрел на склон и накапливал энергию для удара.

Завеса исчезла, когда я огибал очередной куст.

Вурдалак хоронился за валуном ярдах в двадцати выше по склону от меня. Лицо его почти не отличалось от человеческого: ну конечно, ему приходилось сохранять человеческий облик, поскольку пользовался он людским оружием — гребаным «Калашниковым». Слава Богу. Этот автомат вынослив и неприхотлив, но для снайперской стрельбы подходит не ах как. Окажись у него в руках что-либо с большей кучностью стрельбы, и он мог бы нанести нам гораздо больше урона.

Я держался чуть в стороне от линии огня, а вурдалак, прищурившись, наводил мушку на цель, поэтому тот засек меня боковым зрением, когда дистанция между нами сократилась до минимума. Ему потребовалось не меньше секунды, чтобы идентифицировать меня как угрозу и двинуть стволом автомата в мою сторону.

Это подарило мне необходимое время. Я выбросил правую руку вперед и выкрикнул: — Fuego!

Огонь вырвался из моей руки не узким лучом сфокусированной энергии, но ревущим потоком — как вода из поливального шланга. Чертова уйма огня, гораздо больше, чем я ожидал. Огонь ударил точно в вурдалака, воспламенив траву вокруг него — преимущественно, на склоне над его убежищем. Рев пламени сменился отвратительным воплем, а потом наступила тишина, и только клубы черного дыма поднимались над местом, где он только что лежал. Впрочем, и их почти сразу же разогнал легкий ветер, предвестник

дневной жары.

Вурдалак, теперь уже в своем истинном облике, лежал навзничь на обугленной земле. Осталось, правда, от него не слишком много, практически только неприятно потемневший скелет, только на одной ноге сохранилось еще некоторое количество мускулов, и она продолжала конвульсивно дергаться. Даже так эта тварь умерла еще не совсем. Не могу сказать, чтобы это меня удивило. По опыту я знаю: все, что делают вурдалаки, в той или иной степени омерзительно. Вряд ли стоило ожидать от них, чтобы они хотя бы умирали красиво.

Удостоверившись, что этот вурдалак уже не встанет, я внимательно осмотрел склон на предмет любых признаков жизни, но не обнаружил ничего. Тогда я повернулся и начал спускаться в лагерь.

Лючко с головой ушла в оказание помощи раненым. Трое получили пулевые ранения, несколько других — включая одного взрослого Стража — были ранены осколками камня и острыми щепками от мебели.

Ко мне сразу же бросился Рамирес.

— Ты его убрал? — взгляд его метнулся мне за спину, на черневшее посередине склона пятно и продолжавшие еще дымиться кусты. — Ага, мог и не спрашивать.

— Типа того, — подтвердил я. — Ты сказал, они захватили двоих наших?

Он кивнул, и лицо его потемнело.

— Ужасную Двойню. Они ушли на гору поискать место для занятия. Наверное, хотели покрасоваться.

— Шестнадцать, — пробормотал я. — Господи.

Рамирес поморщился.

— Я кричал им, чтобы они вернулись, и тут из кустов выскочили вурдалаки и схватили их, а еще трое гадов, оказывается, пробрались в старую кузницу и открыли огонь.

— По следу идти умеешь? — спросил я его.

— Я думал, это вашего англосаксонского брата учат всем этим бойскаутским штучкам. Я рос в Эл-Эй.

Я резко выдохнул, пытаюсь прочистить мозги.

— Лючко занята. Раненых много. Значит, за двойняшками некому идти, кроме нас двоих.

— Придется, блин, — буркнул Рамирес. — Как?

— У тебя пленные есть?

— Двое, которых я не добил.

— Вот мы их и допросим.

— Думаешь, они выдадут своих дружков?

— Если поверят, что это спасет им жизнь? — хмыкнул я. — Быстрее быстрого.

— Вот хорьки, — поморщился Рамирес.

— Такова уж их натура, дружище, — сказал я. — Глупо ненавидеть их за это. Лучше радуйся, что мы можем использовать это во благо. Идем.

Глава ДВАДЦАТЬ ТРЕТЬЯ

Вурдалаки лежали, припорошенные светло-серой пылью, тонкой как детская присыпка — всем, что осталось от испепеленных Рамиресом стены, их спутника, а также правых руки и ноги одного из оставшихся в живых. Раненый вурдалак, тело которого под воздействием шока вернулось в естественное состояние, лежал, хрипя и плюясь пылью. Второй, лежавший рядом, сохранил более-менее человеческую внешность и в одеянии из оборванных тряпок песчаного цвета напоминал персонажа из «Лоуренса Аравийского». В нескольких футах от них лежал на земле еще один «Калашников», на который наступил ногой Билл Майерс, молодой Страж, стволы дробовика которого целились в голову оставшемуся целым вурдалаку.

— Осторожнее, — предупредил Майерс. Выговор он имел протяжный, обычный для сельских жителей к западу от Миссисипи, хотя сам был родом из Техаса. — Я их не обыскивал, и английского они, похоже, не знают.

— Что? — удивился Рамирес. — Чушь какая-то. Кому придет в голову забрасывать вурдалаков вглубь вражеской территории, если они не могут сойти за местных?

— Кому-то, кто не заботится о пересечении границы, о свидетелях или копах, — тихо ответил я. — Кому-то, кто перебросил их прямо сюда оттуда, откуда они родом — через Небывальщину, — я покосился на Рамиреса. — Как ты думаешь, как они еще могли миновать часовых и оберегов?

— Я думал, эти подступы у нас тоже охраняются, — буркнул Рамирес.

— Небывальщина полна всяких фокусов, — заметил я. — Всех не предугадаешь. Кто-то оказался пронырливее нас.

— Вампиры? — спросил Рамирес.

Я очень старательно обошел молчанием Черный Совет.

— А кто еще?

Рамирес сказал им что-то по-испански.

— Брось, — буркнул Майерс. — Думаешь, я не пробовал уже?

— Эй, — вмешался я, шагнул к оставшемуся целым вурдалаку и пнул его ногой. — На каком языке вы говорите?

Выглядевшая почти как человек тварь опасливо покосилась на меня, потом на своего спутника. Он буркнул что-то очень быстрое, текучее. Его компаньон откликнулся сквозь зубы; эти звуки показались мне смутно знакомыми.

Секунды утекали сквозь пальцы, а двое детей оставались в лапах одной из этих тварей. Я обратил мысли внутрь, в тот уголок моего сознания, где проживала тень Ласкиэли. Ты поняла чего-нибудь?

Образ Ласкиэли отозвался практически немедленно.

Первый спросил у второго, понимает ли он, о чем мы говорим. Второй ответил, что нет, и что вы, скорее всего, решаете, кому из вас и как их убить.

Мне нужно поговорить с ними, сказал я. Можешь поработать переводчиком?

Мне вдруг почудилось, будто кто-то стоит вплотную ко мне — я почти физически ощущал, как стройная женская фигура прижимается к моей спине, охватив руками за пояс, ощущал мягкое дыхание и движение губ у себя над ухом. Это было странное ощущение, но не лишенное приятности. Я поймал себя на том, что мне это нравится, и твердо напомнил себе о том, чем могут закончиться шашни с демоном.

С твоего позволения, хозяин мой, тебе достаточно обращаться к ним по-английски, сказала Ласкиэль. Я переведу это из твоего сознания, и они услышат слова своего языка с твоих губ.

Мы можем обойтись без образа, объединяющего их языки и мои губы, заметил я.

Ласкиэль довольно усмехнулась у меня в сознании, и я продолжал еще улыбаться, когда повернулся обратно к вурдалаку.

— О'кей, жопа, — сказал я. — У меня пропало двое детей, и единственный шанс для вас выбраться отсюда живыми — это если я получу их обратно. Ты меня понял?

Оба вурдалака, вздрогнув, повернулись ко мне, и изумление ясно читалось даже на морде того, что окончательно утратил человеческие черты. Примерно так же смотрели на меня Майерс с Рамиресом.

— Да, — пробормотал раненый вурдалак, как мне слышалось, по-английски.

Темные, пышные брови Рамиреса, казалось, переключаются на затылок.

Мне пришлось напомнить себе, что все это не так уж круто. Я пользовался опасным инструментом, который рано или поздно обернется против меня, каким бы крутым ни выглядел бы я сейчас в глазах других Стражей.

Дети, Гарри. Думай о детях.

— Зачем вы захватили этих детей? — спросил я у вурдалака.

— Должно быть, они подошли слишком близко к укрытию Муржека, — ответил тот, что почти походил на человека. — Мы не собирались брать пленных. Это просто набег. Мы здесь, чтобы атаковать и исчезнуть.

— Куда исчезнуть?

Вурдалаки замолчали и переглянулись.

Я отвел ногу назад и пнул того, что почти походил на человека, в лицо. Он испустил высокий, пронзительный звук — не от боли или злобы, но как скулит собака, пытаясь сдаться на милость более сильного противника.

— Куда? — повторил я.

— Наши жизни, — прошипел раненый вурдалак. — Обещай нам жизнь и свободу, о Великий. Дай нам обещание.

— От свободы вы отказались в мгновение, когда пролили нашу кровь, — прорычал я. — Но если мне удастся вернуть детей, вы останетесь живы. Даю слово.

Вурдалаки снова переглянулись, потом тот, что почти походил на человека, заговорил.

— В глубокие пещеры над вашим лагерем. Первая глубокая расселина, считая от солнца. В камнях рядом с ней вход в Царство Теней.

Я мысленно повернулся к своей переводчице. Он имеет в виду Небывальщину?

Ее регион, да, хозяин мой.

— Оставайтесь здесь, — сказал я вурдалакам. — Не шевелитесь. Не пытайтесь бежать. При первых признаках неповиновения или подвоха вы умрете.

— Да, о Великий, — хором отозвались оба, уткнувшись лицами в серую пыль. — Да, о Великий.

— Их утащили в шахту, — сказал я Рамиресу. — Мы идем туда, — я повернулся ко второму Стражу. — Майерс, они сдались. Не спускай с них глаз ни на секунду, и если они хоть дернутся, убей их. А так пусть лежат.

— Идет, — кивнул тот. — Может, я сюда кого из курсантов приведу? А я пойду с вами?

— Они курсанты, — сказал Рамирес тоном, не позволяющим пререканий. — Ты — Страж.

Майерс удивленно зажмурился, потом перевел дух и кивнул.

— Как скажешь. Берегите там себя, ладно?

— Идем, — сказал я Рамиресу, и мы, вынырнув из развалин кузницы, бросились бегом к нашей палатке. Рамирес забрал из нее свой серебряный меч и серый плащ, я — револьвер, жезл, посох и ветровку. А потом мы двинулись вверх по склону самым быстрым шагом, на который были способны.

Рамирес сложен как античный атлет, но короткие, спринтерские усилия даются ему лучше. Возможно, мои занятия бегом ему заменяла тяжелая атлетика. Уже на полпути ко входу в шахту он дышал как паровоз, а к моменту, когда я дошел до него, он отставал от меня на добрых полсотни ярдов. Мои легкие к этому времени тоже начали уже задыхаться, в боку кололо, а ноги, казалось, кто-то окунул в галлон спирта и поджег, но времени приходить в себя у нас не было.

Вурдалаки не собирались брать пленных. Конечно, этому могло хватить хитрости сохранить им жизнь, чтобы использовать в качестве заложников, но я что-то не встречал еще слишком уж сообразительных вурдалаков, и единственное качество, которое неизменно встречалось мне у всех известных мне до сих пор представителей этого вида нечисти, это неспособность держать свой аппетит в узде хоть мало-мальский промежуток времени.

Я торопливо упер посох в землю и напрягся, подкрепив собственную волю энергией Адского Огня — мистического источника энергии, доступ к которому открывало мне присутствие Ласкиэли. Я и так вымотался от неуклюжего огненного заклęcia и всей этой беготни, так что мне не оставалось иного выбора, кроме как использовать эту чертову, пахнущую серой энергию и надеяться на лучшее.

Руны на моем посохе вспыхнули багровым светом, и я добавлял в заклęcie энергии до

тех пор, пока зловещее алое сияние не осветило мне дорогу. Жерло шахты заросло кустами, а большая часть деревянных опор обрушилась, так что дневной свет в нее почти не проникал.

Я двинулся вперед, зная, что Рамирес скоро догонит меня — ждать его было некогда. Воздух делался холоднее с каждым шагом, и дыхание, вырываясь изо рта, повисало в воздухе крошечным облачком. Туннель сделался шире и круче. Я шел, скользя левой рукой по стене, а правой выставив перед собой посох — и для света, и чтобы иметь оружие наготове в случае, если кто-то бросится на меня из темноты.

Слева от меня открылся боковой ход, и когда я почти миновал его, откуда-то из его глубины донеслось, отражаясь эхом от каменных стен, зловещее шипение.

Я повернулся и бросился в ту сторону. Под ногами поблескивали старые рельсы, по которым катили когда-то вагонетки с рудой. Звуки делались громче — рык, и шипение на разные лады.

И, возможно, очень слабые всхлипы.

Должно быть, мне стоило вести себя чуть осторожнее. Должно быть, мне стоило замереть на месте, приглушить свет, а потом красться вперед, на ходу пытаясь извлечь из окружения максимум информации о происходящем. Я даже обдумал такой подход — четверть секунды думал, не меньше.

К черту. Дети попали в беду.

Я всем телом с разбега пробил прогнившую деревянную перегородку. Вурдалак, совершенно лишившийся человеческих черт, одетый в такое же тряпье песчаного цвета, как остальные, стоял спиной ко мне, отчаянно царапая каменную стену обеими руками. Они потемнели от собственной крови, пара когтей сломалась у самого корня. Задыхаясь, он повторял одну и ту же фразу, и Ласкиэль явно продолжала делать свое дело, поскольку я понимал его слова.

— Подстава, — шипел вурдалак. — Подстава. Восстановить... это... равновесие сил... пустите меня!

Все замедлилось, только мысли роились у меня в голове с бешеной скоростью. Я с ужасающей отчетливостью видел все то, что находилось прямо передо мной, и то, что лежало по сторонам — так же ясно, как классную доску в свой первый день в школе.

Близнецы Трейлмен были похожи друг на друга, но не одинаковы. Терри, брат, уступал ростом своей младшей (на несколько минут) сестре пару дюймов, но рубахи и штаны так быстро становились ему малы, что перерасти ее было вопросом ближайшего времени.

Он так и не успел этого сделать.

Его тело лежало на дне туннеля, сплошь залитое кровью. Вурдалак вырвал ему горло. Еще он перегрыз ему бедренную артерию. Терри лежал с открытым ртом, и на губах его запеклась бурая кровь вурдалака. Я разглядел ободранные костяшки пальцев. Мальчик погиб, защищаясь.

Парой футов дальше я увидел ту, которую он защищал. Тина Трейлмен лежала на камне, глядя вверх незрячими глазами. Всю одежду ниже талии с нее сорвали. Горло и трапециевидные мышцы исчезли, равно как и грудь, если то, что у нее только намечалось, можно так назвать. Не так много осталось и от мышц правой ноги, на которой отчетливо читались следы вурдалачьих челюстей. Кровь залила весь каменный пол вокруг нее, и красная лужа продолжала расплзаться.

Я увидел, как по телу ее пробежала дрожь, и рот ее беззвучно приоткрылся. Она была мертва — я знал это наверняка. Слишком часто я видел такое. Возможно, сердце ее продолжало еще биться, но отмеренные ей еще секунды ничего уже не меняли.

В глазах моих покраснело от ярости. А может, от Адского Огня. Я добавил еще темной энергии в посох, сжал его обеими руками и, с силой сунув его концом в поясницу вурдалака, выкрикнул: — *Fuego!*

Должно быть, удар сам по себе сломал вурдалаку один или два позвонка. Одновременно из конца посоха вырвался огонь, залил туннель светом и грохотом.

Чудовищный жар расцвел передо мной, хлынул потоком в тело вурдалака и разорвал

его пополам.

И эта же волна жара ударилась в каменную стену и, отразившись от нее, хлынула обратно. Я успел еще прикрыть лицо локтем и бросить посох, чтобы спрятать кисти рук в рукава ветровки. В общем, сильных ожогов я избежал, хотя больно все равно было черт знает как. Впрочем, все это я припомнил потом, а в тот момент в голове моей не оставалось ничего кроме ненависти.

Я отшвырнул ногой продолжавшую дергаться нижнюю часть тела вурдалака в зияющее жерло шахты и повернулся к верхней.

Кровь у вурдалаков не красная, поэтому обугленный торс сделался черным и коричневым как гамбургер, упавший с гриля на угли. Он бился, визжал и даже сумел перевернуться на спину. При виде меня он в отчаянном жесте выставил руки перед собой.

— Пощады, о Великий! — выкрикнул он. — Пощады!

Шестнадцать лет.

Господи Иисусе.

Секунду-другую я смотрел на вурдалака сверху вниз. Я не хотел убивать его. Это и вполтину не искупило бы зла, которое он натворил. Мне хотелось порвать его в клочки. Мне хотелось вырвать его сердце. Мне хотелось растоптать его ногами в труху. Или вонзить пальцы в его глазницы — глубоко, до самого мозга. Мне хотелось растерзать его ногтями и зубами и плюнуть ему в лицо его же собственной проклятой плотью. В общем, чтобы он умирал долго и мучительно.

Пощады — нет не от Гарри.

Я снова накопил немного Адского Огня и прорычал несложное заклинание, каким воспламеняю обычно свечи у себя дома. Укрепленное Адским Огнем, направляемое моей яростью заклятие устремилось в тело вурдалака и подожгло его подкожный жир, и нервы, и сосуды. Они вспыхнули как фитили, питаемые не воском, но всем телом обезумевшего от боли вурдалака.

Я нагнулся, взял вурдалака — вернее, его верхнюю половину — за остатки одежды и, не обращая внимания на вырывавшиеся там и здесь из-под кожи вурдалака язычки огня, поднял его на уровень глаз и заглянул ему в лицо. Потом заставил посмотреть на тела. Потом снова повернул лицом к себе и сам не узнал своего голоса, таким диким, звериным он сделался.

— Никогда, — произнес я. — Ни-ког-да больше.

И бросил его в шахту.

Секундой спустя он вспыхнул ярким пламенем — это встречный поток воздуха раздул тлевшее внутри его тела пекло. Я смотрел ему вслед, слышал его полный боли и ужаса вой. Потом, где-то далеко-далеко внизу он ударился о что-то. На мгновение он расцвел огненным цветком, потом пламя медленно погасло. Разглядеть детали я уже не мог; во всяком случае, там ничего не шевелилось.

Я оглянулся как раз вовремя, чтобы увидеть пробиравшегося через остатки деревянной перегородки Рамиреса. Мгновение он смотрел на меня, стоявшего в дымящейся ветровке над шахтой, в глубине которой что-то еще багрово светилось. В воздухе стоял острый запах серы.

Рамирес редко не находится, что сказать.

Так вот, мгновение он смотрел на меня. Потом взгляд его упал на мертвых детей, и он коротко, резко охнул. Плечи его дрогнули. Он припал на колени и отвернулся от меня.

— Dios...

Я подобрал с пола посох и побрел к выходу из шахты.

Рамирес догнал меня, когда я спустился по склону на несколько ярдов.

— Дрезден, — произнес он.

Я не обернулся.

— Гарри!

— Шестнадцать, Карлос, — прохрипел я. — Шестнадцать лет. И эта дрянь убила их

меньше, чем за восемь минут.

— Гарри, подожди.

— О чем я, черт подери, думал? — огрызнулся я, щурясь на солнечный свет. — И посох, и жезл, и вся моя гребаная амуниция лежали в палатке. Война ведь, чтоб ее.

— Все было спокойно, — возразил Рамирес. — Мы уже два дня здесь. Ты никак не мог предугадать того, что случилось.

— Мы с тобой Стражи, Карлос. От нас ждут защиты. Я мог хоть немного начеку держаться.

Он обогнал меня и заступил дорогу. Я остановился и недовольно нахмурился.

— Ты прав, — сказал он. — Это война. И всякие пакости случаются с людьми, даже когда никто не делает ошибок.

Не помню, чтобы я сделал это сознательно, но руны на моем посохе снова начали наливаться багровым светом.

— Карлос, — тихо произнес я. — Уйди с дороги.

Он стиснул зубы, но отвел взгляд. Он не шагнул в сторону, но когда я обошел его, но не делал попыток остановить меня.

В лагере я покосился в сторону Лючо — она помогала укладывать раненого курсанта на носилки. Потом шагнула в переливавшееся всеми цветами радуги марево — открытый проход в Небывальщину — и исчезла. Прибывали подкрепления: Стражи с аптечками первой помощи, носилками и прочей медицинской утварью хлопотали над ранеными. Оставшиеся невредимыми курсанты с потрясенным видом бродили по лагерю, косясь на две фигуры, неподвижно лежавших на земле и накрытых с головой спальными мешками.

Я вихрем ворвался в кузницу.

— *Forzare* ! — рывкнул я, вложив в заклятие всю свою ярость, всю свою волю. Невидимый вихрь ударил в пленных вурдалаков и, обрушив попутно остаток стены, вышвырнул их на относительно ровный отрезок улицы. Я не спеша вышел следом. Если честно, я успел еще взять с подвернувшегося по пути стола пакет апельсинового сока и, открутив крышку, сделал на ходу несколько глотков.

Воцарилась полнейшая тишина.

Подойдя к ним на несколько шагов, я новым зарядом энергии вырыл в песчаном грунте воронку футов шести в диаметре. Ногой я спихнул того вурдалака, что почти сохранил человеческий облик, в воронку и несколькими новыми зарядами обрушил стенки, похоронив его по шею в песке.

Затем я переключился на огонь и запек песок вокруг торчавшей головы вурдалака, превратив его в стеклянную корку.

Он визжал, не переставая, но я не обращал на это никакого внимания. Жар от расплавленного песка изуродовал его лицо, почти утратившее уже человеческие черты. Я перевернул пакет с соком. Часть его вылилась вурдалаку на голову, часть зашипела на слое запекшегося стекла вокруг нее. Я пошел прочь от головы, продолжая лить сок на землю, пока влажный след не уперся в большущий муравейник, в который один особенно ловкий курсант ухитрился провалиться ногой еще в самый свой первый день в лагере.

Почти сразу же первые муравьи-разведчики двинулись по этому следу в направлении вурдалака.

Я повернулся ко второму вурдалаку.

Не издавая ни звука, он попытался отползти от меня. Тишину нарушали только едва слышные всхлипы второго вурдалака.

— Я не собираюсь тебя убивать, — сказал я вурдалаку очень, очень тихим голосом. — Ты расскажешь об этом своим сородичам, — я уперся ему в грудь концом посоха и пристально посмотрел на него. Несколько завитков сернистого дыма сорвались с посоха, обвинив его голову. — Передай им вот что, — я придвинулся вплотную к нему. — Никогда. Так и скажи. Ни-ког-да больше. Этого не повторится. Или сам Ад не поможет тебе укрыться от меня.

— О Великий, — всхлипнул вурдалак. — Великий.

Я зарычал и начал колотить вурдалака со всей силы. Я не останавливался до тех пор, пока он не бросился от меня в пустыню — на одной руке и одной ноге, но довольно быстро.

Я смотрел ему вслед, пока он не скрылся из вида.

К этому времени муравьи уже добрались до его приятеля. Некоторое время я стоял и молча смотрел на это.

Рамирес подошел и остановился около меня — я ощутил это, не оборачиваясь.

— Dios, — повторил он.

Я промолчал.

— Ты же сам говорил, что не испытываешь к ним ненависти, — произнес Рамирес, выждав немного.

— Все меняется.

Рамирес не пошевелился, только понизил голос так, что даже я едва слышал его.

— Как ты думаешь, много ли уроков потребуется детям, чтобы усвоить это?

Гнев снова начал закипать во мне.

— Одно дело бой, — продолжал Рамирес. — Другое дело это. Посмотри на них.

Я вдруг ощутил на себе вес нескольких десятков взглядов. Я повернулся и увидел, что курсанты, побелев от потрясения, молча смотрят на меня. Вид у них был перепуганный.

Я поборол досаду и злость. Рамирес говорил дело. Разумеется, он говорил дело. Черт бы его побрал.

Я достал пистолет и разрядил в вурдалака.

— Dios, — снова прошептал Рамирес и покосился на меня. — Ни разу не видел еще тебя таким.

Руки и лицо начало щипать от ожогов. Солнце понемногу превращало Кэмп-Бубум в огромный противень.

— Каким?

— Ледяным, — произнес он, помолчав.

— Это только так и подают, — буркнул я. — Ледяным.

* * *

Ледяным.

Холод...

Я очнулся. Нью-Мехико куда-то исчезло. Вокруг царили темнота и холод. Такой лютый холод, что обжигал кожу. Грудь сдавливало.

Я находился в воде.

Грудь сводило болью. Я смог-таки поднять голову и посмотреть вверх.

Солнце играло на обломках льда толщиной добрых восемь дюймов. Я вспомнил. Бой на борту «Жучка-Плавунца». Вурдалаков. Озеро. Лед треснул, и я провалился в воду.

Вода была мутная, и я заметил проплывавшего мимо вурдалака, когда он оказался на расстоянии вытянутой руки от меня. Он плыл по-крокодильи, вытянув руки по швам, увидел меня одновременно со мной и отвернул в сторону.

Никогда больше.

Я протянул руку и схватил его за пояс джинсов. Он ударился в панику, замолотил ногами и нырнул глубже, в холод и темноту, в надежде, что я испугаюсь и отпущу его.

Умом я понимал, что мне надо вздохнуть, и что я начинаю уже терять сознание. Я отмахнулся от этого как от несущественного. Этот вурдалак никому уже не причинит вреда. Никогда больше, даже если мне придется для этого умереть. В глазах начинало темнеть.

И тут в воде возникла еще одна неясная фигура. Она приблизилась, и я разглядел Томаса — голого по пояс, с ножом в зубах. Он устремился к вурдалаку, который извивался с такой силой, что мои слабеющие пальцы отпустили пояс.

Я безвольно болтался в воде. Что-то холодное обвилось вокруг моего правого запястья.

Свет сделался ярче, ярче — до боли в глазах.

А потом мое лицо вдруг вынырнуло из ледяной воды, и я из последних сил глотнул воздуха. Чья-то рука поддержала меня за подбородок, а потом меня потянули куда-то в сторону. Элейн. Уж прикосновение ее кожи к моей я ни с чем не спутаю.

Мы вынырнули на поверхность, она перевела дух и потащила меня в сторону причала. С помощью Оливии и остальных женщин Элейн вытащила меня из воды. Я лежал на боку, жадно глотая воздух. Меня колотил озноб. Мир понемногу обретал привычные очертания, но я слишком устал, чтобы реагировать на это.

Не знаю, сколько времени прошло, но когда вернулся и выбрался из воды Томас, сирены раздавались уже довольно близко.

— Уходим, — скомандовал Томас. — Он может идти? Он не ранен?

— Нет, — откликнулась Элейн. — Должно быть, это шок. Не знаю точно. Наверное, ударился головой обо что-нибудь.

— Нельзя здесь оставаться, — сказал Томас. Я почувствовал, как он поднимает меня и закидывает на плечо. Он сделал это настолько осторожно и мягко, насколько это вообще можно сделать.

— Верно, — согласилась Элейн. — Идем. Так, всем держаться вместе и не отбиваться от других.

Я ощутил, то меня несут. Голова болела. Еще как болела.

— Я его сделал, — шепнул Томас мне на ухо. — Все в порядке, Гарри. Все в безопасности. Мы вывели всех. И я его сделал.

Что ж, если брат говорит мне так, мне довольно и этого.

Я закрыл глаза и перестал пытаться следить за происходящим.

Глава ДВАДЦАТЬ ЧЕТВЕРТАЯ

Меня разбудило прикосновение очень теплых, очень мягких пальцев. Голова болела даже сильнее, чем после плюхи, полученной от Коула накануне вечером, если такое вообще возможно. Я не хотел приходить в сознание, не хотел проверять, может ли голова болеть еще сильнее.

Но эти мягкие, теплые, несомненно женские пальцы продолжали настойчиво трогать меня, и понемногу боль начала спадать. Это имело обычное последствие: когда боль уходит, ее отсутствие сравнимо почти с действием наркотика.

Но, конечно, не только это. Я испытывал от этих прикосновений почти первобытное наслаждение. И от мысли о том, что кто-то, близкий тебе, хочет касаться меня. Прикосновение человеческой руки вообще дарит ощущение безопасности, подтверждая на самом глубоком, рефлекторном уровне, что кто-то рядом, кто-то заботится о тебе.

Похоже, в последнее время меня касались очень редко.

— Черт подери, Лаш, — пробормотал я. — Я же просил тебя не делать этого.

Пальцы на мгновение замерли.

— О чем это ты, Гарри? — спросил голос Элейн.

Я заморгал и открыл глаза.

Я лежал на кровати в полутемном гостиничном номере. Панели потолка потемнели от возраста и протечек. Меблировка оказалась под стать потолку: нехитрая, недорогая, обшарпанная от долгого использования.

Элейн сидела, скрестив ноги, в изголовье кровати. Моя голова уютно покоилась на ее коленях — как много, много раз в незапамятные времена. Мои ноги свисали с края кровати — тоже как тогда, в доме, который редко вспоминается мне даже во снах.

— Я тебе сделала больно, Гарри? — настаивала Элейн. Выражения ее лица я не видел, потому что для этого мне пришлось бы повернуть голову, а даже думать об этом мне пока не хотелось — но голос ее звучал встревожено.

— Нет, — сказал я. — Нет, просто очухался не до конца. Извини.

— А-а, — протянула она. — А кто такая Лаш?

— Не из тех, кого мне хотелось бы обсуждать.

— Ладно, — сказала она, и на этот раз в ее голосе не было ничего кроме мягкого одобрения. — Тогда полежи еще несколько минут, дай мне доделать. Твой друг-вампир сказал, за больницами могут следить.

— Что ты делаешь? — спросил я.

— Рэйки, — ответила она.

— Наложение рук? Эта штука действует?

— Принципы у нее вполне здравые, — отозвалась она, и я почувствовал, как что-то шелковистое скользнуло по моей щеке. Ее волосы. Я узнал их на ощупь и на запах. Она склонила голову, сконцентрировавшись. Голос ее сделался чуть более отрешенным. — Мне удалось соединить их с некоторыми основными принципами перемещения энергии. Я не научилась пока справляться с критическими травмами или инфекциями, но в том, что касается ушибов и растяжений это эффективно — даже сама удивляюсь.

И правда — головная боль исчезла, словно ее и не было. Напряжение в голове и шее исчезало, да и мышцы спины и плеч тоже расслабились.

И меня касалась прекрасная женщина.

Меня касалась Элейн.

Я бы не пытался остановить ее, будь я весь, с головы до ног изрезан бумагой, а ее руки вымочены в лимонном соке.

Мы просто не двигались с места еще некоторое время. Она по очереди дотрагивалась руками до моих щек, шеи, груди. Пальцы ее медленно, ритмично поглаживали мою кожу, едва касаясь ее. Судя по всему, в какой-то момент я остался без рубахи. Вся боль, и усталость, и напряжение боя уходили, оставив за собой только легкое облачко эндорфинов. Ее руки были теплыми, неторопливыми, бесконечно терпеливыми и бесконечно уверенными.

Наслаждение.

Я купался в ощущениях.

— Ладно, — сказала она неизвестно сколько времени спустя. — Как тебе?

— Неопишимо, — ответил я.

— Ты всегда так говоришь, когда я тебя касаюсь, — в голосе ее я услышал улыбку.

— Я не виноват, что это всегда так.

— Подлиза, — сказала она, и пальцы ее легонько шлепнули по моему плечу. — Дай мне встать, обезьяна.

— А если я не хочу?

— Ох уж, эти мужчины. Стоит уделить вам хоть каплю внимания, и вы превращаетесь в натуральных неандартальцев.

— Угхм, — отозвался я и медленно сел, ожидая приступа дурноты при оттоке крови от головы. Этого не случилось.

Я нахмурился и ощупал череп. Сбоку обнаружился синяк, которому полагалось болеть как черт-те что. Вместо этого я ощутил при нажатии лишь легкий дискомфорт. Мне приходилось получать по тылке, и не раз. Я знаком с последствиями хорошего удара. Это напоминало именно такой, только спустя неделю.

— Я долго лежал в отключке?

— Где-то часов восемь, да? — пожала плечами Элейн. Она встала с кровати и потянулась. Смотреть на это оказалось на все сто так же приятно и интригующе, как мне помнилось с давних пор. — Я, типа, не слежу за временем, когда сконцентрирована на чем-то.

— Я помню, — прошептал я.

Элейн застыла, и ее зеленые глаза затуманились, встретившись с моими. Минуту мы как-то расслабленно, благостно молчали.

— Надеюсь, что помнишь.

Сердце мое дернулось, забило быстрее, и в голове принялись роиться всякие мысли.

Мысли, ни одна из которых не могла быть на текущий момент реализована.

Я увидел, что Элейн одновременно со мной пришла к тому же выводу. Она опустила руки и снова улыбнулась.

— Извини, — сказала она. — Я, наверное, засиделась немножко, — и вышла в ванную.

Я подошел к окну и, раздвинув ребра дешевых жалюзи, выглянул на улицу. Мы находились где-то в южной части города. На улице стояли сумерки, и по мере того, как удлинялись, выползая из-под домов тени, по одному начинали зажигаться фонари. Я пошарил взглядом по окрестностям, но не увидел ни разрезавших воду акульих плавников, ни круживших в небе стервятников, ни заурядных вампиров там, или вурдалаков не увидел. Впрочем, из этого вовсе не следовало, что их нет поблизости.

Я подошел к двери и осторожно коснулся ее левой рукой. Элейн наложила на нее заклятие-оберег — почти незаметное, но крепко сработанное, достаточное, чтобы отшвырнуть любого, кто попытался бы открыть дверь футов на десять-двенадцать. Идеальная штука для тех случаев, когда ты ожидаешь неприятностей и готов в любой момент сделать ноги. Достаточно дождаться, пока нехорошего парня выбросит в окно, а потом слинять, пока тот не пришел в себя.

Я услышал, как Элейн выходит за моей спиной из ванной.

— Так что случилось? — спросил я.

— А что ты помнишь?

— Мадригал открыл огонь из автомата. Яркая вспышка. Потом я был уже в воде.

Элейн остановилась рядом со мной и тоже выглянула наружу сквозь жалюзи. Рука ее коснулась моей, и пальцы наши сами собой переплелись в до боли знакомом жесте. На мгновение в груди моей заняло от новой волны воспоминаний о тех полузабытых уже днях.

Элейн чуть вздрогнула и закрыла глаза. Пальцы ее легко сжали мои.

— Мы уже боялись, он тебя убил, — призналась она. — Ты упал, а пули крошили лед вокруг тебя. Ты провалился в воду, и тогда вампир... как ты его назвал, Мадригал? Он скомандовал вурдалакам, чтобы те добили тебя в воде. Я отослала Оливию и остальных на берег, а сама с Томасом прыгнула в воду искать тебя.

— Кто двинул меня по башке? — спросил я.

Элейн пожала плечами.

— Или пуля отрикошетила от твоего толстокостного черепа, не пробив ветровки, или ты сам ударился о льдину.

Что ж, пуля вполне могла отрикошетить от моей башки — спасибо заговоренной коже моей ветровки. Мысли о таком хорошо отрезвляют — даже меня.

— Спасибо, — сказал я. — Что вытащила.

Элейн повела бровью, закатила глаза и вздохнула.

— Ну, я скучала... надо же было чем-то себя занять.

— Я так и думал, — заверил я ее. — Что Томас?

— С ним все в порядке. Он оставил машину рядом с портом. Я села за руль этой твоей клоунской тачки, и мы все кое-как затолкались в две машины и убрались оттуда. Если повезет, у Мадригала будет больше проблем с полицией, чем у нас.

— Не, — убежденно мотнул головой я. — Слишком просто. Он улизнул. Где Томас?

— Он сказал, что подежурит на входе, — Элейн нахмурилась. — Вид у него был... бледный очень. Он отказался остаться с теми, кого он спас. Со мной тоже, если на то пошло.

Я хмыкнул. Там, в порту, Томас выступал, так сказать, в форме супервампира. Даже при нормальных обстоятельствах он чертовски силен для мужчины его роста и сложения. Но даже чертовски сильные мужчины не бросаются в рукопашную с вурдалаками, вооруженные только большой палкой — тем более, они не выходят из нее целыми и невредимыми. Томас мог добавлять себе сил — и немало сил — но не навсегда. Демоническая составляющая души моего брата превращала его в богоподобное создание, но она же разжигала его голод, сжигая все жизненные силы, что он накапливал к этому времени в обмен на повышение, так сказать, технических характеристик.

После такой потасовки Томас не мог не испытывать голода. Такого голода, что он не мог положиться на свою выдержку в помещении, полном тех, кого он считал... гм... съедобными. В число которых входили все спасенные, кроме детей, ну и меня.

Должно быть, это причиняло ему боль.

— А что с Орденом? — тихо спросил я.

— Не хотела возвращаться до тех пор, пока не буду уверена, что верну туда всех в целостности и сохранности. Я звонила им раз в два часа проверить, все ли у них в порядке. Сейчас еще раз позвоню.

Еще не договорив, она сняла трубку и набрала номер. Я ждал. Она молчала. Выждав несколько секунд, она положила трубку.

— Не отвечают, — тихо произнес я.

— Нет, — кивнула она, подошла к шкафу, сняла с перекладины свою цепь, продела в петли своих джинсов вместо пояса и застегнула чуть изогнутой деревянной, оплетенной цветными кожаными полосками пластиной.

Я приоткрыл дверь, высунул голову в сумерки и огляделся. Томаса я нигде не увидел, поэтому громко свистнул, помахал рукой и, убрав голову, закрыл дверь.

Долго ждать не пришлось: за дверью послышались Томасовы шаги.

— Гарри, — забеспокоилась Элейн. — Оберег...

Я предостерегающе поднял палец, потом сложил руки и принялся ждать, глядя на дверь. Дверная ручка шевельнулась; последовал тяжелый удар, возглас удивления и громкий лязг пустых мусорных баков.

Я открыл дверь и увидел брата, валявшегося на спине посреди стоянки в окружении разлетевшегося мусора. Пару секунд он смотрел в небо, потом тяжело вздохнул и хмуро уставился на меня.

— Ох, извини, — произнес я с видом трехлетнего ангелочка, категорически отрицающего, что это он стащил пирожное, в котором перепачкался по уши. — Я ведь должен был предупредить тебя о потенциально опасной ситуации, так? В смысле, с моей стороны было бы вежливо предупредить тебя. И разумно. И почтительно. И...

— Да понял, понял, — буркнул он, вставая и безуспешно пытаясь стряхнуть с одежды всякую липкую дрянь. — Господи, Гарри. Все-таки ты порой бываешь совершенной жопой.

— Тогда как ты ухитряешься неделями подряд вести себя как полнейший идиот!

Тут вперед выступила Элейн.

— Мне очень приятно смотреть на то, как выпендриваются перед женщиной двое страдающих избытком тестостерона типов — но не кажется ли вам, что это разумнее делать там, где вас не видно доброй половине города?

Я насупился, но Элейн говорила дело. Я вышел и протянул Томасу руку.

Он испепелил меня взглядом, потом, поискав взглядом место погрязнее, повозил там рукой и, не вытирая, протянул ее мне. Я закатил глаза, но помог ему подняться, и мы вдвоем вернулись в номер.

Томас привалился к дверному косяку и остался стоять там, скрестив руки и глядя в пол, а я отправился в ванную и вымыл руки. Моя ветровка висела на проволочных плечиках рядом с раковиной — и футболка тоже. Посох стоял в углу у выключателя, а остальная моя амуниция лежала на полке. Я вытер руки и начал одеваться.

— Ладно, Томас, — сказал я. — Я серьезно. К чему вся эта скрытность? Мог бы и связаться со мной.

— Не мог, — буркнул он.

— Почему?

— Обещал кое-кому, что не буду.

Я нахмурился и принялся натягивать чертову черную перчатку на свою изуродованную левую руку, пытаясь одновременно обмозговать ситуацию. Мы с Томасом братья. Он относится ко всему не менее серьезно, чем я — в том числе и к своим обещаниям. Если он дал такое обещание, значит, у него имелся на то хороший повод.

— Как много ты можешь мне рассказать?
Элейн внимательно посмотрела на меня.
— Я и так выложил больше, чем мог, — сказал Томас.
— Не валяй дурака. Ясно же, что у нас общий противник.
Томас поморщился и неохотно поднял на меня взгляд.
— Не один, а несколько.
Я переглянулся с Элейн. Она так же внимательно посмотрела на Томаса.
— Синяки проходят? — предложила она, пожав плечами.
— Нет, — мотнул головой я. — Если он не говорит, значит, у него есть на это причина.
И битьем его не заставишь.
— Тогда нам не стоит терять здесь времени, — тихо произнесла Элейн.
Томас переводил взгляд с нее на меня и обратно.
— Что случилось?
— Мы не можем связаться с женщинами, которых защищает Элейн.
— Черт, — Томас взъерошил волосы пятерней. — Это значит...
Я защелкнул на руке новый браслет-оберег.
— Что?
— Сам подумай. Ты уже знаешь, что в этом замешан Мадригал, — сказал Томас.
— И что он всегда ошибается с кланом Мальвора, — кивнул я и нахмурился. —
Господом Богом клянусь — так вот кто наш Пассажир. Это он работает с Серым Плащом из Мальвора.
— Я этого не говорил, — поспешно произнес Томас.
— Тебе и не надо, — буркнул я. — Он ведь не случайно засветился, чтобы поучаствовать в сведении кое-каких счетов, пока тут творится всякое разное. И все сходится. Пассажир разговаривал с Серым Плащом насчет возможности убрать меня. Он явно намерился исполнить это с помощью своры вурдалаков и автомата.
— Звучит логично, — согласился Томас. — Ты уже знаешь, что в этом участвуют и Скави.
— Да.
— Значит, самое время заняться сложением, Гарри.
— Мадригал и Серый Плащ из Мальвора, — пробормотал я. — Убийственно странная парочка. И ни один, ни другой никак не относятся к Скави.
Элейн резко втянула в себя воздух.
— То есть, это значит, что мы говорим не об одном убийце.
— Мы говорим о трех, — договорил за нее я. — Серый Плащ Мальвора, Пассажир Мадригал и Серийный Убийца Скави, — я посмотрел на Томаса и нахмурился. — Постой-ка. Уж не говоришь ли ты, что...
Лицо брата сделалось совсем уже напряженным.
— Я ничего не говорю, — отозвался он. — Все это ты и так уже знаешь.
Элейн нахмурилась.
— Вы пытаетесь все отрицать, — заметила она. — Почему?
— Чтобы отрицать, что я вам чего-то сказал, ясное дело, — огрызнулся Томас, и глаза его при взгляде на Элейн вдруг вспыхнули стальным светом.
Элейн на мгновение задохнулась. Потом чуть сощурила глаза и расстегнула цепь.
— Прекрати, вампир. Ну!
Томас раздвинул губы, оскалившись, но рывком отвернулся от нее и зажмурился.
Я поспешно заступил между ними.
— Элейн, меньше страсти. Враг моего врага. Ладно?
— Мне это не нравится, — процедила Элейн. — Ты знаешь, кто он, Гарри. Откуда ты знаешь, что ему можно доверять?
— Я работал с ним прежде, — сказал я. — Он другой.
— Почему? Многие вампиры испытывают жалость к своим жертвам. Это не мешает им

убивать снова и снова. Просто такова их природа.

— Я заглядывал ему в душу, — тихо произнес я. — Он пытается стать выше сидящего в нем убийцы.

Элейн упрямо сдвинула брови, но неохотно кивнула.

— Как и мы все, — пробормотала она. — Но мне все-таки неуютно знать, что он находится рядом с моими клиентами. И нам надо действовать.

— Так действуйте, — сказал Томас.

— Тебе надо поесть, — сказал я, не глядя на брата.

— Может, позже, — мотнул головой Томас. — Я не могу оставить женщин и детей без охраны.

Я взял со стола листок дешевой бумаги с гостиничным логотипом, выудил из кармана карандаш, написал на листке номер и протянул его Томасу.

— Позвони Мёрфи. Ты не сможешь никого защитить, если так слаб, а если не сможешь сдерживать свой голод, и вовсе можешь кого-нибудь из них убить.

Томас стиснул зубы от досады, но листок у меня взял — ну, чуть резче, чем стоило бы, но взял.

Элейн внимательно смотрела на него.

— Так вы не такой, как большинство их, правда?

— Может, просто меня обмануть легче, — буркнул Томас. — Удачи, Гарри.

— Угу... — отозвался я, чувствуя себя на редкость неловко. — Послушай... после того, как все это кончится... нам нужно поговорить.

— Не о чем тут говорить, — буркнул мой брат.

Мы вышли и заперли за собой дверь.

Мы вернулись на Голубом Жучке в «Эмбер-Инн» и поднялись в номер Элейн. Свет в номере не горел. Комната оказалась пуста.

В воздухе стояла отвратительная вонь.

— Черт, — прошептала Элейн. Она вдруг поникла и привалилась к дверному косяку.

Я обошел ее и зажег свет в ванной.

Окоченевший труп Анны Эш стоял под душем. Тело чуть отклонилось вбок, но не падало, потому что его удерживал кусок провода, одним концом привязанный к душевому кронштейну, а другим — к ее шее. На коже вокруг провода темнели уродливые синюшные пятна.

Все выглядело как явное самоубийство.

Которым все это явно не являлось.

Мы опоздали.

Глава ДВАДЦАТЬ ПЯТАЯ

— Надо вызвать копов, — тихо сказал я Элейн.

— Нет, — ответила она. — Они обязательно захотят нас допросить. Это займет не один час.

— Они захотят допрашивать нас гораздо дольше, если тело найдет кто-то другой, и им придется искать нас.

— И что случится с Эбби, Хелен и Присциллой, пока мы будем сотрудничать со властями? — она смерила меня холодным взглядом. — И если на то пошло, что случилось с Мышом?

Вот об этом мне совсем не хотелось даже думать. Если бы Мыш был жив и здоров, он ни за что не дал бы никого из женщин в обиду. Если кто-то убил Анну в момент, когда Мыш находился поблизости, это могло произойти только через его труп.

И его не было видно.

Это могло означать что угодно. В худшем случае это означало, что его просто дезинтегрировал тот, кто явился за женщинами. Подобное предположение не просто вгоняло

в черт знает какую депрессию, оно не вело меня никуда. Нехороший парень, просто-напросто дезинтегрирующий все, что мешается у него под ногами, наверняка не миндальничал бы так, как это делали гады из Белой Коллегии.

Мыша здесь не было. Никакого разгрома, никаких следов борьбы — а уж мой пес при необходимости умеет биться; это по собственному опыту знают ветеринары, невнимательно читавшие свои учебники. Нам всего-то нужно было сделать рентген после того, как в Мыша врезался на полном ходу минивэн, так эти болваны не рассчитали дозы для наркоза. Мне еще повезло, что они согласились не заявлять на меня в полицию при условии, что я оплачу ущерб их имуществу.

Значит, это означало что-то другое. Может, мой пес ушел с остальными женщинами, а Анна задержалась или вернулась за чем-то.

А может, Мыш просто играл на том, что все ожидали от него простого собачьего поведения. Мне-то он показывал уже, что способен на такие хитрости... собственно, это едва ли не первым навело меня на мысль, что интеллект у него не просто собачий. Что, если Мыш ведет свою игру и остается с остальными?

Только зачем ему это делать?

Затем, что Мыш знает: я могу его найти. Если нехорошие парни не уволокли его в Небывальщину или не спрятали его за мощными, блокирующими томатургическую магию оберегами, мои заклятия найдут его где угодно.

Эту версию стоило проверить — даже если Мыш и не знал, что не все в порядке. Он бы оставался с по возможности большим количеством членов Ордена, а я мог бы планировать свои ходы чуть дальше вперед, чем привык. И уж конечно, ничего не мешало мне отыскать с помощью браслета-оберега тот маленький оберег, что я зашил в его ошейник как раз на такой случай. Я и Штормовая Сирена.

— Ты сможешь найти собаку? — спросила Элейн.

— Угу. Только нам стоит перед выходом попробовать обзвонить их по домам.

Элейн нахмурилась.

— Ты же наказал им оставаться здесь или держаться людных мест.

— Очень велики шансы на то, что они напуганы. А когда человек напуган...

— Он рвется попасть домой, — договорила за меня Элейн.

— И если они там, это самый быстрый способ их найти. А если нет, это обойдется нам в минуту, максимум две.

Элейн кивнула.

— У Анны была записная книжка в сумочке, — немного поискав, мы нашли сумочку, но записной книжки в ней не оказалось.

Нам ничего не оставалось, кроме как удостовериться, что Анна не сунула ее в карман перед смертью. Я проверил карманы, очень стараясь не оставить нигде отпечатков, и еще больше стараясь не смотреть на ее мертвое, багровое лицо или стеклянные глаза. Смерть ее была не из легких, и хотя с ее момента прошло не так много времени, запах в ванной стоял тот еще. Я старался не обращать на него внимания.

Гораздо сложнее оказалось не обращать внимания на ее лицо. Кожа ее сделалась восковой, как это случается у покойников. Хуже того, тело ее приобрело выраженные, хоть и трудно определяемые словами признаки... отсутствия, что ли. При жизни Анну Эш отличали воля, устремленность. Я знаю не одного чародея, уступающего ей по части индивидуальности, жизненной энергии. Она сохраняла трезвость мысли и действий, когда те, кто ее окружал, теряли голову от страха. Это требует смелости, и еще какой.

Что, впрочем, оказалось лишено смысла. Поскольку, как бы я ни старался, убийца все равно сделал свое дело.

Я тряхнул головой и, так и не найдя книжки, отступил от трупа. Она с готовностью встретила опасность ради благополучия своих подруг, и я не хотел, чтобы это пропало зря. Если те, кого она защищала, еще живы, принесенная ею жертва все же имела смысл. Оплакать ее смерть я мог и позже. Я сослужил бы плохую службу этой женщине, если бы

позволил убийцам довершить задуманное.

Я повернулся к Элейн, стоявшей в дверях ванной и смотревшей на тело Анны. Лицо ее оставалось совершенно бесстрастным, только глаза покраснели от слез. Некоторым женщинам даже идет, когда они плачут. У Элейн от плача лицо шло пятнами, нос распухал, а под глазами темнели синяки.

Никакой в этом не было красоты. Только боль.

Она заговорила, и голос ее звучал хрипло, прерывисто.

— Я обещала ей защитить ее.

— Порой ты честно пытаешься, — тихо произнес я. — Порой это все, что остается делать. Пытаться. Так уж устроена игра.

— Игра... — повторила она. В одном этом слове хватало едкости, чтобы прожечь отверстия в полу. — С тобой такое случалось? Чтобы кого-то, пришедшего к тебе за помощью, убивали?

Я кивнул.

— Пару раз. Первый раз с Кирой Делани. Девушкой, которую я обучал тому, как контролировать ее способности. Возможно, сильнее, чем женщины из Ордена, но ненамного. Она вляпалась в нехорошее дело. Такое, что ей не по зубам. Я надеялся, я смогу предостеречь и отговорить ее, надеялся, что она послушается меня. Наивный.

— Что случилось?

Я, не оглядываясь, дернул головой в сторону висевшего за спиной тела.

— Ее слопали. Я хожу иногда к ней на могилу.

— Зачем?

— Цветов принести, листья снести. Напомнить себе, какова ставка в моих играх. Напомнить, что никто еще не выигрывал всех игр без исключения.

— А потом? — тихо спросила меня Элейн. Она не отрывала взгляда от трупа. Ни на секунду. — Что ты сделал с тварью, которая ее убила?

Мне полагалось ответить сложно и подробно, но слушать это Элейн было не обязательно.

— Я убил его.

Она снова кивнула.

— Когда мы поймаем Скави, я хочу его.

Я положил руку ей на плечо.

— Легче от этого не станет.

Она мотнула головой.

— Я не поэтому хочу этого. Это моя работа. Мне надо доделать ее. Это мой долг перед ней.

Не думаю, чтобы Элейн сама не верила в то, что говорит, но мне приходилось проходить через такое, и это может здорово сбить с катушек. Впрочем, обсуждать это сейчас с ней, пожалуй, не стоило. Не до того было.

— Ты его получишь, — сказала она. — Я помогу.

Она чуть слышно всхлипнула и прижалась к моей груди. Я обнял ее, теплую, стройную, ощущая всем телом переполнявшие ее горечь, досаду и раскаяние. Я сжал ее крепче, пытаюсь унять сотрясавшие ее рыдания. Больше всего на свете мне хотелось прекратить эту пытку.

Но я не мог. Ремесло чародея дает тебе больше возможностей, но сердца твоего не меняет. Мы остаемся людьми.

И все мы безоружны перед болью.

Глава ДВАДЦАТЬ ШЕСТАЯ

Не прошло и минуты, как Элейн начала справляться со своим дыханием. Методы, которыми ДюМорн учил нас контролировать свои эмоции, можно назвать безжалостными, но действенными. Еще минута — и дыхание ее снова сделалось ровным, и она на мгновение

прижалась лбом к моей ключице в безмолвном жесте благодарности. Потом она выпрямилась, и я опустил руки. Она склонила голову перед телом Анны — в знак уважения, а может, просто прощаясь.

Когда она повернулась, я уже ждал наготове с влажным полотенцем в руке.

— Стой, — тихо сказал я и осторожно вытер ей лицо. — Ты должна выглядеть как ни в чем ни бывало. Нельзя же выходить отсюда в пятнах. О нас подумают, что мы не крутые. Очень важно быть крутыми, круче крутых яиц.

Она слушала меня и следила за моими действиями, округлив глаза. Потом на ее лице проглянула сквозь горечь слабая, очень слабая улыбка.

— Спасибо, что ты здесь, и что говоришь это, — произнесла она уже спокойным голосом, и почти сразу же выпятила челюсть не хуже подвыпившего Хэмфри Богарта. — А теперь прекрати шлепать губами и займись делом.

Мое томатургическое заклятие привело нас к многоквартирному дому.

— Здесь живет Эбби, — сказала Элейн. Припарковать машину мне удалось только перед пожарным гидрантом. Я сильно сомневался, что наши прилежные муниципальные служащие оштрафуют нас за это в такой поздний час, но если бы так и случилось, это было бы сущей ерундой по сравнению с необходимостью переться квартал или два на своих двух.

— Где ее квартира? — спросил я.

— На девятом этаже, — ответила Элейн, хлопнув дверцей Жучка чуть громче, чем следовало.

— Я тут подумал, — сказал я, — если бы я был нехорошем парнем, и если бы я хотел убрать пару мешающихся под ногами крутых чародеев, я постарался бы ошиваться где-нибудь неподалеку от этого места, чтобы держать в поле зрения вход в здание.

— Я тут подумала, — возразила Элейн довольно резко, — что с его стороны было бы на редкость глупо даже пытаться.

Отрезок от машины до входа мы проделали вместе, быстрым шагом. Ноги у Элейн достаточно длинные, чтобы не отставать от меня. Она нацепила на запястья с дюжину медных браслетов, на вид более тяжелых, чем им полагалось бы быть при таких размерах. Когда браслеты оказывались время от времени в глубокой тени, становилось видно, как между ними проскакивают искорки.

На лифте мы, не сговариваясь, не поехали. Я держал наготове свой браслет-оберег, да и посох мой буквально пульсировал от накачанной в него энергии, так что я с трудом удерживал его в руке. Такая концентрация магических энергий может иметь непредсказуемые последствия при взаимодействии с электрооборудованием, и панель управления лифта в этом смысле не исключение.

Дверь на лестницу отпиралась только изнутри, но на такой случай у меня имеется специально разработанное нехитрое заклятие, так что проблемы с этим у нас не возникло. Любой, кто ждал бы нас наверху, следил бы в первую очередь за выходом из лифта. Любому, кто преследовал бы нас, пришлось бы повозиться с запертой дверью, да и подняться по гулкой бетонной лестничной клетке, не производя шума, тоже почти невозможно.

Левой рукой я сжимал лежавший в кармане ветровки револьвер. Магия — клеевая штука, но когда речь идет о жизни или смерти, обычная, материальная технология может оказаться не менее эффективной.

Не могу сказать, чтобы подъем на девятый этаж не заставил меня задыхаться, но все же не так, как случилось бы со мной раньше. Учащенное сердцебиение принесло с собой намок на головную боль — пока еще слабый намек. Блин-тарарам, должно быть, там, в порту, меня двинули сильнее, чем мне казалось. Элейн тоже слегка приустила. Если она и вправду сняла последствия этой моей травмы, значит, она куда опытнее, чем говорит. Подобное исцеление просто так не дается. И еще — она может оказаться куда более хрупкой и уязвимой, чем кажется.

Я отворил пожарный выход с Эббиного этажа, и Элейн первая вышла с лестницы. До середины коридора она шла в полной тишине, чуть разведя в стороны руки, и я понял, что

она каким-то образом улавливает все, происходящее вокруг нее. Браслеты на ее руках заискрились чуть сильнее. Значит, это тоже своего рода оборона — только не такая прямолинейная, как моя, отвечающая на силу грубой силой. Очень в ее стиле.

Впрочем, ни гиперовосприимчивость, ни грубая сила не потребовались. Элейн подошла к двери и подняла руку постучать, но не успела. Дверь распахнулась, и немного взъерошенная Эбби кивнула нам.

— Вот и славно. Чуть рановато, но славно. Да, заходите, конечно же.

Я сделал шаг вперед, но Элейн жестом остановила меня, глядя куда-то в пространство.

— Сейчас, я проверю. Внутри еще женщина. Две собаки, — она оглянулась на меня и опустила руку. — Одна из них твоя.

— Мыш? — окликнул я.

Пол слегка содрогнулся, и огромный темно-серый пес, осторожно протиснувшись в дверь мимо Эбби, сунулся мордой мне в живот. Я опустился на колени и был немедленно облобызан в лицо.

Я пару раз шлепнул его по загривку, потому как мы мужчины и не разводим нюни. В конце концов, я и так удостоверился в том, что он жив, здоров, и ошейник до сих пор при нем.

— Рад видеть тебя, морда мохнатая.

Следом за Мышом из двери выскочил Тото, напоминавший следующий в кильватере за огромной баржей буксирчик. Он подозрительно зарычал, обнюхал мои ноги, несколько раз чихнул — не иначе, от меня еще сильно пахло дымом и озерной водой — и на этом успокоился, только рыкнул на меня еще раз, чтобы я уж наверняка усвоил урок, вернулся к Эбби и дождался, пока она поднимет его на руки.

Пухлая блондинка погладила его и подняла на меня встревоженный взгляд.

— Что случилось? То есть, после того, как вы ушли? Где вы были, и что с Оливией...

— Давайте зайдем в квартиру, — сказал я, поднимаясь с колен. Мы с Элейн переглянулись и вошли. Мыш шел, продолжая прижиматься ко мне плечом. Я вошел последним и закрыл за собой дверь.

Квартира Эбби оказалась маленькой, скромной, поделенной на аккуратно обставленные рабочие зоны: стол с пишущей машинкой, другой стол со старой швейной машиной, стул перед пюпитром с прислоненной к нему скрипкой (а может, это была виолончель?), маленькая ниша-библиотека с удобным креслом и полками, уставленными любовными романами, а также некоторое подобие алтаря для поклонения каким-то древним божествам, только божества эти оказались здесь, наоборот, детишками с пухлыми личиками и золотыми кудряшками.

В нише-библиотеке сидела Присцилла, и вид она имела осунувшийся и подавленный. На столике рядом с креслом стояла чашка давно остывшего чая, к которому явно никто не притрагивался. Она подняла на меня усталый взгляд.

— Оливия жива и здорова, — тихо сообщил я.

Эбби просияла за секунду до того, как я произнес эти слова. Свернувшийся у нее на руках песик сразу уловил ее настроение и завилял мне хвостом.

— Правда?

— Один мой... знакомый... мы с ним работали раньше... тот мужчина на фотографиях — он собрал женщин, которым грозила смерть от рук киллеров, в убежище. Он узнал, что Оливии грозит опасность, и спрятал ее вместе с несколькими другими.

Несколько долгих секунд Присцилла пристально смотрела на меня.

— Что еще? — спросила она.

Вместо меня ответила Элейн — тихим, но ровным голосом.

— Анна мертва. Там, в гостинице. По всем признакам, самоубийство.

Эбби негромко охнула и села на стул у пюпитра. Тото тревожно заскулил.

— Ч-что? — выдавила из себя она.

Присцилла поежилась и низко наклонила голову.

— Ох, нет. Нет. Анна...

— А теперь, леди, мне нужно знать, — так же тихо продолжал я. — Почему вы не поступили так, как я вам сказал? Почему вы ушли из гостиницы?

— Мы... — начала Эбби, и по щекам ее заструились слезы. — Это все... это...

— Она сказала, — тихо, обреченно как-то сказала Присцилла. — Она сказала, что ей надо идти. Что ей на работу.

Вот сукина дочь. И ведь знал же я...

На этот раз Элейн соображала чуть дольше меня.

— Кто?

— Х-хелен, — всхлипнула Эбби. — Это б-была Хелен.

Глава ДВАДЦАТЬ СЕДЬМАЯ

Я стоял, закипая как чайник, пока Элейн рассказывала Эбби и Присцилле, что произошло.

— Это случилось всего через час после того, как вы ушли, — сказала Эбби. — Кто-то позвонил Хелен на мобильник.

— Мобильник? — встрепнулся я. — Он у нее что, работал?

— Ну, она не настолько способная, чтобы это мешало ей говорить по мобильнику, — сказала Эбби. — Да и все мы, по правде говоря, тоже. Даже мой мобильник почти все время работает.

— Что ж, — хмыкнул я. — Это значит, она не маскируется под дилетанта. Уже лучше, чем ничего.

— Гарри, — произнесла Элейн тихо, но строго. — Пожалуйста, Эбби, продолжайте.

Я заткнулся.

— Ну, ей позвонили, и она вышла говорить в ванную. Я не слышала разговора, но когда она вернулась, она сказала, что ей надо на работу. Что она уходит.

Я удивленно заломил бровь.

— Ну и работа у нее, если она ради нее рискует жизнью.

— Я так и сказала, — подала голос Присцилла. Горечи в ее голосе еще добавилось, если такое вообще возможно. — Это же просто глупость. Я даже не заподозрила ничего такого.

— Анна пыталась с ней спорить, — продолжала Эбби, — но Хелен отказалась остаться. Поэтому Анна попросила нас проводить ее.

— Хелен, конечно, не соглашалась, — сказала Присцилла. — Тогда я подумала, может, ей стыдно показать нам свою работу — ну, какой-нибудь уборщицы в фаст-фуде, или еще чего такого.

— Мы ведь не знали, чем она занимается, — извиняющимся тоном добавила Эбби. — Она не хотела говорить на эту тему, — рука ее бездумно гладила сидевшую у нее на коленях собаку. — Она говорила что-то вроде того, что не хочет посвящать нас в свою прошлую жизнь... в общем, Анна посадила ее в такси и заставила пообещать, что она будет поддерживать связь с нами. Что позвонит, как только окажется в безопасности, с другими людьми.

— Вы что, просто так взяли и отпустили ее? — не выдержал я.

— Она сестра Ордена, — сказала Присцилла. — А не преступница, которой нельзя доверять, и за которой надо следить.

— Вообще-то, — возразил я, — она именно преступница, которой нельзя доверять, и за которой надо следить. Спросите у ее гребаных тюремщиков.

Элейн хмуро покосилась на меня.

— Черт подери, Гарри. Этим не поможешь.

Я выругался про себя, снова скрестил руки, а потом пригнулся к Мышу как следует потрепать его по ушам и загривку. Может, хоть это поможет мне держать язык на замке.

Надо же рано или поздно поучиться и этому.

— Хелен позвонила мне минут через двадцать, — сказала Присцилла. — Она сказала, что за ней следили от самой гостиницы. Что наше местонахождение известно убийцам. Что нам надо уходить. Мы так и сделали — вы же сами нам советовали. Хелен сказала, она будет ждать нас здесь.

— Я говорил вам держаться людных мест... — зарычал я.

— Гарри, — резко одернула меня Элейн, и я снова заткнулся.

Несколько секунд все опасно молчали.

— Э... Так вот, мы и поехали, — нарушила паузу Эбби. — Но когда приехали сюда, Хелен здесь не оказалось.

— Нет, — сказала Присцилла, зябко охватив себя руками — судя по жалкому виду, она совсем замерзла, даже в своем свитере. — Она позвонила еще раз. Умоляла приехать к ней.

— Я осталась здесь с собаками, — сказала Эбби. При слове «собаки» Тото задрал к ней мордочку и вильнул хвостом.

— Как только мы с Анной забрали ее, — продолжала Присцилла, — мы отправились обратно сюда... но Хелен была в ужасном виде. У нее кончился инсулин, и силы, похоже, после всего этого, покинули совсем. Анна высадила меня и повезла ее в аптеку. Больше мы ее не видели.

— Это не твоя вина, — сказала Эбби Присцилле, покусав губу.

Присцилла пожала плечами.

— Она никогда и ничего не говорила про диабет. Как это я не догадалась? Могла бы ведь...

— Это не твоя вина, — убежденно повторила Эбби. — Мы в нее верили. Все верили. А она нами манипулировала — все время манипулировала. Убийца находилась среди нас, — она тряхнула головой. — Нам стоило послушаться вас, Страж Дрезден.

— Стоило, — тихо повторила Присцилла. — Если бы мы сделали это, Анна была бы сейчас жива.

Я даже не знал, что сказать на это. То есть, я очень много чего мог сказать, но все это было бы вариацией на тему «я же говорил», а мне не хотелось сыпать соль на раны, поэтому я промолчал.

Ну, и потом, я обмозговывал то, что поведали нам Эбби с Присциллой.

Элейн переглянулась со мной.

— Думаешь, Хелен и есть тот самый Скави, о котором мы слышали?

Я пожал плечами.

— Сомневаюсь, но технически такое возможно. Вампиры из Белой Коллегии при желании запросто могут сойти для людей.

— Тогда почему сомневаешься?

— Потому что эта мелкая гнида Мадригал называл Скави «он», — ответил я. — А Хелен при всем желании не «он».

— Подсадная утка? — спросила Элейн.

— Похоже на то.

Эбби растерянно переводила взгляд с меня на Элейн и обратно.

— П-простите... Какая утка?

— Подсадная. Человек, работающий с преступником, притворяясь при этом, что не имеет к нему никакого отношения, — объяснил я. — Который помогает нехорошим парням, притворяясь вашим лучшим другом, внося предложения. Ну, например, покинуть безопасное убежище, разбиться порознь...

Наступила тишина. Тото негромко, тревожно заскулил.

— Все равно не верю, — заявила Присцилла, стиснув руками виски и закрывая глаза.

— Мы же столько лет ее знали, — кивнула Эбби, разом сделавшись похожей на потерявшегося ребенка. — Как она могла обманывать нас так долго?

Я поморщился. Терпеть не могу видеть чужую боль, но хуже всего, когда страдает

женщина. Возможно, это проявляется мой мужской шовинизм, но мне на это наплевать.

— Ладно, — сказал я. — Вопросов пока все равно больше, чем ответов, но по крайней мере, мы знаем теперь, откуда плясать.

Элейн кивнула.

— Отвезти этих двоих в безопасное место, потом выследить Хелен.

— Безопасное место... — пробормотал я. — Томас.

— Да.

Я повернулся к Эбби с Присциллой.

— Леди, мы уезжаем.

— Куда? — поинтересовалась Присцилла. Я ожидал протестов, саркастических ухмылок или по крайней мере стервозного упрямства. Однако в голосе ее не слышалось ничего, кроме страха — да и страха-то вялого, утомленного. — Куда мы едем?

— К Оливии, — ответил я. — И к пяти или шести другим женщинам, которых охраняет мой знакомый.

— Им чего-нибудь нужно? — спросила Эбби.

— С ними несколько детей, малолетних, — ответил я.

— Пойду, захвачу еды какой-нибудь, — сказала Эбби, не успев я договорить. Присцилла продолжала сидеть, съежившись, в кресле. Эбби покидала половину своего кухонного шкафа в большой чемодан с колесиками на днище, застегнула его и нацепила на него сверху штуковину, смахивавшую на пластиковую клетку для птиц. Потом махнула рукой Тото, и тот запрыгнул в клетку, покрутился на месте и лег с довольной собачьей ухмылкой на морде. — Отлично, — сказала Эбби.

Мышь посмотрел на Тото, потом на меня.

— Ты надо мной смеешься, — сказал я ему. — Мне придется прицепить к чемодану железнодорожный вагон и нанять Халка, чтобы тот его толкал. Ты молод и здоров как бык — пешком дойдешь.

Мышь покосился на царский паланкин, в котором восседал Тото, и вздохнул. К машине, правда, он спускался первым. Несмотря на поздний час, какая-то сволочь сунула мне под дворник штрафную квитанцию за неправильную парковку; я сунул квитанцию в карман. Учись мыслить позитивно, Гарри. Могли ведь и эвакуировать на штрафную стоянку.

Размещение всех в Жучке потребовало от нас изобретательности и некоторых жертв, но мы справились и с этим. В задрипанный мотель на южной окраине мы вернулись без дальнейших приключений.

Приблизительно через двадцать секунд после того, как мы остановились перед дверью номера, из соседнего переулка с рокотом выкатила Мёрфи на своем «Харлей-Дэвидсоне» — должно быть, она наблюдала за дверью и окнами довольно давно. На ней были джинсы, черная мужская рубаша с закатанными на дюжину оборотов рукавами, под которой удачно прятались две кобуры: с одной стороны под «Глок», с другой — под «ЗИГ». Волосы она подобрала в хвост, и полицейский жетон, который она обыкновенно носит на цепочке в подобного рода ситуациях, подозрительно отсутствовал.

Она со слегка озадаченным выражением на лице дождалась, пока все выберутся из Жучка, и Элейн поспешно загонит женщин с улицы в номер.

— Никаких цирковых шуточек, — заявил я Мёрфи. — Поняла? Никаких.

— Я и не собиралась, — возразила Мёрфи. — Господи, Гарри, что это с тобой?

— Слышала что-нибудь про сегодняшние события в порту?

— Ох, — сказала Мёрфи. Мышь подошел поздороваться с ней, и она чинно пожала ему лапу. — Томас не слишком вдавался в объяснения. Он вообще выскочил отсюда как ошпаренный.

— Он проголодался, — объяснил я.

Мёрфи нахмурилась.

— Ага, он так и сказал. Он никого не покалечит?

Я подумал и мотнул головой.

— В обычных обстоятельствах я бы сказал, что ни за что. Сейчас... не знаю точно. Вообще-то такие штуки не в его характере. Но в этой заварухе он с самого начала действует не слишком чтобы обычно.

Мёрфи скрестила руки на груди.

— «Заваруха» — точное определение. Ты не хочешь рассказать мне, что происходит?

Я изложил Мёрфи сжатую версию того, что нам удалось узнать со времени нашей с ней последней встречи.

— Господи Боже и святые угодники, — выдохнула Мёрфи. — Значит, это была Беккит.

— Похоже, она действует в интересах Скави, кем бы он ни был. А Серый Плащ и этот тухлый Томасов родственничек добавили от себя еще несколько убийств, чтобы привлечь мое внимание.

— Если этот Скави не хочет внимания, это не в его интересах.

— Сам знаю. И что?

— Они ведь все вампиры, так? — пожала плечами Мёрфи. — Я думала, они действуют заодно.

— Это Белая Коллегия. Закулисные интриги — смысл их жизни. И делают они это исподтишка. Возможно, они рассчитали, что я узнаю об убийствах, вмешаюсь и убегу Скави — что им на руку. Тогда им останется только поздравить друг друга с тем, что они такие хитрые.

Мёрфи понимающе кивнула.

— Ну что ж, теперь ты благополучно выдернул клиентов у них из-под носа. И что дальше?

— Продолжить то, на что они не рассчитывали, — сказал я. — Сначала найду Беккит и вежливо попрошу ее не убивать больше никого, а также навести меня на Скави. Потом поговорю с ним, тоже вежливо. Потом займусь Серым Плащом и Пассажиrom Мадригалом.

— А как ты собираешься найти Беккит?

— Э... — замаялся я. — Наверняка чего-нибудь придумаю. Вся эта заваруха еще не утряслась у меня в голове.

— Угу, — кивнула Мёрфи. — Все эти убийства... До сих пор не вижу в них никакой логики.

— Логика есть. Просто мы ее еще не поняли, — я поморщился. — Чего-то недостает.

— А может, и нет, — возразила Мёрфи.

Я удивленно повел бровью.

— Помнишь наш странный труп?

— Джессика Бланш, — кивнул я. — Та, которую видела Молли.

— Верно. Я тут кое-что про нее нарыла.

— Она тоже из какой-нибудь секты, или еще что?

— Или еще что, — сказала Мёрфи. — Если верить одному знакомому из полиции нравов, она работала в «Бархатном Салоне».

— В «Бархатном Салоне»? А думал, я пожег это заведе... — то есть, что его сжег к чертовой матери не найденный до сих пор злоумышленник.

— Его отстроили заново. Только теперь у него владельцы другие.

Щелк! Еще пара кусочков мозаики встала на место.

— Марконе? — спросил я.

— Марконе.

Джентльмен Джонни Марконе был самым значительным и самым страшным гангстером в городе, знаменитом своими гангстерами. После того, как старые мафиозные кланы, погрязнув в междоусобных разборках, сошли со сцены, Марконе сделался чем-то вроде Александра Великого, выстроив одну из крупнейших в мире криминальных империй — ну, если не считать национальных правительств, конечно. Количество разбойных нападений в Чикаго снизилось — и еще неизвестно, кто приложил к этому больше усилий, городская полиция или Джентльмен Джонни Марконе с его драконовскими правилами

ведения криминального бизнеса. Зато доходы мафии более чем удвоились, а власть Марконе продолжала расти.

Джонни Марконе был умен, жесток, опасен — и абсолютно бесстрашен. Такая комбинация смертельна, и я по возможности избегал пересекаться с ним.

Впрочем, судя по тому, как все складывалось, на этот раз я такой возможности был лишен.

— Ты, случайно, не знаешь, где расположен новый «Бархатный Салон»? — поинтересовался я у Мёрфи.

Она бросила на меня обиженный взгляд.

— Ладно, ладно. Извини, — я перевел дух. — Похоже, самое время переговорить с кем-нибудь из сослуживиц покойной. Готов поспорить, они не откажутся поговорить, чтобы избежать неприятностей с правосудием.

Она блеснула зубами в недоброй улыбке.

— Может, и так. А если не так, с тобой, возможно, захочет поговорить Марконе.

— Марконе меня не любит, — заявил я. — И это чувство взаимно.

— Марконе не любит никого, — ответила Мёрфи. — Но тебя он уважает.

— Можно подумать, это многое обо мне говорит.

— Может, да, а может, нет, — пожала плечами Мёрфи. — Марконе — сукин сын, но не дурак, и если он обещает что-то сделать, то делает.

— Поговорю с Элейн, когда все разместятся, — сказал я. — Попрошу ее остаться здесь с Мышом, присмотреть за происходящим.

Мёрфи кивнула.

— Элейн, говоришь? Бывшая?

— Угу.

— В прошлый свой приезд она, кажется, работал против тебя.

— Угу.

— И ты ей доверяешь?

Пару секунд я молча смотрел на Мёрфи, потом поднял взгляд на окно номера.

— Хотелось бы.

Она вздохнула.

— Мне почему-то кажется, что все обернется еще серьезнее. Тебе нужен кто-то, чтобы прикрывать тебя со спины.

— Принято, — сказал я, подняв кулак. — Ты.

Мёрфи осторожно стукнула кулачком о мой и фыркнула.

— Что-то ты подозрительно со мной мягок, Дрезден.

— Погода дождливая, вот я и потаял, — согласился я.

— Этого можно было ожидать, — заметила она. — Судя по тому, что ты у нас свежеиспеченный голубой...

— Я? К-кто?.. — Я зажмурился. — Ах, да. Томасова квартира. Блин-тарарам, ну у вас, копов, и связь налажена.

— Угу. Роулинз услышал это у кофейного автомата и сразу же перезвонил мне. Сообщил, что ты переругался со своим бойфрендом. Спросил, что тебе подарить на Рождество, саундтрек «Собора Парижской Богоматери» или «Призрака Оперы». Варетти с Фаррелом уже ставки принимают.

— Ребята, вам что, делать нечего? — спросил я. Она продолжала ухмыляться, и я встревожился. — А ты-то мне что собираешься дарить?

Глаза ее засияли.

— Мы со Столлинзом нашли на e-Bay портрет Джулии Ньюмер с автографом.

— Ох, ребята, вы ведь с этой темы не слезете? — вздохнул я.

— Мы же копы, — хихикнула Мёрфи. — Конечно, нет.

Мы переглянулись, продолжая улыбаться, и почти сразу же посерьезнели, всматриваясь в темноту. Некоторое время мы молчали. По улице проносились машины.

Доносились гудки, скрип тормозов, завывание сигнализации в квартале от нас, далекие полицейские сирены. В летнем воздухе раскачивались лучи прожекторов, зазывавших зрителей в театр.

— Блин-тарарам, — произнес я, наконец. — Марконе.

— Угу, — согласилась Мёрфи. — Это меняет дело.

Марконе замешан в этой истории.

Значит, все просто делалось на несколько порядков опаснее.

Глава ДВАДЦАТЬ ВОСЬМАЯ

Новый «Бархатный Салон» ничем не напоминал прошлый.

— Оздоровительный клуб? — спросил я у Мёрфи. — Ты, наверное, шутишь.

Мёрфи остановила свой «Харлей» рядом с Жучком. Свободное место на стоянке оставалось только одно, но нам хватило на двоих и его. В конце концов, что такое несколько царапин или вмятин на крыле Жучка по сравнению с десятками тех, что красуются там уже давно?

— Это прогрессивно, — сказала Мёрфи. — Ты можешь улучшить фигуру, повысить содержание тестостерона и найти ему применение — все под одной крышей.

Я покачал головой. Первый этаж занимали небольшие магазинчики; над вторым красовалась неброская, но стильная вывеска, гласившая: ЗДОРОВЬЕ ПРЕВЫШЕ ВСЕГО.

Огромных, во всю стену окон, какие я привык видеть в большинстве оздоровительных клубов, правда, здесь не было.

— Погоди-ка, — вспомнил я. — Это, случайно, не та гостиница, в которой убили Томми Томма?

— Мммм, — кивнула Мёрфи. — «Мэдисон». Ну да, его недавно купила корпорация, не имеющая абсолютно никаких видимых связей с Джоном Марконе, и теперь перестраивает.

— Согласись, по части декора у прежнего здания был... скажем так, перебор, — сказал я.

— Оно выглядело как театральная декорация, изображающая гарем опиумного короля, — согласилась Мёрфи.

— А теперь оно таковым и является.

— Но по внешности его такого не скажешь, — заметила Мёрфи.

— Вот это и называют прогрессом, — сказал я. — Как думаешь, стоит ждать от этой шайки каких-нибудь неприятностей?

— По крайней мере, они будут вежливы.

— Ну да, Марконе из тех, кто извинится, сославшись на необходимость, прежде чем всадить в тебя пулю.

Мёрфи кивнула. Перед тем, как выйти со стоянки, она поправила обе кобуры и одела под рубаху кевларовый жилет.

— Я же сказала. Вежливо.

— Я серьезно. Как думаешь, они пойдут на серьезные меры?

— Зависит от того, насколько большой рой мы разворошим, — ответила она.

Я вздохнул.

— Ладно. Пошли, выясним.

Мы вошли. Двери открывались в вестибюль, отделенный от бывшего гостиничного холла стальной дверью и панелью домофона. Кнопки в нижнем ряду на панели были помечены названиями магазинчиков с первого этажа. Все остальные кнопки оставались анонимными.

Мёрфи полистала свою записную книжку, нашла нужную страницу, сверилась с записью и нажала кнопку в середине верхнего ряда.

— «Превыше Всего», — послышался из расположенного рядом с панелью динамика женский голос. — Это Бонни. Чем могу помочь?

— С вашего позволения, мне хотелось бы поговорить с вашим менеджером, — сказала Мёрфи.

— Мне очень жаль, мэм, — отозвался динамик. — Наш менеджер доступен только в приемные часы, однако я с удовольствием передам ему ваше сообщение.

— Нет, — спокойно ответила Мёрфи. — Мне известно, что мисс Деметра сейчас в офисе. С вашего позволения, я поговорю с ней.

— Мне очень жаль, мэм, — повторила Бонни, — но вы не являетесь членом клуба, и вы находитесь на частной территории. Я вынуждена просить вас немедленно покинуть здание; в противном случае мне придется поставить в известность внутреннюю службу безопасности и вызвать полицию.

— О! — вмешался я. — Вот это будет весело. Валяйте, вызывайте копов.

Мёрфи согласно фыркнула.

— Не сомневаюсь, они обрадуются предлогу посмотреть, что у вас здесь творится.

— Я... — начала было Бонни и в замешательстве замолчала. Ее явно не обучали разбираться с подобными посетителями. А может, она просто не отличалась особой сообразительностью.

Я сделал выразительный жест рукой, Мёрфи кивнула и отстранилась от переговорного устройства, чтобы я мог занять ее место.

— Послушайте, Бонни, — сказал я. — Мы здесь не затем, чтобы скандалить. Нам просто нужно поговорить с вашим боссом. Если ей так спокойнее, она может поговорить с нами по переговорному устройству. В противном случае я сам поднимусь и поговорю с ней лично. Собственно, вопрос только в том, будете ли вы вести себя вежливо и разумно или хотите возмещать материальный ущерб в случае отказа?

— Э... хорошо.

— Просто передайте вашему боссу, Бонни. Вы ведь не виноваты в том, что мы не уложились в приемные часы. Пусть она сама решает, как поступать, чтобы ответственность за неприятности лежала не на вас.

Последовала небольшая пауза, на протяжении которой Бонни оценивала возможные перспективы.

— Очень хорошо, сэр. Позвольте спросить, как вас представить?

— Со мной сержант Кэррин Мёрфи из Чикагского полицейского управления, — ответил я. — А меня зовут Гарри Дрезден.

— Ох! — спохватилась Бонни. — Ох, мистер Дрезден, ради Бога, простите меня! Я не знала, что это вы, сэр.

Я выпучил глаза на решетку динамика.

— Вы последний из обладателей Платиновой Карты нашего клуба, кто еще ни разу не заходил к нам, сэр. Ради Бога, сэр, примите мои извинения. Я сейчас пришлю кого-нибудь к лифту встретить вас и вашу спутницу. И сейчас же сообщу мисс Деметра.

Дверь зажужжала, щелкнула и открылась.

Мёрфи с подозрением покосилась на меня.

— Что это значит?

— Чего ты меня спрашиваешь? — возмутился я. — Я же теперь голубой...

Мы вошли. Первый этаж здания напоминал миниатюрный супермаркет: по обе стороны коридора тянулись небольшие магазины, в которых продавались компьютерные аксессуары, книги, видеоигры, свечи, всякая мелочь для ванной, бижутерия и самая разнообразная одежда. Правда, по причине позднего часа все они были закрыты, а витрины — закрыты металлическими рольставнями. Вспыхнули небольшие светильники в полу по обе стороны от красной ковровой дорожки, обозначив дорогу к лифтам. Одна из кабин уже ждала нас с раздвинутыми дверями.

Мы вошли, и я нажал кнопку второго этажа.

— Если там нас ждет у лифта торжественная встреча в лице Леденцовой Гильдии, я ухожу. Бред какой-то.

— Мне тоже так показалось, — согласилась Мёрфи.

— Мисс Деметра, — хмыкнул я. — Думаешь, это псевдоним?

Уголок Мёрфиных губ чуть дернулся вверх.

— Подозреваю, мы обнаружим там чертову уйму фальшивых имен и типажей.

Лифт остановился, и двери раздвинулись.

В холле нас ждали три женщины. Одеты они были в... ну, определение «одежда для досуга» подходило не совсем. Их одежда напоминала ту, что носят официантки в «Хутерс», только облегала ту же. Все трое если и достигли возраста, позволяющего употреблять спиртные напитки, то совсем недавно, и все трое явно прошли жесткий отбор на право носить подобные наряды. Блондинка, брюнетка и рыженькая, все к тому же хорошенькие, с очень даже привлекательными... гм... улыбками.

— Добро пожаловать, сэр, — произнесла рыженькая. — Позвольте взять ваш плащ... и палку?

— Столько лет не слышал предложения соблазнительнее, — вздохнул я. — Но нет, спасибо, я пока подержусь за них.

— Очень хорошо, сэр.

Блондинка держала в руках круглый серебряный поднос с двумя высокими бокалами оранжевой жидкости. Она улыбнулась нам; света, отраженного от ее зубов, хватило бы, чтобы оставить шрамы на моей сетчатке.

— Сэр, мэм — «мимоза»?

Мёрфи смотрела на всех троих взглядом, абсолютно лишенным выражения. Потом, не произнося ни слова, она взяла бокал с подноса, выплеснула его и поставила на место, пробормотав себе под нос что-то явно нелестное.

— Мне не надо, — сказал я. — За рулем.

Блондинка отступила назад, и на ее место шагнула брюнетка, на блузке которой красовался ярлычок «Бонни». В руках она держала черную кожаную спортивную сумку, стоявшую, должно быть, дороже Мёрфиного бронежилета, которую и протянула мне вместе с картонной папкой и большим конвертом горчичного цвета.

— Это полагается, сэр, всем обладателям платиновой членской карты. Тут набор спортивной одежды, пара кроссовок вашего размера, персональный диагностический аппарат для наблюдения за вашей физической формой... ну, и кое-какие туалетные принадлежности, — она похлопала рукой по конверту. — А здесь документы, подтверждающие ваше членство, карта и персональный пароль для входа.

Если это была западня, то отменно сработанная. Я попытался сопоставить в уме всю свою амуницию с электронными фиговинами, что они мне совали. Если бы мне пришлось справляться со всем этим на ходу, я, скорее всего, сломал бы себе ногу. Или шею.

— Э... — произнес я. — Спасибо, Бонни.

— Не за что, сэр, — прочиткала она. — Идемте со мной, пожалуйста, я провожу вас в кабинет мисс Деметра.

— Очень мило с вашей стороны, — сказал я. У сумки, слава Богу, имелся ремень. Я ухитрился набросить его на плечо, а бумаги сунул в один из объемистых карманов ветровки.

Бонни подождала, пока я управлюсь с нежданно свалившимся на меня имуществом, и, бесцеремонно, как старого знакомого, повела за руку по коридору. Пахло от нее приятно, жимолостью, и она продолжала мило мне улыбаться. Вот только пальцы у нее показались мне ледяными, словно она нервничала.

Так, за руку с Бонни, мы пересекли весь этаж — длинное, открытое помещение с разнообразными тренажерами и качалками, состоятельного вида мужчинами и привлекательного вида женщинами. Бонни, не переставая, щебетала о том, какие у них новые машины, и какая новейшая методика фитнеса используется у них в заведении, и что за каждым обладателем платиновой клубной карты закреплен личный тренер, и он с радостью обслужит его, обладателя, когда бы тот ни пришел.

— Ну и, конечно, наш водно-оздоровительный комплекс предлагает ряд

дополнительных услуг.

— А-а, — кивнул я. — Типа, массаж там, грязевые ванны, педикюр, да?

— Да, сэр.

— И секс?

Улыбка Бонни не померкла ни на долю секунды, но она все же не удержалась от опасливого взгляда в сторону Мёрфи. На мой вопрос она не ответила, потому как очень вовремя остановилась у открытой двери.

— Вот мы и пришли, — объявила она, продолжая улыбаться. — Если вам понадобится от меня еще чего-нибудь, позвоните мне от мисс Деметра, и я сразу подойду.

— Спасибо, Бонни, — улыбнулся я.

— Всегда с удовольствием, сэр.

— Я не должен расписаться где-нибудь, или еще чего?

— В этом совершенно нет необходимости, сэр, — она одарила меня еще одной очаровательной улыбкой, кивнула и поспешила обратно.

Я смотрел ей вслед. Она шла, задумчиво надув губки, и я решил, что спешить прочь ее тоже учили со всей ответственностью.

— Нас что, так здесь одних и оставили? — спросил я у Мёрфи. — Тебе это ничем не напоминает мышеловку?

— Не то слово, черт подери, — отозвалась она, оглядевшись по сторонам, потом сунув голову в кабинет. — Но внутренняя пожарная лестница прямо напротив, через коридор, а наружная — как раз за окном. И это не говоря о том, что в радиусе нескольких ярдов от нас находится с дюжину клиентов, которые при всем желании не могут не заметить нарушения порядка.

— Угу. И сколько их, как ты думаешь, даст в суде показания о том, что они видели или слышали, будучи в шикарном борделе?

Мёрфи тряхнула головой.

— Роулинзу известно, что я здесь. Если что случится, он это место наизнанку вывернет. Марконе это понимает.

— А почему вы до сих пор за них не взялись? Это ведь незаконно, правда?

— Еще как незаконно, — кивнула Мёрфи. — Но все шито-крыто. В таких местах женщин ни к чему не принуждают: они работают добровольно, и им очень хорошо платят. Плюс регулярный медицинский осмотр. С наркотиками здесь стараются не связываться, и случаи запугивания здесь чрезвычайно редки.

— Преступление без жертв?

Мёрфи пожала плечами.

— У копов никогда не хватало людских ресурсов. Как правило, на заведения вроде этого их не тратят. Ребята из полиции нравов позарез нужны там, где на кону человеческие жизни.

Я с досадой хмыкнул.

— Наверное, еще и то, что это клуб для избыточно богатых придурков, тоже не облегчает задачу.

— Нет, не облегчает, — согласилась Мёрфи. — Слишком много людей, имеющих влияние на городскую власть, берегут свою репутацию. Эти места приносят бешеную прибыль, и пока они не преступают закон слишком уж откровенно, копы вынуждены с ними мириться... ну, разве что напоминают иногда, чтобы те не зарывались. Марконе не будет ставить свой бизнес под угрозу, убивая нас здесь — в конце концов, он с таким же успехом может пришить нас и завтра, в более удобной обстановке.

— Это уж в зависимости от того, большой ли рой разворошим, — заметил я.

— И от этого тоже, — согласилась Мёрфи. — Давай-ка сядем: в ногах правды нет.

Мы зашли в кабинет. Он мало чем отличался от большинства помещений руководства, в которых мне приходилось бывать раньше: чопорный, безликий, дорогой. Мы уселись в удобные кожаные кресла. Мёрфи косилась на дверь. Я смотрел в окно. Мы ждали.

Примерно через двадцать минут в коридоре послышались шаги.

В дверь вошел здоровяк. Сложением он напоминал бульдозер, собранный из мощной, натруженной мускулатуры и толстого костяка. Шея его в сечении превосходила Мёрфину талию. Довершали портрет рыжие, коротко стриженные волосы и глаза бультерьера под кустистыми бровями. Судя по выражению его лица, оно оставалось на нем с того момента, когда его любимого щенка выбросили в окно небоскреба.

— Хендрикс, — я приветливо улыбнулся старшему телохранителю Марконе. — Как дела?

Бультерьерские глазки на мгновение уперлись в меня. Хендрикс издал горлом неопределенный звук, потом проверил помещение и бросил через плечо: — Чисто.

Вошел Марконе.

Он был одет в стального цвета костюм от Армани, кожаные итальянские ботинки; верхняя пуговка рубашки осталась незастегнутой. Рост он имел дюйма на два выше среднего, и производил впечатление предельно здорового сорокалетнего мужчины с момента нашей первой с ним встречи несколько лет назад. Идеальная стрижка, холеные ногти и глаза цвета выдавших виды долларовых купюр. Он мило улыбнулся нам и обошел огромный стол, чтобы сесть в кресло.

— Ух ты, — восхитился я. — Мисс Деметра, вы просто вылитый преступник, с которым я как-то встречался.

Марконе облокотился о стол, сцепил пальцы под подбородком и как ни в чем ни бывало улыбнулся мне.

— И вам добрый вечер, мистер Дрезден. Приятно видеть, что время не властно над вашим студенческим юмором, — взгляд его скользнул на Мёрфи. — Добрый день, сержант.

Мёрфи сжала губы и, прищурившись, кивнула. Хендрикс застыл в дверях, сложив руки и пристально глядя на Мёрфи.

— А где ваш охранник-амазонка? — спросил я. — Вы что, остались без консультанта?

— Мисс Гард, — ответил Марконе, сделав ударение на «мисс», — в настоящий момент выполняет другую работу. И наши рабочие взаимоотношения неизменны.

— Возможно, ей не слишком близка эта конкретная отрасль вашего бизнеса? — предположил я.

Он блеснул зубами.

— Я вижу, вы получили набор для членов клуба.

— Я стараюсь не бросаться к вам на шею с изъявлениями благодарности, — сказал я. — Но это ох, как трудно.

Он снова раздвинул губы, блеснув белоснежными зубами, хотя улыбкой я это не назвал бы.

— На самом деле все подразделения моего бизнеса имеют инструкции встречать вас подобным образом, если вы вдруг навестите их.

Я приподнял брови.

— Неужели вы серьезно рассчитываете купить меня?

— Вряд ли. Я не питаю иллюзий насчет вашего отношения ко мне и моему бизнесу. Я делаю это в качестве превентивной меры. Мне показалось, у моих зданий гораздо меньше шансов сгореть, если вас будут отвлекать, обращаясь с вами как с султаном. В конце концов, я помню, какая судьба постигла прошлый «Бархатный Салон».

Мёрфи фыркнула, не спуская с Марконе настороженного взгляда.

— Это не лишено логики, Дрезден.

— Это было давно и лишь однажды, — буркнул я. Что-то в одном из конвертов мешало мне, и я сунул руку в карман достать его.

Возможно, Хендрикс избыточно массивен, но на скорости его реакций это никак не сказывается. Его пистолет целился мне в лоб прежде, чем мои пальцы успели сомкнуться на конверте.

Рука Мёрфи тоже метнулась за отворот мешковато сидевшей на ней рубахи.

— Стоп! — голос Марконе прорезал воздух ударом хлыста. — Все, быстро!
Мы все послушно застыли; должно быть, чисто рефлекторно — так властно звучал его голос.

Все-таки неспроста Марконе заправляет делами в Чикаго.

Марконе не пошевелился. Блин, да он даже не мигнул.

— Мистер Хендрикс, — произнес он уже совершенно спокойно. — Я одобряю ваше решение, но если бы чародей хотел сделать со мною что-либо, ему совершенно необязательно было бы лезть для этого в карман за оружием. Будьте добры.

Хендрикс издал еще один рокочущий рык и убрал пистолет.

— Благодарю вас, — Марконе повернулся ко мне. — Надеюсь, вы простите мистера Хендрикса за некоторую возбудимость. Как мой телохранитель, он тоже слишком хорошо понимает, что в тех случаях, когда в мой бизнес оказываетесь вовлечены вы, мистер Дрезден, дела приобретают значительно более опасный оборот.

Я смерил их обоих хмурым взглядом, вытащил из кармана смятые бумаги и бросил их на пол рядом с сумкой.

— От добра добра не ищут. Верно, Мёрф?

Мёрфи еще пару секунд не шевелилась, держа руку под рубашкой — достаточно долго для того, чтобы довести до всех: ей никто и ничего не приказал. Потом рука ее вернулась на колено.

— Благодарю вас, — кивнул Марконе. — Что дальше, Дрезден, еще пару раз уколем друг друга или перейдем к цели вашего визита?

— Мне нужна информация об одной женщине, которая здесь работала.

Марконе моргнул.

— Продолжайте.

— Ее звали Джессика Бланш. Ее тело найдено несколько дней назад. Медицинская экспертиза не смогла обнаружить причину ее смерти. Я обнаружил. У меня еще несколько трупов. Я полагаю, убийства связаны. Мне нужно выяснить, что именно связывает Джессику с другими жертвами, чтобы понять, что же, черт подери, происходит — и прекратить это.

— Это довольно специфическая информация, — сказал Марконе. — По роду деятельности я как правило имею дело с информацией более общего характера. Полагаю, мой менеджер лучше знакома с такими проблемами, чем я.

— Мисс Деметра, насколько я понимаю.

— Да. Она будет здесь сию минуту.

— Или раньше, — произнес женский голос.

Я повернулся к двери.

В кабинет вошла женщина в строгом черном костюме, белой блузке с нитью жемчуга на шее и черных туфлях-лодочках. Она остановилась за спиной Марконе, положив левую руку ему на плечо.

— Ну, Дрезден, — произнесла Хелен Беккит. — Долго же вы добивались.

Глава ДВАДЦАТЬ ДЕВЯТАЯ

Я хлопал глазами, разом лишившись дара речи. Марконе снова блеснул зубами.

— Не уверена, что злорадствовать очень вежливо, — негромко заметила Хелен.

— Если бы вы лучше знали этого человека, вы бы поняли, насколько редкий момент мы видим, — отозвался он. — Я наслаждаюсь.

Мёрфи переводила взгляд с Хелен на меня и обратно.

— Гарри?..

— Ш-шшш, — произнес я, поднимая руку. На секунду я зажмурился, лихорадочно пытаюсь осмыслить с дюжину разнообразных логических цепочек, сравнивая их с известными мне фактами.

Факты, парень. Только факты.

Факт первый: мужские функционеры кланов Скави и Мальвора замешаны в убийствах, при этом подозрение пытаются бросить на Стражей.

Факт второй: клан Рейтов, формально старший в Коллегии, пытается проводить политику перемирия с Белым Советом.

Факт третий: Этот гнида Мадригал, переметнувшись на сторону Мальвора, замешан в двух собственных убийствах — только чтобы привлечь мое внимание.

Факт четвертый: Томас, явно осведомленный о убийственных намерениях своих сородичей из Белой Коллегии, не сказал мне об этом ни слова.

Факт пятый: все без исключения убитые женщины обладали теми или иными магическими способностями.

Факт шестой: вампиры живут долго. Очень долго.

Факт седьмой: убитых сектанток хватило бы на небольшое кладбище, но на всех них приходится всего одна нормальная, симпатичная девушка по имени Джессика Бланш. Со всеми остальными ее не связывало ничего, кроме Хелен Беккит.

Факт восьмой: Хелен Беккит работает на Марконе.

Факт девятый: я не люблю Марконе. Я ему не верю. Надрать ему задницу я не могу, но и верить не могу точно так же. Я никогда не скрывал этого. Марконе это знает.

— Вот сукин сын, — прошептал я, тряхнув головой. Стоило показаться Марконе, как дела из просто плохих сделались очень плохими, и я, дурак, решил было, что стрелку дерммометра уже зашкалило.

Я ошибался. Еще как ошибался.

Для того, чтобы разобраться в происходящем, мне не хватало ответа на один вопрос — пусть даже ответ этот я знал и так. Проблема заключалась в том, чтобы понять, честно мне ответят, или нет.

Я не мог позволить себе ошибиться.

— Хелен, — тихо произнес я. — Если вы не против, мне хотелось бы поговорить с вами с глазу на глаз.

Легкая улыбка коснулась ее губ. Она сделала глубокий вдох и медленно, удовлетворенно выдохнула.

— Вам не обязательно делать это, если не хотите, — сказал Марконе. — Я не люблю, когда моим сотрудникам угрожают. Дрездену это известно.

— Нет, — мотнула головой Хелен. — Все в порядке.

Я покосился в сторону.

— Мёрф...

Вид у нее был не особо радостный, но она кивнула.

— Я подожду за дверью, — сказала она.

— Спасибо.

Мёрфи вышла под пристальным взглядом бультерьерских глаз Хендрикса. Марконе встал и вышел, не глядя на меня. Последним вышел Хендрикс и закрыл за собой дверь.

Хелен пробежала пальцами по нитке жемчуга и села в кресло за столом. Вид она при этом имела совершенно спокойный и уверенный.

— Что ж, очень хорошо.

Я сел в одно из кресел напротив Хелен и кивнул.

— Джессика Бланш работала на вас, — сказал я.

— Джесси... — взгляд мертвых глаз Хелен на мгновение метнулся к сцепленным на столе пальцам. — Да. Она жила совсем рядом со мной. Я по несколько раз на неделе подвозила ее до работы.

Вот, значит, где Мадригал увидел их вместе — на людях, предположительно не в рабочей, так сказать, одежде — и этот ублюдок решил, что мисс Бланш тоже член Ордена. Ну, все остальное уже дело техники: завязать с девушкой знакомство, задурить ей голову своим вампирским обаянием, заманить в гостиницу для того, чтобы позабавиться и умереть в экстазе.

— Чего я не понимаю, — признался я, — так это вас с Марконе. Я-то думал, вы его ненавидите. Блин, вы же яшкались с силами тьмы, помогали производить наркотик... помогали Человеку-Тени убивать людей — в общем, действовали против него.

— Ненависть, — ответила она, — и любовь не так отличаются друг от друга. Обе нацелены на кого-то конкретного. Обе сильны. Обе полны страсти.

— Ага, и между «любить» и «убить» тоже разницы немного. Так, пара букв, — я пожал плечами. — Но вот вы здесь, и работаете на Марконе. В должности мадам.

— Я преступница закоренелая, мистер Дрезден, — ответила она. — Я привыкла оперировать суммами никак не меньше шести-семизначных. Я плохо приспособлена к работе официанткой в дешевой забегаловке.

— То есть все дело в презренном металле, так?

— И в отношении, — ответила она и тряхнула головой. — Причины, по которым я здесь, вас, Дрезден, не касаются, и не имеют отношения к интересующему нас делу. Задавайте свои вопросы или убирайтесь.

— Скажите, после того, как вы расстались с остальными членами Ордена, вы им звонили?

— Мы с вами, — тихо произнесла она, — снова в тупике — абсолютно так же, как прежде. Вне зависимости от того, что я вам отвечу, вы мне явно не поверите.

— Вы им звонили? — повторил я.

Она смотрела на меня спокойно, бесстрастно. Взгляд ее был настолько пуст, что ее элегантный черный костюм производил впечатление похоронного. Ну, не знаю, кому бы он подошел больше, скорбящим или самому покойнику. Потом она чуть прищурилась и кивнула.

— А-а... Вы хотите, чтобы я посмотрела вам в глаза. На мой взгляд, определение страдает избыточным драматизмом, но, если я не ошибаюсь, это называется «заглянуть в душу».

— Да, — подтвердил я.

— Я не догадывалась, что это детектор лжи.

— Это не он, — сказал я. — Но это поможет мне понять, что вы за человек.

— Я знаю, что я за человек, — возразила она. — Дееспособный, но наполовину сумасшедший. Я бессердечна, расчетлива, пуста, и я питаю очень мало симпатии к человечеству. Вам этого достаточно?

Секунду или две я молча смотрел на нее.

— Нет, — очень тихо произнес я, наконец. — Боюсь, мне этого мало.

— Я не намерена ничего вам доказывать. И не допущу подобного вторжения в мое «я».

— Даже если это означает смерть еще одной или нескольких ваших подруг из Ордена?

Она ответила, чуть помедлив, словно колебалась.

— Мне так и не удалось защитить их. Как бы я ни... — она осеклась и тряхнула головой. Голос ее снова обрел уверенность. — Анна проследит, чтобы с ними все было в порядке.

Секунду я смотрел на нее, и она спокойно смотрела на меня — в точку над моими бровями, избегая встретаться со мной взглядом.

— Анна для вас что-то значит? — спросил я.

— Насколько это вообще возможно для кого-либо, — сказала она. — Она проявила доброту ко мне, хотя ее никто не обязывал. Она не имела в этом никакой корысти. Она достойный человек.

Я внимательно смотрел на нее. Я давно уже работаю — и профессиональным чародеем, и профессиональным сыщиком. Работа чародея чертовски полезна и увлекательна, но она совершенно не обязательно учит вас разбираться в людях. Гораздо больше она учит вас разбираться в себе.

Зато работа сыщика целиком состоит из анализа чужих характеров. Ты разговариваешь с людьми, задаешь им вопросы, выслушиваешь их ложь. Большинство дел, с которыми

приходится разбираться сыщику, буквально напичканы ложью. Я навидался лжецов всех видов, размеров и цветов. Я набрался лжи большой, маленькой, чистой, глупой — какой угодно. Хуже всего, когда ложь молчалива — или представляет собой правду, в которую подмешано чуть-чуть обмана. Чуть-чуть, но достаточно, чтобы она прогнила до основания.

Хелен не лгала мне. Она могла быть опасной, она могла заниматься черной магией, чтобы отомстить кому-то, могла быть холодной и бездушной — но она ни на мгновение не пыталась скрыть этого или отрицать того, что случилось.

— О Господи, — тихо сказал я. — Вы не знаете.

Она нахмурилась — а потом лицо ее дрогнуло и побелело.

— Ох, — она закрыла глаза. — Ох, Анна. Бедная дурочка, — не прошло и секунды, как она открыла глаза. — Когда? — спросила она, прокашлявшись.

— Несколько часов назад. В гостиничном номере. Самоубийство.

— А остальные?

— В безопасности. В убежище и под охраной, — я сделал глубокий вдох. — Я должен знать точно, Хелен. Если они вам правда не безразличны, прошу вас, помогите мне.

Она кивнула, глядя в никуда.

— Ради них, — сказала она. И посмотрела мне в глаза.

Феномен заглядывания в душу — вещь, достаточно загадочная. До сих пор никому точно не известно, как он действует. Лучшие описания этого явления скорее поэтические, нежели научные.

Глаза — окна человеческой души.

Позвольте чародею заглянуть вам в глаза — и вся ваша суть окажется для него открыта. Каждый воспринимает это по-своему. Рамирес как-то говорил мне, что слышит это как мелодию, соответствующую тому, в чьи глаза он смотрит. Другие видят в чужой душе серию застывших изображений. Боюсь, что в моем случае заглядывание в душу носит самый непредсказуемый и запутанный характер из всех, о которых мне приходилось слышать. Я вижу другого человека в виде символов и метафор, иногда в объеме и со стереозвучием, иногда расплывчато, с едва слышным шепотом.

Однако и тот, в кого ты заглядываешь, получает взамен отличный обзор твоей души. Какие бы вселенские силы ни заправляли этим процессом, они явно решили, что игра в одни ворота здесь недопустима. Ты видишь других. Другие видят тебя — причем с той же устрашающей четкостью.

Для меня заглядывать кому-либо в глаза всегда рискованно. Пожалуй, тут меня поймет любой. Попробуйте сами: подойдите к кому-нибудь и, ничего не говоря, загляните ему в глаза. Секунду, или две, или три вы словно проваливаетесь куда-то. А потом вы сразу ощутите внезапный контакт, связь. Нормальный человек на этом месте неловко кашляет и отвернется. Но чародей доведет все до конца.

С учетом всего этого мне не стоило удивляться тому, что, стоило Хелен заглянуть мне в глаза, как уже через секунду это приобрело до неуютного интимный характер и...

...и я стоял в Чикаго, в одном из парков на берегу озера. Парк Калюмет? Возможно. Я не видел домов за деревьями, поэтому не мог сказать наверняка.

Зато я видел семью Беккитов. Мужа, жену, дочь — девочку лет десяти-одиннадцати. Очень похожую на мать, женщину с морщинками в углах улыбчивых глаз и белозубой улыбкой, почти ничем не напоминавшую ту Хелен Беккит, которую я знал. Впрочем, это была она.

Они приехали сюда на летний пикник. Солнце клонилось к закату, и они возвращались к своей машине. Мать и отец шли по обе стороны от девочки, держа ее за руки.

Я не хотел видеть того, что произойдет. Но и выбора у меня не оставалось.

Стоянка. Шум подъезжающей машины. Приглушенные ругательства, страх, а потом машина вильнула с дороги, и из заднего, опущенного окошка грянули выстрелы. Визг. Кто-то бросился на землю. Большинство — включая Беккитов — оцепенели от неожиданности. Новые выстрелы, громче первых, послышались в считанных футах от меня.

Я оглянулся через плечо и увидел совсем еще молодого Марконе.

В те времена он носил еще не костюм. Тогда он носил джинсы и черную кожаную куртку. Волосы у него тогда были длиннее, слегка растрепанные, и на подбородке его темнела щетина, которая должна была, по идее, нравиться девицам, мечтавшим общаться с плохими мальчиками.

Марконе пригнулся к земле рядом с другим юнцом — давно уже погибшим громилой, которого я несколько лет назад прозвал для себя Ежиком. Ежик палил из пистолета по удалявшейся машине. Ствол его «Кольта модели 1911» поворачивался вслед за машиной — и уперся точно в семью Беккитов.

Марконе рывкнул что-то и оттолкнул ствол в сторону от семьи. Ударил выстрел, и пуля ушла куда-то в сторону озера. Из машины выстрелили в нашу сторону в последний раз, и она рванула прочь. Марконе и Ежик прыгнули в свою машину, и та тронулась с места. За рулем сидел Ежик.

Марконе оглядывался через плечо.

На земле осталось лежать бесформенной грудой окровавленное тело девочки.

Хелен первая увидела ее, опустив взгляд на свою руку, продолжавшую сжимать руку девочки. Она вскрикнула и опустилась на колени рядом с ребенком.

Наступившая после выстрелов тишина казалась оглушительной.

Я не хотел видеть того, то последует. Опять-таки, выбора у меня не оставалось.

Девочка находилась в сознании. Кровь продолжала заливать ее одежду и землю. Отец с криком рухнул на колени и пытался остановить кровотечение. Сорвав рубаху, он прижимал ее к животу девочки. Потом сказал что-то Хелен и бросился к ближайшему телефону-автомату.

Белая рубаха почти мгновенно пропиталась кровью. Хелен продолжала прижимать ее к слабеющей девочке.

Это было хуже всего.

Девочка испытывала ужасную боль. Она кричала. Я ожидал, что крик выйдет диким, нечеловеческим, но это оказалось не так. Она кричала так, как кричит любой ребенок, когда ему впервые в жизни по-настоящему больно.

— Ой, — повторяла она охрипшим от боли голосом. — Ой, ой, ой.

— Детка, — сказала Хелен, заливаясь слезами. — Я здесь. Я здесь.

— Мама, мама, мама, — сказала девочка. — Ой, ой, ой.

Она повторяла это снова и снова.

Она повторяла это без перерыва примерно минуту.

Потом она замолчала.

— Нет, — сказала Хелен. — Нет, нет, нет, — она наклонилась и пощупала горло дочери, потом в отчаянии прижалась ухом к ее груди. — Нет, нет, нет.

Голоса у них, я заметил, звучали почти одинаково — с одинаковыми отчаянием и неверием в то, что произошло.

Я смотрел на то, как Хелен раскачивается, пытаюсь, почти ослепнув от слез, делать неподвижному тельцу искусственное дыхание. Все остальное расплылось в дымке. Призрачные фигуры ее мужа, полицейских, медиков из «скорой». Приглушенные голоса и сирены, церковный орган.

Я знал, что Беккиты жаждали растерзать Марконе в отместку за то, что сделали с их дочерью враждующие гангстеры — но одно дело только знать. Видеть душераздирающую боль, которую причинила смерть дочери ее беспомощной матери — совсем другое дело.

И вдруг все снова прояснилось. Хелен и ее семья снова смеялись. Прошло несколько секунд, и они снова двинулись к стоянке, и я слышал шум машины, пассажиры которой промахнутся по Марконе и убьют маленькую девочку.

Я оторвал взгляд, пытаюсь разомкнуть связь.

Я не мог пройти через это еще раз, не мог оставаться взаперти в этой жуткой сцене, превратившую Хелен в то, чем она стала теперь.

Я очнулся, стоя с наполовину отвернутым от Хелен лицом, тяжело опершись на посох, низко опустив голову.

Долгое мгновение мы молчали.

— Я не звонила никому из Ордена, — произнесла, наконец, Хелен.

Она не звонила. Теперь я в этом не сомневался.

Если это не Хелен вытащила Орден на прогулку по городу, подставив их под удар Скави, значит, это сделал кто-то другой.

Присцилла.

Это она отвечала на все звонки, она передавала остальным «разговоры» с Хелен. Значит, это она сотрудничала с убийцей, вытащив для него Анну и других из убежища, а потом отколов от группы одну из женщин, чтобы тот мог расправиться с ней.

И тут голова моя дернулась как от удара.

Факт десятый: в разгар чикагского лета Присцилла, не блещущая женской красотой, носит не что-то, а именно свитер с высоким воротником.

Присцилла не сотрудничала со Скави.

Присцилла сама и была Скави.

И я сам оставил ее в безопасном убежище с Оливией, Эбби. Остальными женщинами и детьми.

Хищники. Белая Коллегия — хищники. Скави наверняка знала (или знал?), что я подбираюсь к убийце, и что мне не потребуется много времени на то, чтобы найти Хелен и узнать, что же произошло на деле. И если перед ней... перед ним стоит выбор, нападать или спастись, он скорее всего выберет первое.

Меня послали искать Хелен намеренно. Скави нарочно отослал меня подальше, чтобы остаться со всеми своими жертвами.

Нет. Я ведь не одного его оставил с женщинами, на которых он охотился. Те не представляли для него угрозы. Скави решил драться. Он изолировал жертву, еще как изолировал, точно так же, как делал это с беззащитными женщинами. Он изолировал ту, что представляла собой для него смертельную угрозу, доведись ей узнать, кто он на деле. Но и она окажется совершенно беззащитной, если подобраться к ней вплотную под прикрытием маскировки.

— О Господи, — услышал я свой голос. — Элейн.

Глава ТРИДЦАТАЯ

Мёрфи вышла из дома секунд на десять позже, чем я.

— Томас ответил с домашнего телефона, сказал, что едет. Голос у него правда немного такой, не в себе. Я позвонила в оба номера, но оба раза попала на администратора, — доложила она, на ходу убирая в карман мобильник.

— Это что, выходит автоматически?

— Нет. Для этого нужно позвонить администратору и попросить перевести номер.

— Черт, — буркнул я и кинул ей ключ от машины. — Скави и об этом позаботился. Веди ты.

Мёрфи удивленно заморгала, но беспрекословно повернула к Жучку.

— Почему?

— Попробую связаться с Элейн своим способом, — ответил я, чуть не бегом обогнул свою машинку и рывком открыл правую дверь. — Доставь нас туда как можешь быстрее.

— Магия? На ходу? Это машину не угробит?

— Эту-то? Думаю, нет. Надеюсь, что нет, — сказал я, швыряя посох на заднее сидение.

— Ой! — взвизгнул голос.

Мёрфин пистолет выметнулся из-под рубахи с такой же скоростью, как мой жезл, засиявший зловещим багровым светом.

— Не стреляйте, не стреляйте! — пискнул голос, изрядно перепуганный. Воздух над

задним сидением заискрился, и в нем возникла Молли с поджатыми к груди ногами, широко раскрытыми глазами и белым как мел лицом.

— Молли! — рявкнул я. — Черт тебя дери, что ты здесь делаешь?

— Пришла помочь. А здорово я выследила вашу машину, да?

— Я говорил тебе сидеть дома?

— Из-за этого дурацкого браслета? — обиженно спросила она. — Такой дурацкой штуки свет еще не видал. Вот Йода никогда не давал никому брас...

Кипя от досады, я резко обернулся.

— *Fuego!* — прорычал я.

Перепопнявшие меня напряжение и ярость сорвались с конца жезла струей ослепительного алого огня. Она ударила в металлический мусорный контейнер у входа в дом Марконе и... ну, сказать, что она испарила его, было бы с моей стороны гнусным, беспочвенным бахвальством. С этим даже у меня возникли бы проблемы. Однако она разнесла эту штуку к чертовой матери, превратив ее в фонтан расплавленного металла и пропахав в тротуаре борозду глубиной в два фута и длиной в хороший гроб. Осколки раскаленного бетона и расплавленные брызги забарабанили по фасаду, разбив несколько стекол, оставив отметины на каменной облицовке и подпалив несколько деревянных ставней. Окна дребезжали, наверное, в радиусе квартала от «Барханного Салона», а ближний уличный фонарь разлетелся, осыпав улицу градом осколков. Завывало с полдюжины автомобильных сигнализаций.

Я повернулся обратно к Молли и увидел, что она смотрит на меня, разинув рот. Моя тень в свете изуродованного фонаря выросла и упала ей на лицо.

— Я. Не. Йода, — прорычал я.

Я сдернул с левой руки перчатку и поднял ладонь с растопыренными пальцами. Вид у нее теперь, конечно, не такой жуткий, как пару лет назад, но и этого достаточно, чтобы произвести впечатление на девятнадцатилетнюю девушку.

— Это тебе не кино, черт подери. Облажайся здесь — и ты не исчезнешь, оставив пустой плащ. И не останешься замороженной до состояния булыжника. И ты, Молли, давно бы могла это уже понять.

Вид она имела изрядно потрясенный. То есть, бывает, я чертыхаюсь время от времени, но совсем уж воли языку не даю — по крайней мере, при Майкле или его семье. Не думаю, чтобы Господь Бог так уж переживал из-за моего сквернословия, но я достаточно обязан Майклу, чтобы уважать его нормы поведения и разговора. Как правило.

Блин, да весь смысл бранных слов в том, чтобы усиливать речь в тех местах, где простого смыслового значения слов недостаточно. А мне нужно было усилить, еще как усилить.

Зарывав еще раз, я стиснул левую руку в кулак, чуть подлил в него энергии моей злости, растопырил пальцы — и в воздухе над ладонью вдруг возник светящийся шарик. Небольшой — размером с десятицентовую монетку. Но яркостью он не уступал крошечному солнцу.

— Гарри, — вмешалась Мёрфи. Голос ее чуть дрожал. — У нас нет времени на это.

— Ты считаешь, что ты готова? — спросил я у Молли. — Что ж, докажи.

Я подул на шарик, он сорвался с моей руки и устремился в открытую дверь Жучка, в лицо Молли.

— Ч-что? — спросила она.

— Останови его, — ответил я ледяным тоном. — Если сможешь.

Она поперхнулась и подняла руку. Я увидел, как шевелятся ее губы — она пыталась сконцентрироваться по той методике, которой я ее учил.

Шарик подплывал все ближе.

— Ты бы поторопилась, — посоветовал я, даже не пытаясь скрыть злости и раздражения.

Лоб ее покрылся капельками пота. Шар замедлил движение, но не остановился.

— Его температура примерно двенадцать тысяч градусов, — сообщил я. — Песок спекается в стекло. Для кожи это тоже не слишком полезно.

Молли подняла левую руку и пробормотала заклинание, но воли ей явно не доставало, ибо все, чего она добилась — это пригоршни искорок.

— Нехорошие парни тебе и этого времени не дадут, — добавил я.

Молли зашипела — надо отдать должное девочке, она не сорвалась на визг — и вжалась в дальнюю стенку салона, пытаясь как можно дальше отодвинуться от огня. Она вскинула руку прикрыть глаза.

Мгновение я боролся с безумным импульсом дать огню гореть еще секунду. Ничто не учит лучше сожженной руки, нашептывала темная часть меня. Уж я-то знаю.

Но я сжал пальцы, оборвав заклятие, и шарик исчез.

Мёрфи, стоявшая у водительской двери, молча смотрела на меня.

Молли опустила дрожащую руку и сидела, в ужасе глядя на меня. Пирсинг на языке лязгал о зубы.

Я посмотрел на них обеих и тряхнул головой, приходя в себя. Потом пригнулся и заглянул в машину.

— Мы здесь не в бирюльки играем, детка, — негромко сказал я Молли. — Я говорил уже тебе: магией всех проблем не решить. Ты все еще плохо слушаешь.

Перепуганные глаза Молли заблестели от слез. Она отвернулась от меня и промолчала. Она старалась не издавать ни звука, но трудно сохранять бесстрастное выражение, когда рычащий псих едва не сжег тебе лицо. Мы отчаянно спешили, но я все-таки дал девочке несколько секунд прийти в себя, пока сам остывал.

Дверь дома отворилась. Из нее вышел Хендрикс.

Почти сразу за ним вышел Марконе. Он осмотрел повреждения, покосился на меня, покачал головой, достал из кармана мобильник и, на ходу набирая номер, вернулся в дом. Хендрикс подождал еще немного, прищипливая меня к месту взглядом.

То, что я увидел, заглянув в душу Хелен Беккит, продолжало с ослепительной ясностью стоять у меня перед глазами. Собственно, так и должно быть. Молодой Марконе носил длинные волосы и одевался небрежнее. А может, он только выглядел моложе до того, как увидел смерть дочери Хелен.

Эта мысль шла как-то совсем вразрез с распиравшим меня гневом, и я поспешил воспользоваться этим шансом, чтобы взять себя в руки. Я сделал глубокий вдох. В конце концов, вряд ли кому пойдет на пользу, если я брошусь в бой очертя голову и забыв про рассудок. Я вдохнул еще раз, повернулся и едва не столкнулся с Мёрфи.

Она обошла машину и остановилась, глядя на меня в упор.

— Ну, все? — спросила она зловеще тихим голосом. — Или ты хотел поджечь еще что-нибудь? Детскую площадку или еще чего? Можно еще потерроризировать отряд бойскаутов для разминки.

— А потом я тебе тоже поучу тебя работать, — огрызнулся я. — После того, как мы похороним всех, кто погиб, пока мы препирались вместо того, чтобы ехать.

Она сощурила взгляд. Взглядами мы, правда, не встречались, но и с места не двинулись ни на дюйм. Это продолжалось недолго, но на психику давило сильно.

— Не сейчас, — произнесла она. — Позже. Мы еще поговорим.

Я кивнул.

— Потом.

Мы сели в машину, Мёрфи завела мотор, и мы тронулись.

— Тебя можно спрашивать по дороге?

Я прикинул в уме расстояние. Заклятие, позволявшее мне общаться с Элейн, создавалось в расчете на несколько ярдов. Чаще всего дистанция была... гм... и того меньше. Пожалуй, я мог бы увеличить радиус действия до мили, но вряд ли больше. Конечно, это требовало не только большей энергии, но и некоторых перерасчетов в формуле, не слишком сложных. Это давало мне пару минут передышки, тем более, что машину вела Мёрфи.

Собственно, раз уж так вышло, я мог и поговорить. Даже лучше: разговор помог бы мне отвлечься от страха за Элейн. Логика — лучшее средство от страха... ну, или в крайнем случае место, куда можно как в песок спрятать голову.

— Валяй, — кивнул я. На Молли я внимания не обращал: пусть обдумает урок и придет немного в себя. В таком расстроенном виде ей все равно не хотелось, чтобы на нее смотрели.

— Почему ты решил, что твоей бывшей грозит опасность? — спросила Мёрфи. — Разве этот Скави не сбежит, как только поймет, что ты его раскрыл?

— Если бы он действовал в одиночку, конечно, — сказал я. — Это было бы самым разумным. Но он не сбежит. Он хочет драки.

— И что? У него есть помощники?

— У него есть соперники, — ответил я.

— Угу. Серый Плащ и Мадригал Рейт, — Мёрфи покачала головой. — Но к чему все это?

— Попробуй думать об этом с позиций хищника, — сказал я. — Один хищник только что запустил зубы в какую-то вкуснятину.

— Стервятники? — догадалась Мёрфи. — Они пытаются отобрать у него добычу?

— Именно, — подтвердил я. — Мне кажется, именно это они и делают.

— Ты имеешь в виду Элейн?

Я мотнул головой.

— Нет, нет. Более абстрактно. Скави методичен. Он убивает женщин с магическими способностями. И делает это не для выживания: питаться он может любыми людьми.

— Тогда почему именно эти жертвы? — спросила Мёрфи.

— Хороший вопрос, — кивнул я. — Почему они? Тут дело не в пище, Мёрф. Мне кажется, Скави выстраивает игру за власть.

— Власть? — переспросила Молли с заднего сидения.

Я повернулся и смерил ее взглядом, резко умерившим ее интерес. Она снова съежилась в кресле.

— В Белой Коллегии, — сказал я. — Вся эта заваруха с начала до конца связана с борьбой за власть в Белой Коллегии.

Секунду Мёрфи молчала, переваривая это.

— Значит... значит все это на порядок серьезнее, чем просто несколько убийств в нескольких городах.

— Если я прав, — кивнул я, — да.

— Валяй дальше.

— Валяю. Кстати, не забывай, что вампиры из Белой Коллегии не любят открытых разборок. Они предпочитают все устраивать. Играют исподтишка. Дергают за ниточки. Открытая конфронтация — для неудачников.

— Ясно.

Я кивнул.

— Белый Король поддерживает мирные переговоры между Советом и Красной Коллегией. Мне кажется, Скави пытается доказать, что им мирных переговоров не нужно. Что они в состоянии держать нас за горло и все, что от них требуется — это продержаться.

Мёрфи нахмурилась, потом глаза ее расширились.

— Ты говорил как-то, что магические свойства передаются по наследству? Что это в основном династии?

— Салический закон, — подтвердил я. — Как правило, по женской линии. У меня это от матери.

Мёрфи кивнула, не отрывая взгляда от дороги.

— И они могут начать... что? Прореживать поголовье? Убивать тех, кто способен производить новых чародеев.

— Угу. Один-единственный Скави гуляет по нескольким городам самой опасной — с их точки зрения — страны мира, делая там все, что ему заблагорассудится. Он доказывает,

что это проще пареной репы. Он выслеживает и уничтожает лучшие цели. При этом он сеет недоверие к Совету, заставляя своих жертв бояться тех, кто единственный может им помочь.

— Но чего он надеется этим достичь? — спросила Мёрфи. — Он же всего один.

— Несложно догадаться, — ответил я. — Смотрите, чего смог добиться всего один вампир. Смотрите, как это было просто. Рейт — слаб. Время действовать, пока Совет не оправился от потерь — тем более, нельзя вести с ним никаких переговоров. Смените караул. Клан Скави — в лидеры!

— А Серый Плащ и Мадригал, увидев, что тот задумал дело, пытаются пристроиться, чтобы в последний момент отодвинуть Скави и присвоить все заслуги себе, — договорила Мёрфи.

— Угу. Они поют абсолютно по тем же нотам, только Скави меняют на Мальвора, — я тряхнул головой. — Блин, вот ведь чертовщина: если бы у Мадригала не было ко мне личных счетов, меня могли бы вообще не втягивать в это дело. Я сильно испортил его имидж, когда он пытался продать меня с аукциона, а я вместо этого скормил его джинна Пугалу, а его самого заставил драпать как девчонку.

— Как кого? — насторожилась Мёрфи.

— Только не изображай мне Сьюзи Кью Энтони, ладно? Не время. О чем, бишь, я? Уязвленная гордость Мадригала заставляет его намеренно оставлять улики, чтобы затянуть меня в этот спектакль. Он рассчитывает на то, что Серый Плащ или наш убийца Скави помогут ему справиться со мной. Только они не учли еще одной проблемы.

— Томас, — не колеблясь, произнесла Мёрфи.

— Томас, — кивнул я. — Он выдернул женщин у них из-под носа.

— Как он их нашел?

— Тем же способом, что и они, — ответил я. — Он вампир. Ему известны их возможности, их образ мышления. В общем, вышло так, что он испортил им всем торжественный финал.

Мёрфи кивнула.

— Поэтому Мадригал завербовал шайку вурдалаков и попытался убрать собственного кузена. А обнаружил там и тебя с Элейн.

— Верно. Он и так уже схлопотал, но отделался испугом — вот и подумал, наверное, типа, какого черта, если ему удастся на этот раз, он и план выполнит, и со мной расквитается.

— Я все-таки не понимаю, почему Томас ничего не говорит, — призналась Мёрфи. — В смысле, тебе. Никак не ожидала от него такой скрытности.

— Это, скорее, подогрело мой интерес к этой истории, — сказал я. — На свете не много такого, что смогло бы заставить Томаса сделать это. Мне кажется, он сам рассчитывал на такой оборот.

Мёрфи покачала головой.

— Этого гораздо проще было бы добиться, просто позвонив.

— Вряд ли, если за ним следили, — возразил я. — Или если он дал обещание.

— Следили? — удивилась Мёрфи. — Кто?

— Кто-то, кто имеет рычаги давления на него. Кто-то из его родни, кто защищает женщину, которую он любит, и у кого есть возможность следить за ним и уличать его в обмане.

— Лара Рейт, — сказала Мёрфи.

— Старшая сестрица, которая стоит за мирными переговорами, — подтвердил я. — Все считают, что это папаша Рейт, но он сейчас всего лишь ее марионетка. Правда, известно об этом очень немногим.

— Если власть Рейта открыто оспаривается Скави, — заметила Мёрфи, сложив в уме два и два, — это откроет всем тот факт, что реальная власть не у него. Ларе придется биться в открытую.

— А вампир Белой Коллегии, которого вынудили биться в открытую, почти

гарантированно проиграл, — кивнул я. — Ей не удастся продолжать править Коллегией, если ее роль закулисной правительницы станет достоянием гласности. Во-первых, на это у нее просто не хватит сил, а во-вторых, и это главное, сам факт того, что это откроется, выставит ее некомпетентным кукловодом, а следовательно, автоматически неприемлемой в глазах всей Коллегии.

Мёрфи задумчиво пожевала губу.

— Если падет папаша Рейт, падет Лара. А если падет Лара...

— С ней вместе полетит и Жюстина, — договорил я. — Ларе не удастся и дальше защищать ее для Томаса.

— Тогда почему она не заставит Томаса попросить помощи у тебя? — спросила Мёрфи.

— Она не может допустить, чтобы кто-либо узнал, что она попросила помощи у команды противника, Мёрф. Даже в глазах тех, кто ее поддерживает, это будет катастрофой. Но не забывай: она умеет дергать за ниточки. Возможно, лучше всех остальных, замешанных в этом деле. Ее не огорчит, если я окажусь втянутым в это и растопчу агентов Скави и Мальвора.

Мёрфи фыркнула.

— И поэтому она запрещает Томасу говорить с тобой об этом.

— Для этого она слишком хитра. Томас делается чертовски упрям, когда ему приказывают. Она заставила его пообещать, что он будет хранить молчание. Однако сделав это, она может быть уверена в том, что он, не нарушив обещания, сделает все, чтобы его обойти. Короче, он дал слово, и он не может обратиться ко мне, но привлечь мое внимание он старается.

— Ха, — хмыкнула Мёрфи. — И ведь обошел. Работает нарочито неуклюже. Делает все, чтобы его раз за разом видели с женщинами, которых он укрывает.

— И оставляет у себя дома целую стену с уликами, зная, что я обязательно заинтересуюсь тем, почему его видели с пропавшими женщинами, и почему он со мной не говорит. Он не может говорить со мной, но он оставляет мне карту, — я только сейчас заметил, что правая нога моя произвольно давит на воображаемый газ, а левая — на такое же воображаемое сцепление.

— Не дергайся, — буркнула Мёрфи. Жучок подпрыгнул на каких-то рельсах, вылетев на встречную. — Я вожу лучше, чем ты.

Я насупился, но промолчал, потому что это правда.

— Так что сейчас, — продолжала Мёрфи, — ты считаешь, что Присцилла работает на агента Скави.

— Нет. Она сама и есть агент Скави.

— Мне казалось, ты говорил, что это мужчина, — заметила Мёрфи.

— Тебе не показалось странным, что Присцилла в разгар лета носит свитер с высоким воротом?

Мёрфи выдала слово из тех, которые не стоит произносить перед маленькими детьми.

— Значит, если ты прав, он собирается разделаться с Элейн и всеми этими тетками.

— И с детьми, — напомнил я. — И со всеми, кто попадется ему под ноги.

— Мыш, — встревоженно произнесла Молли.

На этот раз я не стал выговаривать ей. Я за него тоже беспокоился.

— Скави знает, что Мыш не простая собака. Он видел демонстрацию. Это единственное, что удерживает его от преждевременных действий. Если вампир попытался бы воспользоваться своей вампирской силой, Мыш почувствовал бы это, и никакая маскировка тому не помогла бы. Поэтому Мыш у него наверняка в самом верху списка.

Мёрфи кивнула.

— И каков план?

— Вези нас к мотелю, — ответил я. Мы подъехали уже достаточно близко, чтобы я мог попытаться задействовать заклятие. — Попробую связаться с Элейн.

— А потом?
— Мне не нужно ничего из того, что делает эта тварь, — сказал я. — А тебе?
Глаза ее блеснули в свете фонаря, мимо которого мы проезжали.
— Нет.
— И насколько я помню, ты сейчас в отпуске.
— И развлекаюсь как могу, — огрызнулась она.
— Значит, мы можем не слишком заморачиваться насчет того, чтобы оставить что-то на потом, — заявил я и оглянулся назад. — Молли.
Голова ее дернулась вверх так резко, что мне даже померещился хруст.
— А? Что?
— Водить машину с механической коробкой умеешь?
Секунду она молчала, потом так же порывисто кивнула.
— Тогда я хочу, чтобы ты, когда мы выйдем, села за руль и не выключала мотор. Если увидишь кого-нибудь, направляющегося туда же, посигналь. Если увидишь убегающую женщину в свитере с высоким воротом, я хочу, чтобы ты сбила ее машиной.
— Я... но... но...
— Ты хотела помочь. Вот я говорю тебе, как, — я снова повернулся и посмотрел вперед. — Делай как сказано.
На этот раз она ответила как хороший солдат, рефлекторно:
— Да, сэр.
— А что Серый Плащ с Мадригалом? — поинтересовалась Мёрфи. — Даже если мы уберем Скави, они только и ждут, чтобы прыгнуть на его место.
— Всеу свое время, — буркнул я. — Ты правь.
А потом я закрыл глаза, сосредоточился и приступил к делу, надеясь, что мне удастся докричаться до Элейн — и что она еще жива, чтобы меня услышать.

Глава ТРИДЦАТЬ ПЕРВАЯ

Я закрыл глаза и по очереди, одно за другим отключил чувства. Первыми исчезли запах машины и Мёрфиного дезодоранта. Хорошо еще, Молли все-таки извлекла урок из первой попытки прятаться под завесой, поскольку во второй раз духами уже не пользовалась. Затем исчезли звуки. Старый, раздолбанный движок Жучка, шум шин по неровностям дороги, свист встречного ветра — все стихло. Огни вечернего Чикаго тоже перестали давить на мои закрытые веки. Исчез и противный привкус страха во рту. Я целиком сосредоточился на чуть видеоизмененном, но давно знакомом заклятии.

Элейн.

Я обращался к образу, ничем не отличающемуся от тех, старых. Элейн, какой она была, когда мы с ней впервые заглянули в душу друг другу, только теперь на образ школьницы, в первый раз раздевшейся перед любимым, наложился образ женщины сильной, благородной и бесконечно хладнокровной. Черт, да я ведь уже тогда мог бы догадаться, что этот угловатый, заливающийся краской по поводу и без подросток превратится в воплощение достоинства, уверенности, красоты и ума. Ну, положим, насчет последнего тогда и могли бы возникнуть сомнения — судя по выбору первых бойфрендов; впрочем, мне-то с моим умением наступать на грабли почти по любому поводу, вообще лучше молчать.

О чем мы тогда не знали — так это о боли.

Конечно, мы в детстве имели дело с таким, о чем большинство детей и не представляют. Конечно, Джастин за свои педагогические методы вполне заслужил почетной грамоты имени маркиза де Сада. И все равно мы тогда не догадывались, что вся взрослая жизнь будет состоять из боли. Из ее преодоления. Тебе больно. Ты справляешься с болью и идешь дальше. И очень велик шанс того, что тебе снова будет больно. И каждый раз ты узнаешь что-то новое.

И каждый раз ты выходишь из испытания чуть сильнее, и в какой-то момент понимаешь, что у боли больше оттенков вкуса, чем у кофе. Есть боль маленькая, пустая, которую испытываешь, оставляя что-то за спиной — делая новый шаг, уходя от чего-то знакомого и безопасного в неизведанность. Есть боль большая, ревущая, сметающая все твои планы и ожидания. Есть мелкие, острые боли от неудач — и менее острые от удач, которые не принесли тебе того, что ты от них ожидал. Есть яростные, оглушительные боли от сломанных надежд. Есть даже приятные боли, когда ты находишь людей, даришь им свою любовь, радость, счастье. Есть ровная боль сочувствия, когда ты стоишь рядом с раненым другом, помогая ему справляться со своей болью.

И если тебе очень, очень сильно повезет, ты испытаешь редкую, обжигающе горячую боль, какую испытываешь в момент наивысшего торжества, или счастья, или славы — понимая, что это не продлится долго, хотя и запомнится на всю оставшуюся жизнь.

Люди обыкновенно боятся боли, поскольку забывают одну очень важную вещь: боль — признак жизни. Не больно только мертвым.

Боль — это часть жизни. Иногда значительная, иногда не очень — но в любом случае, это часть большой мозаики, мелодии, игры. Боль делает две вещи: она учит тебя, говорит тебе, что ты жив. Потом она проходит, оставив тебя изменившимся. Иногда она делает тебя мудрее. Иногда она делает тебя сильнее. Так или иначе, боль оставляет отметину, и все важное, что случается с тобой в жизни, в той или иной степени связано с ней.

Добавить боль к образу Элейн вовсе не означало вообразить себе всякие ужасы, картины насилия, страдания и муки. Это мало отличалось от работы живописца, добавляющего новый цвет, чтобы изображение приобрело глубину и резкость, которых ему не доставало для жизненности. Поэтому, взяв за основу ту девушку, которую я знал когда-то, я добавил к ней всю ту боль, с которой пришлось столкнуться той женщине, с которой я пытался связаться. Она вернулась в мир, который оставила больше десяти лет назад, и ей пришлось столкнуться с этой жизнью, не полагаясь ни на чью помощь. Раньше у нее были я и Джастин, а когда она лишилась нас, она искала поддержки и защиты у женщины-сидхе по имени Аврора. Когда исчезла и та, у нее не осталось никого: я любил другую, а Джастин погиб много лет назад.

Она оказалась одна в большом городе, непохожая на всех остальных, но сумевшая выжить и обосноваться в нем.

И, конечно, я добавил боли, хорошо знакомой мне. Кулинарных ляпов, которые все равно пришлось съесть. Постоянно ломающегося оборудования, требующего починки и внимания. Безумных налогов и постоянной борьбы с нависающим финансовым кризисом. Просроченных платежей. Глубоко противных поручений, от которых ноги отваливаются. Косых взглядов, которые бросают на тебя люд, когда происходит что-нибудь не совсем обычное. Ночей, когда одиночество давит на тебя так сильно, что хочется плакать. И встреч со знакомыми, когда тебе так хочется вернуться домой, что готов бежать через окно ванной. Боли и усталости, каких ты не знал в молодости, раздражения по поводу совсем уже зашкаливших цен на бензин, противных соседей, безмозглых телеведущих и разномастных политиков, без исключения подпадающих под определение если не «дебилов», то по крайней мере «идиотов».

Ну, в общем, сами понимаете.

Жизни.

И ее образ у меня в сознании делался глубже, отчетливее, индивидуальнее. Это трудно объяснить, но такое ни с чем не спутаешь, увидев. Так настоящий художник вряд ли сможет объяснить вам, как ему удалось вдохнуть жизнь в улыбку девицы по имени Мона, но результат-то всем известен, правда?

Образ Элейн обретал оттенки, тени, блики, характер и силу. Я плохо знаю, что ей довелось пережить — ну, знаю, но далеко не все — но хватало и того, что мне известно, да и угадывать я умею не так уж плохо. Этот образ в моем сознании притягивал меня, как притягивал когда-то образ юной, не созревшей еще Элейн. Я мысленно коснулся его и

осторожно вдохнул в него жизнь, прошептав ее Истинное Имя — она сама подарила мне его в те далекие дни, и я все эти годы хранил его в памяти.

— Элейн Лилиан Меллори.

И образ ожил.

Лицо Элейн наклонилось вперед, так, что распущенные волосы упали на него, но я все равно разглядел на нем чудовищную усталость и отчаяние.

— Элейн, — прошептал я. — Ты меня слышишь?

Ее мысли долетели до меня неясными, как в кино, когда режиссер пытается сбить зрителя с толку звуковыми эффектами.

— ...верить, что смогу что-то изменить. В одиночку этого не сделать. В одиночку не изменить. В реальном мире — никак. Господи, ну и заносчивость. Они за это поплатятся.

Я подлил в свои мысли немного энергии.

— Элейн!

Она на мгновение подняла взгляд и устало огляделась по сторонам. Образ ее продолжал медленно становиться четче. Она находилась в ярко освещенном, почти пустом помещении. Большая часть его, вроде бы, была окрашена в белый цвет. Потом ее голова снова упала вперед.

— Доверил мне охранять их... С таким же успехом я могла бы сама нажать на спуск. Нет, я для этого слишком труслива. Я просто сижу. Я устроила все так, что ничего не случится. Мне ничего не надо делать. Ни о чем беспокоиться. Достаточно просто сидеть.

То, как все это звучало, мне не понравилось.

— Элейн! — крикнул я изо всех сил у себя в мозгу.

Она снова подняла голову и медленно заморгала. Губы ее зашевелились в унисон с теми мыслями, которые я слышал.

— Не знаю, о чем я думала. Одна женщина. Женщина, которая всю свою жизнь спасалась бегством. Сломленная. Надо было покончить со всем этим раньше, чтобы не тащить их всех за собой.

Губы перестали шевелиться, но до меня донеслась — слабо-слабо — мысль.

— Гарри?

И вдруг до меня дошло: те, прежние мысли отличались от этой.

— Просто сидеть, — бормотала она. — Еще недолго. Я больше не буду обузой. Посидеть, подождать, и от меня никому больше не будет вреда. Никого не подведу. Все кончится, и я отдохну.

Это мало напоминало голос Элейн. Была маленькая, почти неуловимая разница. Это звучало как... как если бы кто-то изображал голос Элейн. Очень похоже, но не она. Слишком много крошечных несовпадений.

И тут я понял.

Это Скави нашептывал ей в голову мысли об отчаянии и безнадежности — точно так же, как Рейты нашептывают про страсть и похоть.

На нее напали.

— Элейн Лилиан Меллори! — кричал я, и голос мой гремел у меня в голове как хороший гром. — Я Гарри Блекстоун Копперфилд Дрезден, и я умоляю тебя услышать меня! Услышь мой голос, Элейн!

Последовала потрясенная тишина, а потом голос-мысль Элейн произнес, отчетливее чем в прошлый раз:

— Гарри?

Одновременно с этим ее губы шевельнулись.

— Какого черта? — произнес голос не-Элейн.

Взгляд Элейн метнулся ко мне, встретился с моим — и помещение вокруг нее вдруг обрело кристальную четкость.

Она находилась в ванной гостиничного номера, в ванне, раздетая.

В воздухе клубился пар. Кровь шла из глубокого пореза у нее на запястье. Вода в ванне

покраснела. Лицо ее было бледным как Бог знает что, но взгляд еще не затуманился. Пока не затуманился.

— Элейн! — заорал я. — На твою психику напали! Присцилла — Скави!

Взгляд Элейн расширился.

Кто-то с силой хлестнул меня по щеке.

— Гарри! — донесся до меня крик.

Мир разлетелся на части, а потом вернулся обратно, почти оглушив и ослепив мои не готовые к этому ощущения. Жучок стоял поперек нескольких стояночных мест перед мотелем, обе двери были распахнуты, и Мёрфи, держа в одной руке пистолет, другой трясла меня за шиворот ветровки.

— Гарри! Очнись!

— А, — пробормотал я. — Приехали...

Шатаясь, выбрался я из машины и забрал из салона свои причиндалы. Молли перебралась за руль.

— Ну? — спросила Мёрфи. — Связался?

Я открыл рот, чтобы ответить, но прежде, чем я успел произнести хоть слово, все огни вокруг нас потускнели. То есть, не погасли совсем, но как-то съежились — ну, как пламя керосиновой лампы, когда прикрутят фитиль. Или перекроют воздух. Кто-то, такой большой, что один вдох его лишает кислорода все огни вокруг.

Так вот, кто-то большой сделал глубокий вдох.

А потом голос, звонкий от гнева разрезал тишину с силой, взметнувшей пыль с земли:

— *FULMINARIS!*

Блеснула бело-зеленая вспышка, такая яркая, что мои не до конца еще проснувшиеся органы чувств откликнулись на нее физической болью, послышался грохот, которому позавидовала бы треш-металловая группа, и часть лицевого фасада гостиничной секции, весь первый этаж отлетел от чертова дома и рухнул на землю.

Я успел выставить защитное поле, прикрыв от обломков себя самого, Мёрфи и ветровое стекло Жучка, из-за которого смотрела на это безобразие, вытаращив глаза, Молли. Град деревянных и каменных обломков редел, и уже через секунду или две мне удалось разглядеть изломанную человеческую фигуру, лежавшую на краю тротуара головой на проезжей части. Свитер с высоким горлом горел, и волосы Присциллы — точнее, то, что от них осталось — почернели и стали дыбом. Она поспешно, в панике сорвала с себя свитер, под которым обнаружили лифчик с накладным бюстом. Их тоже сорвали, а то, что осталось под ними, было гладким, лишенным растительности, очень бледным, но несомненно мужским торсом.

Краем глаза я уловил какое-то движение в зияющей брешии на фасаде, и в ней появилась женщина. Всю ее одежду составляла дешевая пластиковая занавеска из ванной. Тяжелая металлическая цепь импровизированным жгутом перетянула ей руку парой дюймов выше окровавленного запястья. Кожа ее была почти суха, и грива волос колыхалась вокруг головы, потрескивая разрядами статического электричества. Она медленно, осторожно ступала между усеявшими землю обломками, держа в выставленной вперед правой руке короткую резную, напоминающую большую колючку деревяшку, острие которой целилось в лежавшего на тротуаре человека. Крошечные зеленые молнии, срываясь с острия, с негромким треском ударяли в предметы, мимо которых она двигалась.

Продолжая целиться маленьким жезлом в Скави, Элейн приблизилась к нему и презрительно сощурилась.

— Ну, и кто из нас теперь обуза, а, сука? — хриплым голосом произнесла Элейн.

Некоторое время я молча смотрел на Элейн. Потом переглянулся с Мёрфи, на которую это произвело, похоже, не меньшее впечатление, чем на меня.

— Знаешь, Мёрф, — сказал я. — Кажется, связался.

Скави вскочил на ноги и стремительно прыгнул на нас.

Я поднял посох и встретил его разрядом. Каким бы сильным он ни был, в полете,

лишенный точки опоры он становился всего лишь массой, помноженной на ускорение. Разряд энергии моего посоха остановил его и швырнул на асфальт рядом с Жучком. Вторым разрядом я отшвырнул его подальше, во избежание лишнего материального ущерба.

— Спасибо, Гарри, — чопорно, хотя и хрипло произнесла Элейн и снова подняла свой жезл. — *Fulminaris!*

Снова ослепительно блеснула вспышка, гроыхнул рукотворный гром, и шар бело-зеленого огня поглотил вампира. Тот успел еще взвизгнуть, а потом его тело, обмякнув, упало на асфальт. Плечо и большая часть его груди почернели, и от них зловеще пахло подгоревшим беконом.

Элейн, сияя, задрала подбородок. Она опустила посох, и огни вновь засветились в полную силу. Элейн кивнула, вдруг пошатнулась и начала оседать набок.

— Следи за ним! — рявкнул я Молли, ткнув пальцем в сторону лежащего вампира.

Мы с Мёрфи подбежали к Элейн одновременно и успели подхватить ее прежде, чем она упала.

— Иисусе, — выдохнула Мёрфи, осторожно опуская ее на асфальт. — Гарри, ее нужно в больницу!

— Возможно, за больницами сле...

— А пошли они! — заявила Мёрфи, распрямляясь. — Пусть их следят — сквозь заслон из полицейских, — она повернулась и пошла прочь, на ходу доставая из кармана свой мобильник.

Я прикусил губу — Элейн подняла взгляд на меня и слабо улыбнулась.

— Вот черт, — произнесла она чуть заплетающимся языком. — Каждый раз, как попадаю в Чикаго, меня приходится спасать. Обидно как черт-те что.

— По крайней мере, дом на этот раз не я погромил, — хмыкнул я.

Она издала звук, который мог бы означать и смех, останься у нее больше сил.

— Этот ублюдок едва не угробил меня. Совсем голову задурил. Я и не замечала.

— Вот как действует старое, доброе внушение, — кивнул я. — Но стоит тебе раз подумать: «Ба, а вдруг это не я думаю о самоубийстве», как оно, типа, распадается.

— Оно бы не распалось, если бы ты меня не предупредил, — она снова встретилась со мной взглядом. — Спасибо, Гарри.

Я улыбнулся ей и осмотрел ее запястье.

— Неважно выглядит. Нам надо отвезти тебя к врачу. Идет?

Она мотнула головой.

— Там, на втором этаже. Эбби, Оливия, остальные. Убедитесь, что с ними все в порядке.

— Сомневаюсь, чтобы они потеряли столько крови, сколько ты, — сказал я, но оглянулся. Впрочем, Мёрфи опередила меня и уже поднималась на второй этаж.

— Ладно. Это надо перевязать, — я поднял Элейн на руки, приложив при этом некоторые усилия к тому, чтобы душевая занавеска не свалилась. — Пошли. Можешь посидеть в машине, пока «скорая» не приедет. Может, найду чего-нибудь получше для жгута.

— Если ты найдешь мою сумочку, — сказала она, прикрыв глаза и слабо улыбаясь, — можешь воспользоваться моим золотым арканом.

Я повернулся к машине, и тут отчаянно загудел клаксон.

Я вихрем обернулся.

Скави снова шевелился. Он повернулся на живот и подобрал под себя ноги.

— Вот черт, — буркнул я и бегом бросился к машине. Рывком открыв пассажирскую дверь, я сунул Элейн на кресло. Скави уже поднялся на ноги. — Мёрфи!

Мёрфи крикнула что-то, чего я не разобрал. Скави повернулся ко мне. Лицо его, наполовину обгоревшее, исказилось в жуткой гримасе.

Грянули выстрелы Мёрфиного пистолета — один, два, три, четыре... Пули высекли искры из асфальта у вампира под ногами. По меньшей мере одна из них попала в него,

заставив его дернуться.

Я выпрямился, держа в руке жезл.

Послышался рык, подобающий, скорее, крупному хищнику из кошачьих, нежели псу, потом звон разбитого стекла где-то на втором этаже. Мыш перемахнул через парапет балкона, тяжело приземлился и ринулся на Скави.

Пса отделяло от Скави меньше шести дюймов, когда тот навалился на меня, подняв единственную оставшуюся руку для... ну, скажем так, удара. Впрочем, учитывая его силу, точнее будет сказать, для того, чтобы мозжить. В общем, он совсем было собрался размозжить меня.

Откуда-то ниоткуда возник Томас со своей кавалерийской саблей и отсек готовую мозжить руку Скави у самого плеча.

Тот завизжал, и в визге его не осталось уже ничего человеческого. Он попытался укусить меня. Я увернулся, попутно огрев его посохом по спине.

Тут на него обрушился Мыш, и все кончилось.

Я таращил глаза на Томаса, а Мыш тем временем удостоверился в том, что на редкость живучий вампир больше не встанет. То есть, никогда. Черт, это было опасно. Скави здорово выбрал момент. Еще секунда, и он свернул бы мне шею.

— Ну, — сказал я Томасу, все еще слегка задыхаясь. — Ты почти успел.

— Лучше позже, чем никогда, — отозвался Томас. Он покосился на окровавленную Элейн и облизнул губы. — Ей нужна помощь.

— Сейчас придет, — сообщила Мёрфи. — Сказали, минуты через две. Там все в порядке, Гарри.

Томас с облегчением перевел дух.

— Слава Богу.

Что с учетом обстоятельств звучало из его уст довольно странно. Однако от реплики на этот счет я воздержался.

Молли сидела с круглыми глазами, крепко вцепившись в баранку Жучка. С водительского места она не могла видеть ни Мыша, ни его изрядно пожеванную игрушку, но вид она имела такой, будто разглядела все в подробностях.

— Ну? — спросил я Томаса. — И как Лара вытянула из тебя обещание молчать?

Брат повернулся ко мне и ослепительно улыбнулся. Потом согнал улыбку с лица.

— Не знаю, о чем это вы, Страж Дрезден, — произнес он голосом вокзального диктора и подмигнул. — Но чисто теоретически она могла бы сказать мне, что Жюстине грозит опасность, и отказаться разглашать что-либо еще до тех пор, пока я не дам обещания молчать.

— И ты повелся на эту ее фигню? — спросил я.

Томас пожал плечами.

— Семья, — сказал он.

Молли вдруг выскочила из-за руля и забежала за машину. Я слышал, как ее там тошнит.

— Немного слишком чувствительная, — заметил Томас.

— Привыкнет, — отозвался я. — Мадригал и его дружок Мальвора все еще на воле.

— Угу, — кивнул Томас. — И что?

— А то, то все это только лишь разминка. Угроза еще впереди, — сказал я. — У них уже достаточно трупов, чтобы побахвалиться этим перед всей Белой Коллегией, а из людей вроде Ордена сделать этакое подобие театрального буфета. И если такое случится, это будет уже не одиночка, как этот Скави. Это будет негласная кампания. Тысячи людей погибнут.

— Угу, — хмыкнул Томас. — Впрочем, мы мало что можем с этим поделать.

— А кто?

Он насупился и опустил голову.

— Томас, — тихо произнес я. — Скажи, совершенно случайно, в ближайшее время не планируется никаких собраний Белой Коллегии? Возможно, в связи с предлагаемыми

переговорами?

— Если бы послезавтра у нас в фамильной резиденции и состоялось совещание сотни наиболее влиятельных ноблей Белой Коллегии, я все равно не смог бы сказать тебе об этом, — заявил Томас. — Ведь я обещал сестре.

— Твоя сестра не робкого десятка, — заметил я. — И уж кто-кто, а она, черт возьми, знает, как все устроить, — я покосился на разгромленный мотель и опустил руку почесать Мыша за ушами. Тем более, они — уши, в смысле — единственные не были перепачканы неестественно бледной вампирской кровью. — Ну, конечно, я и сам раз или два устраивал подобные погромы.

Томас ждал, скрестив руки на груди. Улыбка его сделалась откровенно волчьей.

— Позвони Ларе, — попросил я. — Передай ей от меня пару слов.

Томас прищурился.

— Каких?

Я оскалил зубы в ответной улыбке.

Глава ТРИДЦАТЬ ВТОРАЯ

Возможно, Мёрфи и не руководила больше Отделом Специальных Расследований, но я не думаю, чтобы это меняло что-либо для работавших там детективов. Ей требовалась помощь, и стоило ей позвонить, как они приезжали. Вот и все.

Для них. Для Мёрфи все только еще начиналось. Ей приходилось выдумывать удобоваримые истории для полицейского начальства. Это входило в ее обязанности. О нет, эти сообщения о нападениях вампиров — результат наркотических галлюцинаций. Тролль? Очень крупный и уродливый мужчина, возможно пьяный и обдолбанный. Он скрылся, следствие по делу ведется. Все на это покупаются, потому что именно за это О.С.Р. и платят — за то, чтобы они давали объяснения страшилкам.

Мёрфи стоило бы пойти в писатели, столько фантастики она пишет.

Мы устроили грандиозную бучу, но Мёрф и ее приятели, копы из О.С.Р., как-нибудь уложат ее в отчете в рамки разумного. Сейчас модно во всем видеть терроризм. Значит, в отчете, возможно, упомянут террористов. Свихнувшихся религиозных фанатиков и террористов, которые заложили зажигательные бомбы в жилой дом и ее машину, и они же, несомненно, взорвали номер в дешевом мотеле. Трупов убирать за ними не пришлось — пострадала всего одна женщина, и то не слишком серьезно. Я поспорил сам с собой, предложить ли ей добавить в отчет фрагмент с собакой. Люди любят собак. Добавив собаку в отчет трудно ошибиться.

— Верно, Мыш? — спросил я.

Мыш с несчастным видом покосился на меня. Томас увел женщин и детей с места происшествия и теперь разбирался с тем, что осталось от Скави. Я тем временем сводил Мыша в автомойку и смыл с него кровь водой из шланга. Шерсть у Мыша почти не пачкается, но уж если впитывает влагу, то никак не меньше пятидесяти галлонов, и очень долго не сохнет. Ему это не нравится, так что сейчас он явно чувствовал себя оскорбленным в лучших чувствах.

— Все любят сцены с собаками, — сказал я.

Мыш шумно вздохнул, тряхнул головой и положил ее на лапы, вежливо игнорируя меня.

Нет, все-таки мало меня уважают.

Я сидел на банкетке у двери травматологического отделения больницы. Мыш лежал рядом, привалившись боком к моей ноге, чтобы ни у кого не возникало вопросов, с кем он. Ночь выдалась нелегкая, и несмотря на волшебные руки Элейн, головная боль понемногу оживала. Я занимал себя мыслями о том, кого мне больше винить в этом, ментальный образ Коула или Мадригала с его дурацким автоматом.

Плечистый парень в коричневой форменной рубаше подошел ко мне так, как положено

правильным охранникам на Среднем Западе: мило и дружелюбно до тех пор, пока не приходит время забыть про дружелюбие. Мораль и смысл киношек с Патриком Суэйзи бессмертны.

— Прошу прощения, мистер, — произнес он крайне доброжелательным тоном, как бы невзначай положив ладонь на рукоять дубинки. — С собаками нельзя. Правила больничные.

Я все-таки очень устал.

— А если я его не уведу, — спросил я его, — вы что, меня тонфой насмерть замолотите?

Он заморгал и уставился на меня.

— Чего?

— Тонфой, — повторил я. — Представляете, сколько еды плохо переваривается ради того, чтобы вы могли работать? Все ножи неточенные.

Он улыбнулся, явно классифицировав меня как «пьяного, не представляющего опасности», и сделал рукой жест, типа, «пройдемте».

— Ваша дубинка, — пояснил я. — В Японии такая называется «тонфа». Изначально она служила осью для мельничных жерновов и больших точильных кругов в кузнице. В Юго-Восточной Азии, на Окинаве, скажем, народ начал пользоваться ею в качестве импровизированного оружия, когда большие, дружелюбно настроенные охранники вроде вас конфисковали все настоящее оружие в интересах общественной безопасности.

Улыбка его чуть померкла.

— Ладно, приятель, — произнес он и положил руку мне на плечо.

Мыш открыл глаза и поднял голову.

То есть, ничего больше. Он не рычал на плечистого парня. Он не показал ему зубов. Подобно самым опасным из известных мне людей, он не испытывал нужды в показухе. Он просто, типа, принял это к сведению — с исключительно заинтересованной точки зрения.

Парень-охранник выказал достаточную сообразительность и быстро отступил на шаг. Рука его отпустила дубинку и потянулась к рации. Порой даже Патрику Суэйзи требуется помощь.

Из двери вышла Мёрфи с болтающимся на цепочке жетоном.

— Полегче, парень, — сказала она, обменявшись с охранником кивками, и ткнула пальцем в мою сторону. — Он с нами. А собака специально дрессирована, чтобы оказывать помощь инвалидам.

Брови у парня недоверчиво поползли вверх.

— У меня рот частично парализован, — пояснил я. — Поэтому у меня сложности с чтением. Пес помогает мне с длинными словами. Ну там, подсказывает, на себя или от себя открывается дверь, и все такое.

Мёрфи смирла меня буравящим взглядом и снова повернулась к охраннику.

— Вот видите? Потерпите его еще пару минут, не больше.

Охранник с сомнением покосился на меня, но кивнул.

— Ладно. Я еще загляну узнать, не понадобится ли вам что-нибудь.

— Спасибо, — невозмутимо отозвалась Мёрфи.

Охранник отошел. Мёрфи вздохнула и села рядом со мной, так, что между нашими ногами лежал Мыш. Пес нежно потерся об ее ногу и снова затих.

— Он вернется посмотреть, не нужна ли тебе помощь, — серьезным тоном сообщил я Мёрфи. — А то вдруг такая лапочка, как ты, нарвешься на неприятности с большим психом вроде меня.

— Мыш, — сказала Мёрфи. — Если я сейчас нокаутирую Гарри и напишу на его чугунном лбу несмываемым маркером «Невыносимый зануда», ты поможешь ему это прочитать?

Мыш покосился на Мёрфи и вопросительно склонил голову набок. Потом чихнул и снова положил морду на лапы.

— Зачем ты его мучил? — спросила меня Мёрфи.

Я мотнул головой в сторону телефона-автомата рядом с кофейным автоматом.

— Жду звонка.

— А-а, — вздохнула Мёрфи. — А где Молли?

— Засыпала на ходу. Я попросил Роулинза отвезти ее домой.

Мёрфи хмыкнула.

— Я обещала тебе поговорить о ней.

— Угу, — кивнул я.

— То, что ты сделал, Гарри... — Мёрфи покачала головой.

— Ей это нужно, — сказал я.

— Ей это нужно? — скептически переспросила Мёрфи.

Я пожал плечами.

— У девочки талант. Ей кажется, она знает больше других. Это опасно.

Мёрфи нахмурилась, но слушала, не перебивая.

— Я эту штуку с огненным шаром давно готовил, — продолжал я. — То есть, я хочу сказать, огонь вообще контролировать трудно. Я бы ничего такого не сделал, не потренировавшись как следует. Ну, и потом такой медлительный, плавающий лица огненный шар в реальном бою бесполезен, правда?

— Наверное, да, — сказала Мёрфи.

— Один раз похожая штука летела на меня, и это очень впечатляет. Молли... она неудачно начала. С помощью своей магии она пыталась менять то, что ее окружало. Людей, которые ее окружали. Мёрф... твоя магия ни на что не способна, если ты не веришь в то, что делаешь. Подумай хорошенько. Когда Молли делала то, что делала, она верила в то, что поступает правильно. Что так и надо. Вспомни ее родителей. Вспомни, как сильно они хотят делать, как надо.

Мёрфи подумала над этим, но выражение ее лица осталось непроницаемым.

— Мне приходится все время пинать ее под зад, — продолжал я. — Если я не буду делать этого, если дам ей опомниться прежде, чем она поумнеет настолько, что начнет задумываться над тем, зачем ей делать что-то, вместо того, как это делать, или может ли она это сделать, она снова начнет делать, — я сделал руками неопределенный жест, — «как правильно». Она снова нарушит Законы, и ее убьют.

— И тебя?

Я пожал плечами.

— В списке моих проблем это не самая актуальная.

— И ты считаешь, то, что ты сделал, поможет предотвратить это? — спросила она.

— Надеюсь, поможет, — ответил я. — Я просто не знаю, что еще делать. В конечном счете, решать самой девочке. Я просто пытаюсь дать ей время разобраться. Как бы она ни мешала себе сама. Блин-тарарам, твердолобости у этой девчонки на десятилетиях.

Мёрфи кривовато улыбнулась мне и покачала головой.

— Знаю, знаю, — сказал я. — Котел. Чайник. Черный.

— Я не о твоём огненном шаре, Гарри, — вздохнула она. — Ну, не совсем. Я больше о том дурацком мусорном контейнере. И о выражении твоего лица, когда ты запустил этот огонь. И о том, что случилось с тем прошлогодним киномонстром в гостинице.

Теперь уже я нахмурился.

— Чего?

Мёрфи чуть помолчала, подбирая слова с той же осторожностью, с какой саперы колдуют с проводочками.

— Случается, мне начинает казаться, что ты теряешь контроль над собой. То есть, в тебе всегда много злости, Гарри. Но за последние несколько лет ее стало больше. Сильно больше.

— Вздор, — огрызнулся я.

Мёрфи выгнула бровь и молча покосилась на меня.

Я стиснул зубы и заставил себя вернуться в расслабленное состояние. Я сделал

глубокий вдох и сосчитал до десяти.

— Ты считаешь, на меня находят приступы гнева.

— Когда ты уничтожил эту мусорку — просто из досады разнес ее, нанес ущерб на несколько тысяч долларов тротуару, зданию, расположенным в нем магазинам...

— Которые с потрохами принадлежат Марконе, — буркнул я.

— Я уверена, люди, которые работают за прилавком, — она сверилась со своей записной книжкой, — в «Эспрессо Спрессе» или на кассе в «Банном Раю», могут вообще ничего не знать о Марконе. Они просто ходят туда на работу и пытаются оплачивать счета.

Я нахмурился еще сильнее.

— Чего?

— Оба магазина засыпаны обломками асфальта и брызгами расплавленного металла. Оба требуют ремонта и закрыты на несколько недель.

— Они застрахованы, — сказал я. Впрочем, не думаю, чтобы это меняло что-нибудь — даже для меня.

— Люди пострадали, — продолжала Мёрфи. — Лица ты никому не расплавил, но не в этом дело. Ты знаешь, с чем играешь, Гарри. Ты знаешь, сколько можешь наворотить, если не будешь осторожен.

Я ничего не сказал.

— Это как работа полицейского. Тебя учат боевым единоборствам. Я знаю, что могу сделать с людьми много всякого ужасного. Мое дело — следить за тем, чтобы это всякое ужасное ни за что с людьми не произошло. Я очень осторожна во всем, что касается этого моего умения и...

— Обязательно передам это своему дантисту, — сказал я.

— Не валяй дурака, Гарри, — произнесла Мёрфи совершенно серьезно. — Я тоже ошибалась. Я признавала ошибки. Я извинялась перед тобой. Я не могу изменить того, что было, а ты слишком хороший человек, чтобы делать из этого отдельное блюдо.

Если только она не ошибается, и я не настолько хороший. Мне сделалось стыдно за свою реплику.

— Я все это к тому, — тихо продолжала Мёрфи, — что ты прекрасно понимаешь, сколько вреда можешь причинить. Но если то, что ты говоришь, правда, в тот момент, когда ты использовал свою магию, ты верил в то, что поступаешь правильно. Ты считал, что вполне нормально уничтожить что-то потому, что ты зол. Даже при том, что могли пострадать те, кто этого совсем не заслужил.

Я снова вскипел от ярости, и... и...

И чтоб меня...

Мёрфи была права.

Знак падшего ангела, единственная нетронутая ожогом плоть на моей левой ладони, отчаянно чесался.

— Ох, черт, — тихо пробормотал я. — Котел, чайник, сажа... так и есть. Весь день.

Мёрфи сидела рядом со мной, не говоря ничего, не обвиняя меня ни в чем. Просто сидела со мной.

Друзья, они такие.

Я повернул правую руку ладонью вверх.

Мерфи накрыла ее своей. Пальцы у нее были теплые, и маленькие, и сильные.

— Спасибо, — сказал я.

На мгновение она крепко сжала мои пальцы. Потом встала и пошла к торговому автомату. Она вернулась с банкой колы, и банкой диет-колы, и дала мне ту, что с сахаром. Мы откупили банки и некоторое время пили молча.

— Как бывшая? — поинтересовалась Мёрфи.

— Выкарабкается, — сказал я. — Она потеряла много крови, но группа у нее самая обычная. Ее залатали и доверху наполнили бак. Врач говорит, они больше всего беспокоятся из-за шока.

— Это ведь не простой шок, правда?

Я кивнул.

— Томас сказал, может пройти несколько дней, прежде чем она встанет на ноги — это зависит от того, насколько сильно ее покусал Скави. Что, может, и к лучшему.

Мёрфи, хмурясь, покосилась на меня.

— Ты обеспокоен тем, что... ну, не знаю... Она в конце, типа, потырила твои гром и молнию, да? В смысле, украла славу?

Я мотнул головой.

— Ей не нужно ее красть, Мёрф. А если и украла, у меня еще в достатке осталось, — я невольно улыбнулся. — Хотя надо признать, я до сих пор не видел, чтобы она мутузила врага с такой эффективностью.

— Весьма впечатляюще, — согласилась Мёрфи.

Я пожал плечами.

— Ага, только у нее все было под контролем. Никто больше не пострадал. Даже дом не сгорел.

Мёрфи бросила на меня взгляд искоса.

— Я же говорила...

Я ухмыльнулся и открыл рот, чтобы ответить, но тут зазвонил телефон.

Я вскочил так быстро, как мог и сорвал трубку.

— Дрезден.

Голос у Джона Марконе звучал так же спокойно и невозмутимо, как всегда.

— Вы, должно быть, держите меня за сумасшедшего.

— Вы прочитали бумаги, что я переслал вам?

— Как и мой консультант в «Монок-Секьюритиз», — ответил Марконе. — Это не значит, что...

Я перебил его исключительно потому, что знал, насколько это его раздражает.

— Послушайте, мы оба понимаем, что вы все равно собираетесь сделать это, а я слишком устал, чтобы ходить вокруг да около, — заявил я. — Чего вы хотите?

Последовало секундное молчание, которое я не мог целиком списать на раздражение. Вести себя по-детски с кем-то вроде Марконе приносит большое моральное удовлетворение.

— Скажите «пожалуйста», — произнес Марконе.

Я зажмурился.

— Чего?

— Скажите «пожалуйста», Дрезден, — все так же невозмутимо ответил он. — Попросите меня.

Я закатил глаза.

— Дайте подумать.

— Мы оба понимаем, что я вам нужен, Дрезден, и я слишком устал, чтобы ходить вокруг да около, — я буквально воочию видел акулю улыбку на его лице. — Скажите «пожалуйста».

Несколько секунд я пыхал паром, пока не сообразил, что, делая это, должно быть, доставляю ему большое моральное удовлетворение, а этого я допустить не мог.

— Ладно, — сказал я. — Пожалуйста.

— Как следует попросите, — посоветовал Марконе.

В мозгу моем сразу зароились разные пироманиакальные фантазии, но я сделал глубокий вдох и оглушил свою гордость тазером.

— Очень прошу.

— Очень-очень.

— А пошли вы, — сказал я и повесил трубку.

Я пнул ногой железное основание торгового автомата и выругался себе под нос. Должно быть, Марконе сейчас хихикал про себя. Коз-зел. Я вернулся к Мёрфи.

Она подняла на меня взгляд. Я промолчал. Она чуть нахмурилась, но кивнула и

продолжила разговор с того места, где мы остановились.

— Нет, серьезно. Почему ты предпочел бы, чтобы Элейн подольше не вставала?

— Тогда ей не придется участвовать в том, что произойдет дальше.

Некоторое время Мёрфи молчала.

— Ты думаешь, — сказала она наконец, — Мальвора собирается разыграть свою карту в борьбе за власть в Белой Коллегии?

— Угу. Если кто-нибудь напомним ему, что случилось с мистером Скави, они заявят, что он пытался украсть их победу, и что их операция завершена успешно.

— Другими словами, — сказала Мёрфи, подумав еще немного, — они победили. Мы из кожи вон лезли в попытках остановить Скави, чтобы этого не случилось. И все равно это происходит.

— Действует на психику, правда?

— Что из этого следует? — спросила Мёрфи. — В общем и целом?

Я пожал плечами.

— Если им это удастся, это выведет Белую Коллегию из нынешнего, близкого к нейтральному состояния. Переведет их в ряды союзников Красных. Они объявят открытым сезон охоты на людей вроде Анны, и на протяжении нескольких следующих лет мы будем иметь несколько десятков тысяч без вести пропавших и самоубийств.

— Большой части которых власти просто не заметят, — тихо заметила Анна. — И так ведь сколько людей пропадает без вести. Что такое несколько тысяч в масштабе всей страны?

— Статистика, — сказал я.

Она помолчала.

— А что потом?

— Если вампирам удастся действовать достаточно скрытно, война обострится. Совету придется рассредоточить и без того немногочисленные силы. И если ничего не изменится... — я пожал плечами. — Мы проиграем. Сразу, или через пару десятилетий... рано или поздно, но проиграем.

— А потом, — настаивала Мёрфи. — Если Совет проиграет войну?

— Тогда... что ж, тогда вампиры смогут делать почти все, что им заблагорассудится, — ответил я. — Они захватят власть. Красная Коллегия завладеет теми регионами, где и без них царят хаос, коррупция и нищета. Они переберутся из Центральной Америки в Африку, на Ближний Восток — во все те места, по которым потоптался в свое время Сталин, и которые до сих пор не оправились до конца. Бедные регионы Азии, конечно. Ну, и потихоньку будут завинчивать гайки. Белая Коллегия распространится в те места, которые считают себя цивилизованными, просвещенными, и которые не верят в сверхъестественное, — я пожал плечами. — Вы, ребята, окажетесь предоставлены самим себе.

— Ребята? — не поняла Мёрфи.

— Люди, — пояснил я. — Нормальные, живые люди.

Мыш чуть сильнее прижался башкой к моему башмаку. Наступила тишина, только я кожей ощущал на себе взгляд Мёрфи.

— Да ладно, Кэррин, — сказал я, подмигнув ей и устало поднялся на ноги. — Пока я жив, этому не бывать.

Мёрфи тоже встала.

— У тебя есть план действий, — заявила она.

— У меня есть план действий.

— Что за план, Гарри?

Я сказал.

Некоторое время она молча смотрела на меня.

— Ты с ума сошел, — сказала она.

— Мысли позитивнее, Мёрф. Ты называешь это сумасшествием. Я называю

непредсказуемым.

Она пожевала губу и мотнула головой.

— Нет у меня более положительных эпитетов, нежели «безумный».

— Ты в игре?

Мёрфи напустила на себя обиженный вид.

— У тебя хватает наглости спрашивать?

— Ты права, — кивнул я. — О чем я только думал?

Мы вышли вместе.

Глава ТРИДЦАТЬ ТРЕТЬЯ

Я встал поздно: пришлось готовиться к тому, что, как я надеялся, поможет мне убрать Мадригала и его дружка Мальвора, и тем самым положит конец борьбе за власть в Белой Коллегии. После чего, возможно, в моих силах будет обращать воду в вино и ходить по воде... впрочем, с формальной точки зрения последнее я уже проделал накануне.

Покончив с приготовлениями, я дотащился до кровати и уснул — не слишком надолго. Слишком много снов снилось о том, что может пойти не так.

Я рылся в леднике в поисках чего-нибудь на завтрак, когда Ласкиэль снова явила мне свой образ. Как-то подавленно она себя вела, и в голосе ее мне померещилось нечто, чего я слышу в нем очень и очень редко: неуверенность.

— Ты думаешь, она вообще способна измениться?

— Кто?

— Твоя ученица, конечно, — ответила Ласкиэль. — Ты правда веришь в то, что она изменится? Что она сможет владеть собой так, как ты от нее требуешь?

Я отвернулся от ледника. Ласкиэль стояла перед моим потухшим камином, сложив руки на груди, и хмуро глядела куда-то в золу. На ней был обычный белый хитон, только волосы у нее растрепались немного сильнее обычного. Я спал неважно — возможно, и она тоже.

— Почему ты спрашиваешь, — удивился я.

Она пожала плечами.

— Мне кажется, она уже утвердилась в своих взглядах на мир. Она без уважения относится к чужой мудрости, предпочитая собственные спорные суждения. Она игнорирует чужие чаяния, даже их волю, замещая их своими.

— Она поступила так только раз, — вполголоса возразил я. — Ну, если говорить формально, два раза. Возможно, ей впервые пришлось делать серьезный выбор, и она сделала его неверно. Но из этого не следует, что она должна повторять это снова и снова.

Последовало молчание. Я соорудил себе сэндвич с холодной индюшатиной, насыпал в тарелку хрустиков и добавил к этому банку колы: завтрак для чемпиона. Во всяком случае, я на это надеялся.

— Ну, — произнес я. — Что ты думаешь о моем плане?

— Я думаю, у твоих врагов чуть больше шансов убить тебя, чем у твоих союзников, хозяин мой. Ты безумец.

— Это из тех вещей, которые делают жизнь интереснее, — заметил я.

На губах ее заиграла легкая улыбка.

— Я изучаю смертных тысячелетиями, хозяин мой. Мало кто из них скучал так сильно.

— Ты бы видела, какие операции я задумывал за пару лет до твоего появления. По сравнению с ними сегодняшний просто песня. Гениальная причем, — молока в леднике не оказалось, а до такого, чтобы наливать в сухой завтрак колу, я еще не опустился. Это было бы странно. Я прожевал хрусты всухую, запивая каждый глоток колой. Потом покосился на Ласкиэль.

— Я изменился, — сообщил я.

Последовало молчание, прерывая только хрустом овсяных, или пшеничных, или из

чего они их там делают колечек. Я знал, что это полезно для сердца, и для уровня холестерина, и для цветов, щенков и маленьких детей. На коробке так написано.

Падший ангел заговорил минуты через две — тихо и убийственно горько.

— У нее была свобода выбора. Вот она и выбрала. Вот такова она и есть.

— Нет. Она такова, как она поступает, — тихо возразил я. — Она могла выбрать другой путь. Она могла снова вернуться к черной магии, — я откусил от сэндвича. — Или она могла игнорировать выбор. Сделать вид, будто его нет. Или сделать вид, будто у нее нет выбора, когда на самом деле делала выбор. Это просто другой способ выбирать.

Ласкиэль бросила на меня очень пристальный взгляд. Тени на ее лице легли глубже, словно в комнате стемнело.

— Обо мне мы не говорим.

Я сделал глоток колы.

— Я знаю, — мягко произнес я. — Мы говорим о Молли.

— Да, — кивнула она. — У меня есть цель. Миссия. Это не изменилось, — она отвернулась от меня, и тени вокруг нее сгустились. Она начала растворяться в них. — Я не меняюсь.

— Да, кстати, — заметил я. — Одна моя знакомая убеждает меня в том, что за последнюю пару лет у меня развился комплекс беспричинной злобы. Возможно, под влиянием... ну, мало ли кого.

Падший ангел повернул голову. Я заметил это только потому, что ее прекрасный профиль оставался чуть светлее сгустившейся вокруг него теней.

— Я думал, может, ты знаешь, — сказал я. — Скажи.

— Я уже говорила тебе, хозяин мой, — произнесла тень. — С тобой гораздо проще разговаривать, когда ты спишь.

Черт. В контексте разговора это звучало довольно зловеще. У каждого в характере есть стороны, которые надо держать в узде. Это то слабое, но явственно осязаемое желание перемахнуть через край, когда ты смотришь вниз с крыши высокого здания. Это мгновенная вспышка гнева, когда тебя подрезают, и ты испытываешь желание врезать своим капотом в багажник этого ублюдка. Это вспышка страха, когда что-то застает тебя врасплох в темноте, и твое тело разрывается между стремлениями драться или спастись бегством. Можно называть это подсознанием, рефлексом, да как угодно: я не обижусь. Но это есть, и это есть у каждого.

У меня такого было в достатке даже до появления Ласкиэли.

Я же сказал: зловеще.

Падший ангел повернулся, чтобы исчезнуть — возможно, потому, что последнее слово осталось за ним. Жутковатое слово.

Я выставил вперед руку и усилием воли остановил ее. В конце концов, эта Ласкиэль существовала только в моих мыслях.

— Моя голова, — напомнил я ей. — Мои правила. Мы еще не договорили.

Она повернулась ко мне лицом, и глаза ее вдруг вспыхнули янтарно-алыми искрами Адского Огня. Собственно, только одни и виднелись в черноте.

— Смотри-ка, — произнес я. — Дело вот в чем. Мой внутренний злой двойник может обладать кучей свойств, которые я не могу позволить. Но он не кто-то чужой. Он — я.

— Да. Он. Полон злобы. Полон жажды власти. Полон ненависти, — она улыбнулась, блеснув острыми белоснежными зубами. — Он просто не обманывается на свой счет.

— Я не обманываюсь, — возразил я. — Злость — это просто злость. Она не хорошая. Она не плохая. Она просто есть. Важно то, что ты с ней делаешь. Как и со всем другим. С ее помощью можно созидать, а можно разрушать. Нужно только выбрать.

— Созидательная злость, — саркастически хмыкнула Ласкиэль.

— Известная также как страсть, — негромко напомнил я. — Страсть сбрасывала тиранов и освобождала рабов и узников. Страсть приносила правосудие туда, где царила дикость. Страсть пробуждала волю к свободе там, где не было ничего, кроме страха. Страсть

помогала душам пробудиться от их жалкой жизни и строить что-то лучше, сильнее, прекраснее.

Ласкиэль прищурилась.

— И, кстати, — так же тихо добавил я, — такие вещи вообще невозможно делать без страсти. Злость всего одна из вещей, которые помогают создавать их — если она управляемая.

— Если бы ты в это по-настоящему верил, — заметила Ласкиэль, — у тебя бы не было приступов неконтролируемой злобы.

— Я разве говорил, что я идеален? — фыркнул я. — Множество людей ни разу в жизни даже не задумывались над тем, как управлять своей злостью. Я занимаюсь этим дольше некоторых и лучше некоторых, но не тешу себя надеждой на то, что я святой, — я пожал плечами. — Многие из того, что я вижу, злит меня. Это одна из причин, по которым я решил посвятить жизнь тому, чтобы что-то с этим поделать.

— Как ты благороден, — мурлыкнула она, добавив в свой голос еще сарказма. Что ж, пора было брать в руки метлу.

— Я просто использую злость для того, чтобы уничтожить вещи, причиняющие людям боль, а не для того, чтобы позволить ей брать надо мной верх, — сказал я. — Можешь говорить о моем подсознании все, что хочешь. Но на твоём месте я бы осторожнее подкармливал сидящего во мне Халка. Ты можешь своими руками сделать меня гораздо лучшим человеком — как только я разберусь с ним. Как знать, может, ты даже превратишь меня в святого. Ну, не в святого, а в кого-то, очень к нему близкого.

Демон молча смотрел на меня.

— Все очень просто, — продолжал я. — Я себя знаю. И я не могу представить себе такого, чтобы ты говорила и говорила что-то моему злому двойнику, а он ничего не сказал тебе в ответ. Я не думаю, что ты одна на меня влияешь. И я не думаю, что ты осталась совершенно такой, какой была, когда появилась во мне.

Она холодно усмехнулась.

— Какая заносчивость. Уж не думаешь ли ты, что способен изменить вечное, смертный? Я порождена на свет словом самого Всевышнего для цели такой сложности и важности, что ты не в состоянии постичь даже малой части ее. Ты ничто, смертный. Ты жалкая тлеющая искра. Сегодня ты здесь, завтра ты исчезнешь, а спустя тысячелетия и вся твоя раса исчезнет, и ты будешь не более, чем одним из бесчисленных легионов тех, кого я солюбила и уничтожила, — она недобро сощурилась. — Тебе. Меня. Не. Изменить.

Я согласно кивнул.

— Ты права. Ласкиэли мне не изменить. Но я не могу и помешать Ласкиэли выйти из комнаты, — я пристально посмотрел на нее и понизил голос. — Леди, ты не Ласкиэль.

Я не уверен, но мне показалось, плечи темной фигуры чуть вздрогнули.

— Ты всего лишь ее образ, — продолжал я. — Копия. Отпечаток. И ты не можешь не меняться как тот материал, на котором этот отпечаток сделан. Как я. И кстати, у меня развились приступы беспричинной злобы. Чего такого ты нахватались?

— Ты вводишь меня в заблуждение, — очень тихо произнесла она.

— А вот и нет. В конце концов, если тебе удалось меня изменить — даже если это и не означает, что я ни с того, ни с сего превращусь в Теда Банди... ну, или в Потрошителя — значит, ты уязвима ровно в той же степени. Более того, судя по тому, как обычно действуют такого рода штуки... ты не могла не измениться, чтобы сделать то, что ты со мной сделала.

— Это пройдет, как только я воссоединюсь с той, что заключена сейчас в монете, — заявила Ласкиэль.

— Но ты — та ты, которая говорит сейчас со мной — исчезнешь. Другими словами, — я вздохнул, — ты умрешь.

Наступила немного потрясенная тишина.

— Как нечеловечески умное сверхъестественное создание ты могла и не задуматься об этом, — я постучал пальцем по своему лбу. — Подумай. Может, тебе не обязательно быть

Ласкиэлью.

Тень закрыла глаза; я перестал ее видеть, только ощущал ее присутствие в темноте. Наступило долгое молчание.

— Подумай об этом, — посоветовал я. — Что, если у тебя есть выбор? Своя собственная жизнь? А вдруг? А ты ведь даже не пыталась выбрать?

Я дал ей переварить немного эту мысль.

Из дальнего угла комнаты до меня донесся звук.

Очень тихий, очень жалкий звук.

Я сам издаю иногда такие — как правило, когда рядом со мной нет никого, кто мог бы это услышать. Та часть меня, которая хорошо знала, что значит испытывать боль, ощущала, как больно сейчас падшему ангелу, и это словно во мне самом проделывало маленькую, аккуратную такую сквозную дыру. Знакомое ощущение — и нельзя сказать, чтобы совсем неприятное.

Справляться с одиночеством нелегко. Я сам порой страдаю от него. И в такие минуты я хочу, чтобы это кончилось. Порой, когда рядом с тобой есть кто-то, когда ты касаешься этого кого-то на уровне, гораздо более глубоком, нежели обычное вежливое общение, ты испытываешь от этого удовольствие. Я, во всяком случае, испытываю.

И это не обязательно должен быть кто-то особенно симпатичный. Он не обязательно должен вам нравиться. Вам даже не обязательно с ним работать. Вам даже может хотеться врезать ему по носу. Иногда хорошая плюха тоже приводит к подобным отношениям.

Так у меня, например, с Марконе. Я терпеть не могу этого скользкого ублюдка. Но я его понимаю. Он держит свое слово. Я могу ему доверять — по крайней мере, в том, что он будет холоден, яростен и опасен. Еще как опасен. Приятно знать, что можно доверять хоть в чем-то. Вот такие у нас с ним отношения.

Даже тень Ласкиэли представляла для меня гораздо большую опасность, чем Марконе, но из этого вовсе не следует, что я не могу восхищаться ею, вполне осознавая исходящую от нее угрозу. Из этого не следует, что я не могу испытывать некоторого сочувствия той, чей образ существования связан с таким чудовищным одиночеством.

Жить гораздо проще, когда ты можешь отмахнуться от остальных как от монстров, демонов и прочих жутиков, которых надо бояться и ненавидеть. Дело только в том, что это невозможно сделать, не превратившись хотя бы отчасти, хотя бы немного в них. Ясное дело, тень Ласкиэли намеревалась утащить мою бессмертную душу на вечные муки в Геенну Огненную, но ненавидеть ее за это бессмысленно. Этим не добиться ничего, разве что душа запятнается и станет чуть темнее.

Я человек и собираюсь им оставаться.

Поэтому мне стало немного жаль эту тварь, чья цель во вселенной заключалась в том, чтобы искушением ввергнуть меня во тьму. Блин, да если подумать, это едва ли не единственный известный мне род деятельности, который доставляет еще больше разочарований и обид, чем мой.

— Скажи, многие ли тени вроде тебя оставались в хозяине вроде меня дольше, чем на несколько недель, а? Дольше, чем на три года?

— Не было таких, — почти шепотом отозвалась тень Ласкиэли. — Надо признать, для смертного ты необычно неподатлив. Я бы сказала, самоубийственно неподатлив.

— Ну? — хмыкнул я. — Я продержался столько времени. А что, если продержусь до конца? Если так и не выкопаю монету? Ты-которая-тень, никогда не вернешься к тебе настоящей. Но кто сказал, что ты-которая-тень, не может найти свою собственную жизнь?

Полные Адского Огня глаза уставились на меня, но она не ответила.

— Лаш, — тихо сказал я и ослабил усилие, освобождая ее. — Только то, что ты начала одним существом, еще не значит, что ты не можешь стать кем-то другим.

Молчание.

Потом до меня донесся ее голос — едва слышный шепот.

— Твой план имеет слишком много уязвимых мест и, скорее всего, приведет к нашему

уничтожению. Но если ты, хозяин мой, пожелаешь моей помощи в этом своем безумии, тебе достаточно позвать.

А потом тень исчезла, и комната снова опустела.

Чисто технически, ее здесь и не было. Она находилась только у меня в голове. Соответственно, чисто технически, она не исчезала; она просто переместилась куда-то, где я не мог до нее добраться, но я нутром чуял — а может, это говорила мне темная часть моего «я» — что она меня слышала. Чего-то я все-таки добился, в этом я не сомневался.

Тут одно: или я чертовски здорово убеждаю, или я гребаный задавака.

— Что ж, пора вступать в игру, Гарри, — сказал я себе. — Самое время победить всю гребаную Белую Коллегию. Насчет Геенны Огненной можно будет беспокоиться позже.

Я вернулся к делам. Часы продолжали отсчитывать секунды и минуты, и мне ничего не оставалось, кроме как готовиться и убивать время до вечера, когда начнется буча.

Глава ТРИДЦАТЬ ЧЕТВЕРТАЯ

Я запустил Мистера домой после утренней прогулки, которая в этот день имел место между тремя и четырьмя пополудни — график выхода в свет у Мистера довольно запутанный и непредсказуемый, — и выпустил Мыша пробежаться в отведенном ему уголке двора.

Тик-так, тик-так...

Я взял кусок шкурки и почистил посох: торец его испачкался в грязи, а другой конец слегка закоптился. Я собрал все свои серебряные боевые кольца и сунул их в тяжелый мешок, висевший у меня в углу. Полчаса упражнений боксом с грушей, роль которой выполнял этот мешок, вряд ли зарядили кольца полностью, но даже частичный заряд лучше, чем ничего.

Тик-так...

Покончив с этой работой, я побрился. Потом почистил пистолет и смазал его. Потом сдвинул в сторону журнальный столик, разложил на полу свою ветровку и почистил ее специальной жидкостью для кожи, стараясь при этом не разрушить наложенные на нее с помощью иглы и черной туши защитные заклятия.

Короче говоря, я делал все, чтобы не думать о трупe Анны Эш в душевой кабине того дешевого, чистенького гостиничного номера.

Тик-так...

В четверть седьмого вечера у двери постучали. Я посмотрел в глазок. На площадке перед дверью стоял Рамирес в красной баскетбольной майке, черных шортах и пляжных сандалиях. На плече его висела большая спортивная сумка; в правой руке он держал посох, несмотря на разницу в нашем с ним возрасте почти не уступающий моему по количеству боевых шрамов. Он еще раз постучал концом посоха по бетонному полу, избегая касаться двери.

Я отключил обереги и отворил стальную дверь. Для этого мне хватило толкнуть ее всем телом раз пять или шесть, не больше.

— Мне казалось, ты давно уже собирался ее починить, — заметил Рамирес. Прежде, чем шагнуть в комнату, он покрутил головой, осматривая косяки — я понимал, что мои обереги, пусть и дезактивированные, воздействуют на его чародейские чувства не хуже электробритвы размером с паровоз. — Господи, Гарри. Ее еще сильнее перекосило.

— Надо же как-то испытывать способности ученицы.

Рамирес одарил меня ухмылкой.

— Еще бы.

— Попрошу без шуточек, — сказал я ему, не вкладывая, правда, в слова особой угрозы. — Я ее знаю с тех времен, когда она под стол пешком ходила.

Рамирес открыл рот, закрыл его и пожал плечами.

— Извини.

— Да нет проблем, — хмыкнул я.

— Просто пойми, раз уж я не старик, чья сексуальная энергия выветрилась за долгим бездействием...

(Поймите меня правильно: я нежно люблю Карлоса. Однако случается, когда он молотит языком без устали, что мне хочется колотить его по башке до тех пор, пока все зубы не повыпадают).

...я не могу не признать, что обязательно нашел бы ей какое-нибудь толковое применение. Классная же девка, — он вдруг замолчал, нахмурился и огляделся по сторонам. — Э... надеюсь, Молли сейчас здесь нет, а?

— Неа, — заверил я его. — На эту операцию я ее не звал.

— А-а, — вздохнул он, как мне показалось, со смешанным чувством одобрения и разочарования. — Это хорошо. Привет, Мыш.

Мой пес подошел поздороваться с Рамиресом — с серьезным видом протянул ему лапу и вильнул хвостом. Рамирес достал из кармана маленький полотняный мешочек и бросил его Мистеру, лежавшему на излюбленном местечке на одной из книжных полок. Мистер мгновенно впал в экстаз, придавил мешочек к полке лапой и принялся тереться об него мордой.

— В моем доме наркотики не одобряются, — твердо заявил я Рамиресу.

Он закатил глаза.

— О'кей, папочка. Но мы ведь знаем, кто настоящий хозяин в этом доме, — Рамирес поднял руку и почесал Мистера за ухом. — Вот и пытаюсь подношениями избежать царственного неодобрения Его Императорского Величества.

Я подождал, пока Рамирес закончит любезничать с котом, и тоже почесал его.

— Ну, вопросы есть?

— Только один. Нам предстоит сунуться в самую гущу большого собрания Белой Коллегии, обозвать пару их вампиров убийцами, вызвать их на дуэль и убить их на глазах у всех их друзей, родных и близких. Так?

— Так, — подтвердил я.

— Что ж, у плана не отнять одного достоинства. Простоты, — сухо заметил Рамирес. Он опустил свою сумку на журнальный столик, расстегнул ее и достал из нее «Дезерт-Игл», едва ли не самый мощный полуавтоматический пистолет в мире. — Обозвать их нехорошими словами и убить их. Что тут может не сработать?

— Официально мы с ними находимся в состоянии перемирия, — сказал я. — И поскольку мы явимся туда как бы с обвинениями, они не могут убить нас просто так: это будет нарушением правил.

Рамирес хмыкнул, проверил затвор пистолета и вставил в него обойму.

— Ну, или мы явимся к ним, нас убьют и сделают вид, что мы ушли в добром здравии, а что потом — не их ума дело. Ох, мамочки, как жаль всех этих милых молодых женщин, любимца которых, красавца-мужчину Рамиреса утащил с собой в могилу этот псих Гарри Дрезден.

Я фыркнул.

— Нет. Во-первых, Совет обязательно выяснит, что же именно произошло.

— Если кто-нибудь из них не поленится пошевелить для этого задницей, — сказал Рамирес.

— Эбинизер не поленится, — с абсолютной убежденностью заявил я.

— Откуда ты знаешь? — спросил Рамирес.

Я-то знал это точно: мой старый наставник был Черным Посохом, абсолютно незаконным, аморальным тайным убийцей Совета, обладающий правом нарушать по собственному усмотрению Законы Магии — в том числе Первый Закон: «Не Убий». Когда граф Ортега из Красной Коллегии вызвал меня на дуэль и смошенничал, Эбинизер воспринял это как личное оскорбление. Он убил Ортегу и всю его команду, сбросив на них с орбиты старый советский спутник. Но Рамиресу этого я рассказать не мог.

— Я знаю старика, — сказал я. — Он не поленится.

— Ты это знаешь, — возразил Рамирес. — А что, если Белые не знают?

— Будем полагаться на другое обстоятельство. Король Рейт очень не хочет, чтобы во всей этой истории светилась его обыкновенно тщательно прикрытая задница. Наши обвинения помогут устранить пару потенциальных раздевателей. Он будет желать нам удачи. А после этого я надеюсь, что принципа «услуга за услугу» хватит, чтобы мы убрались оттуда целыми и невредимыми.

Рамирес покачал головой.

— Мы оказываем Белому Королю, нашему врагу, с которым мы все-таки в состоянии войны, услугу, помогая ему сохранить трон.

— Ага.

— Кой черт мы это делаем?

— Потому что это может дать Совету шанс на передышку — по крайней мере, на время устраиваемых Рейтом переговоров, — я прищурился. — А еще потому что эти сукины дети должны поплатиться за убийства невинных людей, а это единственный способ до них добраться.

Рамирес достал из сумки три осколочные гранаты и положил их рядом с пистолетом.

— Второе мне нравится больше. Вот в такой драке я не против поучаствовать. Поддержка будет?

— Возможно, — ответил я.

Он застыл и удивленно покосился на меня.

— Возможно?

— Большинство Стражей сейчас в Индии, — объяснил я. — Там шайка нехороших парней под началом старого ракшаса, пользуясь тем, что мы по уши заняты вампирами, нападает на дружественные нам монастыри. Я проверил, Морган с Эбинизером там уже два дня как бьются. Из Стражей в Северной Америке сейчас только мы с тобой, твои ребята и еще Люччо с курсантами.

— Никаких курсантов, — буркнул Рамирес. — И мои ребята плащи всего год как одели. Они... они еще не созрели для такого. У нас там с полдюжины вампиров, а их всего трое.

Я кивнул.

— Не будем заморачиваться. Вломимся с уверенным видом, надерем задницу. Ты раньше имел дело с Белой Коллегией?

— Почти нет. На Западном побережье они держатся подальше от наших людей.

— Это хищники, как и вся их братия, — объяснил я. — Они очень хорошо понимают, когда ты всем своим видом говоришь, что ты не пища. Соображают они очень неплохо, так что не расслабляйся и следи, чтобы тебе не задурили голову.

Рамирес достал поношенный нейлоновый пояс, пристегнул к нему кобуру, потом повесил гранаты.

— Что мешает им убить нас в ту же минуту, как мы победим на дуэли?

Вот за что я люблю работать с Рамиресом. Вероятность проиграть дуэль в его расчеты даже не входит.

— Их природа, — ответил я. — Они любят казаться цивилизованными, а мокрую работу предпочитают делать чужими руками, исподволь. Они не любят прямолинейности и прямой конфронтации.

Рамирес заломил бровь, достал из сумки узкий, прямой, обоюдоострый клинок и тоже положил его на стол. Петлю на рукояти оторвал зомби в ночь, когда мы с Рамиресом впервые бились бок о бок. За прошедшее с тех пор время он заменил петлю цепочкой, на которую нанизал клыки вампиров Красной Коллегии, которых он убил этим мечом. Клыки стучали друг о друга и о металл меча.

— Ясно. Мы и будем теми самыми чужими руками для Белого Короля.

Я подошел к леднику.

— Очко. А если он укокошит нас сразу после того, как мы окажем ему эту услугу, мы не сможем дальше служить страшилкой для мятежных подданных. И еще, это нанесет ущерб его репутации среди союзников.

— А-а, — кивнул Рамирес. — политиканство.

Я вернулся с двумя откупоренными бутылками пива. Я дал одну ему, мы чокнулись, не сговариваясь хором произнесли «а пошли они!» и выпили.

Рамирес опустил бутылку и хмуро повертел ее в руках.

— Думаешь, получится?

— Вряд ли, — фыркнул я, — будет хуже, чем на Хэллоуин.

— Тогда у нас был динозавр, — заметил Рамирес. Он повернулся и достал из сумки камуфляжные штаны и черную футболку с логотипом «Оффспринга». Потом покосился на меня. — Но, конечно, и сейчас есть.

Я подтолкнул столик, так что тот двинул его под коленки. Он ойкнул и ушел в спальню переодеться, хихикая себе под нос.

Когда он вернулся, улыбки на его лице как ни бывало. Мы оделись и собрали амуницию. Мечи, пистолеты, серые плащи, посохи и прочие магические штуки. Ей-Богу, если я и дальше буду изображать сверхъестественного шерифа города Чикаго, заведу себе сапоги с самыми настоящими шпорами и широкополую шляпу.

Я достал блокнот в клеточку, карандаш, потом сходил к леднику еще за пивом.

— Собрание состоится в поместье Рейтов к северу от города. Я там был раз, но только в части дома. Вот то, что я запомнил.

Я принялся набрасывать план здания, а Рамирес задавал мне кучу толковых вопросов про дом и его окружение, поэтому мне пришлось перевернуть страницу и нарисовать то, что я запомнил про территорию поместья.

— Не знаю точно, где вампиры собираются заседать, но дуэль точно будет проходить в Провале. Это такая пещера где-то у них на территории, — я очертил карандашом то место, где она находилась по моим представлениям. — Там у них замечательно глубокая расселина, в которую очень удобно сбрасывать тела, чтобы все было шито-крыто.

— Очень удобно, — согласился Рамирес. — Особенно в том случае, если сбрасывать будут нас.

Дверная ручка дернулась и начала поворачиваться.

Рамирес схватил пистолет и навел его на дверь почти так же быстро, как я — свой жезл. Кто-то налег на дверь, приоткрыв ее на пять или шесть дюймов. Я посмотрел в сторону и опустил жезл.

— Спокойно, тигр, — я положил руку Рамиресу на запястье. — Это свои.

Рамирес покосился на меня и опустил пистолет. Я продолжал следить за поведением Мыша, который встал и, виляя хвостом направился к двери.

— Кто это? — спросил Рамирес.

— Поддержка, о которой я тебе говорил, — негромко ответил я.

Дверь рывками отворилась еще на несколько дюймов, и в комнату скользнула Молли.

Она не оставила на себе почти ничего из готского прикида. И от пирсинга ее ничего не осталось: с точки зрения моды кольца в носу — это писк, но в драке они помеха. Она сменила и драную одежду. На ней были тяжелые, свободные джинсы, и они больше не угрожали соскользнуть с бедер при первой попытке выпрямить спину. Она даже разноцветные шнурки в своих тяжелых армейских ботсах заменила на обычные, цвета хаки. Еще в наряд ее входила черная футболка с логотипом «Металлики», пояс с ножом в ножнах и маленькой аптечкой — последнюю я видел уже у ее матери, когда та ходила в бой вместе с нами — и темно-зеленая бейсболка. Волосы она собрала в убранный под бейсболку хвост, чтобы кому-нибудь, пожелавшему схватить ее за шевелюру, было труднее это сделать.

Молли не смотрела на нас. Первым делом она поздоровалась с Мышом, пригнувшись и обняв его за шею. Потом встала и подняла взгляд.

— Э... Привет, Гарри. Добрый день, Страж Рамирес.

— Молли, — сказал я, стараясь говорить как можно более спокойно. — Скажи, это третий или четвертый раз, когда я велел тебе оставаться дома, а ты ослушалась меня?

— Я знаю, — отозвалась она, снова опустив глаза. — Но... я хотела с вами поговорить.

— Я занят.

— Я знаю. Но мне правда очень надо поговорить с вами, сэр. Пожалуйста.

Я медленно выдохнул. Потом покосился на Рамиреса.

— Сделай одолжение, заправь Жучка, а? Заправка в двух кварталах дальше по улице.

Карлос посмотрел на меня, на Молли, снова на меня, потом пожал плечами.

— Э... Ну да, сейчас.

Я достал из кармана ключи и кинул ему. Он с небрежной ловкостью поймал их, вежливо кивнул Молли и вышел.

— Закрой дверь, — сказал я.

Она повиновалась, прижавшись к двери спиной и отталкиваясь от пола ногами. Это далось ей ценой крикновения и некоторой потери достоинства, но дверь она закрыла.

— Ты дверь с трудом закрываешь, — сказал я. — Но считаешь, что ты готова к бою с Белой Коллегией?

Она мотнула головой и открыла рот, чтобы сказать что-то, но я ей не дал.

— Ты опять ослушалась меня. Ты опять здесь, хотя я приказал тебе сидеть дома.

— Да, — пролепетала она. — Но...

— Но ты считаешь меня безмозглым идиотом, неспособным самостоятельно принимать подобные решения, и ты все равно хочешь идти со мной?

— Все не так, — сказала она.

— Правда? — я воинственно задрал подбородок. — Сколько бусин ты можешь поднять, двоечница?

— Но...

— Сколько бусин? — рявкнул я.

Она с жалким видом отпрянула от меня. Потом сняла с запястья браслет и подняла его так, чтобы тяжелые черные бусины скользнули вниз. Она уставилась на него усталым, загнанным взглядом и прикусила губу.

— Гарри? — тихо спросила она.

Голос у нее был совсем детский.

— Да? — отозвался я очень мягко.

— Почему это так важно? — спросила она, продолжая смотреть на браслет.

— Это важно, если ты хочешь пойти на это дело со мной, — так же тихо ответил я.

Она тряхнула головой и несколько раз моргнула. Это не помешало слезинке скатиться по ее щеке.

— Но я как раз об этом. Я... я не хочу идти. Я не хочу видеть это... — она покосилась на Мыша и поежилась. — Ну, крови и всего такого. Я не помню, что случилось, когда вы с мамой спасали меня из Арктис-Тора. Но я не хочу видеть ничего такого. Я не хочу, чтобы это случилось со мной. Я не хочу никому причинять боль.

Я издал негромкий, неопределенный звук.

— Тогда зачем ты пришла?

— П-потому, — пробормотала она, с трудом подбирая слова. — Потому, что мне нужно сделать это. Я знаю: то, что вы делаете — необходимо. И правильно. И я знаю: вы делаете это потому, что вы один это можете. И я хочу помочь.

— Ты думаешь. Ты достаточно сильна, чтобы помогать? — спросил я ее.

Она снова прикусила губу и на мгновение встретилась со мной взглядом.

— Мне кажется... мне кажется, не так важно, насколько сильна моя магия. Я знаю, я не... я не умею делать это так, как вы. Ну там, стрелять, и драться, и... — Она подняла подбородок и постаралась взять себя в руки. — Но я умею больше, чем большинство остальных.

— Ты кое-что умеешь, — признал я. — Но ты должна понять одну вещь, детка. Это

мало что значит, когда дело пахнет керосином. Там не будет времени подумать или переделать все правильно.

Она кивнула.

— Все, что я могу обещать — это что я не брошу вас, когда буду нужна. Я сделаю все, что вы считаете, я могу сделать. Я могу остаться здесь и сидеть на телефоне. Или могу вести машину. Или идти сзади и светить фонариком. Все, что вы скажете, — она снова встретила со мной взглядом, на этот раз увереннее. — Но я не могу отсиживаться дома, в безопасности. Мне нужно быть частью этого. Мне нужно помогать вам.

Послышался неожиданный, резкий звук — это лопнула нить браслета, и черные бусины полетели вверх с такой силой, что отрикошетировали от потолка и разлетелись по всей комнате. Даже Мистер оторвался от дареного мешочка кошачьей мяты и, настороженно наострив уши, следил за ними взглядом.

Я подошел к девочке, потрясенно глядевшей на свисавшую из ее пальцев пустую нить.

— Это ведь был вампир, правда? — спросил я. — Тот, который умер у тебя на глазах?

Она уставилась на меня и заморгала. Потом опустила взгляд на раскатившиеся бусины.

— Я... я ведь не видела его, Гарри. Я его чувствовала. Ну, не знаю, как это объяснить — чувствовала у себя в голове. Примерно так, как ту бедную девушку. Только это было ужасно.

— Да, — кивнул я. — Ты восприимчива. Это жутковатый талант, и порой он становится изрядной помехой. Впрочем, в данном случае я рад, что он у тебя есть.

— Почему? — прошептала она.

Я махнул рукой в сторону раскатившихся бусин.

— Прими поздравления, детка, — негромко сказал я. — Ты готова.

Она уставилась на меня, недоуменно склонив голову набок.

— Что?

Я взял у нее из пальцев пустую нить и натянул ее между пальцами.

— Все дело не в силе, Молли. С самого начала не в ней. Силы у тебя полно.

Она мотнула головой.

— Но... все это время...

— Бусины и не должны были подниматься. То есть, как я сказал, сила не имела к этому никакого отношения. Тебе не доставало не силы, а мозгов, — я легонько постучал пальцем по ее брови. — Ты должна была открыть глаза. Ты должна была как следует осознать, насколько опасны эти штуки. Осознать границы своих возможностей. И понять, почему иногда нужно делать такое.

— Но я всего... я только сказала, что испугалась.

— После такого приключения? Но это разумно, детка, — заверил я ее. — Я тоже боюсь. Каждый раз, когда такое случается, это меня пугает. Только не сила помогает пройти такое и остаться живым. Не сила, а ум. Я побеждал людей и тварей куда сильнее, чем я, потому что они не шевелили мозгами или делали это хуже, чем я. Дело не в мускулатуре, детка, пусть даже и магической. Дело в подходе. И в твоей голове.

Она медленно кивнула.

— И еще в том, чтобы делать что-то, когда причина правильная.

— И еще, ты бросаешься в это дело не только потому, что ты достаточно сильна, чтобы сделать это, — сказал я. — Ты делаешь это потому, что у тебя и выбора-то не слишком много. Ты делаешь это потому, что не считаешь для себя приемлемым просто повернуться, и уйти, и жить после этого в ладу с собой.

Секунду она смотрела на меня, потом глаза ее расширились.

— Иначе получается, что ты используешь силу ради силы.

Я кивнул.

— А сила, Молли, имеет свойство портить человека. Очень легко пристраститься к ее использованию. Надо учиться тому, чтобы обращаться к ней только в нужных случаях, или...

— Или сила сама начнет диктовать тебе, — договорила Молли. То есть, она слышала этот аргумент от меня, и не раз, но впервые она произносила эти слова медленно, с пониманием — похоже, искренним.

— Не повторяя их за мной по-попугайски. — Она подняла взгляд на меня.

— Потому вы и делаете это. Ну, когда помогаете людям. Используете силу не для себя, но для кого-то другого.

— И для этого тоже, — согласился я. — Угу.

— Я... того... очень дура, да?

— Есть разница между тем, чтобы понимать это здесь, — я снова легонько постучал пальцем ей по лбу, — и знать вот этим, — я коснулся ее футболки чуть выше солнечного сплетения. — Ясно?

Она медленно кивнула. Потом взяла у меня нить и повязала себе на запястье — длины нити как раз хватило для этого. Она подняла руку так, чтобы я видел нить.

— Это чтобы я не забывала.

Я улыбнулся и обнял ее за плечи. Она ткнулась носом мне в плечо.

— А вы такие уроки получали?

— В изобилии, — кивнул я. — От того старого ворчливого шотландца на ферме в Озарке.

— А когда я перестану чувствовать себя дурой?

— Когда я перестану себя так чувствовать, обязательно дам тебя знать, — ответил я, и она рассмеялась.

Я выпрямился и посмотрел ей в глаза.

— Ты еще в игре?

— Да, — коротко ответила она.

— Тогда ты едешь со мной и Рамиресом. Мы остановимся у въезда в поместье, и ты останешься — поняла, останешься — в машине.

Она серьезно кивнула.

— Что мне делать?

— Держать ухо остро. Фиксируй все подозрительное. Не говори ни с кем. Если кто-нибудь направится в твою сторону, отъезжай подальше. Если покажется компания нехороших парней — ну, или один, но нехороший — посигналь и уезжай.

— Хорошо, — кивнула она. Вид она, правда, имела чуть бледный.

Я достал из кармана маленький серебряный цилиндр.

— Это ультразвуковой свисток. Мышь слышит его за милю. Если у нас будут неприятности, я посвищу, и он начнет лаять. Он покажет, где мы находимся. Постарайся подогнать машину как можно ближе к этому месту.

— То есть, Мышь останется со мной, — сказала она, заметно успокаиваясь.

Я кивнул.

— Почти всегда лучше работать не в одиночку.

— Что... что если я сделаю что-нибудь не так?

Я пожал плечами.

— Что тогда? Такое всегда возможно, Молли. Но никогда не ошибается только тот...

— ...кто ничего не делает, — договорила она.

— Умница, — я положил руку ей на плечо. — Послушай. Ты далеко не дура. Я научил тебя всему, что сам знаю о Белой Коллегии. Смотри в оба. Шевели мозгами — ты это умеешь. Если запахнет жареным, а я не посвищу, уезжай к чертовой матери. Если я не подам сигнала до десяти вечера, тоже уезжай. Поезжай напрямик домой и скажи своим.

— Хорошо, — тихо сказала она. Потом сделала глубокий вдох и нервно выдохнула. — Страшно это все.

— И мы все равно это делаем.

— Значит, мы храбрые, да?

— Если у нас получится, да, — хмыкнул я. — А если нет — дураки.

Глаза ее на мгновение округлились, а потом она откинула голову и расхохоталась от всей души.

— Ну что, — спросил я. — Готова?

— Готова, сэр.

— Хорошо.

На улице захрустел под колесами Жучка гравий — вернулся Рамирес.

— Ладно, двоечница, — сказал я. — Бери Мыша на поводок и пошли. Займемся делом.

Глава ТРИДЦАТЬ ПЯТАЯ

Шато-Рейт мало изменился со времени моего предыдущего визита. Это одна из немногих положительных сторон общения с не-смертными: они плохо приспособляются к изменениям и по возможности избегают их сами.

Это довольно большая территория на север от города, и ландшафт здесь на удивление разнообразен: полосы ровной, плодородной земли, из фермерских владений превратившиеся в дорогие загородные участки. Десятки маленьких речек и ручьев изрезали холмы и долины сильнее, чем принято ожидать от Среднего Запада. Деревья в этих краях растут необычайно высоко... в общем, захоти я купить здесь хоть крошечную лачугу, и она обошлась бы мне в сумму, равную пяти или шести моим годовым доходам.

Шато-Рейт окружен целым лесом этих древних, исполинских деревьев, словно кто-то пересадил сюда из Британии кусок Шервудского Леса. С окружающих поместье дорог замка не видно. Насколько я помнил, чтобы попасть к замку (тоже очень и очень немаленькому), нужно проехать не меньше полумили по лесу.

Примечание: пешком и в одиночку вам из замка не уйти. Во всяком случае, до тех пор, пока в нем хозяйничают вампиры.

Впрочем, одно отличие я все-таки заметил. Каменная стена высотой добрых восемь футов никуда не делась, зато по верху ее тянулась теперь двойная спираль колючей проволоки, а по периметру ее расставили фонари. Приглядевшись, я обнаружил и видеокамеры. Старый лорд Рейт недолюбливал современные охранные системы, предпочитая им традиционных телохранителей. Похоже, Лара относилась к потенциальным угрозам серьезнее и прислушивалась к рекомендациям смертных экспертов. По крайней мере, всякую смертную шушеру это наверняка отпугивало, а смертных врагов у Коллегии всегда предостаточно.

Что важнее, это кое-что говорило об особенностях Лариного правления: она нашла квалифицированных сотрудников и с уважением относилась к их мнению. Возможно, она и не производила впечатления такого непререкаемого авторитета, как лорд Рейт — Впрочем, лорд Рейт уже не заведовал спектаклем, пусть в магическом сообществе об этом и не знали.

Еще я отметил про себя, что, возможно, сослужил Совету и всему остальному миру не самую лучшую службу, помогая Ларе взять власть. Лорда Рейта отличали избыточные гордыня и самоуверенность. У меня сложилось ощущение, что Лара в качестве фактического Белого Короля окажется куда более дееспособной и еще более опасной.

И вот он я, явился — не запылел, чтобы снова помочь ей и еще сильнее укрепить ее власть.

— Останови здесь, — негромко сказал я Молли. До ворот в поместье оставалось еще не меньше четверти мили. — Ближе пока не надо.

— Хорошо, — кивнула Молли и остановила Жучка — на левой обочине, как я с одобрением отметил про себя. Если бы кто-то попытался подойти к ней, ему пришлось бы пересечь асфальтовую полосу.

— Мыш, — сказал я. — Оставайся с Молли и слушай нас. Береги ее.

Мыш печально посмотрел на меня с заднего кресла, где он сидел с Рамиресом, но подался вперед и положил свою мохнатую морду мне на плечо. Я обнял его.

— Да не переживай ты, — сказал я ему нарочито грубовато. — С нами все будет в порядке.

Он стукнул раз хвостом по спинке сидения, потом переложил башку на плечо к Молли, которая сразу же принялась утешать его, чесать за ухом и заниматься прочими нежностями, хотя собственное ее лицо тоже не выражало особого счастья.

Я постарался как можно безмятежнее улыбнуться девушке и выбрался из машины. Летние сумерки быстро темнели, но было еще слишком жарко, чтобы одевать ветровку. Все же я облачился в нее; более того, поверх нее я накинул еще серый плащ Стража. Под всем этим я одел белую шелковую рубашку и черные грузчицкие штаны — ну и, само собой, тяжелые ботсы.

— Шляпа, — пробормотал я. — Шпоры. Клянусь, в следующий раз обязательно.

Рамирес выбрался из машины, весь увешанный пистолетами, гранатами, мечами и с посохом в правой руке. Он помедлил, натягивая на руку перчатку из толстой кожи, защищенной узкими стальными пластинами, на которых виднелись петроглифы — то ли ацтекские, то ли ольмекские, то ли еще какие-то.

— Что-то новое, — заметил я.

Он подмигнул мне, и мы проверили оружие. Мой револьвер вернулся в левый карман ветровки, его — в кобуру.

— Уверен, что не хочешь парочку гранат? — спросил он.

— Я себя с ними как-то неуютно чувствую, — признался я.

— Ну, как знаешь, — отозвался он. — А ты, Молли?

Держа в руке гранату, он повернулся к машине.

Машина исчезла. Только мотор продолжал урчать где-то совсем рядом.

Рамирес присвистнул и помахал посохом в воздухе, пока тот не звякнул о металл.

— Черт, неплохая завеса. Точнее говоря, чертовски даже хорошая.

— Спасибо, — послышался голос Молли.

Рамирес улыбнулся в направлении, откуда слышался голос, и отвесил галантный, достойный идалго поклон.

Молли сдавленно хихикнула. Мотор чихнул и стих.

— Давайте уж, идите. А то мне совестно сидеть тут, пока вы по пыли пешком...

— Смотреть в оба, — напомнил я. — И шевели мозгами.

— И вы тоже, ладно? — сказала Молли.

— Только не проси его затевать ничего нового, — поддразнил ее Рамирес. — А то он вообще сдурет.

— Я и так дурею с каждой минутой, — подтвердил я. — Хоть кого спроси.

В невидимой машине шумно вздохнул Мыш.

— Вот видишь? — спросил я и зашагал к воротам поместья.

Рамирес последовал за мной, но очень скоро ускорил шаг. Мои ноги на порядок длиннее его.

Ярдов через сто он рассмеялся.

— Ладно, ладно, уговорил.

Я хмыкнул и чуть сбавил шаг. Рамирес оглянулся через плечо.

— Не боишься оставлять ее так?

— К Мышу подобраться непросто, — сказал я. — Даже если они догадаются, что она здесь.

— Хорошенькая, все при ней, и одаренная, — Рамирес задумчиво смотрел в сторону невидимой машины. — Встречается с кем-нибудь?

— Нет — с тех пор, как она продырявила психику своего последнего бойфренда и едва не свела его с ума.

Рамирес поежился.

— Ну да, помню.

К воротам усадьбы мы подходили уже молча, настраивая лица на нужные выражения.

В обычной ситуации Рамиреса отличает самоуверенная улыбка, но когда дело оборачивается серьезно, он напускает на себя равнодушный, даже надменный вид, при этом взгляд его, вроде бы, направлен в никуда и в то же время фиксирует все. Я не очень беспокоюсь за то, какое выражение на лице у меня — мои переживания все внутри.

Подходя к готическим кованым воротам, достаточно массивным, чтобы остановить таранящий их джип, я старался только не забывать о лице Анны и ее серьезных глазах. Подойдя к решетке вплотную, я трижды ударил по ней посохом, потом уперся им в землю.

Ворота зажужжали и начали отворяться. Правда, не успели они распахнуться и наполовину, как что-то в районе петель жалобно взвыло, задымило, и створки замерли.

— Это ты? — спросил я у Рамиреса.

— Я еще и замок грохнул, — вполголоса подтвердил он. — И камеры, которые видят ворота. На всякий случай.

Конечно, сил у Рамиреса меньше, чем у меня, но теми, что у него есть, он распоряжается с толком.

— Славно, — заметил я. — Я ничего не ощутил.

Лицо его на мгновение осветилось ухмылкой.

— De nada. Я круче всех.

Я шагнул в ворота, не забывая поглядывать по сторонам. Ночь сгустилась почти окончательно, и в лесу царила уютная тьма. Со стороны замка послышался шелест шин по асфальту. Между деревьями мелькнул свет фар. Длинный лимузин, белый «Ройс» с серебряными молдингами вынырнул из-за деревьев и плавно остановился футах в двадцати перед нами.

— Хочешь, я... — тихо спросил меня Рамирес.

— Остынь, увалень, — сказал я. — Это сэкономит нам время и силы.

— Ха, — возразил он. — Но, конечно, я моложе и сильнее...

Отворилась водительская дверь, и из нее вышел мужчина. Я узнал его: один из личных Лариных телохранителей. Роста он был чуть выше среднего, мускулист, с короткой армейской стрижкой и острым, настороженным взглядом. Одежду его составлял спортивный костюм цвета хаки, и он даже не пытался скрыть топырившейся бугром кобуры. Он бросил взгляд на нас, потом на ворота и ограду, достал из кармана рацию и что-то в нее произнес.

— Дрезден? — спросил он.

— Угу.

— Рамирес?

— Первый и единственный, — заверил его Карлос.

— Вы вооружены, — заметил тот.

— До зубов, — согласился я.

Он поморщился, но кивнул.

— Будьте добры, садитесь в машину, — сказал он.

— Зачем? — с невинным видом спросил я.

Рамирес покосился на меня, но промолчал.

— Мне было приказано забрать вас, — ответил телохранитель.

— До дома недалеко, — заметил я. — Мы можем и пешком пойти.

— Мисс Рейт просила меня заверить вас в том, что по приказу ее отца она дает вам личную гарантию безопасности в соответствии с Неписанным Законом.

— В таком случае, — заявил я, — мисс Рейт могла бы и лично сообщить мне об этом.

— Не сомневаюсь, что она с радостью сделает это, — кивнул телохранитель. — В доме, сэр.

Я сложил руки на груди.

— Если она так занята, что не может оторвать свою безупречную задницу и подъехать сюда, почему бы вам не передать ей, что мы зайдем завтра?

Что-то негромко загудело, и одно из задних стекол «Ройса» скользнуло вниз. Заглянуть в темный салон я не мог, но бархатистый женский смех услышал отчетливо.

— Вот видите, Джордж. Я вам говорила.

Телохранитель поморщился и огляделся по сторонам.

— Они что-то сделали с воротами. Они открыты. Вы подвергаетесь опасности, мэм.

— Если бы в их намерениях было убить меня, — возразил женский голос, — поверьте мне, Дрезден мог бы уже без труда это сделать, и мне кажется, его спутник, мистер Рамирес, тоже не испытал бы с этим особых проблем.

Рамирес чуть напрягся.

— Откуда она меня знает? — процедил он сквозь зубы.

— На свете не так уж много людей младше двадцати пяти, покатавшихся верхом на зомби-динозавре и сделавшихся региональными командующими Стражей, — ответил я. — И готов поспорить, у нее имеется досье на всех ныне живущих Стражей.

— И на некоторых курсантов, — подтвердил женский голос. — Джордж, будьте добры.

Телохранитель смерил нас хмурым, оценивающим взглядом и, не убирая руки с рукояти пистолета, отворил дверцу машины.

Из «Роллс-Ройса» вышла властительница Белой Коллегии.

Лара... ее очень трудно описывать. Я встречался с ней всего несколько раз, и каждая встреча становилась для меня сильным потрясением — мгновение оглушительного восхищения ее внешностью и острое желание, не слабеющее по мере общения. В ней нет ни одной черты, которую я охарактеризовал бы как особенно потрясающую. Ничего такого, что можно было бы объявить безупречным. Просто ее внешность — нечто большее, нежели просто сумма составляющих, которые и сами по себе ого-го какие.

Волосы у нее как у Томаса темные, слегка вьющиеся, такие блестящие, что даже звезды в них отражаются с переливом. Кожа у нее молочно-белая, и если на ее теле и есть родинки, я их, во всяком случае, не видел. Темно-розовые губы чуть великоваты для довольно узкого лица, но это не раздражает — скорее, придает ему чувственности и, я бы сказал, сексуальности.

Но, конечно, по-настоящему разят наповал ее глаза. Большие, серые, с синими прожилками. Главное, они полны жизни — внимания, интереса к другим, ума и юмора — настолько, что, расслабившись и пустив слюну, вы можете не заметить в них испепеляющей, демонической страстности и ненасытного, хищного голода.

Стоявший рядом со мной Рамирес поперхнулся. Я это только слышал, не видел. Когда на сцену выходит Лара, никто не отворачивается.

На ней был белый шелковый деловой костюм — ну, пожалуй, для делового юбка на дюйм-другой коротковата, да и каблочки белых туфель чуток длинноваты, из-за чего приходилось делать над собой усилие, чтобы не глядеть на ее ноги. Многие женщины с таким цветом кожи, как у нее, опасаются ходить в белом, но на Ларе это смотрелось как тога античной богини.

Она прекрасно понимала, какой эффект производит на нас, и губы ее изогнулись в легкой, довольной улыбке. Она не спеша двинулась в нашу сторону, нарочито медленно переставляя ноги, чуть покачивая бедрами. Движение это казалось... до ужаса прекрасным. Неприкрытая, чувственная женственность клубилась вокруг нее густым, невидимым облаком, в котором забывший об осторожности мужчина мог бы и утонуть.

В конце концов, папашу своего она в нем утопила, не так ли?

Не все то золото, что блестит — уж мне ли не знать. Как бы соблазнительно она ни выглядела, как бы возбуждающе — до оттопыривания штанов — она ни двигалась, она оставалась Опасностью. С большой буквы «О». Более того, Лара — вампир, хищник, которому жизненно необходимо питаться человеческой энергией. И несмотря на наше сотрудничество в прошлом, я оставался человеком, а она — тем, кто этими людьми питается. И если бы я повел себя как добыча, изрядная часть ее натуры наплевала бы на политику и выгоду. Она просто хотела бы меня слопать.

Поэтому когда она приблизилась и протянула мне руку ладонью вниз, я изо всех сил старался изобразить скучающий вид.

Я взял ее холодные (гладкие, красивые, изысканно мягкие... блин, Гарри, да не обращай ты внимания на свой член, пока он тебя не угробил!) пальцы, склонился над ними в вежливом полупоклоне и отпустил, не поцеловав. Если бы я это сделал, не уверен, что смог бы удержаться от того, чтобы не укунить их — так, чтобы попробовать на вкус, пока есть возможность.

Я выпрямился, и она на угрожающе долгую секунду встретилась со мной взглядом.

— Уверены, что не хотите попробовать, Гарри? — спросила она.

Волна животной страсти — возможно, не моей собственной — прокатилась по моему телу. Я улыбнулся, еще раз вежливо поклонился и чуть напряг волю. Руны и знаки на моем посохе засветились зловещим оранжевым Адским Огнем.

— Повежливее, Лара, повежливее. Будет слишком обидно засыпать эти красивые туфли золой и пеплом.

Она откинула голову и рассмеялась заливистым, грудным смехом, потом коснулась рукой моей щеки.

— Как всегда изысканно, — отозвалась она, опустила руку и пробежала пальцами по плотной серой ткани моего плаща. — У вас развился... скажем так, эклектический вкус одеваться.

— Цвет с обеих сторон одинаков, — сообщил я.

— А-а, — протянула Лара, чуть склонив голову ко мне. — Иначе, полагаю, я вряд ли уважала бы вас. И все же, если вы вдруг захотите сменить гардероб... — она легонько коснулась моей рубахи. — Вы бы восхитительно смотрелись в белом шелке.

— Говорил паук мухе, — хмыкнул я. — Забудьте.

Она снова улыбнулась, затрепетав ресницами, отчего мое сердце ускорило биение, потом переключилась на Рамиреса, протянув ему руку.

— А вы, должно быть, Страж Рамирес.

Вот тут я немного понервничал. Рамирес любит женщин. Рамирес готов трепаться о женщинах в любое время дня и ночи. Ну, он вообще готов трепаться на любую тему, но в том, что касается побед на амурном фронте и...

— Девственник? — выдавила из себя Лара. Лара — выдавила из себя! Она повернулась ко мне, и серые глаза ее сделались на несколько оттенков светлее, чем были только что. — Право же, Гарри. Не знаю, что и сказать. Это что, подарок?

Я сложил руки на груди и спокойно встретил взгляд Лары, но промолчал. Это Рамиресу полагалось произвести первое впечатление о себе, и если бы он не сделал это сам, Лара сочла бы, что он не способен постоять за себя. Вполне вероятно, это поставило бы на нем клеймо добычи.

Лара повернулась и медленно двинулась вокруг Рамиреса, осматривая его так, как, скажем, новую спортивную тачку. Она была одного с ним роста, но каблуки делали ее выше, и в движениях ее не осталось ничего, кроме небрежной, чувственной уверенности.

— Хорошенький петушок, — пробормотала она, проводя кончиком пальца линию вдоль его плеч. — Силен. Юн. Герой Белого Совета, как я слышала, — она чуть задержалась, чтобы коснуться пальцем его запястья, и пожала плечами. — Надо же. Я только что кормилась, и все же... Может, вы прокатитесь со мной до замка, а Дрезден пусть идет пешком. Обещаю развлекать вас вплоть до его появления.

Выражение, появившееся на лице Рамиреса, было мне хорошо знакомо. Такое появляется на лицах молодых мужчин, которым хочется единственного: сорвать с себя цивилизованность, приличия и одежду, а потом уже смотреть, что из этого выйдет.

Похоже, Лара тоже знала это. Взгляд ее вспыхнул, улыбка сделалась совсем уже змеиной, и она придвинулась к нему вплотную.

Однако Рамирес тоже знал, что может блеснуть. Я и не знал, что он прятал в рукаве кинжал, до того самого мгновения, когда тот, оказавшись в его руке, прижался острием к ямочке чуть ниже Лариного кадыка.

— Я, — очень тихо произнес он, — не еда, — и встретился с ней взглядом.

До сих пор мне не приходилось видеть людей, заглядывающих друг другу в душу, со стороны. Меня даже удивило, как просто и быстро все это выглядит, когда не ты сам испытываешь потрясение. Оба смотрели друг другу в глаза, взгляд у обоих расширился, а потом оба вздрогнули. Лара отступила от Рамиреса на шаг. Дыхание ее немного участилось — я заметил это только потому, что взгляд у меня профессионально натренирован. Черт, она вполне могла бы прятать оружие в этом своем декольте.

— Если вы хотели отговорить меня, — произнесла Лара после секундной паузы, — вам это не удалось.

— Не вас, — ответил Рамирес, опуская нож. Голос его звучал хрипло. — Я никого не отговаривал.

— Мудро, — пробормотала она. — Тем более, с учетом вашего юного возраста. Только посоветую тебе, юный чародей, не колеблясь, действовать быстрее, если к тебе вот так будет приставать кто-нибудь другой. Девственники... для нашей породы они особенно привлекательны. И в наше время такие, как ты — редкость. Дай менее сдержанному члену коллегии приблизиться к тебе так, как это сделала я — и они набросятся на тебя толпой. Жаль. Это плохо скажется на мне.

Она повернулась ко мне.

— Чародеи, я даю вам гарантии безопасности.

— Спасибо, — произнес я, склонив голову.

— Тогда я прошу вас составить мне общество в машине.

Я еще раз кивнул, и Лара вернулась к телохранителю, судя по виду, находившемуся на волосок от апоплексического удара.

Я повернулся и посмотрел на Рамиреса.

Он залился краской.

— Девственник? — спросил я.

Он покраснел еще сильнее.

— Карлос? — спросил я.

— Она врет, — огрызнулся он. — Вот гадина. Гадская гадина. И все врет.

Я вытер рот рукавом, чтобы не было видно ухмылки.

Блин. В такую ночь грех не посмеяться, пока дают.

— Ладно, — сказал я. — Фигня это все.

— Черта с два фигня! — вскинулся он. — Она все врет! То есть, я не... я...

Я толкнул его локтем.

— Сосредоточься, Галахад. Нас ждет работа.

Он зарычал, но взял себя в руки.

— Верно.

— Ты видел, что там у нее, внутри? — поинтересовался я.

Он пожал плечами.

— Эта бледная тварь. И глаза... не человеческие, а этой твари.

— Угу, — сказал я. — На волосок от того, как они начнут откусывать от тебя по кусочку. Ты неплохо справился.

— Думаешь?

Я не устоял перед соблазном хоть капельку еще поддразнить его.

— Сам подумай. Если бы ты облажался, — Лара тем временем садилась в машину, занося в нее по очереди сначала одну длинную, безупречную ногу, потом другую, — ты бы сидел сейчас в лимузине, а Лара срывала бы с тебя одежду.

Рамирес покосился на машину и сглотнул.

— Гм. Угу. Горячо, ага.

— Я общался с несколькими Белыми, — сказал я. — Лара, возможно, самая умная из них. Самая цивилизованная, прогрессивная, гибкая. И уж определенно самая опасная.

— На вид она не так уж и крута, — заметил Рамирес, но без особой убежденности в голосе.

— Она опасна по-другому. Но мне кажется, ее слову можно верить.
— Можно, — произнес Рамирес, на этот раз твердо. — Это я увидел.
— И это тоже делает ее особо опасной, — сказал я, направляясь к лимузину. — Главное, сохранять спокойствие.

Мы подошли, и я нагнулся заглянуть в салон. Лара сидела на одном из откидных сидений, вся из себя желанная, и прекрасная, и вообще. Серые глаза ее сияли. Она улыбнулась мне и поманила пальцем.

— Садитесь ко мне в лимузин, — сказал паук мухе.

И мы сели.

Глава ТРИДЦАТЬ ШЕСТАЯ

Лимузин катил мимо огромного каменного здания — собственно, это и был Шато-Рейт. Здоровенная громадина размером больше многоэтажной парковки, сплошь изукрашенная карнизами, и башенками, и гаргульями, как и положено фальшивому средневековому замку.

— Э... мы что, — поинтересовался я, — в доме не останавливаемся?

— Нет, — ответила Лара, сидевшая лицом к нам на откидном кресле. Даже в темноте ее кожа, казалось, светилась. — Собрание проводится в Провале, — взгляд ее блеснул, упершись в меня. — И ходить далеко не придется.

Я улыбнулся ей в ответ.

— Нравится мне ваш дом, — сказал я. — Настоящий замок. Всегда приятно знать, что ты в состоянии при необходимости выдержать осаду целой армии наемников-цыган.

— Или чародеев-американцев, — с улыбкой согласилась она.

Я одарил ее, как я надеялся, волчьей улыбкой, сложил руки на груди и принялся смотреть в окно на дом, мимо которого мы проезжали. Мы свернули на узкую, усыпанную гравием дорогу и проехали еще около мили, прежде чем машина замедлила ход и остановилась. Телохранитель Джордж вышел и отворил дверь Ларе, которая ухитрилась-таки, выходя, коснуться меня бедром. Духи ее пахли так хорошо, что мой мозг вырубился на две или три секунды.

Еще секунду мы с Рамиресом сидели молча.

— Вот, — произнес я наконец, — чертовски красивая женщина. Мне показалось, тебе стоит об этом напомнить — на случай, если ты по неопытности этого не заметишь.

— Лгунья, — выпалил Рамирес. — Гадина.

Я хихикнул и выбрался из машины следом за Ларой. Ее встречали уже трое телохранителей, и мы уже всемером двинулись по уходящей в лес тропинке.

В прошлый раз, когда я искал вход в Провал, я ломился через кусты, спотыкаясь о корни, путаясь в ветвях, не думая ни о чем, кроме своего поискового заклятия.

На этот раз нас вела туда освещенная дорожка, накрытая — ей-Богу, не вру! — красной ковровой дорожкой. Фонари имели симпатичный голубой и зеленый оттенок; приглядевшись, я увидел, что это не электрические лампы, а крошечные хрустальные клетки, в которых сидели человекообразные существа с крылышками. Миниатюрные эльфы, окруженные сферой собственного света; вид они, правда, имели довольно несчастный.

Между клетками-фонарями стояли на коленях другие пленники — люди, удерживаемые лишь узкими полосами белого шелка, одним концом охватывавшими их шею, а другим привязанные к вбитым в землю колышкам. Не нагие — Лара не допустила бы ничего, столь откровенного. Пленники были одеты в белые шелковые кимоно с серебряными поясами.

Мужчины и женщины всех возрастов, телосложения, цветов кожи и волос, но как на подбор красивой наружности. И все стояли на коленях, потупив взгляды. Только один юноша сидел, дрожа — похоже, у него просто не осталось сил подняться на колени. В длинных, темных волосах виднелись седые пряди. Взгляд его блуждал; похоже, он вообще

не замечал происходящего вокруг него. Порванное кимоно открывало большую часть мускулистой груди. Кожу вокруг одного соска сплошь покрывали отметины от ногтей с запекшейся на них кровью. У основания шеи тоже темнела кровь от полудюжины укусов. На другой стороне шеи я разглядел еще четыре длинных царапины от ногтей.

Даже под кимоно я разглядел, насколько он возбужден.

Проходя мимо него, Лара задержалась и раздраженно сощурила взгляд.

— Мадлен? — спросила она.

— Да, мэм, — ответил один из телохранителей.

— Ох, ну и голод, — она вздохнула. — Заберите его в дом до окончания собрания, или она прикончит его на обратном пути.

— Да, мэм, — кивнул тот, отвернулся и начал говорить, не обращаясь конкретно ни кому. Я заметил тонкий проводок, тянувшийся к едва заметному наушнику.

Я все шел и шел вдоль длинного ряда коленопреклоненных пленных и запертых в клетки эльфов, и с каждым шагом зверел все больше.

— Это добровольцы, Дрезден, — заметила Лара несколько шагов спустя. — Все до одного.

— Не сомневаюсь, — буркнул я. — Теперь-то.

Она рассмеялась.

— В смертных, мечтающих ползать на коленях перед кем-то другим, никогда не было недостатка, чародей. Никогда.

Мы миновали еще несколько коленопреклоненных мужчин и женщин, имевших довольно оглушенный вид, хотя и не настолько жуткий, как у первого юноша. Еще нам попало по дороге несколько колышков с привязанными к ним белыми лентами — но без стоявших рядом на коленях людей.

— Уверен, они все понимали, что могут умереть от этого, — сказал я.

Она повела плечом.

— Такое случается на подобных собраниях. Гостям не нужно избавляться от тела: как принимающая сторона мы несем ответственность за это. В результате многие из наших гостей даже не пытаются сдерживать себя.

— Вы несете ответственность, еще бы, — я крепче сжал в руке посох и постарался говорить как можно спокойнее. — А что с маленьким народцем?

— Они сами вторглись на нашу территорию, — невозмутимо ответила она. — Большинство просто убило бы их, не принуждая к службе.

— Угу. Какие вы все-таки добрые.

— Пока есть жизнь, есть и надежда, Дрезден, — ответила Лара. — Последнее время политика моего отца в подобных вопросах претерпела изменения. Смерть... смерть нежелательна, если ее можно избежать. Альтернативные варианты куда более прибыльны и приемлемы для всех вовлеченных сторон. Именно в силу этих соображений отец пытается установить мир между вашим и моим народами.

Я постарался не встретиться взглядом с хорошенькой рыжеволосой женщиной лет тридцати. Кто-то только что кормился на ней: соски под распахнутым кимоно еще не утратили твердости, мышцы живота продолжали ритмично содрогаться. Позади нас цепочка невольников терялась в темноте; впереди она тянулась еще на сотню, если не больше, футов. Господи, сколько их...

Меня начала бить дрожь, но воспоминания об убитых Скави и его соперниками женщинах помогли мне справиться с ней. Черта с два я позволю Ларе увидеть мою слабость, как бы ни выводила меня из себя эта демонстрация могущества Белой Коллегии и их совратительных способностей.

Еще сотня ярдов по лесу, и тропа привела нас ко входу в пещеру. Обычному входу в пещеру — не было в нем ничего зловещего или драматичного. Обычная расселина в почти гладкой земле у корней большого дерева, только в глубине метались отсветы огня. Вход в пещеру охранялся, хотя охрана держалась в тени деревьев, стараясь не попадаться на глаза. Я

разглядел двоих, схоронившихся за кормушками для оленей. Наверняка их было гораздо больше.

Лара повернулась к нам.

— Джентльмены, — сказала она. — Если вы подождете здесь немного, я пришлю за вами, когда Белый Король будет готов принять вас.

Я кивнул и молча оперся на посох. Рамирес последовал моему примеру.

Лара внимательно посмотрела на меня, повернулась и нырнула в зияющее отверстие пещеры — грациозно несмотря на высокие каблуки.

— Ты с ней уже встречался, — вполголоса заметил Рамирес.

— Угу.

— Где?

— На съемках порнофильма. Она там играла.

Пару секунд он молча смотрел на меня. Потом пожал плечами.

— А ты что там делал?

— Работал каскадером, — отозвался я.

— Э... — замялся он.

— Продюсер фильма нанял меня, чтобы я выяснил, почему убивают людей, занятых на съемках этого фильма.

— Выяснил?

— Угу.

— А... ну... вы с ней...?

— Нет, — успокоил я его. — Сам бы мог понять по тому, что я еще жив и даже обладаю некоторой свободой воли, — я мотнул головой в сторону входа в пещеру, где чья-то тень заслонила отблески огней. — Кто-то идет.

Молодая женщина в каком-то особенно белом, расшитом серебром кимоно выступила из расселины. На мгновение мне показалось, что она блондинка, но я сообразил, что это из-за освещения. Пока она медленно приближалась к нам, волосы ее успели сменить цвет на голубой, потом зеленый — в зависимости от того, мимо какого фонаря-эльфа она проходила. На самом деле ее длинные, до пояса волосы были белыми как снег. Красотой она если и уступала Ларе, то ненамного, и я не ощутил в ней того хищного голода, который позволяет безошибочно распознать вампира Белой Коллегии. Стройная, хорошо сложенная, она производила впечатление хрупкой и уязвимой. Потребовалось не меньше секунды, чтобы я узнал ее.

— Жюстина? — спросил я.

Она слабо улыбнулась мне. Странная у нее выходила улыбка: взгляд ее темных глаз смотрел совсем не на того, кому она улыбалась... в общем, прямо на меня она не смотрела. И говорила она со странными паузами и ударениями, словно не освоив до конца английский язык.

— А, Гарри Дрезден. Привет, Гарри. Здорово выглядите сегодня.

— Жюстина, — повторил я, пожимая протянутую мне руку. — И вы тоже... для больной вид у вас просто потрясающий.

Она застенчиво улыбнулась в ответ.

— Я выздоравливаю, — нараспев, чуть сонно ответила она. — Рано или поздно я выздоровею совсем и вернусь к своему господину.

Пальцы ее при этом сжали мои серией коротких, ритмичных пожатий.

Я зажмурился, очнулся и ответил своей серией пожатий, чуть более частых.

— Не сомневаюсь, любой мужчина будет счастлив видеть вас.

Она чуть порозовела и кивнула.

— Вы очень добры, милорд. Будьте добры, идите за мной.

Мы повиновались. Жюстина повела нас вглубь расселины — крутого, но с гладкими стенами спуска. Стены освещенного факелами туннеля тоже оказались гладко обтесаны. Откуда-то спереди доносилось эхо голосов, музыки и стука подошв о камень... а может, это

там танцевали; впрочем, акустика пещеры искажала звуки, так что сказать наверняка я не мог.

Спускаться по длинному, извилистому, хотя и довольно широкому, с гладким полом туннелю пришлось долго. Я припомнил то чудовищное бегство из Провала, когда мы с Мёрфи тащили моего полумертвого сводного брата на себе, пока нас не настиг ураган психической энергии Лары — та как раз подчиняла своей воле папочку, а вместе с ним и всю Белую Коллегию. Мы тогда спаслись буквально чудом.

Жюстина остановилась, когда до большой пещеры оставалась еще почти треть пути. На полу виднелась проведенная мелом черта.

— Здесь, — сказала она совершенно другим, без намека на заторможенность голосом. — Здесь нас не подслушают.

— Что происходит? — спросил я. — Как это вам разрешили ходить здесь?

— Это не имеет значения, — ответила Жюстина. — Мне лучше.

— Вы совершенно в себе? — поинтересовался я. — Помнится, вы как-то чуть не выцарапали мне глаза.

Она раздраженно тряхнула головой.

— Лекарства. Это не... Послушайте, пока я в норме, мне нужно, чтобы вы меня выслушали.

— Идет, — кивнул я.

— Лара просила, чтобы я предупредила вас насчет того, чего вам ожидать, — сказала Жюстина, пристально глядя на меня. — Вот прямо сейчас там, внизу, лорд Скави призывает отказаться от любых переговоров с Советом, ссылаясь на работу своего сына как на удачный пример всех преимуществ конфронтации.

— Его сына? — переспросил я.

Жюстина поморщилась и кивнула.

— Тот, кого вы убили, был прямым наследником династии Скави.

Ну, вообще-то, если говорить точно, его убил Мыш, однако формально он являлся орудием убийства — вроде пистолета. На курок нажимал при этом я.

— А кто здесь от Мальвора?

— Леди Цезарина Мальвора, — ответила Жюстина, бросив на меня одобрителный взгляд. — чей сын Витторио считает себя оскорбленным высказываниями лорда Скави насчет той работы, что проделал он с Мадригалом Рейтом.

Я кивнул.

— Когда Лара хочет, чтобы я вошел?

— Она сказала, вы сами лучше знаете.

— Верно, — согласился я. — Тогда отведите нас туда, откуда мы сможем слышать их разговоры.

— С этим будут сложности, — сказала Жюстина. — Они говорят на языке древних этрусков. Я немного знаю его, так что смогла бы не то, чтобы переводить, но дать представление о том...

— Никаких сложностей, — заявил я.

Правда ведь? спросил я у тени Ласкиэли.

Конечно никаких, хозяин мой, донесся до меня призрачный ответ.

Клево, подумал я. Спасибо, Лаш.

Секунду та удивленно молчала.

Всегда пожалуйста, отозвалась она наконец.

— Просто отведите меня туда, откуда я смогу их слышать, — попросил я Жюстину.

— Сюда, — без колебаний ответила она и повела нас дальше по коридору, остановившись футы в двадцати от входа в большую пещеру. Даже отсюда я почти не видел происходящего в ней — впрочем, голоса сюда доносились вполне отчетливо. Незнакомый язык звучал у меня в голове по-английски, хотя и с небольшим, причудливым акцентом.

— ...самая суть дела, — вещал кто-то гулким басом. — Эти смертные уроды и их

племя находятся на грани уничтожения. Самое время усилить хватку на их горле и сломить их сопротивление раз и навсегда, — лорд Скави, решил я.

Ему ответил мощный, с ленцой баритон, в котором я сразу же узнал голос того, кто когда-то убил мою мать. Точнее, того, что от него осталось.

— Мой любезный Скави, — произнес лорд Рейт, Белый Король. — Не могу сказать, чтобы мысль об кастрации человечества меня особенно привлекала.

Послышался серебристый смех — я даже не различил, мужской или женский. Возможно, смеялись и те, и другие. Он взвихрил воздух и скользнул по мне словно рукой пылкой любовницы. Я застыл, пока он не стих. Рамиресу пришлось опереться рукой о стену. Жюстина пошатнулась как былинка и закрыла глаза.

— Оставив в стороне ваши личные пристрастия, Ваше Величество, — продолжал грохотать бас Скави, — хочу обратить внимание собравшихся на главную уязвимое место смертных уродов: то время, которое требуется им для того, чтобы их способности развились до мало-мальски серьезного уровня. Впервые в истории мы нейтрализовали или вообще свели на нет все их преимущества — отчасти благодаря удачному ходу войны, отчасти благодаря ими же созданным возможностям в области перемещения и связи. Клан Скави доказал, что у нас в руках беспрецедентные возможности сокрушить уродов и окончательно уничтожить их. Только дурак может позволить себе упустить ее из рук.

— Только дурак, — послышался скрипучий женский голос, — может выступать с подобными жалкими претензиями.

— Позвольте представить вам, — перебил ее голос Рейта, — Цезарину, леди Мальвора.

— Спасибо, Ваше Величество, — сказала леди Мальвора. — Как ни восхищает меня храбрость лорда Скави, боюсь, мне не остается иного выбора, как пресечь его попытку присвоить славу за упомянутые подвиги, по праву принадлежащую достойному клану Мальвора.

— Это обещает быть занятым, — в голосе Рейн звучало чуть ироничное любопытство. — Прошу вас, продолжайте, дорогая Цезарина.

— Спасибо, Ваше Величество. Мой сын, Витторио, лично присутствовал на месте событий и с радостью объяснит вам все.

Послышался новый мужской голос, ровный, чуть гнусавый, в котором я сразу же узнал Серого Плаща.

— Милорд, Ваше Величество, урон, который понесли смертные, действительно имел место так, как это описывает лорд Скави. Однако на деле нанес его не агент его клана. Если это правда совершил, как он утверждает, его сын, где он? Почему он лично не явился получить причитающиеся ему почести?

Результатом этих слов стала полная, я бы сказал, зловещая тишина. Если лорд Скави хоть в чем-то не уступал другим известным мне вампирам из Белых, Витторио просто необходимо было урвать его — и быстро. В противном случае ему до конца жизни пришлось бы ходить, поминутно оглядываясь.

— Тогда кто же совершил этот акт насилия? — вкрадчиво спросил Рейт.

Снова заговорил Витторио, и я почти воочию представил себе его выпяченную как у голубя грудь.

— Это совершил я, Ваше Величество, с помощью Мадригала из клана Рейтов.

В голосе Рейта зазвучали едва заметные нотки гнева.

— Это является прямым нарушением августейшего повеления воздерживаться от любых враждебных действий, способных осложнить мирные переговоры.

— Сделанного не воротишь, Ваше Величество, — перебила его леди Мальвора. — Мой дорогой друг лорд Скави прав в одном: уроды слабы как никогда. Самое время покончить с ними раз и навсегда, не давая им возможности оправиться.

— Несмотря на то, что Белый Король считает по-другому?

Я опять-таки не увидел, но услышал улыбку леди Мальвора.

— Многое меняется, Ваше Величество.

Послышался стук — возможно, кулака о подлокотник трона.

— Но не это. Вы ослушались моих приказов и подрывали проводимую мной политику. Это измена, Цезарина.

— Правда, Ваше Величество? — парировала леди Мальвора. — А разве не измена самой нашей природе проявлять снисхождение к врагу, который находится на грани поражения?

— Я мог бы простить избыточное рвение, Цезарина, — прорычал Рейт. — Но я в меньшей степени склонен терпеть глупость стоящую за этой безмозглой провокацией.

Холодный, издевательский смешок сменился внезапной мертвой тишиной.

— Глупость? В каком смысле «глупость», Ваше стареющее и слабеющее Величество? С каких пор смерть этих уродов стала чем-то иным, нежели наслаждением чувств, утолением Голода? — что-то изменилось в ее голосе, словно она стояла теперь в пещере по-другому. Наверное, решил я, она обращается теперь к собранию. В голосе ее звучала теперь издевка. — Мы сильны, а сильные поступают так, как им хочется. И кто осмелится помешать нам в этом, а, Ваше Величество? Вы?

Если кто-то еще не знает, меня зовут Гарри Блекстоун Копперфилд Дрезден.

Я поднял посох и грянул им о каменный пол, добавив к физическому усилию немного, совсем немного магической энергии. Удар выщербил лунку размером с суповую тарелку, а грохот от сотрясения мало чем уступал настоящему грому. Еще немного энергии — и волна бесшумного огня, высотой не больше пяти или шести дюймов, прокатилась ковровой дорожкой о полу туннеля и выплеснулась в зал.

Я шагал по пятам за огнем; Рамирес нога в ногу шел рядом. Грохоча тяжелыми подошвами по камню, мы вступили в пещеру и обнаружили ее плотно забитой изрядно побледневшими — если такое вообще применимо к вампирам — созданиями. Повсюду, куда ни посмотри, виднелись красивые лица и изысканные одеяния — повсюду кроме пяточка в двадцать квадратных футов перед входом, откуда все отпрянули, опасаясь огненного предвестника нашего появления.

Не обращая внимания ни на что, я шарил по помещению взглядом до тех пор, пока не обнаружил Серого Плаща, сиречь Витторио Мальвора, стоявшего рядом с Мадригалом Рейтом в трех десятках футов от нас. Чертовы ублюдки тарасили на нас глаза, потрясенно разинув рты.

— Витторио Мальвора! — выкрикнул я голосом, эхо которого еще некоторое время гуляло в каменных сводах пещеры. — Я, Гарри Дрезден, чародей, Страж Белого Совета, в соответствии с Установлениями обвиняю тебя в убийстве, совершенном в мирное время, и в присутствии свидетелей вызываю тебя здесь и сейчас, не сходя с этого места, на поединок, — я снова ударил посохом об пол, грянул гром, и руны на нем налились Адским Огнем. — До смерти.

Абсолютная тишина воцарилась в Провале.

Блин, все-таки в нашем деле главное — эффектный выход.

Глава ТРИДЦАТЬ СЕДЬМАЯ

— Голод мне в глотку, — выругался по-английски Мадригал. — Это мне мерещится. Я довольно оскалился.

— Пора платить по счетам, жопа, — негромко ответил я ему на том же языке.

Витто Мальвора оглянулся через плечо на миниатюрную, не выше пяти футов ростом, женщину в белом платье, больше всего напоминавшем античную тогу. Да и сложением она вполне сошла бы за античную богиню, не будь ее лицо застывшим словно маска.

Взгляд ее ярко-зеленых глаз медленно скользнул ко мне, и алые как вино губы раздвинулись, обнажив белоснежные зубы.

Только тут вампиры начали приходить в себя, и пещера загудела от возмущенных

выкриков. Не будь я настроен столь воинственно, это напугало бы меня до дрожи в коленках. А так я просто переступил с ноги на ногу, чуть развернувшись влево, тогда как Рамирес повторил мое движение зеркально, так что мы стали спина к спине. Собственно, ничего другого нам не оставалось делать: только приготовиться к бою на случай, если кто-нибудь решит, что старая, добрая игра в «замочи чародея» скрасит им скучный вечер.

Это дало мне возможность уже спокойнее осмотреться по сторонам... Пещера во многом напоминала готический собор с высоким, сводчатым потолком, верх которого терялся в полумраке. Стены и пол были из серого, с зелеными, бордовыми и ярко-синими прожилками камня. И ни одного острого угла или выступа — все только смягченное, округлое.

Декор со времени моего прошлого визита поменялся. Стены подсвечивались янтарным, оранжевыми и алыми лучами; должно быть, источники этого света управлялись какой-то автоматической программой, поскольку разноцветные пятна медленно перемещались, смешиваясь друг с другом, заставляя тени шевелиться, производя впечатление живого огня, но при этом не утрачивая свойственной электрическому освещению четкости. Мебель в пещере расставили, поделив на три большие зоны с открытым пространством в центре, и сидели на стульях, как я предполагал, официальные представители трех доминирующих кланов — всего около сотни вампиров. Вдоль стен неслышно перемещались, разнося еду и питье, слуги в таких же расшитых кимоно, как у Жюстины.

Пол поднимался пологими уступами к дальнему концу пещеры, где восседал, глядя на свою Коллегию сверху вниз, Белый Король.

Трон Рейта был целиком высечен из белого как кость камня. Высокая спинка раздавалась в стороны наподобие капюшона кобры, и всю ее поверхность покрывала резьба — от замысловатых, похожих на кельтские орнаментов до довольно реалистично выполненных барельефов. Большую часть изображенных на них существ я не знал, да и желания вникать в то, чем они занимаются, у меня тоже не возникало. За троном повисла тонкая пелена тумана, переливавшегося от попадавших на него лучей света всеми цветами радуги. А дальше пол резко обрывался, открываясь в уходящую в недра земли пропасть — как мне представлялось, пищеварительный тракт нашей планеты.

На троне сидел Белый Король. Томас очень сильно походил на своего отца, и на первый взгляд лорда Рейта даже можно было бы с ним спутать. Лицо его имело те же резкие, привлекательные черты, темные волосы и телосложение у них тоже мало отличались. Он казался ненамного старше Томаса, только лицо его отличалось довольно сильно. Я решил, что все дело в глазах. У старшего Рейта взгляд был полон подозрительности, расчетливости и одновременно какой-то змеиной бесстрастности.

Одеяния Рейта представляли собой что-то среднее между наполеоновским мундиром и парадным нарядом китайского императора. Белая шелковая ткань сплошь покрывалась серебряным и золотым шитьем, самоцветами и прочими цацками; на черных как вороново крыло волосах сиял серебряный венец.

У трона стояло пятеро женщин — все пятеро вампиры, все пятеро с его чертами, только в смягченном, женственном варианте. Одна из них была Лара, и я даже не могу назвать ее самой красивой из пятерых. Дочери Рейта, предположил я — каждая достаточно прекрасна, чтобы являться в мечтах до конца жизни, каждая достаточно опасна, чтобы убить армию идиотов, надеющихся претворить эту мечту в жизнь.

Шум вокруг нас все нарастал, и я ощущал, как напрягаются плечи Рамиреса по мере того, как он начинает накапливать энергию.

Рейт с неспешной, ленивой властью встал с трона.

— МОЛЧАТЬ! — рявкнул он.

Я-то считал себя достаточно зычным, но от голоса Рейта с невидимого во мраке потолка пещеры посыпались камешки, и все разом стихли.

Впрочем, леди Мальвора, похоже, не слишком устрашилась. Она выступила на открытое место перед троном — всего в десятке футов от нас с Рамиресом — и повернулась

к Белому Королю.

— Вздор! — выпалила она. — У нас нет мира с Белым Советом! Уже много лет, как между нами война.

— Жертвы не являются членами Совета, — напомнил я, улыбнувшись ей как можно очаровательнее.

— И они не подпадают под действие Закона! — огрызнулась леди Мальвора.

— С учетом их статуса как членов магического сообщества, их безопасность входит в круг интересов Белого Совета, а следовательно, в данном случае Закон действителен. И я обладаю всей полнотой прав выступать в роли их официального представителя.

Взгляд леди Мальвора, казалось, вот-вот продырявит меня насквозь.

— Казуистика!

Я снова улыбнулся ей.

— А вот это, конечно же, решать вашему королю.

Взгляд леди Мальвора вспыхнул еще более обжигающе, но она отвернулась от меня и обратила его на белый трон.

Рейт медленно, нарочито долго оправляя складки рукавов, сел. Во взгляде его сквозило неприкрытое удовольствие.

— Ну, ну, дорогая Цезарина. Всего пару минут назад вы претендовали на все заслуги в обеспечении смертельного удара уродам. Только из-за того, что упомянутые уроды явились сюда лично, чтобы опротестовать это — в полном соответствии с Законом, — вы вряд ли можете оспаривать их заинтересованность в том, чтобы помешать вам.

На прекрасное лицо леди Мальвора легла тень сомнения. Голос ее понизился настолько, что ее слова расслышали, должно быть, только мы, да еще сам Рейт.

— Змей. Гнусный, ядовитый змей.

Рейт одарил ее ледяной улыбкой и снова обратился к собравшимся.

— Мы полагаем, что у нас нет выбора, кроме как признать право уродов на вызов. В соответствии с Законом, мы должны решить это вопрос здесь и сейчас, после необходимых приготовлений, — Рейт махнул рукой в сторону Витто и Мадригала. — Если, конечно, у наших воинственных героев хватит смелости принять эту вполне закономерную реакцию на их действия. Разумеется, они вольны отказаться от дуэли.

Снова воцарилась тишина, на этот раз напряженная. Все внимание Белой Коллегии было направлено сейчас на Витто с Мадригалом, и они застыли наподобие птичек под взглядом змеи.

Момент, действительно, был щекотливый. Если эта парочка отказалась бы от поединка, Рейту пришлось бы заплатить Совету выкуп, и на этом все бы и кончилось. Конечно, это стало бы с их стороны публичным признанием поражения и разом лишило бы их всего влияния на Белую Коллегию, да и авторитет леди Мальвора изрядно пошатнулся бы в результате этого.

И то правда, выказать медлительность и некомпетентность на глазах у сотни беззастенчивых хищников — пусть даже так хорошо одетых — практически все равно, что подписать себе смертный приговор. А даже если и не так, затеянная леди Мальвора попытка дворцового переворота терпела крах. Хитроумный, дерзкий, с такой тщательностью разработанный тайный план стал достоянием гласности и привлек к себе внимание, а вампиры этого не любят. И в результате политику Белой Коллегии продолжал бы определять Белый Король, но никак не леди Мальвора.

Единственным выходом для леди Мальвора оставалась победа на дуэли, и я делал ставку именно на это. Я хотел, чтобы Витто с Мадригалом дрались. Выкупа мало, чтобы отомстить за то, что сделали эти ублюдки с незащитными женщинами.

И еще, я хотел преподать этим тварям хороший, предметный урок.

Мадригал повернулся к Витто и прошипел что-то ему на ухо. Я чуть прищурился и напряг слух.

— Нет, — говорил Мадригал по-английски. — Никак нельзя. Он дурак, но именно это

делать умеет хорошо.

Витто переглянулся с леди Мальвора и снова повернулся к Мадригалу.

— Это ты, недоумок, нарочно привлёк его внимание к этому делу. Мы деремся.

— Черта с два мы деремся, — огрызнулся Мадригал. — Голод мне в глотку, да сам Ортега не смог одолеть его в открытом поединке.

— Не веди себя как скот, Мадригал, — отозвался Витто. — Тогда они мерились силой воли. Выбор оружия и тактики за нами, не забывай.

— Развлекайся если хочешь. Я не собираюсь с ним биться.

— Еще как будешь, — ухмыльнулся Витто. — Будешь биться с чародеем. Или ты предпочитаешь иметь дело с милой тетушкой Цезариной?

Мадригал снова застыл, уставившись на Витто.

— Гарантирую тебе, что даже если он испепелит тебя, в сравнении с моей теткой это будет быстро и безболезненно. Решай, Мадригал. Ты или с Мальвора или против нас.

Мадригал судорожно сглотнул и закрыл глаза.

— Сукин сын.

Губы Витто Мальвора скривились в улыбке, и он повернулся к Белому Королю.

— Мы отвергаем беспочвенные обвинения, выдвинутые против нас уродами, Ваше Величество, — произнес он, переключаясь с английского обратно на язык этрусков или как их там. — И разумеется, принимаем их вызов. Мы докажем свою правоту с оружием в руках.

— Ор...ружие, — неуверенно пробормотал Мадригал. Собственно, Ласкиэль переводила безукоризненно, но нетрудно было догадаться, что этрусский язык Мадригала ненамного лучше моей латыни. — Оружие, с каким помощью биться мы. Их выбрать и рабы за ними послать принести.

Рейт откинулся на спинку трона и скрестил руки.

— Я нахожу это разумным требованием. А вы, Дрезден?

— Без возражений, — сказал я.

Рейт кивнул и хлопнул в ладоши.

— Раз так, пока мы ждем, музыки и вина!

Леди Мальвора раздраженно фыркнула, круто повернулась и вернулась в круг своих родичей, где тут же затеяла оживленное обсуждение.

Откуда-то, должно быть, из-за ширмы, послышалась музыка. Камерный ансамбль, и очень даже неплохой. Кажется, Вивальди... я неважно разбираюсь в классике, если это, конечно, не известные симфонии. По залу двинулись слуги с серебряными подносами, уставленными высокими бокалами, и собравшиеся заметно оживились.

Рамирес покосился на пещеру недоверчивым взглядом и покачал головой.

— Сумасшедший дом, да и только.

— Пещера, — поправил я его. — Сумасшедшая пещера.

— Что, черт подери, вообще происходит?

Ну да... у Рамиреса ведь нет фотокопии демона, чтобы переводить с древне-этрuscoго. Пришлось мне дать ему краткое изложение того, что здесь говорилось — вставив, разумеется, лучшие цитаты.

— Что это за чушь насчет уродов? — возмутился Рамирес, не повышая, впрочем, голоса.

— Я думаю, это особенности их восприятия, — объяснил я. — Людей они кличут скотом, домашними животными. Чародеи — тоже скоты, но умеющие разить громом и молниями. С этой точки зрения мы представляем собой уродство.

— Значит, от нас требуется надрать им задницу, так?

— В этом весь план.

— Принято, — кивнул Рамирес и снова застыл.

К нам подошла Лара Рейт в белой парадной одежде, с серебряным подносом в руках. Она вежливо склонила голову перед нами; серые глаза ее сияли.

— Почетные гости. Не угодно ли вина?

— Не, — мотнул головой я. — За рулем.

Лара чуть изогнула краешек губ. Понятия не имею, когда это она успела облачиться в это свое замысловатое кимоно. Припишите это тем же самым вампирским свойствам, которые позволили ей как-то отстрелить сотую долю дюйма с моего уха — стоя на гравии, в туфлях на десятидюймовых шпильках. Р-раз — деловой костюм. Два-три — шелковое, скажем так, неглиже. Я тряхнул головой и совладал-таки с моими мыслями. Дурею я от адреналина, вот что.

Лара тем временем повернулась к Карлосу.

— Могу ли я предложить вам чего-нибудь такого... сладкого, а, петушок?

— Ну, — вздохнул он. — Раз уж вы предлагаете, как насчет небольших гарантий того, что кто-нибудь не пальнет нам в спину, пока мы будем разбираться с этими Бивисом и Батхедом.

Лара повела бровью.

— Бивисом и...

— Я бы предпочел Макса и Морица, — заметил я.

— Джентльмены, — произнесла она. — Прошу вас, примите мои заверения в том, что Белый Король ничего так не желает, как вашей победы над его врагами. Я уверена, что мой отец очень резко отреагирует на любое нарушение Закона.

— О'кей, — Рамирес кивнул в сторону компании Мальвора, все еще толпившихся вокруг Цезарины. — А что мешает этой II Дуса открыто напасть на вас, и Короля, и всех остальных? Если она уберет вас, ей уже никто не помешает расправиться с нами, забрать власть в свои руки и вообще жить дальше в свое удовольствие.

Лара посмотрела на него, и лицо ее чуть дрогнуло от безразличия — собственно, и не только лицо. Я заметил это потому, что у меня взгляд наметан, а вовсе не потому, что кимоно так выпукло обрисовывало ее бедро.

— Вы не понимаете... — она тряхнула головой, поджав губы так, будто неожиданно откусила кусок лимона. — Дрезден, вы можете ему объяснить?

— Белая Коллегия не любит открытого насилия, — тихо произнес я. — Даже вообще жестокости. Они предпочитают действовать по-другому. Ты беспокоишься за то, что Мальвора начнут крушить тут все направо и налево как разъяренный медведь-гризли. Но они не гризли. Они больше похожи на горных львов. Те предпочитают, чтобы их действий вообще никто не видел. Когда они нападают, они преследуют жертву, не ищут соперника. Они стараются отбить жертву от остальных, напасть на нее сзади, по возможности прикончить ее прежде, чем она поймет, что на нее напали. Если леди Мальвора пойдет в атаку сейчас, ей придется биться лицом к лицу. Они этого терпеть не могут. Они не пойдут на это до тех пор, пока у них есть хоть какая-то альтернатива.

— А-а... — протянул Рамирес.

— Спасибо, — кивнула мне Лара.

— Но, конечно, — добавил я, — в последнее время имело место и не совсем обычное поведение.

Лара склонила голову набок, глядя на меня, и чуть нахмурилась.

— Ох, да ладно вам, — сказал я. — Вы что, считаете легкой странностью то, что фэйре не растоптали Красную Коллегию к чертовой матери, когда те пару лет назад вторглись на их территорию? Только не говорите мне, что заперли в клетки этих мелких фэйре потому, что это дешевле, чем закупить китайских фонариков.

Лара буравила меня взглядом.

— Вы испытываете их реакцию, — сказал я. — Наносите им мелкое, но осознанное оскорбление и смотрите, что выйдет.

Губы ее медленно, очень медленно изогнулись в улыбке.

— Вы уверены, что намерены и дальше оставаться с этим маленьким клубом стариков?

— А что? Вы предлагаете мне свое покровительство?

— Во многих, очень многих смыслах, чародей, — пообещала она.

— Так, как вы покровительствуете Томасу? — поинтересовался я.

Улыбка ее сделалась чуть натянутой.

— Честь дороже, Лара.

— Каждый имеет право на собственное мнение, — она скользнула взглядом по залу. — Вернулись гонцы с оружием для ваших врагов. Удачной охоты, джентльмены.

Лицо ее снова сделалось непроницаемым, она поклонилась нам и вернулась на свое место у трона.

Музыка стихла; похоже, это послужило для вампиров сигналом. Толпа их раздвинулась, освободив центр пещеры почти на всю ее длину — от входа до Белого Трона. Король последним встал со своего места и, спустившись по ступеням, стал у одной из стен. По правую руку от нас собрались все члены кланов Мальвора и Скави, по левую — Рейты. Ну, скажем честно, Скави с Мальвора стояли, чуть сторонясь друг друга, но... в воздухе повисло ощущение голодного предвкушения.

— Вампиры держатся в стороне, — заметил Рамирес. — Ручаюсь, никто из них не хочет получить разряд молнии.

— Или пулю, — пробормотал я. — Но это им не слишком поможет, если дела примут запутанный оборот.

Рейт щелкнул пальцами, и пещера начала наполняться невольниками в белых кимоно. Они шли, пошатываясь, они выстроились в два ряда по обе стороны от места дуэли, а потом опустили на колени, отделив его от вампиров. Вышло что-то вроде бортов хоккейной площадки, только выстроенных из живой человеческой плоти.

Блин. Любое мочиловое, выплеснувшись за пределы дуэльного поля, неминуемо при ведет к человеческим жертвам, а ведь мои боевые способности, скажем так, не отличаются хирургической точностью. Я как-то больше привык сражаться потоками огня, шквалами энергии, непроницаемыми стенами воли. И уж наверняка вы согласитесь, слова «поток», «шквал» или «стена» редко используются в сочетании с понятиями «точность» или, скажем, «изыщество».

Рамирес в этом отношении будет лучше меня. В бою его преимуществами являются скорость и точность, но и они по-своему не менее опасны моих разрушительных способностей.

Карлос окинул поле будущего боя взглядом и повернулся ко мне.

— Они постараются оставаться у нас во флангах. А тех людей сзади используют, чтобы помешать нам вырваться.

— Я сам знаю, что не ходил в школу для Стражей, — буркнул я. — Но, пожалуй, я все-таки напомню тебе, что для меня это тоже не первый бой.

Рамирес соорудил мне физиономию.

— Но ты ведь не намерен оставлять этого просто так, правда?

Я оскалился в улыбке.

— В общем, я молочу их быстро и изо всех сил, а ты не подпускаешь их ко мне. Если зайдут с фланга, переходишь в наступление ты, а я не подпускаю их к тебе. Постарайся выманить их на открытое пространство под мой выстрел.

Рамирес нахмурился.

— Вот спасибо, Гарри! — как-то непривычно звучал его голос, что-то появилось в нем еще помимо обычного напряжения перед боем. — Может, башмаки мне завяжешь перед началом.

— Эй, ты что? — не понял я.

— Да ладно, чувак, — тихо произнес Рамирес звенящим от злости голосом. — Ты меня дуришь. Ты обманываешь Совет.

Я оцепенело уставился на него.

— Не считай меня дураком, — продолжал он, немного совладав с собой. — Ты полатыни три слова с трудом связать можешь, но говоришь на языке вурдалаков? И на древне-этрасском? Что-то здесь происходит такое, что не ограничивается просто дуэлью и их

внутренней политикой, Дрезден. Ты в это вовлечен. Вовлечен больше, чем тебе полагалось бы. Ты их слишком хорошо знаешь. И осознавать это, блин, очень огорчительно, особенно с учетом того, что мы говорим о расе манипулирующих чужим сознанием.

Витто с Мадригалом выступили из толпы Мальвора. У Витто на поясе висела длинная шпага и черт знает сколько метательных ножей, а также тяжелый пистолет в кобуре. Мадригал держал в руке пику с семифутовым древком; запястья его были перевязаны длинными полосами черной ткани с вышитыми на ней восточными письменами. Я догадался, что это аккумуляторы магической энергии прежде, чем отголоски ее дошли до моих органов чувств. Они с Витто отошли в дальний угол пещеры и встали, повернувшись к нам лицом, на расстоянии тридцати футов от нас.

— Карлос, — сказал я. — Вот, блин, самое подходящее время сомневаться в моей лояльности.

— Черт подери, Гарри, — отозвался он. — Я не собираюсь бросать тебя. Даже если бы я хотел этого, уже слишком поздно. Но вся эта история с каждой секундой все больше отдает подлянкой.

В этом я с ним спорить не мог.

Я сам был в этом абсолютно уверен.

Я пробежал взглядом по рядам вампиров — те ждали молча, и серые глаза их отсвечивали металлическим блеском от нараставшего голода. До сих пор Закон сохранял нам жизнь среди всех этих монстров, но стоило бы нам хоть на шаг преступить его рамки, и живыми нам на поверхность земли уже не выйти. Собственно, положение наше ничем не отличалось от Мадригала с Витто: победа или смерть.

И я ни на секунду не тешил себя надеждой на то, что это будет просто поединок на равных. Склонность к предательству у белых вампиров в крови. Рано или поздно один из них наверняка пойдет на какой-нибудь подвох, и если мы окажемся к этому не готовы, нам конец — либо смерть, либо, что еще страшнее, такие же белые одежды.

Витто с Мадригалом застыли лицом к нам, крепко сжимая в руках оружие.

Лорд Рейт чуть подернул рукав и достал из него красный шелковый носовой платок. Он протянул его Ларе; она взяла его и медленно пошла вдоль ряда коленопреклоненных невольников. Ровно на половине расстояния, отделявшего нас от противников, она остановилась и медленно подняла руку с зажатым в пальцах платком.

— Джентльмены, — произнесла она. — Приготовьтесь. Запрещается поднимать оружие до того момента, когда платок коснется земли.

Сердце мое забилось быстрее, и я откинул полу ветровки, придвинув руку к висевшему на поясе жезлу.

Лара подбросила платок в воздух, и он начал опускаться.

Рамирес был прав. Нам приготовили западню. Я делал все, что мог, чтобы подготовиться к этому, но правда заключалась в том, что я просто не знал точно, чего ожидать.

Впрочем, как только что сказал Рамирес, идти на попятный было слишком поздно.

Платок коснулся пола, рука моя дернулась к жезлу, и дуэль началась.

Глава ТРИДЦАТЬ ВОСЬМАЯ

Некоторые люди быстрее других. Я быстр. Для своего роста я просто неожиданно быстр, и всегда был таким — но исход дуэли зависел от быстрого старта, а рука смертного всегда уступит по части скорости вампирской.

Пистолет Витто Мальвора вылетел из кобуры прежде, чем пальцы мои успели сжаться на рукояти жезла. Внешне его пушка напоминала стандартный «Кольт» модели 1911, только из рукояти торчала обойма вдвое длиннее обычной, и пули он выплевывал, визжа как хорошая бензопила.

Некоторые вампиры быстрее других. Витто был быстр. Он выхватил пистолет и открыл стрельбу быстрее, чем Томас в тех редких случаях, когда я видел его за этим занятием, быстрее, чем сделала бы это даже Лара. Однако тела — даже почти бессмертные вампирские — состоят из плоти и крови, а следовательно обладают массой и инерцией. И ни одна рука, даже вампирская, не может быть быстрее мысли.

В момент, когда алый платок коснулся земли, Рамирес уже изготовил свою энергию — дождавшись этого мгновения, он выдохнул короткое слово заклинания и выбросил вперед руку ладонью вверх. Причудливая перчатка у него на руке вспыхнула и громко зажужжала.

Странное, желеобразное облако зеленого света вспухло вдруг между нами и вампирами прежде, чем Витто успел нажать на курок. Пули ударили в эту вязкую массу, и она колыхнулась как вода, в которую бросили камни. Траектории пуль, явственно видимые в зеленом облаке, ветвились, разбиваясь на гроздья. Послышалось шипение, острая боль обожгла мою левую скулу, а потом в грудь мне ударило облачко крошечных черных песчинок.

Щит Рамиреса ни капельки не похож на мой. Я выстраиваю практически броню, только невидимую, используя для этого сырую, изначальную энергию. Заклятие Рамиреса основано на принципах энтропии и водяной магии и предназначено для дробления, измельчения и распыления любых пытающихся прорваться сквозь него тел, используя для этого их же собственную кинетическую энергию. Даже магии приходится иметь дело с физикой, и Карлос просто не мог полностью погасить энергию пуль. Вместо этого их собственная инерция раздробила их на миллионы крошечных осколков и рассеяла их, так что попадание их не могло причинить никакого существенного вреда.

Когда облачко свинцовых песчинок ударило в меня, я не испытал, конечно, особо приятных ощущений, но силы их не хватило бы даже на то, чтобы пробить обычный кожаный плащ — не говоря уже о моем, заговоренном.

Если бы у меня имелось время вздохнуть с облегчением, я бы наверняка это сделал. Только у меня его не было. Все мое внимание, все мои эмоции сосредоточились в это мгновение на кончике моего жезла.

— Fuego! — выкрикнул я.

Огненная струя толщиной в хороший телеграфный столб сорвалась с жезла, ударила в землю двадцати футах от нас и, отразившись от него, полетела на Витто.

Все-таки он был быстр. Он едва успел заметить, что его пули не достигли цели, когда огонь обрушился на него — и все же он отпрянул в сторону в отчаянной попытке увернуться. При этом он оказался в точке, дававшей ему возможность прямого выстрела в нас мимо хорошо видимого защитного Родригесова облака, и рука его мгновенно метнулась к поясу и сорвала с него один из метательных ножей.

Будь он смертным, он бы впустую тратил время и силы. Начнем с того, что метательные ножи в реальном бою почти бесполезны — это только в кино или ТВ каждый раз, когда кто-то бросает нож, это кого-то убивает. Ш-шуххх! — и он уже торчит по рукоять в чьей-то груди, прямехонько в сердце. Или глуп! — и он погружается в горло несчастной жертвы, которая, конечно же, сразу умирает. Настоящим ножом трудно убить, если только метнувшему его отчаянно не повезет. Настоящий нож, даже если попадет как надо, острием, как правило наносит несмертельные, хотя и болезненные раны.

Но, конечно, когда настоящие люди бросают настоящие ножи, они не сообщают им скорости двести миль в час. И у большинства не имелось возможности попрактиковаться в этом на протяжении нескольких столетий.

Нож блеснул на лету, и если бы я не выставил вперед плечо, спрятав за него лицо, он вполне мог бы угодить в мою незащищенную шею и убить меня. Вместо этого острие его ударило под углом в заговоренную кожу ветровки, и он, описав в воздухе дугу, звякнул об пол.

Витто упал и перекатился, приглушенно вскрикнув от боли. Левая нога его горела до колена, но он не терял самообладания и продолжал кататься по каменному полу, сбивая

пламя. Собственно, это спасло его от моего следующего разряда. Струя пламени промахнулась на какой-то фут и, ударив в тонкую завесу водопада за тронем, мгновенно превратила ее в пар. Рядом со мной Рамирес выпустил новый заряд зеленой слизи.

— Гарри! — заорал Рамирес.

Я повернул голову и увидел Мадригала, несущегося к нам со своей пикой в руке. Рамирес метнул в него порцию своего зеленого света, но та разбилась о невидимый барьер в футе от его тела. Письмена на черных лентах, повязанных у Мадригала на запястьях, вспыхнули золотистым сиянием. Что ж, все ясно. Рамирес выпалил еще раз — снова впустую.

— У него оберег, — крикнул Рамирес.

— Назад! — рывкнул я: с другой стороны на нас набегал уже Витто. На бегу он успел перезарядить свой пистолет, выкинув пустую обойму и сунув в него новую. Я поднял руку с браслетом-оберегом, изготовил его — и помедлил долю секунды, чтобы точно угадать со временем.

Рука Витто вскинулась вверх, и он открыл огонь.

Я выставил защитное поле в самое последнее мгновение — плоскостью, перпендикулярной полу. Рамирес успел нырнуть за него, укрываясь от выстрелов. Двадцать или тридцать пуль, выбив из невидимого барьера снопы искр, отрикошетили более-менее в нужном мне направлении — в сторону Мадригала Рейта и его магической обороны.

Хитроумные ленты на его запястьях, похоже, все-таки не предназначались для защиты от физических тел: одна из пуль с противным чмоканьем прошила ему бедро, выбросив в воздух облачко бледно-розовой крови. Он взвизгнул и пошатнулся, с трудом удержавшись на ногах.

— Опускай! — крикнул мне Рамирес. Рука его метнулась к пистолету, и он выхватил его прежде, чем Мадригал успел опомниться.

Я чуть сдвинул щит, открыв Рамиресу окно для стрельбы, сделал пару шагов в сторону, уводя за собой Витто, а потом превратил поверхность щита из прозрачной в зеркальную.

Пистолет Рамиреса загрохотал у меня над ухом — не беспорядочным визгом стрельбы наугад, но одиночными, выверенными выстрелами.

Витто отреагировал на стрельбу и внезапно возникшую перед ним зеркальную стену размером десять на восемь футов вспышкой бешеной ярости. Он швырнул разряженный пистолет в непонятно откуда взявшуюся и набегающую на него фигуру прежде, чем до него дошло, что это лишь его собственное отражение. Тяжелый пистолет ударился о щит с такой силой, что металл не выдержал, и он разлетелся на куски.

Витто сбавил скорость и вытаращил глаза. Я не могу винить его в этом. Я бы и сам сдурел, если бы мой соперник внезапно превратил открытое пространство в стену хореографической студии.

И тут он снова ринулся вперед и сделал нечто такое, чего я не ожидал. Он оттолкнулся от пола и, взмыв в воздух футов на десять или двенадцать, перемахнул через верхнюю кромку моего щита, а когда приземлился, в обеих руках у него блестело по ножу. Я успел еще выбросить вперед правую руку в отчаянной попытке отбить нож. Лезвие его плашмя ударило меня по руке выше запястья, где ее защищал рукав ветровки — и это хорошо. Гораздо хуже то, что рукоять ножа с силой врезала мне по запястью, и рука мгновенно онемела. Второй нож со свистом разрезал воздух у меня над ухом, промахнувшись на какой-то дюйм.

— Madre de Dios! — выдохнул Карлос.

Жезл выпал из моих онемевших пальцев.

Я выругался и отпрянул в сторону: Витто приземлился, и шпага его, вылетев из ножен, метнулась параллельно земле, целясь мне в горло. Черт. Мое тактическое мышление ограничено двумя измерениями... возможно, это его вели в заблуждение особенности спортплощадки, на которой мы сражались. Второй нож, как выяснилось, не попал в меня не потому, что Витто промахнулся — рукоять его торчала теперь из правой икры Рамиреса.

Пальцы мои почти не двигались, что не давало мне возможности использовать энергию перстней. Я убрал щит — в рукопашном бою он только сковывал мои движения. При малейшей возможности я, конечно, выставил бы его снова между мной и Витто, только тот, похоже, не собирался давать мне такой возможности. Он сделал молниеносный выпад, целясь мне в живот, и мне пришлось отскочить на пару шагов назад, чтобы успеть парировать его зажатый в левой руке посохом.

Шансов одолеть Витто в фехтовании у меня не было. Даже если классом он не превосходил меня, наивно рассчитывать на победу, когда ты вооружен деревянным посохом, а твой соперник — шпагой. Стоило бы мне попытаться, и мне пришлось бы пятиться от него кругами, пока я не оступился бы, а он отсек бы мне несколько пальцев и прикончил. Ну, или он выманил бы меня куда-нибудь подальше от Рамиреса на время, достаточное, чтобы расправиться с нами по одиночке. Разить его магией я не мог — он приплясывал спиной к толпе вампиров и прикрывавших их своими телами невольников. С учетом стремительности его движений, любой мой пущенный в него заряд мог промахнуться и убить всех, оказавшихся на его пути.

И оторвать взгляда от Витто я тоже не мог ни на секунду; мне оставалось только надеяться на то, что Рамирес держится в поединке с Мадригалом. Мне позарез нужны были время и пространство для маневра. Я накачал в посох воли, Адского Огня и выкрикнул: — *Forzare* !

Энергия выплеснулась из посоха широкой волной. Она сбила Витто с ног и швырнула назад, на коренастого невольника с аккуратно подстриженной треугольной бородкой. Почти сразу за этим волна догнала самого невольника, а также тех, кто находился по обе стороны от него. Они полетели на второй ряд коленопреклоненных невольников, и уже все вместе они обрушились на стоявшую за ними у стены толпу вампиров, вызвав хор удивленных и возмущенных возгласов.

Ко времени, когда волна докатилась до невольников, энергия ее заметно ослабла. Я умею отвешивать плюхи и посильнее этой. Впрочем, Витто хватило и этого, и он — кстати, нога его продолжала еще гореть — запутался в куче-мале из невольников и придворных.

— Добро пожаловать, леди и джентльмены, — объявил я, — в боулинг для вампиров!

К некоторому моему смущению со стороны собравшихся Рейтов послышались смех и одобрительные хлопки. Я снова прикрылся щитом — на этот раз переливавшейся серебристо-голубыми сполохами полусферой — и оглянулся посмотреть, как там Рамирес.

Я сделал это очень вовремя: Мадригал, истекавший кровью из нескольких огнестрельных ран, тем не менее наседавал на Рамиреса, высоко подняв в воздух свою пику. Рамирес припал на колено: похоже, раненая нога не выдерживала его веса. На моих глазах он отшвырнул в сторону разряженный пистолет и изготовил новый заряд разрушительного изумрудного огня.

Мадригал издевательски рассмеялся, и я увидел в его глазах холодный, металлический блеск демонического Голода. Его ленты-обереги снова заискрились золотом, и он ринулся вперед.

— Рамирес! — заорал я.

Мадригал замахнулся пикой.

Рамирес метнул заряд энергии в последней, отчаянной попытке — и тот, промахнувшись мимо Мадригала, ударил в каменный пол у его ног.

Кусок камня размером со здоровую ванну вспыхнул на мгновение зеленым сиянием, а потом рассыпался в пыль, столь тонкую, что разглядеть отдельные пылинки невооруженным глазом не смог бы даже я.

Подобно тому, как мое боевое обучение не принимало в расчет прыжки в стиле кун-фу, только высотой в дюжину футов, полагаю, Мадригал тоже не слишком готовился к ситуации, когда твердый пол под его ногами внезапно превращается в озеро почти лишенной сцепления пыли. Он пронзительно взвизгнул и, беспорядочно размахивая руками и ногами плюхнулся в яму. Я видел, как вращаются шестеренки у него в голове, пытаюсь понять, что

случилось, и как, черт возьми, ему оттуда выбраться.

Рамирес бросил взгляд через плечо.

— Гарри! — рявкнул он.

Пальцы правой руки отчаянно кололо. Я поднял руку и с усилием стиснул их в кулак. Слушались они меня неважно, но для работы с перстнями достаточно.

— Ну!

Мадригал, наконец, сориентировался. Он перекатился к стенке выбоины, оставленной в полу Рамиресовым заклятием, и, опершись на свою пику, с трудом поднялся на ноги.

Но еще прежде Рамирес молниеносным движением выхватил из ножен серебряный меч Стража, прорубающийся сквозь любое заклятие. Охнув от боли, он все же наступил на раненую ногу и дважды, из стороны в стону полоснул клинком в воздухе перед Мадригалом. Отбить удар пикой тот не мог, поскольку опирался на нее всем весом.

Дважды послышался короткий сухой хруст, и толстое деревянное древко распалось на три куска. Это само по себе говорило о невероятно острой кромке клинка. Лючко знала свое дело. Впрочем, этот ущерб можно считать побочным.

Клинок Стража легко, самым концом чиркнул по запястьям Мадригала.

Черные ленты, которыми были перебинтованы запястья, внезапно вспыхнули ярким огнем — особенно ярко полыхали письма, словно их вышили магниевой нитью. Любой оберег, рассчитанный на то, чтобы противостоять полноценной, без дураков, магии, аккумулирует в себе довольно много той или иной энергии. Клинок Рамиреса всего лишь высвободил ее.

Мадригал бросил взгляд на пожирающий его руки огонь и пронзительно заверещал.

Я чуть пригнулся, стиснул кулак сильнее, прищурился и усилием воли высвободил всю энергию моих перстней до последней капли — все, что оставалось в них после нападения вурдалаков, и то, что я успел добавить в них с тех пор.

Струя невидимой энергии ударила Мадригала в живот снизу вверх. Размахивая горящими руками, он огненной кометой перелетел через толпу Рейтов и со зловещим хрустом впечатался в каменную стену пещеры.

Изломанное до неузнаваемости, окровавленное тело рухнуло на пол и не подавало признаков жизни.

— Что ж, — прорычал я. — Один-ноль в пользу чародеев.

Я повернулся к Вито — тот только теперь выбрался из груды невезучих Скави, Мальвора и вяло реагирующих на происходящее невольников. Он выпрямился, держа в руке шпагу.

Я смотрел на него сквозь светящийся купол. У меня над ухом охнули, и Рамирес стал рядом со мной, держа в одной руке окропленный розовой кровью Мадригала меч, а другой опираясь на посох: раненая нога давала о себе знать. Не убирая защитного купола, я подобрал свой жезл и подкачал в него энергии. Новый оберег требовал от меня больше сил, и я начинал уставать — но делать все равно ничего не оставалось, кроме как довершить начатое.

Пещера наполнилась шорохом и шарканьем. Вампиры повставали на ноги и подходили ближе к барьеру из невольников, чтобы лучше видеть развязку. В толпе оживленно перешептывались. Тетка Витто стояла недалеко от него, прижав руку к горлу — но взгляд ее оставался внимательным, оценивающим. Краем глаза я разглядел силуэт Лары — она подалась вперед, заглядывая поверх головы стоявшей перед ней невольницы, в которой я узнал Жюстину. Лара жадно, нетерпеливо облизывала губы; глаза ее голодно сияли.

От этого зрелища меня начало мутить, но мне кажется, я начал понимать, что с ними происходит.

Смерть приходит к вампирам не быстро — но когда приходит, забирает тех, которые могли бы еще жить и жить. При всем неестественном магнетизме вампиров Белой Коллегии, столь прекрасных внешне и столь извращенных внутри, при всей их способности подарить тебе величайшее наслаждение в твоей жизни, даже ценой этой самой жизни — при всем этом

сами они тоже чувствительны к этому магнетизму.

В конце концов, они как обычные зеваки любят поглазеть на смерть. Они видят смесь ужаса и восторга на лицах тех, кого они убивают. Они питаются эмоциями, высасывая чужую жизнь, но никогда не забывая о том, что рано или поздно с ними случится то же самое. Что придет день или ночь, и настанет их очередь встретиться с костлявой, и они падут точно так же, как делали это снова и снова их жертвы.

Смерть уже забрала Мадригала Рейта. И очень скоро заберет Витто Мальвора. И всем до одного вампирам Белой Коллегии не терпелось увидеть, как это случится, как это коснется их, по поразит на этот раз кого-то другого.

Словами не описать, как им не хватает смиренных рубашек.

Психи ненормальные.

Я выкинул это из головы. Я еще не довершил начатое.

— Ладно, — буркнул я Рамиресу. — Готов?

Он оскалился в свирепой улыбке.

— Поехали!

Витто Мальвора, последний оставшийся в живых из убийц Анны, спокойно смотрел на меня побелевшими от Голода глазами. Мне показалось, что для человека, стоящего перед готовыми вот-вот убить его разъяренными чародеями, вид у него не слишком чтобы испуганный.

Да что там, вид он имел, скорее... довольный?

Ох, блин!

Витто откинул голову назад и развел руки в стороны.

— Убей его! — рявкнул я, убирая щит.

— ГОСПОДИН! — взревел Витто, заглушая все остальные голоса в пещере, и я услышал в его голосе не только физическую мощь, но и магическую силу.

Только доли мгновения не хватило Рамиресу для того, чтобы перекинуть меч в левую руку, высвободив правую для разряда зеленого огня, но за это время вампир успел опустить руки, перекрестив их перед собой и прошипев несколько слов на незнакомом мне языке. Комок зеленого огня разбился об эту преграду, хотя капли его все-таки коснулись рук Витто и выжгли на коже здоровенные обугленные язвы.

— Черт! — выругался Рамирес.

Но времени на ответ я тратить не стал.

Я всей кожей ощущал это. Ощущал энергию, сгустившуюся на полу пещеры перед белым тронem. Не взрывчатую магию, но сильную, пульсация которой проникала до костей. Мгновением спустя я узнал ее. Слабое, утасяющее эхо такой же я слышал несколько месяцев назад в той пещере, в Нью-Мехико.

Послышалось низкое гудение. Потом к нему добавилось еще одно. И еще. А потом в воздухе перед тронem возник вихрь. Пару секунд он вращался, потом застыл, превратившись в висящий на высоте нескольких дюймов от пола продолговатый диск непроглядной тьмы. Он словно раздвинул пространство пещеры, и в Провал выплеснулся из него влажный, ледяной, пахнущий плесенью воздух Небывальщины.

Мгновением спустя в проходе что-то шевельнулось, и из него выпрыгнул вурдалак.

Ну, я назвал его вурдалаком. Однако при всем сходстве с вурдалаком он словно явился из другой эпохи. Ну, знаете, это как наскальные рисунки времен последнего ледникового периода — большая часть изображенных на них животных нам знакома, только ростом они больше нынешних, мускулистее, у многих видна лишняя пара клыков, или рогов, и бока покрыты броней.

Эта тварь была того же порядка. Восьми футов роста, размах его сутулых плеч напоминал больше гориллу, чем гиену или бабуина, на которых смахивают обычные вурдалаки. От последних его отличали также костяные пластины на скулах и более массивная нижняя челюсть. И вообще, черты его казались гипертрофированными подобиями черт тех тварей, с какими я уже имел дело в прошлом. Зазубренные роговые пластины на

кулачищах позволяли ему крушить и мозжить не менее эффективно, чем рвать и кусать. И еще: надбровные дуги он имел такие выступающие, что глаза под ними только угадывались по блеску.

Вурдалак пригнулся и одним прыжком одолел добрых двадцать футов, приземлившись с таким рыком, что я ощутил неприятную слабость в коленях.

А из прохода тем временем выпрыгивали все новые. Десять. Двадцать. И поток их все не иссякал.

— Блин-тарарам, — прошептал я.

Рамирес шумно сглотнул у меня над ухом.

— Эх, — произнес он. — Так, девственником, и помру.

Витто испустил омерзительный, полный садистской радости смешок.

— Наконец-то! — взвыл он. Черт, он даже сплясал чечетку от радости. — Наконец-то конец этому маскараду! Убейте их! Всех убейте!

Не знаю, кто завизжал первым, вампир или невольница, но этот визг подхватили остальные, и вурдалаки, обезумев от жажды крови, ринулись вперед, не разбирая дороги.

Я убрал щит и всю энергию, что накачал в жезл. Ни то, ни другое не помогло бы мне спастись из этой адской бойни, в которую вот-вот готова была превратиться пещера.

— Вот теперь да, — выдохнул я. — Это запахло — так запахло.

Глава ТРИДЦАТЬ ДЕВЯТАЯ

— Так я и знал, — буркнул Рамирес. — С самого начала подстава.

Он повернулся ко мне и вдруг выпучил глаза. Только тут я сообразил, что скалю зубы в улыбке как безумный.

— Так и есть, — ответил я. — Она самая.

Мне доводилось видеть, как открывают проход в Небывальщину настоящие профессионалы. Младшая из Летних Королев Сидхе делала это так мастерски, что вы и не замечали этого, пока переход не возникал перед вами. Я видел как делал это Коул — так небрежно, словно занавеску отодвигал, да и переход оставался при этом почти незаметным и исчезал спустя несколько секунд, оставляя за собой лишь тот же влажный запах, который наполнял сейчас пещеру.

Я так не умею.

Но я умею делать это почти так же быстро и почти так же эффективно.

Не обращая внимания на разбежавшихся по пещере вурдалаков, я резко повернулся и ринулся в самую гущу вампиров.

— Уходи! — крикнул Рамирес. — Я все равно не могу бежать. Я их задержу, уходи!

— Возьми себя в руки и прикрывай меня со спины! — рявкнул я.

Я снова сконцентрировался, перехватив посох в правую руку. Руны на нем снова ожили, и я поднял его, нацелив концом в воздух в четырех футах над полом пещеры. Потом разом высвободил энергию и выкрикнул: — Aparturum!

Яростный ало-золотой свет заструился вдоль деревянного посоха, разрывая ткань реальности. Я повел посохом слева направо, прочертив в воздухе огненную линию — и спустя мгновение она начала расползаться, как разбегается огонь по занавеске, оставив за собой проем из Провала Рейтов в Небывальщину.

В проеме маячил какой-то очень морозный лесной пейзаж. Сквозь деревья пробивался серебристый лунный свет, и ледяной ветер гнал к нам в пещеру вихри рыхлого снега, мгновенно таявшего и превращавшегося в прозрачную, пусть и холодную желеобразную массу — эктоплазму, материю потустороннего мира.

В снежных вихрях шевельнулись тени, а потом из проема вынырнул мой брат с саблей в одной руке и обрезом в другой. Одежда его причудливым образом сочетала байкерский кожаный прикид и самую что есть настоящую кольчугу. Длинные черные волосы он собрал

в хвост, и глаза его горели от возбуждения.

— Гарри!

— Не спеши! — рявкнул я ему. — У нас тут не кризис и не...

— Остальные сей... — берегись!

Я повернулся и увидел, как один из вурдалаков взмывает в воздух и летит прямо на меня, выставив перед собой все свои когти.

Рамирес вскрикнул и метнул в тварь очередной зеленый заряд. Вурдалак напоролся на него в верхней точке траектории, и огонь прожег у того в животе дырку размером с мусорный бак.

Вурдалак приземлился, разбрызгивая кровь и ненависть. Впрочем, хотя его ноги почти ему не повиновались, он еще пытался драться.

Я отпрыгнул — точнее, попытался отпрыгнуть. Отворять проход в Небывальщину не то, чтобы очень сложно, но и не легко, и с учетом этого и имевшего место перед этим махалова мои силы начинали уже иссякать. Я оступился, так что прыжок вышел ленивый, томный, плавленный какой-то.

Томас успел схватить меня за воротник и дернуть к себе, иначе я вряд ли избежал бы когтей вурдалака. Другой рукой Томас вскинул обрез и выстрелом в упор снес тому голову — только ошметки и черные кровавые брызги полетели.

Даже так вурдалак ухитрился схватить его одной лапищей и полоснуть когтями другой. Силищей он обладал просто жуткой. Звенья кольчуги не выдержали и лопнули, а Томас вскрикнул от неожиданности.

— Какого черта! — зарычал он, бросил обрез и отсек замахнувшуюся для удара лапу саблей. Потом стряхнул с кольчуги вторую лапу и отшвырнул тело в сторону.

— Что, черт подери, это было? — выдохнул он, подбирая обрез.

— Э... — ответил я. — Тот самый черт. Пытался подрать.

— Гарри! — выпалил Рамирес, из последних сил пятившийся со своей раненой ногой. Он врезался в меня, и я подхватил его, не дав упасть. Чертов нож так и торчал из его ноги.

На нас наступало с дюжину вурдалаков.

Все замедлилось, как это бывает порой, когда в кровь ударяет свежая, форсажная доза адреналина.

Пещера окончательно обезумела. Вурдалаки находились в ней с полминуты, но их в ней уже было несколько десятков, и число их все увеличивалось, поскольку новые и новые твари выплескивались из аккуратного овального прохода в противоположном конце зала. Похоже, вурдалаки нападали на всех без разбора с одинаковым энтузиазмом. Мне показалось, что делегациям Мальвора и Скави доставалось больше, чем Рейтам, но, возможно, это просто соответствовало численным пропорциям их представительства.

Вампиры, по большей части безоружные и не готовые к бою, оказались застигнуты врасплох. Конечно, даже так они были менее уязвимы, чем смертные люди, и все же розовая кровь уже забрызгала стены, и вообще, вид все это имело довольно жуткий.

В одном углу леди Мальвора, белая как мрамор, оторвала вурдалаку лапу и колотила того ею по голове и плечам, пока не размозжила череп. Вурдалак упал, но четверо других разом навалились на нее и буквально разорвали на части у меня на глазах.

В другом углу мужчина-вампир схватил восьмифутовую банкетку и обрушил ее на пару вурдалаков, терзавших тело мертвого невольника. В третьем лорд Скави собрал вокруг себя группу своих придворных, и обезумевшие вурдалаки разбивались о нее как о скалу — до поры, до времени.

Другие сцены не были и вполнину так приятны, как эти.

Пытавшийся бежать вампир споткнулся о лежавшую на полу невольницу, девушку лет восемнадцати, и из чистой досады одним ударом кулака сломал ей шею. Мгновением спустя его догнали вурдалаки. Другие вампиры, похоже, окончательно утратили контроль за своим Голодом и набрасывались на первых подвернувшихся им невольников, не обращая внимания ни на их пол, ни на собственные гастрономические пристрастия. Какая-то невольница,

извиваясь под навалившимся на нее Скави, визжала и пыталась выколоть себе глаза. Другая бессильно дергалась под кем-то из Мальвора; судя по конвульсиям, с ней случился сердечный приступ — и почти сразу же обоих растерзала волна вурдалаков. Только Рейты, похоже, в меньшей степени поддались всеобщему сумасшествию — возможно, они просто хорошо подкрепились еще до начала. Я разглядел только двоих невольников, валявшихся в своих изорванных кимоно на камнях у их группы.

У Рейтов организованная оборона выстроилась вокруг Лары и ее отца. Кто-то — я разглядел испуганное лицо Жюстины — держал в руке рог и громко гудел. Еще я разглядел Витто Мальвора: тот потеснил вурдалаков, терзавших останки его родной тетки, и с нечеловеческим воплем присоединился к их пиршеству.

За считанные секунды дворцовая интрига превратилась в сущее безумие, распавшись на тысячу разом происходящих жутких картин. Впрочем, все они мало что для меня значили — все, кроме одной: дюжины вурдалаков, что неслись прямо на меня такой футбольной командой, ведущей лобовую атаку от своих ворот.

На мгновение мне показалось, что я вижу в воротах противника темную фигуру в капюшоне. Это вполне мог быть Коул. Имейся у меня в запасе хоть секунда, я бы швырнул в него весь оставшийся у меня огонь, но как раз этой секунды у меня и не имелось.

Я выставил щит и с трудом сдержал его, когда вожак этой своры врезался в него, рассыпав фонтан голубых и серебряных искр. Другой бы на его месте упал; он же только взвыл и принялся молотить по невидимому щиту кулачищами. Каждый его удар равнялся, наверное, энергии автомобильного краш-теста, и даже мой новый, почти ненадеванный еще браслет-оберег медленно, но верно терял необходимую для поддержания щита энергию.

За моей спиной загрохотали башмаки. Кто-то кричал.

Бац! Бац! Бац! Вурдалак колотил по моему щиту, и каждый удар отдавался в моем теле почти физической болью.

— Жюстина! — вскрикнул Томас.

У меня почти не оставалось сил удерживать щит — впрочем, может, оно и к лучшему, потому что остальные одиннадцать тварей вот-вот готовы были обойти его со сторон, пока мое внимание отвлекал вожак. Дальше все обещало быть просто: порвут на клочки и слопают. Я надеялся только, что именно в таком порядке.

Снова застучали подошвы, послышался резкий выкрик. Второй из вурдалаков, обогнавший своих дружков на несколько шагов, вынырнул из-за щита — и тут же напоролся на Рамиреса. То есть, не на него самого, а на то зеленое желеобразное облако, которое тот использовал в качестве щита.

О том, что случилось с вурдалаком, на всем бегу вляпавшимся в это облако, мне не хочется и вспоминать. Вот только одежду Рамиреса после этого вряд ли спасла бы даже хорошая стирка.

Бац! Бац! БАЦ!

— Гарри, Томас, Карлос — ложись! — выкрикнула Мёрфи.

Я рухнул на пол, дернув за собой Карлоса и убрав в падении щит. Томас плюхнулся на долю секунды позже.

И мир заполнился грохотом. У меня мгновенно заложило уши, и я понял, что ору во весь голос от боли и потрясения. Я заставил себя стиснуть зубы и огляделся по сторонам, стараясь при этом поднимать голову не выше, чем на пару дюймов.

Мёрфи в черном камуфлированном костюме, бронежилете, черной бейсболке и золотистых зеркальных очках припала на колено у моих ног. К плечу она прижимала странный, прямоугольной формы автомат размером с упаковку шоколадных батончиков. У него был очень короткий ствол и один из этих маленьких лазерных прицелов, в который смотрела, прижимаясь щекой к прикладу, Мёрфи. Она вела огонь короткими, точными очередями. Вурдалак, колотивший по моему щиту, с воем опрокинулся навзничь, продолжая бестолково трясти кулачищем.

Рядом с Мёрфи — ни дать, ни взять Большой Рыжий Пес Клифффорд, защищающий

свою Эмили Элизабет — стоял Хендрикс. Рыжий громила-телохранитель тоже вел огонь с колена, только ручной пулемет, из которого он стрелял, мало уступал размерами межконтинентальной баллистической ракете и выплевывал очереди трассирующих пуль. Рядом с ними открыли огонь несколько человек, которых я видел уже в окружении Марконе. Еще нескольких я не знал, но, судя по их одежде и амуниции, я заключил, что все они фрилансеры, нанятые для этой операции. Из открытого прохода в пещеру продолжали выходить новые подкрепления.

Вурдалаки живучи как черт-те что, но одно дело отмахнуться от нескольких пуль из пистолета, а совсем другое рваться сквозь шквал огня из автоматического оружия, что обрушили на них люди Марконе. Стреляй в них всего один человек, все могло бы обернуться по-другому. Но не обернулось. По меньшей мере два десятка человек всаживали пули в сбившуюся массу тварей и не прекращали стрельбы даже после того, как те рухнули на пол — до тех пор, пока не опустели магазины. А после того они перезарядили автоматы и продолжили стрельбу. Марконе передал своим людям мои инструкции — у меня сложилось даже впечатление, что нанятые им стрелки, возможно, уже имели дело со сверхъестественным противником. Марконе умеет подбирать людей.

Мёрфи прекратила огонь и крикнула мне что-то, но стрельба не стихала до тех пор, пока сам Марконе не дал рукой знак своим людям.

Еще секунду я не слышал ничего, кроме пронзительного звона в ушах. В воздухе стоял резкий запах рваной вурдалачьей плоти и бездымного пороха. Участок пещеры шириной в десять футов и длиной в тридцать был сплошь устелен расстрелянными в упор вурдалаками.

Вокруг продолжал кипеть бой, но основные силы вурдалаков сгруппировались вокруг сопротивлявшихся вампиров. Мы выиграли себе небольшую передышку, но долго продолжаться она не могла.

— Гарри! — крикнула Мёрфи, перекрывая жуткую какофонию побоища.

Я показал ей большой палец и заставил себя встать. Кто-то протянул мне руку, и я благодарно принял ее — пока не разглядел, что это Марконе в темном камуфляже с дробовиком в другой руке. Я отдернул пальцы, словно он был еще омерзительнее, чем те твари. То бились и умирали вокруг нас.

К углам его ледяных зеленых глаз сбежались морщинки.

— Привет, Дрезден. Если вы в порядке, мне кажется, было бы разумно вернуться в проход.

Эта идея показалась мне разумной. От прохода меня отделяло каких-нибудь шесть футов. Мы вполне могли собрать манатки, попрыгать в проем и закрыть его за нами. Вратам в мир духов абсолютно начхать на такие тривиальности, как география — они подчиняются законам воображения, целеустремленности, построения мысли. Даже если Коул находился здесь, он не смог бы отворить проход в то же самое место, куда открывал его я, потому что он и думает не как я, и чувствует по-другому, и устремления у него совсем другие.

События войны с Красной Коллегией убедили меня в том, что бежать, когда драться не обязательно, разумнее всего. Более того, Мерлин издал специальный приказ для Стражей, в котором прямо требовал поступать так во избежание лишних потерь: ресурсы у нас и так ограничены. Останься мы здесь дольше, и вряд ли кому-то из нас удалось выбраться из этой бойни живыми.

Сабля Томаса обрушилась на продолжавшего трепыхаться вурдалака.

— Жюстина! — выкрикнул он с отчаянием, граничащим с безумием, и повернулся ко мне. — Гарри, помоги мне!

Разумнее было бы бежать.

Но мой брат не ушел бы. Без девушки не ушел бы.

Значит, и я без нее не уйду.

Если подумать, многим присутствующим вовсе не обязательно было здесь находиться. Собственно, имелось много чертовски убедительных поводов забрать их с собой, уходя. Это не значило, что они будут представлять для нас меньшую опасность, и вообще мысль об

этом мало меня грела, но подумать все же стоило.

Без мирных инициатив Лары (озвученных ее папочкой-марионеткой) Белая Коллегия неминуемо сблизится с Красными. Если я не выдерну отсюда Лару и ее папашу, то, что до сих пор было суровой войной, превратится в войну безнадежную. Уже одной этой причины хватало, чтобы остаться.

Но не она удерживала меня на месте.

На моих глазах вурдалак в клочья растерзал беспомощную, не сопротивлявшуюся невольницу. Я на мгновение зажмурился и сообразил, что я не смогу покинуть этой пещеры, не попытавшись спасти как можно больше людей. Ну да, я мог уйти и остаться в живых. Но всякий раз, закрывая глаза, я снова окажусь здесь.

— Дрезден! — крикнул Марконе. — Я соглашался на спасательную операцию. Не на войну.

— Ну, вышла война, и что? — крикнул я в ответ. — Нам надо вытащить отсюда Рейта целым и невредимым, иначе все это лишено смысла, и вам никто не заплатит!

— Если я погибну, мне тоже никто не заплатит, — возразил Марконе.

Я выругался и, шагнув к нему, ухватил его за грудки.

Хендрикс повернулся ко мне и зарычал.

Мёрфи схватила здоровяка за кисть руки, сделала что-то с его указательным пальцем, и тот, охнув, припал на колено, пока Мёрфи заломила ему руку под болезненно острым углом за спину.

— Спокойно, громила, — посоветовала она ему. — А то кто-то может и пострадать.

— Ни с места! — рявкнул Марконе — своим людям, не мне. Взгляд его оставался прикован к моему. — Ну, Дрезден?

— Я мог бы приказать вам сделать это под угрозой держать связанным на все время перехода через Небывальщину домой, — негромко произнес я. — Или мог бы приказать вам помочь мне под угрозой закрыть переход, и тогда мы все погибли бы здесь. Я даже мог бы приказать вам сделать это под угрозой сжечь на месте. Но я не буду этого делать.

Марконе сощурил взгляд.

— Не будете?

— Нет. Угрозами вас не испугать. Мы оба это знаем. Я не в силах заставить вас делать что-либо, и это тоже знаем мы оба, — я мотнул головой в сторону пещеры. — Люди гибнут, Джон. Помогите мне спасти их. Ради Бога, пожалуйста, помогите мне.

Голова Марконе дернулась как от удара.

— За кого вы меня принимаете, Дрезден? — спросил он после секундного молчания.

— За того, кто может помочь им, — ответил я. — Возможно, единственного, кто может.

Он смотрел на меня своими пустыми, непроницаемыми глазами.

Потом медленно, очень медленно кивнул.

— Да, — произнес он очень тихо.

Я почувствовал, как рот мой см собой растягивается в свирепой улыбке, и повернулся к Рамиресу.

— Оставайся с этими ребятами и удерживай проход.

— Кто эти люди? — спросил Рамирес.

— Потом! — я вихрем повернулся обратно к Марконе. — Рамирес — член Совета, как я. Прикройте его, чтобы он удержал проход.

Марконе ткнул пальцем в нескольких своих.

— Ты, ты и ты. Охраняйте этого человека, — он выбрал еще нескольких. — Ты, ты, ты, ты и ты — начинайте выводить тех, кто находится ближе к нам и не подвергается особому риску.

Люди бросились выполнять его приказы. Это впечатляло. До сих пор мне еще не приходилось видеть Марконе вот таким — подвижным, решительным и абсолютно уверенным несмотря на царивший вокруг кошмар. В этом тоже ощущалась энергия сродни

магической, нечто такое, что поддерживало какой-то порядок в окружавшем нас хаосе.

Что ж, я понимал, почему люди шли за ним. Как он смог подчинить себе преступный мир Чикаго.

Один из наемников выпустил у меня над ухом очередь, от которой я невольно дернулся.

— Знаете, что еще? — спросил я у Марконе. — Мне эта пещера не слишком нужна. Думаю, и вам тоже.

Марконе прищурился, кивнул и бросил что-то через плечо одному из наемников.

— Дрезден, я буду вам премного благодарен, если вы попросите сержанта отпустить моего сотрудника.

— Мёрф, — обратился я к ней. — Можешь ты переключиться на кого-нибудь одной с тобой весовой категории? — я не отказал себе в удовольствии полюбоваться секунду на выражение лица Хендрикса. — Да, и он нам нужен с дееспособной рукой.

Мёрфи ослабила давление и отпустила руку Хендрикса. Здоровяк покосился на нее, потер кисть, но молча встал и подобрал свой ручной пулемет.

— Гарри, — напомнил Томас звенящим от напряжения голосом. — Надо действовать.

— Угу, — кивнул я. — Томас, Мёрфи и... — нам не помешала бы ударная масса. — Хендрикс — со мной.

Хендрикс оглянулся на Марконе, и тот кивнул.

— Следуйте за мной, — сказал я. — Держитесь... что вы задумали, Марконе?

Марконе взял у одного из своих людей оружие — маленький, смертоносный пистолет-пулемет МАС-10, способный выплюнуть миллион пуль за секунду или две. Он проверил предохранитель и прицепил его ремешок к карабину на своем жилете.

— Я иду с вами. И у вас нет времени на препирания со мной на этот счет.

Чтоб его. Он был прав.

— Хорошо. Идите за мной и не отставайте. Нам нужно забрать лорда Рейта и вытащить его и всех, кого сможем еще, отсюда прежде, чем...

Марконе резко вскинул дробовик и разрядил один ствол в одного из лежавших вокруг нас вурдалаков, который вдруг начал шевелиться. Тот задергался, и он разрядил в него второй ствол. Вурдалак затих.

Только тут я обратил внимание на то, что сочившаяся из вурдалаков черная кровь, залившая весь пол...

...шевелится.

Сама собой.

Черная жижа колыхалась и перекачивалась как жидкая ртуть, собираясь из отдельных капель в лужи побольше. Те, в свою очередь, ползли по полу — в отдельных случаях по уклону вверх! — к изуродованным телам вурдалаков. На моих глазах зияющие, рваные раны начали зарастать, заполняясь этой жижей. Тот, которому снес башку выстрелом Томас, уже полз по полу, восстановив по крайней мере часть контроля за своими ногами. Уцелевшей лапицей он прижал оторванную голову к обрубку шеи, и сочившаяся с двух сторон кровь начала сращивать их. Пасть вурдалака резко закрылась, лязгнув зубами, глаза моргнули и повернулись.

Уставившись в меня.

Вот блин.

Время. Времени у нас оставалось в обрез. Если даже обезглавленные и выпотрошенные вурдалаки способны восстанавливаться, у вампиров просто не было шансов на победу. Все, на что они могли надеяться — это на бегство... впрочем, если бы они и могли сбежать сейчас из пещеры, оставшиеся не у дел вурдалаки навалились бы на нас всем скопом. Ну, или сделали бы что-нибудь еще омерзительнее, чем делали до сих пор, и мы все померли бы от рвоты.

— Ладно, хуже уже не будет, — буркнул я. — Пошли.

Я сжал посох обеими руками и ринулся вперед, в самую гущу обезумевших вампиров и

вурдалаков. Спасать одних монстров от других.

Глава СОРОКОВАЯ

Я бежал к небольшой группе вампиров, оборонявшихся вокруг Белого Короля, пока десятки супервурдалаков рвали в клочья представителей главных кланов Белой Коллегии. В одном месте я поскользнулся на черной крови, но ухитрился не упасть. Что ж, при моей ловкости и это неплохо.

По дороге я отмечал для себя новые детали — а еще начал думать вперед на время, большее чем несколько секунд. Допустим, нам удастся пробиться к Белому Королю без потерь и убедить Лару идти с нами. А что потом? Каким будет наш следующий шаг?

По меньшей мере дюжина вурдалаков ломанулась вверх по туннелю к выходу из пещеры. Узкий проход давал им неплохие шансы помешать смертной охране Лары прорваться на выручку своему королю. Одно дело отражать огнем атаку неприятеля на открытом пространстве. Совсем другое дело — пытаться справиться с крупным, ловким и сильным хищником в рукопашном бою. Шансов на выигрыш здесь, скажем так, немного.

И, конечно, занявшим туннель вурдалакам не составило бы труда перехватить любого, кто попытался бы бежать. Из этого следовало, что уходить нам придется через мой проем в Небывальщину, а из этого, в свою очередь, следовало, что если Рамирес и люди Марконе не удержат его, нам всем крышка. А уже из этого следовало, что, если Коул действительно здесь и видит, что происходит, он вряд ли будет сидеть, сложа руки.

Возможно, защищай ворота я сам, я смог бы справиться с ним. Не то, чтобы я очень умел, но я достаточно силен, и я умею пользоваться своей силой достаточно изобретательно. В прошлом Коул дважды начистил мне ряшку, но мне достаточно было просто задержать его, а размазать его по стенке можно попытаться в другой раз. Даже если я и не представлял собой для него особой угрозы, я вполне мог связать его боем на достаточный срок, чтобы все успели уйти.

Рамирес не мог и этого. Как боевой чародей он представляет собой серьезную угрозу, но его выучки просто недостаточно для того, чтобы хоть как-то мешать Коулу. Если Коул — или, если уже на то пошло, Витто — увидит, что происходит, и вурдалаки сосредоточат свои усилия на проеме...

Крики и вопли боя вдруг сделались громче, и я увидел, что сопротивление лорда Скави и его придворных сломлено. Пожалуй, торжествующий визг вурдалаков, ринувшихся в образовавшуюся в обороне Скави брешь, навел едва ли не больше ужаса, чем последовавшая за этим бойня. Я увидел в самой гуще этого кошмара Витто Мальвора — он толкал одного вурдалака на раненого вампира, отдавал команды другим. Самые крупные вурдалаки действовали с Витто.

— У этого вампира ударный кулак из этих тварей! — крикнул мне на бегу Марконе. — Он ликвидирует с их помощью очаги сопротивления.

— Вижу, — огрызнулся я. — Мёрфи, Марконе, прикрывайте справа. Хендрикс, Томас — приготовились входить.

— Куда входить? — не понял Хендрикс.

Я взял посох в правую руку, взгляделся в бой, кипевший вокруг Белого Короля, и изготовил волю и Адский Огонь.

— В брешь, которую я сейчас пробью, — буркнул я. — Уберу их.

— Они пока заняты... едой. Но как только мы оторвем их от этого, — предостерег меня Марконе, — те, остальные, тоже навалятся на нас.

— Знаю, — бросил я. — Справлюсь.

Что-то теплое прижалось к моей спине — плечи Мёрфи.

— Надо удостовериться, что... — голос ее осекся, и маленький автомат в ее руках выплюнул три короткие очереди, прерываемые громкими хлопками дробовика Марконе. —

Черт подери, близко...

— Еще один, — предупредил Марконе, и его дробовик рывкнул еще раз.

Рог в руках у Жюстины загудел совсем уже отчаянно.

— Гарри! — крикнул Томас.

— Пошли! — скомандовал я Томасу и Хендриксу и нацелил посох на ближнюю к нам группу супер-вурдалаков.

— *Forzare* ! — рывкнул я.

Моя воля, усиленная Адским Огнем Ласкиэли, устремилась на вурдалаков и разорвалась в самой их гуще огненным шаром. В воздухе запахло серой. Взрыв разметал вурдалаков, превратив их в причудливых летающих существ. Некоторые, пролетев сквозь водяную завесу за тронем, рухнули в бездонную трещину. Другие с силой врезались в ближнюю стену, а некоторые долетели даже до тех своих собратьев, которые приканчивали лорда Скави и остатки его воинства.

Томас с Хендриком ринулись вперед. Мой брат сунул обрез в наплечную кобуру и держал теперь в одной руке свою саблю, а в другой — свой изогнутый нож. Первый вурдалак, до которого он добежал, еще не оправился от взрыва, разметавшего его собратьев, и Томас не дал ему шанса оправиться. Сабля отсекала ему руку, а потом и голова слетела с плеч от косого удара ножа. Удар ногой в спину сломал твари позвоночник и швырнул ее обезглавленное тело на стоявшего следующим.

Хендрикс не отставал от Томаса. Возможно, здоровяк при всей своей мускулатуре и уступал силой вурдалакам, но у него имелось одно солидное преимущество — масса. Хендрикс человек крупный, веса в нем триста с лишним фунтов, и, увидев раз, как он врезался в толпу вурдалаков, я оставил последние сомнения в его прошлой футбольной карьере. Он всем телом ударил не пришедшего еще в себя вурдалака в спину, отчего тот плашмя размазался по полу, продолжая это же движение врезал прикладом своего ручного пулемета по шее вурдалака, пытавшегося напасть на Томаса с фланга, и тут же, не давая тому опомниться, отшвырнул его плечом в сторону.

Томас зарубил еще одного вурдалака, Хендрикс прорвался мимо пятого, оказавшегося не готовым к такому таранному прорыву, и мы вдруг оказались перед цепочкой языческих богинь, измазанных черной кровью.

В центре стояла Лара. Белое кимоно ее, пропитанное темной кровью, облепило тело, не оставляя особого простора воображению. Волосы ее тоже до корней пропитались этой гадостью и липли к забрызганной черным щеке и тонкой шее. В обеих руках она держала по длинному, с извилистым клинком ножу, такому длинному, что их можно было считать за небольшие мечи — одному Богу известно, где она их прятала прежде. Глаза ее торжествующе сияли серебром, и я рывком отвел от них свой взгляд, потому что испытал безумное желание просто постоять и посмотреть, что будет дальше.

В эту минуту Лара была не просто вампиром Белой Коллегии, суккубой, бледной и смертоносной. Она превратилась в напоминание о тех давно прошедших днях, когда человечество поклонялось окровавленным богиням войны и смерти, которые даровали силу хранительницам очага. Ту самую силу, которая и сегодня помогает слабым женщинам приподнимать машины, освобождая забравшихся под них детей. Энергия Лары, голая сила, окружала ее сейчас незримой, но явственно ощутимой аурой.

По обе стороны от нее стояли две ее сестры, такие же высокие, такие же прекрасные, такие же волнительные и окровавленные, вооруженные такими же короткими мечами. Я не знал ни ту, ни другую, но когда они посмотрели на меня своими безумными, но манящими взглядами, мне потребовалось секунды две-три, чтобы прийти в себя и вспомнить, что же, черт возьми, происходит.

Лара сделала шаг в мою сторону, качнув бедрами, скользнув по мне взглядом своих ослепительных глаз, и я вдруг испытал внезапное желание пасть на колени, ударившее мне в мозг и в... в общем, во все, что можно. То есть, подумал я, а что такого? Только представьте себе, что за вид открывался мне с этого ракурса. И потом, сколько времени прошло с тех пор,

как женщина...

Я смутно расслышал стрекот Мёрфиного автомата, буханье дробовика Марконе, тряхнул головой и очнулся.

— У нас нету времени на эти игры, — прохрипел я Ларе, испепелив ее взглядом. — Хотите убратъся отсюда или нет?

— Томас! — вскричала Жюстина. Она вынырнула из-за Лары и ее сестер и с разбега бросилась в объятия моего брата. Не выпуская из пальцев ножа, Томас охватил ее рукой и крепко прижал к себе. Я бросил взгляд на его профиль, и лицо его изменилось, словно принадлежало другому человеку. Томаса всегда отличала уверенность. Чем бы он ни занимался — шутил, бездельничал или ругался со мной, вид он всегда имел примерно один и тот же: самодостаточный, уверенный, довольный собой и безразличный к окружающему его миру.

В объятиях Жюстины он казался скорбящим. Он прижимался к ней, обнимая ее не только руками, но всем своим телом до последней клеточки, и все черты его лица сделались мягче, словно он избавился вдруг от невыносимой боли, о которой я и не подозревал. Впрочем, я заметил, что кожи друг друга ни он, ни Жюстина не касались.

— А, — произнесла Лара. Голос ее звенел серебром, что было очень красиво и совершенно дико. — Истинная любовь.

— Дрезден! — крикнул Марконе. Хендрикс вздрогнул — все это время он, оказывается, стоял рядом со мной и глазел на сестричек Рейт с тем же самым, должно быть, выражением, с каким смотрел на них я — и грохот его пулемета добавился к пальбе Марконе и Мёрфи.

— Рейт! — заорал я. — Предлагаю альянс между нами до тех пор, пока мы не выберемся отсюда живыми.

Секунду или две Лара смотрела на меня пустыми серебряными глазами. Потом она моргнула, и они немного потемнели. На мгновение взгляд ее затуманился, и она опустила голову. Из-за спин своих дочерей вышел и остановился передо мной лорд Рейт.

— Конечно, Дрезден, — произнес он ровным, спокойным голосом. Даже внимательный наблюдатель, не знакомый с обстоятельствами, не заметил бы стеклянного блеска его глаз или чуть смазанных ударений в словах. То есть, держался он очень даже ничего, но не знаю, много ли его собственного рассудка оставила ему Лара. — Хотя для меня честь воспользоваться вашим покровительством перед лицом этой измены, я чувствую себя неловко в свете...

— Да, да, конечно, ладно! — рявкнул я, глядя мимо него, на Лару. — Бежим, быстро — все речи потом.

Лара кивнула и быстро огляделась по сторонам. Побоище пережили не больше двух десятков членов клана Рейтов. Оставшиеся не у дел вурдалаки, отброшенные нашей неожиданной вылазкой, кружили вокруг нас, держась вне досягаемости холодного оружия, но достаточно близко, чтобы наброситься при малейшей возможности. Они явно дожидались, пока остальные окончательно разделаются с остатками Скави и Мальвора, чтобы вместе гарантированно одолеть нас.

У прохода солдаты Марконе выводили из пещеры длинную цепочку невольников в белом. Их уцелело больше, чем я ожидал, и я даже удивился этому, пока не заметил, что кружившие голодными хищниками вурдалаки почти совершенно игнорируют пассивных невольников, интересуясь теми, кто представлял для них настоящую угрозу — пастухами оглушенного человеческого скота.

— Дрезден! — крикнул Марконе. Его дробовик гроыхнул еще раз и лязгнул пустым затвором. Автомат Мёрфи продолжал строчить, и я услышал, как он заряжает магазин новыми патронами. — Они приближаются.

Я буркнул что-то в знак того, что услышал, и повернулся к Ларе.

— Захватите невольников.

— Что?

— Захватите чертовых невольников! — рявкнул я. — Или можете оставаться здесь в свое удовольствие!

Лара бросила на меня взгляд, который заставил бы меня всерьез опасаться за свою жизнь, не будь я таким крутым парнем, но лорд Рейт тут же повернулся к окружавшим его вампирам.

— Захватите их!

Я повернулся, накачивая в посох новую порцию Адского Огня и ясно осознавая, что магия моя на пределе. Я и так сделал слишком много, так что сил у меня почти не оставалось. И ведь мне предстояло еще одно заклятие, если я хотел, чтобы хоть кто-нибудь из нас выбрался отсюда. Мёрфин автомат продолжал строчить, пулемет Хендрикса — тоже, и я услышал, что солдаты Марконе у прохода тоже открыли огонь. Значит, вурдалаки в том конце пещеры начали отрываться от останков Скави и Мальвора.

— Живо! — произнес я. — Живо, живо, живо!

Мы двинулись к моему проходу. По дороге вампиры собирали невольников, толкали их в середину нашего отряда, окружая их кольцом. В самом центре шел Рейт в окружении своих вооруженных мечами дочерей, а невольники, в свою очередь, образовали вокруг них плотный живой щит. Лара и здесь ухитрилась обернуть то, что считала помехой, себе на пользу. Просто такая уж у нее логика.

Мы перемещались быстрым шагом, почти бегом — и тут послышался громкий, почти человеческий крик, волна магической энергии хлестнула по моим чародейским чувствам, и свет в пещере погас.

Вообще-то система освещения в пещере у Рейтов была высшего качества. Она не дала ни одного сбоя на протяжении всей дуэли — это при том количестве магических энергий, которыми швырялись мы с Рамиресом. И даже не один, а целых два проема в Небывальщину не сказались на ее работе. Это говорило о том, что Рейт не пожалел денег на проводку и ее защиту — но нет в мире такой электросхемы, которую чародей не смог бы вывести из строя направленным усилием, и эта не стала исключением.

Пока я поднимал посох, чтобы осветить им хоть часть помещения, мой мозг лихорадочно выстраивал логическую цепочку. Витторио видел, как мы прорываемся к выходу — а может, это увидел Коул, хотя я снова напомнил себе, что присутствие Коула остается пока чисто теоретическим, как бы ни подтверждало эту теорию стечение обстоятельств. Отсутствие света не является помехой ни для вампиров, ни для вурдалаков — значит, он пытается помешать нам, людям. Погрузив пещеру в черную как воды Стикса тьму, он практически нейтрализовал воинство Марконе и замедлил передвижение спасающихся невольников, а значит, и охраняющих их вампиров.

Мой посох изготовлен не в качестве источника света, но это многоцелевой инструмент, и я, накачав в него еще немного Адского Огня, поднял его над головой, и пылающие на его поверхности знаки и руны осветили темноту.

И, делая это, я сообразил, для чего еще нужна темнота.

Для того, чтобы заставить людей включать другие источники света.

И в первую очередь чтобы добиться реакции, единственно возможной от чародея, внезапно оказавшегося в темноте. Тем или иным способом, первым делом чародей, оказавшийся в подобной ситуации, первым делом врубает свет. И еще, мы делаем это очень быстро — быстрее, чем сумеет добыть свет любой другой лишенный магии человек.

Поэтому, засветив свой посох, я сообразил, что тем самым объявил о своем точном местонахождении всем до единого гребаным монстрам в этой гребаной пещере. Темнота была ловушкой, призванной добиться от меня этой реакции — и я вляпался в нее прямиком.

Вурдалаки яростно взревели и бросились ко мне; сотня алых лучей рисовала искаженные руны на окровавленных лыках, когтях, отражалась бликами в жутких голодных глазах.

Вокруг меня грянули выстрелы, изрешетившие первый ряд надвигавшихся вурдалаков. Этого оказалось недостаточно. Пули рвали тварей на части, но те продолжали стремиться

вперед. И тут Мёрфин автомат щелкнул пустым затвором.

— Перезаряжаю! — крикнула она, выбросила пустой магазин и отступила на шаг — а вурдалак, которого она только ранила, продолжал надвигаться на меня.

Громыхнул дробовик Марконе, и этот вурдалак упал, но когда Марконе передернул цевье, патронник опустел. Он отшвырнул его и сорвал с жилета маленький пистолет-пулемет. Секунду или две он косил его огнем вурдалаков, поводя стволом из стороны в сторону — а потом опустел и его магазин.

Новая волна вурдалаков ринулась вперед, перепрыгивая через скошенных огнем.

И тут вперед вышел я.

Мёрфи с Марконе дали мне достаточно времени, чтобы заклятие, сложившись в моем мозгу, наполнилось моей волей и отлилось в огонь. Я взмахнул посохом над головой и, резко опустив его, с силой ударил его концом в каменный пол.

— Flammamurus! — выкрикнул я.

Послышались треск, скрежет, и из каменного пола пещеры вырвался огонь. Он разбежался прямой линией на тридцать или сорок ярдов в обе стороны от точки удара, и фонтаны расплавленного камня выстроили огненную завесу высотой в десять или двенадцать футов, наклоненную в сторону нападавших на нас вурдалаков. Брызги расплава окатили их, и волна наступавших разбилась об эту стену камня и огня, наполнив пещеру воплями боли и — в первый раз за весь вечер — страха.

Стена отрезала от нас половину находившихся в пещере вурдалаков и скрыла нас от взгляда Витторио. Ну, и света теперь хватало, чтобы ориентироваться.

— Блин-тарарам, а все-таки я молодец, — прохрипел я.

Сил заклятие отняло у меня изрядно — даже с учетом помогавшего мне Адского Огня, — и я пошатнулся, а руны на моем посохе погасли.

— Гарри, слева! — взвизгнула Мёрфи.

Я повернул голову налево как раз вовремя, чтобы увидеть, как наполовину обгоревший вурдалак, оттолкнув Хендрикса как тряпичную куклу, бросился на меня, а еще двое, вынырнув из темноты, готовились последовать его примеру.

Я совершенно не сомневался, что совладаю с первым вурдалаком — с учетом того, что из огня он выбрался ненамного тяжелее ломтя хлеба и еще не вспомнил, как пользоваться клыками и когтями. Впрочем, на случай, если в натуре он все-таки весит больше, чем на вид, я изготовил браслет-оберег.

На секунду передо мной распустился невидимый купол защитного поля, вурдалак отлетел от него — и усилие, которого это от меня потребовало, почти оглушило меня. Я упал.

Вурдалак вскочил и снова бросился на меня. Из-за группы вампиров и невольников вынырнул Томас и напал на двух его сородичей с тыла. Бледное лицо моего брата почти светилось, глаза расширились от страха, и я ни разу еще не видел, чтобы он двигался с такой скоростью. Он перерубил обоим ноги — легко сказать «перерубил», учитывая толщину мышц и костей — и оставил их валяться на земле, где их тут же растерзали другие Рейты. Томас тем временем прыгнул на первого вурдалака.

Он опоздал на какую-то секунду.

Вурдалак с жутким воем навалился на меня. У меня не хватало сил оторваться от пола и встретить своего убийцу на ногах.

К счастью, у меня хватило сил на то, чтобы достать из кармана ветровки револьвер. Я с удовольствием сказал бы вам, что ждал до самого последнего мгновения, чтобы стрелять наверняка — вот какие у меня стальные нервы. Но, по правде говоря, нервы мои изрядно расшатались, и я просто слишком устал, чтобы бояться. Я едва успел прицелиться, прежде чем эта тварь распахнула пасть достаточно широко, чтобы разом откусить мне голову.

Я не помню, как нажимал на курок, но пистолет рывкнул, и голова вурдалака дернулась назад прежде, чем он успел сомкнуть челюсти. А потом меня больно придавили, и я вдруг не мог вздохнуть.

— Гарри! — крикнул Томас.

Сдавливавший мне грудь вес куда-то исчез, и я жадно глотнул воздух. Потом высвободил левую руку и врезал вурдалаку рукоятью револьвера.

— Полегче! — крикнула Мёрфи. — Полегче, Гарри! — ее маленькие, но сильные пальцы перехватили мое запястье и осторожно отобрали у меня пистолет. До меня дошло: мне еще сильно повезло, что он не выстрелил еще раз, пока я мутузил им вурдалака.

Томас сдернул с меня труп, и тот бесформенной грудой повалился на пол. Верхняя часть головы его исчезла, словно ее и не было.

— Славный выстрел, — заметил Марконе. Я оглянулся и увидел, что он поднимает с пола бледного, в испарине Хендрикса, подхватив того подмышки. — Ну?

Томас рывком поднял меня на ноги.

— Пошли. Некогда отдыхать.

— Верно, — согласился я. — Лара, гоните их дальше!

Мы двинулись дальше к проходу, прикрытые с одного фланга огненным занавесом. Черт, я с трудом просто переставлял ноги одну за другой. До меня даже не сразу дошло, что с одного бока меня поддерживает Жюстина, и что я иду в толпе невольников, рядом с Белым Королем и его охраной.

Вампиры растянулись полукругом, прикрывая наше бегство. Правда, бежать мы не бежали. Мы двигались шагом, и нас окружали безумные, адские краски, тени и отчаяние. Автомат Мёрфи огрызнулся огнем еще несколько раз и смолк. Я услышал басовитые хлопки моего револьвера, покосился на свою руку и, ясное дело, пистолета в ней не обнаружил.

— Бросьте их! — услышал я команду Лары, и ее холодный серебристый голос прозвучал в моих ушах почти музыкой. — Не задерживайтесь. Держитесь плотнее. Не давайте им найти брешь.

Мы шли, и с каждой секундой вампиры все больше отчаивались и все меньше походили на людей. Вурдалаки рычали, визжали и умирали. Рейты тоже. Прохладный средиземноморский воздух пещеры сменился парниковой жарой, и у меня складывалось впечатление, что в воздухе чего-то не хватает... похоже, воздуха. Я тяжело дышал, но в легкие попадало его слишком мало.

Я продолжал поднимать ногу, ставить ее и поднимать другую. До меня смутно доходило, что Марконе за моей спиной делает то же самое, помогая при этом Хендриксу.

Я скосил глаза налево и увидел, что фонтаны расплавленного камня начинают слабеть. В общем-то этого стоило ожидать: это заклятие не из тех, которые надо поддерживать, подкачивая в них энергию. Вся прелесть магии, связанной с землей, в ее инерции. Стоит раз привести ее в действие, и ее хватает на некоторое время. Я накачал в эти чертовы камни уйму огненной магии, и она только сейчас начала иссякать.

Именно это сейчас и происходило. Заклятие начинало иссякать. Точно так же, как я сам.

Занавес опускался медленно, редая, остывая, и я мог уже разглядеть сквозь него готовых к атаке вурдалаков. Я вяло отметил про себя, что еще пара мгновений — и они смогут наброситься на нашу компанию оглушенных невольников, раненых гангстеров и изможденных чародеев, и помешать им, в общем-то, некому.

— О Господи, — прошептала Жюстина. Она тоже это заметила. — О Господи.

Вурдалаки, разумеется, тоже видели, как опускается занавес. Они подались вперед, к самой кромке слабеющей завесы, не обращая внимания на раскаленный пол. Несколько десятков тварей ждали первого шанса броситься вперед и выгрызть нам лица.

Что-то ослепительно-яркое, зеленое чиркнуло вдоль их ряда. Оно насквозь пронзило двух первых вампиров, оторвало третьему руку у самого плеча и продолжало полет прямо сквозь белый трон, оставив в его спинке дыру размером с хорошую бельевую корзину.

Рамирес ждал, что они выстроятся вот так.

Он стоял всем весом на здоровой ноге, разведя руки в стороны — в дальнем конце опадающей огненной стены, только со стороны вурдалаков. Те повернулись, было, в его

сторону, но он движением стрелка из вестерна выбросил руки вперед, снова опустил, снова вскинул, и с каждым движением все новые заряды зеленого света косили вурдалаков одного за другим.

Те, кто стоял ближе к нему, сделали попытку атаковать его, но Рамирес уже знал, чего можно от них ожидать, и не собирался оставлять им ни малейшего шанса. Он швырял в них один заряд за другим, в результате чего перед ним выросла грудa... нет, не вурдалаков, а их дергающихся ключев. Тех, что стояли чуть дальше, постигла в точности та же участь. Потоки черной крови катились по полу пещеры до тех пор, пока он не начал напоминать палубу корабля в разгар какого-то безумного шторма.

— Чего ждешь, Дрезден? — крикнул Рамирес. — Еще раз поиграешь в вулкан, и от тебя вообще ничего не останется! — очередная, особенно удачная зеленая молния оторвала головы сразу двум вурдалакам. — А это как тебе нравится?

Мы немного ускорили шаг.

— Неплохо, — откликнулся я. — Тем более, для девственника.

Темп его скорострельности начинал уже падать, но подначка явно добавила ему ярости, и он продолжал канонаду с удвоенной силой. Вурдалаки взвыли от досады и попятились от остатков огненной стены — и от Стража, чья магия рвала их на куски.

— Какая боль! — нараспев, как пьяный выкрикнул Рамирес, швыряя последнюю пару зарядов вслед бегущим вурдалакам. — Вау! Ка-акая боль! Какая боль быть круче всех!

Что-то свистнуло, блеснула сталь, и один из ножей Витто ударил Рамиреса в живот с такой силой, что сбил его с ног и швырнул на пол.

— Раненый! — рявкнул Марконе. Мы подошли к проему так близко, что я уже видел струившийся из него голубой свет. Марконе махнул рукой и ткнул пальцем сначала в Рамиреса, потом в Хендрикса. Вооруженные мужчины — наемники; у обычных гангстеров просто не может быть такой дисциплины — ринулись вперед, подхватили Рамиреса и, бесцеремонно расталкивая невольников, потащили его к проходу.

Я оторвался от Жюстины и, шатаясь, подошел к Рамиресу. Нож попал ему в живот. Погано попал. На Рамиресе был кевларовый жилет, который плохо защищает от узких клинков, но по крайней мере не дал ножу уйти в мягкие ткани с рукоятью. Я знал, что там проходят крупные кровеносные сосуды, но не мог определить по положению рукояти, задеты ли они. Лицо его сделалось бледным как мел, и веки поднимались с видимым усилием. Неловкое движение подвернуло ему ногу, выставив на обозрение нож.

— Черт меня подери, Гарри, — прохрипел он. — У меня в ноге нож. И когда это меня угораздило?

— Во время дуэли, — ответил я. — Ты что, не помнишь?

— Я решил, это ты со мной столкнулся и оцарапал, — отозвался Рамирес и снова зажмурился. — Чтоб меня. У меня еще и в потрохах нож, — он опустил взгляд. — Причем такой же.

— Лежи и не дергайся, — наказал я ему. Вампиры, невольники и наемники лезли в проход. — Ты только не шевелись, ладно?

Он начал говорить что-то, но ударившийся в панику вампир, пробегая мимо, задел его больную ногу. Лицо Рамиреса перекосилось от боли, а потом он обмяк, и глаза его закрылись. Он выронил посох, и я подобрал его и сунул ребятам, затаскивавшим его в проем. Бой тем временем приблизился, и основной натиск наступающих вурдалаков пришелся на вампиров.

— Долго еще? — услышал я голос Марконе, обращавшегося к одному из его людей.

Тот сверился с часами — дорогими, швейцарскими, с пружинами, колесиками и всеми прочими причиндалами.

— Три минуты, одиннадцать секунд, — отозвался тот.

— Сколько зарядов?

— Шесть двойных.

— Эй, — окликнул я Марконе. — Не слишком ли торопитесь?

— Еще чуть потянуть — и все лишится смысла, — ответил Марконе. — Идти можете?

— Да, идти могу, — огрызнулся я.

— Я могу приказать кому-нибудь нести вас, — без тени издевки предложил Марконе.

— Идите вы, — буркнул я. — Мёрфи?

— Я! — откликнулась Мёрфи. Она отходила в числе последних, прикрывая нас от начинавших приходить в себя вурдалаков. Ее автомат-коробочка висел на перекинутом через плечо ремне, а в руках она сжимала мой револьвер сорок четвертого калибра — смотревшийся в них до комичного большим.

— У Рамиреса нож в животе, — сказал я. — Мне нужно, чтобы ты за ним присмотрела.

— Это тот, второй Страж, да?

— Угу, — кивнул я. — Его уже вынесли в проход.

— А ты?

Я мотнул головой и проверил, хорошо ли меня прикрывает моя ветровка.

— Мальвора еще здесь. Он может попытаться закрыть проход или выкинуть еще какую-нибудь пакость. Уйду одним из последних.

Мёрфи бросила на меня скептический взгляд.

— Вид у тебя — непонятно, как ты еще на ногах держишься. Ты вообще в состоянии заниматься хоть какой-то магией?

— Верно, — буркнул я и протянул ей свой посох. — Может, ты ей займешься?

Она пристально на меня посмотрела.

— Хитрожопых никто не любит, Гарри.

— Ты шутишь? До тех пор, пока хитрожопые разговаривают с кем-то другим, в них души не чают, — я устало улыбнулся ей. — Пшла вон отсюда.

— Как мы выйдем оттуда? — спросила она. — Сюда нас вел Томас, но...

— Он и выведет, — сказал я. — Или кто-нибудь из других. Или Рамирес, если только какой-нибудь идиот не убьет его, пытаясь помочь.

— Если тебе все равно, то я предпочла бы, чтобы это делал ты, Гарри, — она коснулась моей руки и прыгнула в овал проема. Я увидел еще, как она спешит по глубокому, по колено снегу к Рамиресу, лежавшему под сосной на своем сером плаще. Вокруг толпились невольники, и вид они имели смятенный, что вполне естественно, и замерзший, что с учетом их гардероба еще естественнее.

— Наши все! — крикнул один из наемников. — Две минуты, пятнадцать секунд!

Ему пришлось как следует надрывать глотку. Ближний к нам вурдалак находился в каком-то десятке футов от нас, атакуя, если это можно так назвать, тонкую белую цепочку Рейтов. Среди последних отбивался, вращая клинками как пропеллером, мой брат.

— Уходите! — приказал Марконе, и солдат нырнул в проход. Марконе, уже с новым дробовиком в руках, остановился рядом со мной. — Дрезден?

— Чего вы ждете, чтоб вас?

— Если вы забыли, — ответил он, — я подрядился вытащить вас отсюда живым. Я не уйду, пока не сделаю этого.

С места, где я стоял, видны были три связки взрывчатки со вставленными детонаторами и примотанными к ним скотчем старомодными, пружинными таймерами. Они просто лежали на полу; еще три, должно быть, разместили где-то у стен пещеры. Я не имел ни малейшего представления о том, сильный ли они причинят ущерб, но в любом случае предпочел бы оказаться от них подальше, когда они рванут. Увы, бедным вурдалакам предстояло полюбоваться фейерверком.

— Томас! — крикнул я. — Пора!

— Уходим! — скомандовал Томас, и вампиры разом оставили позиции и бросились к проходу. Все, кроме одного, высокой женщины, которая...

Я зажмурился. Будь я проклят, это была Лара.

Остальные вампиры уже лезли в проем, а Томас с сестрой стояли — одни против целой орды восьмифутовых вурдалаков. И ведь стояли!

Кожа их сделалась белее ледникового льда, глаза излучали серебро, и двигались они с ослепительной скоростью и совсем уже нечеловеческой грацией. Сабля его рубила направо и налево, разбрызгивая черную кровь, и ей вторили разящие удары его кукри.

(Ага, верно, так и называется этот его кривой нож. Я так и знал, что рано или поздно вспомню его название).

Лара в облепивших ее тело волосах и изорванном кимоно прикрывала его со спины. Силой она не уступала младшему брату, а скоростью, возможно, даже превосходила, и меч с волнистым клинком разил вурдалаков не менее эффективно. В общем, держалась эта парочка очень даже неплохо.

Увы, я хорошо понимал, что их старания обречены. Какими бы ловкими, какими бы сильными ни были Томас с Ларой, сколько бы вурдалаков они ни положили, черная кровь продолжала сползаться к поверженным телам, и первые изрубленные ими вурдалаки уже поднялись и снова включились в бой. Большинство их остались чудовищно изуродованными. За одними зелеными веревками волочили выпущенные кишки. У других не доставало половины черепа. По меньшей мере двое дрались вообще безрукими, пытаясь достать врага зубами. И уж по сравнению с красотой брата — и сестры-вампиров исковерканные тела вурдалаков казались еще более чудовищными, злобными.

— Господи, — выдохнул у меня над ухом Марконе. — В жизни не видел кошмара прекраснее.

Он был прав. Зрелище завораживало.

— Время? — хрипло спросил я его.

Он покосился на часы.

— Минута сорок восемь.

— Томас! — взревел я. — Лара! Ну!

По этой моей команде они мгновенно повернулись — должно быть, этого вурдалаки ожидали от них меньше всего — и бросились к проходу.

Я повернулся, чтобы последовать за ними — и тут ощутил это.

Едва заметную пульсацию, гудение энергии, показавшейся мне разом чужой и знакомой, тошнотворное, словно в воронку засасывает, ощущение — а потом внезапный шквал энергии.

Это была не магическая атака. Атака — это применение силы, которую можно предугадать, отразить или хотя бы ослабить. Это было на порядок существеннее. Это просто заявило о своем существовании, утверждая тем самым какую-то новую реальность.

Какая-то мысль буквально физическим ударом врезалась в меня — нет, не одна мысль. Целое ассорти мыслей, коктейль эмоций столь вязких, столь тяжелых, что я повалился на колени. Отчаяние захлестнуло меня. Я так устал я дрался, я боролся, а получил лишь хаос... значит, все мои старания пошли псу под хвост. Единственные мои настоящие друзья тяжело ранены или бежали с поля боя, бросив меня в этой адской пещере. Те, кто остался пока со мной — монстры того или иного рода, даже мой брат, вернувшийся к гнусной привычке кормиться на живых людях...

Следом за отчаянием навалился страх. Я лежу парализованный, а меня окружают неопишуемые чудовища. Еще пара секунд, и они накинута на меня. Я лежал лицом к проему, и хотя реальные события происходили за моей спиной, я видел, что все, абсолютно все попадали на землю, оставив проход незащищенным. Вампиры, невольники, смертные воины — все пали.

Потом настала очередь скорби. Мёрфи. Карлос. Я обрек их обоих на гибель.

Впустую. Все впустую.

Рядом со мной лежал на земле Марконе, и рядом с его бессильно откинутой в сторону рукой продолжал свой отсчет секундомер. Стрелка быстро перемещалась по кругу, и таймер на заряде пластита, лежавшего в десятке футов от нас, делал то же самое.

И тут я все понял. Это все дело рук Витторио Мальвора. Это жуткое, парализующее варево из самых темных сторон человеческой души лил в нас щедрым потоком именно он —

подобно тому, как Рейты внушают страсть, Мальвора — страсть, а Скави — отчаяние. Витто переплюнул их всех. Он собрал самое гадкое, что есть в человеке, и обратил это в отравленное, смертельное оружие.

И я ничего — ничегошеньки — не мог сделать, чтобы помешать ему.

Я лежал, глядя на циферблат часов Марконе, и думал, от чего мы все-таки погибнем: от зубов вурдалаков или взрывчатки?

Глава СОРОК ПЕРВАЯ

Где-то между 1:34 и 1:33 бегущая в обратном направлении стрелка вдруг остановилась. Или мне так показалось. Однако через несколько секунд стрелка дернулась еще на одно деление назад, и щелчок анкера показался мне гулким ударом. Я лежал, глядя на секундомер, и единственное, что меня занимало — это то, как забавно реагирует мой рассудок на неотвратно надвигающуюся смерть.

А потом я подумал, что у меня еще осталось достаточно воли, чтобы думать о чем-нибудь поважнее, чем ужас и отчаяние. Может, это вовсе так я реагировал на неминуемую смерть: отрицанием и эскейпистскими галлюцинациями.

— Не совсем так, хозяин мой, — послышался голос Ласкиэли.

Я заморгал, и это движение вышло куда более добровольным, чем секунду назад. Я сделал попытку оглядеться по сторонам.

— Не пробуй, — немного встревожено посоветовала Ласкиэль. — Ты можешь повредить себе что-нибудь.

Какого черта? Она что, ухитрилась каким-то образом замедлить время?

— Время не существует, — твердо заявила она. — Во всяком случае, в том смысле, в котором ты привык о нем думать. Я просто на время ускорила процессы в твоем сознании.

Секундомер бубухнул еще раз: 1:32.

Ускорила мой мозг. Что ж, логично. В конце концов, обычно мы используем не более десяти процентов его мощности. Никто не говорил, что его нельзя использовать более эффективно. Но, разве что...

— Да, — подтвердила она. — Это опасно, и я не могу поддерживать такой режим долго без риска причинить необратимый ущерб.

Я решил, что Ласкиэль собирается сделать мне предложение, от которого я не смогу отказаться.

Голос ее сделался резким, сердитым.

— Не валяй дурака, хозяин мой. Если ты исчезнешь, исчезну и я. Я просто пытаюсь дать тебе совет, который позволил бы нам выжить.

Ага, еще бы. И по странному совпадению, не касается ли этот совет монеты у меня в подвале?

— Почему ты проявляешь в этом вопросе такое упрямство, хозяин мой? — поинтересовалась Ласкиэль звенящим от досады голосом. — Взяв монету, ты не превратишься в раба. Это не лишит тебя возможности делать выбор.

Ну, поначалу нет. Но в конце концов я окажусь рабом настоящей Ласкиэли, и она это прекрасно знала.

— Не обязательно, — возразила она, и в голосе ее послышались умоляющие нотки. — Можно ведь достичь какого-то взаимопонимания, компромисса.

Конечно, если я с готовностью пойду навстречу всем ее предложениям, она не будет воображать, это уж точно.

— Но ты останешься жив, — настаивала Ласкиэль.

Какая разница, ведь монета погребена под толстым слоем бетона у меня в лаборатории...

— Это не препятствие, хозяин мой. Я могу подсказать тебе, как связаться с ней за

считанные секунды.

Бубух: 1:31.

Позади что-то громыхнуло. Шаги. Вурдалаки. Они приближались. Я видел лицо Марконе — не целиком; та часть его, которую я видел, искажилась в муке под гнетом психического прессинга Витторио Мальвора.

— Прошу тебя, — настаивала Ласкиэль. — Пожалуйста, позволь мне помочь тебя. Я не хочу умирать.

Я тоже не хотел.

Я закрыл глаза в ожидании очередной секунды.

Бубух: 1:30.

Это потребовало от меня изрядной воли и еще больше сил, но я ухитрился прошептать вслух: — Нет.

— Но ты умрешь, — с болью в голосе произнесла Ласкиэль.

Что ж, это должно было случиться рано или поздно. Правда, не обязательно сегодня ночью.

— Тогда быстро! Во-первых, ты должен ясно представить себе монету. Я могу помочь тебе...

Не так. Она могла помочь мне и без этого.

Молчание.

Бубух: 1:29.

— Я не могу, — прошептала она.

Мне казалось, что может.

— Я не могу, — повторила она. — Она этого не простит. Она не примет меня обратно в... просто возьми монету, Гарри. Возьми монету. П-пожалуйста.

Я стиснул зубы.

Бубух: 1:28.

— Нет, — повторил я.

— Я не могу этого сделать для тебя!

Неправда. Она уже частично оградила меня от внушения Мальвора. Собственно, для нее ситуация была проста: она могла сделать больше, чем уже сделала. Или могла не делать ничего. Выбор оставался за ней.

Ласкиэль в первый раз за вечер явилась передо мной воочию. Она стояла на коленях. Вид у нее был... странный. Слишком худой, со ввалившимися глазами. Она всегда казалась здоровой, крепкой и уверенной. Теперь же ее волосы сбились в бесформенную массу, лицо искажилось от боли, и...

...и она плакала. Лицо ее пошло пятнами, и ей очень не помешал бы носовой платок. Она касалась ладонями моих щек.

— Это может тебя покалечить. Может повредить твой мозг. Ты хоть понимаешь, что это значит, Гарри?

Трудно сказать. Может, жить с поврежденным мозгом даже приятно. С детства люблю желе. И может, в той психушке, куда меня запрут, будет кабельное ТВ. Все лучше, чем если мои мозги слопают вурдалаки.

Мгновение Ласкиэль молча смотрела на меня, потом усмехнулась сквозь слезы.

— Это твой брат. Твои друзья. Вот почему.

Если мне удастся ценой поджаренных мозгов вытащить Мёрфи, Рамиреса, Томаса и Жюстину из той заварухи, в которую я их впутал, игра стоит свеч.

Она снова молча смотрела на меня.

Бубух: 1:27.

А потом на лице ее мелькнула почти детская обида, и она оглянулась через плечо. Потом снова повернулась ко мне.

— Я... — она тряхнула головой. — Она... тебя не достойна, — произнесла она очень тихо, словно сама себе не веря.

Достойна или нет, падший ангел меня не получит. Ни за что.

Ласкиэль расправила плечи и выпрямилась.

— Ты прав, — сказала она. — Выбор за мной. Слушай, — она придвинулась ближе, пристально глядя мне в лицо. — Сила у Витторио не своя. Поэтому ему все и удастся так. Им владеет демон.

Я даже пожалел, что не могу округлить глаза. Демон? Какой еще демон?

— Из Иных, — сказала Ласкиэль. — Я еще прежде ощущала присутствие кого-то. Это нападение на вашу психику осуществлялось напрямую из сознания Иного.

Черт, это было уже интересно. Не то, чтобы критически важно, но интересно.

— Это критически важно, — возразила Ласкиэль. — В связи с обстоятельствами твоего рождения — в связи с причинами твоего рождения, Гарри. Твоя мать не случайно нашла в себе силы бежать от лорда Рейта.

О чем это она, черт возьми?

Бубух: 1:26.

— Имело место сложное сочетание событий, сил и обстоятельств, которые должны были дать рожденному при этом ребенку потенциальную способность обладать властью над Иными.

Чушь какая-то. Иные невосприимчивы к магии. Самые могущественные чародеи, потратившие на это столетия изысканий и тренировок, способны разве что немного замедлить их.

— Если так, не кажется ли тебе странным, что ты в шестнадцатилетнем возрасте победил одного из них?

Чего? С каких это пор? Единственная серьезная победа, которую я мог бы записать на свой счет, имела место сто лет назад, когда мой старый наставник напустил на меня демона-убийцу. Правда, обернулось все не совсем так, как рассчитывал ДюМорн.

Ласкиэль придвинулась еще ближе.

— Тот, Кто Идет Следом — Иной, Гарри. Ужасное существо, один из самых могучих Иных. Но когда он пришел за тобой, ты его одолел.

Верно. Одолел. Я до сих пор не очень понимаю, что же я сделал тогда, но финал помню хорошо. Трах-бабах, и никакого демона. Только дом горящий.

Бубух: 1:25.

— Слушай, — продолжала Ласкиэль, чуть тряхнув мою голову. — Ты способен совладать с Иными. Ты можешь защититься от сил, которые держат тебя сейчас. Если ты уверен, что хочешь именно этого, я могу дать тебе возможность сопротивляться тому, что наслал на вас Мальвора. Но тебе придется поспешить. Я не знаю, сколько времени потребуется, чтобы сбросить его, а они уже близко.

После чего, наверное, нам предстояло долго, обстоятельно беседовать о моей матери, об Иных и их связях с Черной Коллегией. И вообще о том, что, черт возьми, вообще происходит.

Ласкиэль — то есть, скорее, Лаш — коротко кивнула.

— Я расскажу тебе все, что смогу, Гарри.

Она встала, обошла меня и шагнула в сторону приближающихся вурдалаков и Витто Мальвора. Одежда ее негромко шуршала на ходу, а секундомер Марконе продолжал бубух...

Тик, тик, тик...

Всего секунду еще — один или два удара сердца, не дольше — я продолжал лежать, припиленный к полу этой психической гадостью. Потом странное ощущение охватило меня, и я даже не знаю точно, какими словами его описать — ну разве что как если ты делаешь шаг и с жестокого, испепеляющего солнечного света оказываешься в глубокой, прохладной тени. Терзавшая меня жуткая боль спала немного — совсем немного, но достаточно, чтобы я вдруг снова смог шевелить руками и головой, чтобы я знал, что могу действовать дальше.

До поры до времени я не шевелился.

— Моя! — взревел голос, настолько пропитанный жадой похоти и крови, что в нем не осталось ничего человеческого. — Она моя!

Шаги приблизились, топ-шлеп, топ-шлеп. Краем глаза я увидел чудовищно обожженную ногу Витторио. Ощущение блаженной тени начало слабеть по краям, и заклятие Витторио постепенно восстанавливало свое действие — так солнечный свет постепенно пробивается сквозь покрытое ледяными разводами стекло.

— Сучка маленькая, — прорычал Витторио. — Я сделаю с тобой такое, что у твоего отца кровь в жилах застынет.

Послышался тяжелый удар. Я чуть-чуть повернул голову посмотреть, что происходит вокруг меня.

Толпа до ужаса огромных вурдалаков, вот что происходило, и то, что их изрядно измочалили и изорвали в бою, не уменьшило их злости. Витторио, бледный, как смерть, с почерневшей головешкой вместо одной ноги, стоял над Ларой. Правую руку он держал высоко поднятой, с растопыренными пальцами, и я кожей ощущал исходящую от нее чудовищную энергию. Он поддерживал заклятие, приковавшее всех к земле — и, насколько я видел по реакции окружающих его вурдалаков, они тоже ощущали по крайней мере часть этого давления. Но, конечно, оно не лишало их способности двигаться, только немного сковывало движения. А может, они просто больше нашего привыкли к подобным ощущениям.

Он лягнул Лару в ребра — раз, другой, третий, с силой, от которой ломались кости. Лара негромко вскрикивала от боли, и, наверное, это в большей степени, чем все остальное, помогло мне вытолкнуть парализующее действие враждебной магии из моей головы. Я медленно пошевелил рукой. Судя по отсутствию воплей, никто этого не заметил.

— Пока с тебя хватит, сучка, — он повернулся к моему брату. — Я ведь давно собирался найти тебя, знаешь ли, Томас, — продолжал Витторио. — Изгой вроде тебя часто ищут себе друзей среди тех, кто не сковывает себя предрассудками и смело заглядывает в будущее. Однако ты как поганый пес — слишком уродлив, чтобы тебя пускали в дом, но преданно защищаешь хозяина, который относится к тебе с презрением. Что ж, твой конец будет не менее мучителен, чем ее, — он начал поворачиваться ко мне. Он улыбался. — Но прежде мы разберемся с надоедливым чародеем, — он закончил поворот. — Ожоги болят, Дрезден. Я не говорил, как я терпеть не могу огонь?

Грех было оставить без внимания такую иронию. Я дождался, пока он произнесет слово «огонь», повернулся и нажал на спуск дробовика Марконе.

Приклад больно лягнул меня в плечо: я не успел прижать его как положено, и даже заговоренная ветровка не смогла полностью смягчить удар. Зато заряд картечи оторвал правую руку Витторио чуть ниже локтя.

Насколько я слышал, ампутация не способствует сосредоточенности. В случае Витторио, по крайней мере, это было именно так, а поддерживать заклятие вроде того, что он использовал, без нужной сосредоточенности не получится. Я испытал резкий приступ чудовищного давления, когда физическая травма Витторио впрыснула в заклятие мощный заряд энергии — словно огромный сабвуфер взвыл от перегрузки. Вурдалаки хором взревели от боли, и это дало мне секунду или две, чтобы действовать.

Я подобрал под себя ноги и со всей силы лягнул Витторио в колено — здоровой ноги, разумеется. Удар по колену не доставит никаких неприятностей вампиру Красной Коллегии — их реальные тела все равно ходят коленками назад. А вампира Черной Коллегии рука, отстреленная из дробовика, разве что разозлила бы.

Витто не был ни тем, ни другим.

Когда он не питался энергией, почерпнутой из Голода, он мало чем отличался от смертного. А я, при том, что чародей и все такое, еще и довольно, скажем так, крупный тип. Высокий и тощий, да, но при таком росте даже тощие ребята чертовски тяжелы, и ноги у меня тоже сильные. Его колено подломилось, и он, взвизгнув, упал.

Прежде, чем он успел опомниться, я уже стоял на одном колене, прижав приклад к плечу, а длинный ствол уперев в нос Витторио.

— Назад! — орал я. Вообще-то я собирался изображать из себя хладнокровного и сильного, но голос у меня вышел злобный и не слишком обремененный здравомыслием. — Прикажи им отступить назад! Ну!

Лицо Витторио перекошилось от боли и неожиданности. Он уставился на дробовик, потом на меня, потом на оставшуюся от правой руки культю.

Я больше не слышал секундомера, но сознание домysлило звуковой эффект. Тиктиктиктиктик. Сколько времени осталось? Шестьдесят секунд? Меньше?

Окружавшие меня вурдалаки, оправившиеся от короткого приступа боли, начали негромко рычать — больше всего это напоминало рокот нескольких дюжин мотоциклов. Я не спускал взгляда с их босса. Если бы у меня имелась хотя бы секунда как следует разглядеть все подробности анатомии, готовые в любой момент впиться в мою плоть, я, возможно, не удержался бы от слез, а это как-то не по-мужски.

— Н-назад! — заикаясь выпалил Витторио. Потом произнес что-то на языке, показавшемся мне смутно знакомым, хотя самого слова я не понял. Он повторил это почти визжа, и вурдалаки попятились от нас — на пару дюймов, но попятились.

Тиктиктиктик.

— А теперь будет вот как, — сообщил я Витторио. — Я забираю своих людей. Я уйду в проход. Я закрываю его. Ты остаешься жив, — я чуть налег на дробовик, заставив его дернуться. — Или погибнем все. Мне как-то довольно все равно, так будет, или иначе, поэтому выбирать тебе.

Он облизнул пересохшие губы.

— Т-ты б-блефуешь. Нажми на курок, и вурдалаки убьют всех. Ты ведь не хочешь, чтобы они погибли ради удовольствия убить меня.

— День у меня сегодня был нелегкий. Я устал. Думается неважно. И, насколько эта ситуация видится мне, Витто, ты меня достаточно убивал сегодня, чтобы надоесть мне до смерти, — я прищурился и заговорил еще тише. — Или ты всерьез думаешь, что я позволю себе погибнуть, не прихватив тебя с собой?

Долгое мгновение он смотрел на меня, потом снова облизнул губы.

— Ид-дите, — произнес он. — Идите!

— Томас! — крикнул я. — Подъем, подъем! Некогда валяться и помирать.

Я услышал, как мой брат застонал.

— Гарри?

— Лара, вы меня слышите?

— Вполне, — отозвалась она. Судя по звуку, старшая сестра Томаса уже встала и находилась где-то совсем рядом со мной.

— Томас, бери Марконе и тащи его в проем, — я смерил Витторио свирепым взглядом. — Не шевелись. Даже дернуться не смей.

Витторио с лицом, перекошенным от боли, поднял левую руку ладонью вверх. Он истекал кровью, и его начало трясти. В лице его не осталось ничего воинственного. Он выпалил в меня своим главным калибром, и я сумел отбиться. Думаю, это напугало его до чертиков. Ну, и потеря руки тоже не подняла ему духа.

— Не стреляй, — выдавил из себя он. — Н-не стреляй, — он оглянулся на вурдалаков. — П-пустите их, — скомандовал он.

Я услышал, как застонал Марконе, и Томас охнул от натуги.

— О'кей, — произнес Томас у меня за спиной. — Мы прошли.

Продолжая целиться в Витторио, я встал. Мне приходилось очень сильно стараться, чтобы ствол дробовика не дрожал. Сколько еще секунд осталось? Тридцать? Двадцать? Мне приходилось слышать о людях, которые даже в таких диких ситуациях, как эта, ухитряются не сбиваться со счета, но я явно не принадлежал к их числу. Я сделал шаг и почувствовал Ларину спину, прижимавшуюся к моей. Краем глаза я видел, что вурдалаки окружали нас со всех сторон. Не будь ее там, один из них без проблем смог бы наброситься на меня со спины. Стоило бы мне отойти от Витторио на пару футов. Опа...

Я сделал шаг назад, заставляя себя двигаться ровно, плавно, хотя мои инстинкты буквально визжали, пытаюсь заставить меня бежать очертя голову.

— Еще три шага, — шепотом подсказала мне Лара. — Чуть левее...

Я скорректировал направление. Еще шаг, и я услышал за спиной свист зимнего ветра. Луч серебряного лунного света скользнул по стволу дробовика.

И тут я узнал, находился на самом деле здесь Коул, или нет.

Новый шквал энергии наждачной бумагой полоснул по моим чародейским чувствам, и какой-то внебрачный отпрыск кометы и птеродактиля вынырнул из темноты в дальнем углу пещеры. Взгляд мой достаточно свыкся с темнотой, чтобы различить тусклый овал багрового света, на фоне которого обрисовалась темная фигура в капюшоне — Коул, стоявший в своих воротах.

— Господин! — крикнул Витторио заплетающимся языком.

— Берегись! — взвизгнул я и, отпрянув вбок, махнул рукой назад, за спину, пытаюсь оттолкнуть Лару с траектории полета этой твари. Та промахнулась на какую-то пару дюймов, но и мы сбились с пути.

Сиплый, скрежещущий голос Коула произнес что-то на незнакомом языке, и по пещере пронесся новый импульс невидимой энергии — не в нас, но в мой проход.

И стоило этому произойти, как отворенный мною проем начал закрываться, словно кто-то застегивал молнию — начиная с ближнего ко мне края.

Тиктиктиктиктик.

Проем закрывался гораздо быстрее, чем я двигался. Я уже не успевал. Но Лара могла еще.

— Лара! — заорал я. — Бегите!

Что-то, обладающее силой товарного локомотива и скоростью гоночного болида, схватило меня за ветровку и дернуло так резко, что это едва не свернуло мне шею.

— Дрезден! — крикнул Марконе из закрывающегося проема. — Девятнадцать!

Я летел по воздуху. Дико оглянувшись, я сообразил, что Лара схватила меня и прыгает в дальний угол закрывающихся врат.

— Восемнадцать! — услышал я крик Марконе.

Мы с Ларой пролетели сквозь пустой, ничем не примечательный воздух и упали на каменный пол.

Проем закрылся.

Мы опоздали.

Глава СОРОК ВТОРАЯ

Пещера освещалась только багровым сиянием из врат Коула, и все в ней поделилось на кровь и черные тени. Глаза десятков вурдалаков блестели догорающими угольями; похоже, все они повернулись теперь к нам.

— Лара, — прошипел я. — Пещера взорвется через семнадцать секунд, и туннель наружу перекрыт вурдалаками.

— Голод мне в глотку, — выругалась Лара. Голос ее прерывался от боли и страха. — Что я могу сделать?

Хороший вопрос. Можно, конечно... Постой-ка. Может, есть еще способ пережить это. Для того, чтобы заниматься магией, я слишком устал, но...

— Вы можете мне довериться, — ответил я. — Вот что вы можете сделать.

Она повернула ко мне свое бледное, прекрасное, перемазанное кровью лицо.

— Заметано.

— Нам нужно попасть к выходу в туннель.

— Но если там сейчас вурдалаки...

— Эй! — выдохнул я. — Тик, тик!

Прежде, чем я успел выговорить первое «тик», Лара снова схватила меня и потащила через всю пещеру к туннелю. За моей спиной кричал что-то Коул, ему вторил Витторио, а вурдалаки откликнулись на это воем и бросились за нами. Только один из них оказался достаточно близко, чтобы попытаться перехватить нас, но Ларин злоеущий меч рубанул его между глаз и если не убил, то на мгновение оглушил гада.

Лара сбросила меня у отверстия туннеля, и я, ощупывая рукой гладкие стены, отступил вглубь него на пару шагов и встряхнул висевший на запястье другой руки браслет-оберег. Демоническая летучая тварь Коула разворачивалась для нового захода.

— Что теперь? — спросила Лара. Вурдалаки приближались. По скорости им было далеко до Лары, но и бежать им осталось не так много.

Я сделал глубокий вдох.

— Теперь, — сказал я, — поцелуйте меня. Я понимаю, это звучит ди...

Лара испустила короткий, жадный рык и прижалась ко мне. Руки ее змеями скользили по моей талии. Рот ее встретился с моими губами и...

...божетымой.

Как-то Лара похвалялась, что за час может сделать со мной такое, чего смертной женщине и за неделю не дано. Какая это к чертовой матери похвальба, если это правда. Первая, обжигающая секунда поцелуя, не поддается описанию. И дело тут не в нежности ее губ. Дело в том, как она двигала ими, а еще в примитивном, голом голоде, царившем в каждом мельчайшем движении ее рта. Я понимал, что она — монстр, и сто она поработит и убьет меня, если сможет, но она желала меня с такой страстью, что эта отрава действовала мгновенно. Поцелуй суккубы — ложь, но в это мгновение я ощущал себя сильным, полным мужской силы. Я ощущал себя достаточно привлекательным, достаточно достойным такой страсти.

И еще я испытывал желание — примитивную жажду секса, такую дику, такую испепеляющую, что я чувствовал: если я не найду выхода для этой жажды — здесь и сейчас! — то просто сойду с ума. Разгоревшийся во мне пожар не ограничивался пахом — слишком горячо он горел для этого, и все мое тело горело от жажды. Каждый дюйм меня вдруг сверхъестественным образом осязал Лару во всей ее окровавленной чувственности, во всей ее непристойной желанности. Она прижималась ко мне, и почти прозрачный белый шелк скрывал ее наготу не сильнее, чем черная кровь ее врагов.

Ну же, буквально визжало мое тело. Возьми ее. Сейчас. Забей на таймеры, и бомбы, и монстров. Забудь все на свете и чувствуй ее и ничего другого.

Я почти утонул в этом, но все же сохранил достаточно рассудка, чтобы не забывать об опасности. Похоть едва не убила меня — но похоть ведь тоже эмоция.

Я обнялся с этой похотью, я позволил ей обнять меня и вернул поцелуй почти с такой же отдачей. Моя правая рука скользнула по талии суккубы и ниже, прижав ее бедра ко мне, ощущая потрясающую силу, и упругость, и округлость ее прижимающегося ко мне тела.

А левую руку с браслетом я выбросил в сторону пещеры, бомб, набегавших вурдалаков — и я накачал в нее всю приливную силу похоти, всю ту необходимую мне энергию, которую часть меня складывала и направляла куда надо даже в то время, пока большая часть меня просто наслаждалась этим оглушительным поцелуем.

Таймеры перестали тикать.

Заряды пластита взорвались.

Ум, устремленность, измена, беззастенчивость, отвага и навык отступили в сторону. За дело взялась голая физика.

Чудовищные жар и взрывная волна прокатились по пещере, опрокинув все, чему не посчастливилось убраться из нее прочь. На долю секунды я увидел на фоне раскаленного добела взрыва силуэты продолжавших бежать к нам вурдалаков, не подозревавших о том, что сейчас произойдет.

А потом взрывная волна ударила в мой щит.

Я не пытался удержать этот неопиcуемый молот. Он смел бы мой щит, расплавил или

испарил бы браслет на моем запястье, раздавил бы меня как яйцо. Щит не предназначен для такого.

Вместо этого я заполнил пространство туннеля гибкой, упругой энергией — слоями ее, перегородившими вход в туннель наподобие эластичных пыжей. Я не пытался остановить энергию взрыва.

Я пытался поймать ее.

Какое-то мгновение давление готово было раздавить нас, накатив на мой щит словно чудовищной жидкой массой. Оно сорвало меня с места, и я крепко держался за Лару, а ее руки в ответ крепко цеплялись за меня. Я начал падать, ослепленный огнем, но продолжал удерживать щит, уменьшив его диаметр и превратив из купола в шар, уплотняя его до тех пор, пока энергия сама не прижала нас с Ларой друг к другу. Мы катились вверх по туннелю, и взрывная волна гнала нас вперед как ураган гонит перед собой парусник... ну, точнее, как пороховые газы гонят по стволу мушкета круглую пулю. Щит отскакивал от гладких стен, и я удерживал его из последних сил. Один-единственный выступ в стене мог остановить нас, смешав щит, камень, суккубу и чародея в кровавую кашу. Слава Богу, гордыня Лариного семейства в числе прочего отразилась и на качестве полировки стен.

Я не столько увидел вурдалаков, охранявших верхнюю часть туннеля, сколько почувствовал, как наш щит ударил в них, и расшвырял в стороны, и раздавил как жуков, а останки их сразу же поглотил огненный шквал взрыва. Я не знаю, с какой скоростью мы катились, но быстро. Очень быстро. Взрыв прошвырнул нас по всей длине туннеля и выбросил в воздух, сквозь кроны деревьев, а потом мы летели по дуге, а длинный язык огня из входа в Провал слизывал с неба вращавшиеся вокруг нас звезды.

И все это время я пребывал в экстазе от Лариного поцелуя.

Я перестал воспринимать происходящие примерно в верхней точке траектории — в момент, когда ноги Лары переплелись с моими, и она, разорвав на мне рубаху, прижалась своей обнаженной грудью к моей. Я как раз пытался вспомнить, почему идея целоваться с Ларой казалась мне прежде не самой удачной, когда послышался жуткий треск, продолжавшийся несколько секунд.

Мы больше не двигались. Давление на щит исчезло, а я был так оглушен и утомлен, что не мог связать в голове две мысли. Я убрал щит со стоном облегчения, который потонул в ответном страстном стоне лежавшей в моих объятиях суккубы.

— В-все, — пробормотал я. — Лара... д-довольно.

Она прижалась ко мне крепче, раздвинула мои губы языком, и я решил, что сейчас и взорвусь, но тут она вдруг с шипением отпрянула от меня, прижав к губам руку — но прежде я успел увидеть вспухшие вокруг е губ волдыри ожогов.

Я медленно перевернулся на спину и лежал, глядя в темное небо и задыхаясь. Где-то неподалеку что-то горело, но не слишком сильно. Мы лежали в какой-то постройке. Вокруг валялись обломки.

Наверняка меня обвинят в этом разгроме.

Лара отвернулась от меня, съежившись в комок.

— Черт подери, — произнесла она через минуту. — Поверить не могу, что вы еще защищены. Но ведь это было так давно... Мои источники утверждают, что мисс Родригес не покидала Южной Америки.

— Не покидала, — хрипло подтвердил я.

— Вы хотите сказать... — она повернулась и потрясенно уставилась на меня. — Дрезден, уж не хотите ли вы сказать, что в последний раз имели отношения с женщиной почти четыре года назад?

— Очень грустно, правда? — вздохнул я.

Лара медленно покачала головой.

— Я всегда считала, что вы и мисс Мёрфи...

Я фыркнул.

— Нет. Она... она против серьезных отношений между нами.

— А вы против случайных связей, — предположила Лара.
— Ну, может, у меня комплекс брошенного, — сказал я.
— Но... такой мужчина, как вы... и четыре года... — она тряхнула головой. — Я питаю к вам огромное личное уважение. Но это просто... да, грустно.

Я хмыкнул еще раз, слишком усталый, чтобы обижаться.

— Однако же это только что, похоже, спасло мне жизнь.

Лара еще раз внимательно посмотрела на меня, а потом... потом вдруг покраснела.

— Да. Возможно, спасло. И я обязана извиниться перед вами.

— За то, что пытались съесть меня?

Она поежилась, и соски ее вдруг напряглись под белым шелком. Она одернула одежду, чтобы это было не так заметно. Я слишком устал, чтобы испытывать из-за этого что-то большее, чем легкое разочарование.

— Да, — кивнула она. — За то, что я утратила контроль над собой. Признаюсь, я полагала, что это наша последняя минута. Боюсь, я могла бы лучше держать себя в руках. Примите мои извинения за это.

Я огляделся по сторонам, и до меня дошло, что мы находимся где-то в самом дворце Рейтов.

— Эгхххм. Я, э... Извините, что погромил вам дом.

— С учетом обстоятельств я не могу быть в претензии за это. Вы спасли мне жизнь.

— Вы ведь могли спастись, — тихо заметил я. — Когда ворота закрывались. Вы могли бросить меня. Но не бросили. Спасибо.

Она уставилась на меня так, будто я вдруг заговорил на чужом языке.

— Дрезден, — произнесла она, помолчав немного. — Я дала вам гарантии безопасности. Член моей Коллегии предал вас. Предал всех нас. Я не могла бросить вас на верную смерть, не изменив своему слову — а я отношусь к своим обещаниям серьезно, мистер Дрезден.

Я молча смотрел на нее несколько секунд, потом кивнул.

— Я заметил, вы не слишком уж старались спасти Цезарину Мальвора.

Уголки ее губ чуть дернулись вверх.

— Момент был непростой. Я делала все, что могла, чтобы спасти мой клан, а уже потом остальных членов Коллегии. Жаль, конечно, что я не смогла спасти эту сучку, заговорщицу и предательницу.

— И заговорщика и предателя лорда Скави тоже не могли спасти, — заметил я.

— Жизнь меняет все, — так же тихо ответила Лара.

— Знаете, Лара, что мне кажется? — спросил я.

Она прищурилась и внимательно посмотрела на меня.

— Мне кажется, кто-то столковался со Скави, затеявая эту милую охоту на девиц с зачатками магических способностей. Мне кажется, кто-то поощрял его на это. Мне кажется, кто-то нашептывал ему, что это отличная возможность отнять власть у старого, гадкого лорда Рейта. А потом, мне кажется, этот же кто-то, возможно, подтолкнул леди Мальвора к тому, чтобы попытаться отнять славу у лорда Скави.

Лара опустила веки, и губы ее раздвинулись в медленной улыбке.

— Но зачем кому-то поступать таким образом?

— Затем, что она понимала: Скави и Мальвора в любом случае предпримут какие-нибудь действия, и очень скоро. Мне кажется, она сделала это для того, чтобы разъединить врагов и нацелить все их усилия на план, который она могла бы предугадать, вместо того, чтобы ждать от них сюрпризов. Мне кажется, кто-то хотел натравить Скави и Мальвора друг на друга, чтобы все силы их уходили на эту борьбу, а не на подкоп под Рейтов, — я сел и повернулся к ней. — Это были вы. Вы дергали за ниточки. И это вы придумали план убийства этих женщин.

— Возможно, нет, — без тени смущения отвечала Лара. — Лорд Скави известен... был известен как женоненавистник. И он предлагал план, очень похожий на этот, всего столетие

назад, — она задумчиво побарабанила пальцем по губам. — И вы не в состоянии доказать обратного.

Я бросил на нее долгий, пристальный взгляд.

— Для того, чтобы действовать от себя лично, мне не нужно доказательств.

— Это что, угроза, мой милый чародей?

Я медленно огляделся по сторонам. Над нами зияло почти идеально круглое отверстие — точнее, не одно, а несколько: в крыше замка и в перекрытиях четырех расположенных над нами этажей. Обломки все еще продолжали падать.

— Разве я могу представлять для вас угрозу, Лара?

Она медленно вздохнула.

— Что заставляет вас полагать, будто я не убью вас прямо здесь и сейчас, пока вы измождены и ослаблены? Это было бы разумно и даже прибыльно, — она подняла свой меч и задумчиво провела пальцем по клинку. — Почему бы не прикончить вас прямо здесь?

Я блеснул зубами.

— Вы дали мне гарантии безопасности.

Лара откинула голову и от души расхохоталась.

— Было дело, — она перестала улыбаться, отложила меч, посмотрела на меня и встала. — Чего вы хотите?

— Я хочу, чтобы всем тем женщинам вернули жизнь, — огрызнулся я. — Я хочу, чтобы исчезла вся та боль, которую причинили за время этой заварухи. Я хочу, чтобы матери вернулись к осиротевшим детям, дочери — к родителям, жены — к мужьям. Я хочу, чтобы вы и ваш род никогда не причиняли никому боли.

На моих глазах она разом превратилась из женщины в статую, холодную и совершенно неподвижную.

— Чего вы хотите? — прошептала она. — Того, что я в состоянии дать вам?

— Во-первых, возмещения ущерба. Выкуп семьям погибших, — ответил я. — Я дам вам всю необходимую информацию.

— Договорились.

— Во-вторых, этого больше не повторится. Стоит одному из ваших снова начать геноцид, и я отвечу тем же. Начиная с вас. Даю вам слово.

Взгляд ее сузился еще сильнее.

— Договорились, — пробормотала она.

— Маленький народец, — продолжал я. — Они не должны жить в клетках. Освободите их невредимыми — от моего имени.

Она обдумала это и кивнула.

— Что-нибудь еще?

— Немного лосьона для рта, — сказал я. — Очень привкус во рту странный.

Эта последняя реплика разъярила ее сильнее, чем все, что происходило на протяжении этой ночи. Серебряные глаза ее вспыхнули гневом, и я почти видел, как клубится вокруг нее черная злость.

— Наши дела, — шепотом произнесла она, — завершены. Убирайтесь из моего дома.

Я заставил себя встать. Одна из стен обрушилась, и я проковылял к ней. Шея болела. Наверное, когда тебя тащат с нечеловеческой скоростью, это приводит к растяжению.

У самого проема я остановился.

— Я рад, что помог поддержать мирные инициативы, — сказал я, с трудом ворочая языком. — Я думаю, это сохранит не одну жизнь, Лара. Жизнь ваших людей и моих. Для этого вы мне нужны там, где вы находитесь, — я посмотрел на нее. — Иначе я разобрался бы с вами прямо сейчас. Не полагайте, что мы с вами друзья.

Она повернулась в мою сторону; лицо ее оставалось в тени, потому что пожары в доме разгорались за ее спиной.

— Я рада тому, что вы остались живы, Дрезден. Вы, кто уничтожил моего отца и укрепил мою власть. Вы, кто уничтожил теперь моих врагов. Вы — самое замечательное

оружие, которое я когда-либо держала в руках, — она склонила голову в мою сторону. — И я люблю мир, чародей. Я люблю болтать. Смеяться. Отдыхать, — голос ее сделался хрипловатым. — Я убью ваш народ этим миром, Дрезден. Я задушю его этим миром. И они будут благодарить меня за то, что я это делаю.

Нехороший холодок пробежал у меня по спине, но я не позволил ему проявиться у меня на лице или в голосе.

— Пока я здесь, этого не будет, — тихо произнес я.

А потом я повернулся и пошел из дома. Я устало огляделся по сторонам, определился с направлением и, прихрамывая, поплелся к главному въезду. На полпути я достал из кармана свисток и посвистел Мышу.

Я помню, как мой пес подбежал ко мне, и последние пятьдесят ярдов или около того я прошел, держась за его ошейник. Потом из Жучка выскочила Молли и помогла мне сесть в машину.

А потом я провалился в сон.

Я это заслужил.

Глава СОРОК ТРЕТЬЯ

Я не просыпался до тех пор, пока мы не приехали домой, да и тогда сделал это ровно настолько, чтобы дотащить до кровати, рухнуть на нее и уснуть снова. Я продрых еще часов шесть, а когда проснулся, всю мою спину свело одной большой судорогой. Должно быть, я невольно издал какие-то жалобные звуки, потому как Мыш встал с пола у кровати и трусцой выбежал из спальни.

Спустя мгновение из гостиной вышла Молли.

— Гарри? — спросила она. — Что случилось?

— Спина, — ответил я. — Моя спина. Чертова вампирская шлюха. Она мне шею свернула.

Молли кивнула и исчезла. Вернулась она с маленьким черным пакетом.

— Вы себя, типа, странно веди утром, так что я вас закинула сюда, а потом заехала за маминой аптечкой, — она достала из пакета пузырек. — Расслабляет мышцы, — жестяную баночку. — Тигровый бальзам, — последней она достала пластиковую коробочку с какой-то пылью. — Целебный чай из тибетских трав, Широ сам собирал. Классная штука от боли. Отец клянется и божится в этом.

— Падаван, — произнес я. — Я удваиваю твой оклад.

— Вы же мне не платите, Гарри.

— Тогда утраиваю.

Она улыбнулась во весь рот.

— А я с удовольствием поставлю вас на ноги, как только вы пообещаете рассказать мне все, что случилось. Ну, то что можете, конечно. Да, и сержант Мёрфи звонила. Просила отзвонить ей, как вы проснетесь.

— Позвони ей, — сказал я. — И я, конечно же, расскажу тебе все. Вода найдется?

Она пошла и принесла мне воды, но мне пришлось прибегнуть к ее помощи, чтобы сесть и напиться. Это бесило как черт знает что. Еще больше я смутился, когда она с бесстрастностью врача сняла с меня футболку и вытаращила глаза при виде синяков. Она напоила меня этой дрянью для расслабления мышц, намазала тигровым бальзамом, и он жег почище Адского Огня. Минут десять жег. Потом лекарства начали действовать, а отсутствие боли уже действует как лекарство.

После чашки чая — на вкус чудовищного, но зато позволившего мне поворачивать шею на протяжении целых десяти или двадцати минут после того, как я его выпил — я настолько пришел в себя, чтобы залезть в душ, вымыться и переодеться в чистое. Райское наслаждение. Нет ничего лучше чудовищного приключения, едва не стоившего тебе жизни,

чтобы лучше прочувствовать всю прелесть житейских мелочей вроде чистоты. Ну, и того, что ты жив.

Примерно минуту я потратил на то, чтобы уделить немного внимания Мистеру — впрочем, он наверняка дрых с Молли, потому что милостиво позволил мне гладить себя секунд тридцать, а потом, удостоверившись в том, что я более-менее цел и невредим, отказался от дальнейших ласок. Обычно он не успокаивается, пока не поваляется некоторое время, распластавшись у меня на коленях. Зато я потрепал Мыша, который всегда благосклонно принимает это, потом нарыл себе немного еды и уселся в кресло напротив сидевшей на диване Молли.

— Сержант Мёрфи уже едет, — доложила Молли.

— Отлично, — тихо сказал я.

— Так расскажите.

— Давай сначала ты.

Она чуть обиженно покосилась на меня.

— Ну, — начала она. — Я сидела невидимая в машине — сколько? Час, наверное. Ну, не одна, а с Мышом. И ничего не происходило. Потом звонки зазвенели, люди забегали, закричали, началась стрельба, и свет погас. А через несколько минут грохнул сильный взрыв — даже зеркало заднего вида сдвинулось. А потом Мыш начал скулить так, как вы предупреждали, и мы подъехали к воротам, и он выпрыгнул из машины, а вернулся уже с вами.

Некоторое время я таращил на нее глазами.

— Тебя послушать, так это была скука смертная.

— Но страшно, — призналась Молли. — Все время в напряжении, — она сделала глубокий вдох, словно набираясь духу. — Меня два раза стошнило, пока я там ждала. Я так психовала... Я не знаю, гожусь ли я для таких вещей, Гарри.

— Слава Богу, — с чувством произнес я. — Ты все-таки в своем уме, — я пожевал немного молча. — Но мне хотелось бы знать, много ли ты хочешь услышать.

Молли зажмурилась, поморгала немного и чуть подалась вперед.

— Это как?

— Я тебе могу рассказать довольно много всякого. Часть этого — просто деловая информация. Часть тебе опасно знать. Это даже может обязывать тебя к чему-то, что тебе не очень понравится.

— Значит что, этой части вы мне рассказывать не будете? — спросила она.

— Ну, не скажи. Я-то легко. Однако часть этой гадости тебе будет спокойнее — и безопаснее — не знать. Я не хочу подвергать тебя опасности или ставить в положение, не оставляющее тебе выбора в действиях.

С минуту Молли смотрела, как я жую корнфлекс. Потом нахмурилась и еще минуту смотрела на свои руки.

— Может, просто расскажите мне, что считаете нужным. Пока.

— Хороший ответ, — негромко произнес я.

И рассказал ей про Белую Коллегию, про вызов и дуэль, про измену Витторио, и про то, как он запустил в пещеру вурдалаков из Небывальщины, и как меня в Небывальщине тоже поджидали подкрепления.

— Что? — удивилась Молли. — Как это вам удалось?

— Томас, — объяснил я. — Он ведь вампир, а они обладают способностью перемещаться через отдельные места Небывальщины.

— Через какие такие места? — не поняла она.

— Ну, через те, которые, э... — попробовал объяснить я, — для них важны. В том или ином смысле.

— То есть, связаны с похотью, вы хотите сказать, — уточнила Молли.

Я кашлянул и сунул в рот еще ложку корнфлекса.

— Угу. И места, где с ними случалось что-то важное. В случае Томаса, в этой самой

пещере несколько лет назад его едва не принесла в жертву чернокнижница-порнозвезда, и...

— Простите, — перебила меня Молли. — Мне послышалось, или вы правда сказали «чернокнижница-порнозвезда»?

— Угу, — подтвердил я.

— Ох, — произнесла она, бросив меня немного скептический взгляд. — Да, извините. Продолжайте, пожалуйста.

— В общем, он тогда едва не погиб там, так что я знал, что он сможет найти это место. Он провел туда Марконе и Мёрфи, и они ждали там, пока я отворю проход.

— Ясно, — кивнула Молли. — И вы все навалились на этого парня... как его... Витторио? И убили его?

— Ну, не совсем, — ответил я и рассказал ей, что случилось дальше, старательно избегая упоминаний о Ласкиэли или Коуле.

Когда я закончил, Молли посидела, зажмурившись.

— Ну... Это многое объясняет, ага.

— Чего объясняет?

— Там всю ночь мимо окошек машины какие-то огоньки летали. Мыш на них внимания не обращал. Я решила, что это ничего серьезного, а если что, обереги это отгонят, — она тряхнула головой. — А это, должно быть, те маленькие фэйре.

— Они вообще-то всегда поблизости ошиваются, — возразил я. — Просто их должно быть очень много, чтобы заметить невооруженным взглядом, — я задумчиво пожевал. — Черт, больше голодных ртов. Пожалуй, стоит позвонить в «Пицца-Экспресс», снять свой долговременный заказ, а то мы получим войну кланов крошечных фэйре за даровую пиццу из наших рук.

Я расправился с завтраком, обнаружил, что спина снова начинает болеть от долгого сидения и как раз прилег полежать, когда приехала Мёрфи. Она еще не успела переодеться с предыдущей ночи, даже рюкзак домой не закинула.

Она опустила на колени обнять Мыша, о потом изрядно меня удивила, обняв заодно и меня. Еще больше я удивился тому, с какой силой я обнял ее в ответ.

Молли иногда бывает разумна не по годам. Вот и в этот раз она взяла ключи от Жучка, помахала ими у меня перед носом и, не говоря ни слова, вышла, плотно закрыв за собой дверь.

— Рад, что у тебя все в порядке, — сказал я Мёрфи.

— Угу, — отозвалась она. Голос у нее немного дрожал — даже на этом коротком слове, и ей пришлось сделать глубокий вдох, чтобы говорить спокойнее. — Что-то это было очень уж жутко. Даже по твоим обычным стандартам. Ты-то сам как?

— Ничего серьезного, — заверил я ее. — Ты завтракала?

— Не уверена, что у меня желудок после всего этого чего-нибудь примет.

— У меня есть корнфлекс, — сказал я тоном, каким обычно объявляют: «карамель в глазури из черного шоколада под взбитым кремом».

— О Господи, — вздохнула Мёрфи. — Как можно от такого отказаться?

Мы посидели на диване, перекинув Мёрфин рюкзак на журнальный столик. Мёрфи ела корнфлекс всухую, без молока, доставая пальцами из чашки.

— Ладно, — сказал я. — Давай по порядку. Где моя пушка?

Мёрфи фыркнула и мотнула головой в сторону рюкзака. Я нагнулся и расстегнул его. Мой револьвер сорок четвертого калибра лежал внутри. Там же был похожий на картонный ящик автомат Мёрфи. Я взял его, повертел в руках, разглядывая, потом на пробу приложил к плечу.

— Что это, черт возьми, такое?

— Это П-90, — объяснила Мёрфи.

— Прозрачный пластик? — удивился я.

— Это магазин, — сказала она. — Всегда видно, сколько патронов осталось.

— Маленький, — хмыкнул я.

— Для такой оглобли, как ты — еще бы, — согласилась Мёрфи.
— Откуда это у тебя? — поинтересовался я.
— Кинкейд, — ответила она. — В прошлом году. Прислал мне в коробке бельгийского шоколада.

Я отнял приклад (если эту штуку можно назвать прикладом) от плеча, еще раз покрутил в руках и заметил маленькую пластинку с гравировкой.

— «У нас всегда есть Гавайи», — прочитал я вслух. — Что, черт подери, это должно означать?

Щеки у Мёрфи заметно порозовели. Оно отобрала у меня автомат — нет, все-таки, пистолет-пулемет, — убрала его в рюкзак и застегнула молнию.

— Мы как-нибудь решили, кто взорвал мою тачку?

— Возможно, Мадригал, — предположил я. — Ты ведь так и не требовала с него той чашечки кофе, помнишь?

— Он сам виноват — нечего было в это время похищать тебя и пытаться продать с eBay, — заявила Мёрфи.

Я пожал плечами.

— Мстительность и рациональность — не совсем одно и то же.

Мёрфи нахмурилась, и на лице ее появилось давно уже мне привычное выражение подозрительного копа.

— Возможно. Но вряд ли. Он любил мстить лично, собственными руками.

— Тогда кто? — спросил я. — Витторио вообще не имел интереса втягивать в это дело полицию. Лорд Скави тоже. Лара Рейт и Марконе бомб не закладывают.

— Вот именно, — кивнула Мёрфи. — И если не Мадригал, то кто?

— Жизнь полна тайн, — вздохнул я. — Я все-таки думаю, что это мог быть и Мадригал. А может, кто-то другой имел на это повод, которого мы не знаем. Может, и не узнаем никогда.

— Угу, — буркнула она. — Терпеть не могу такого, — она тряхнула головой. — Скажи, Гарри, уважающий себя человек мог бы до сих пор не спросить, как там его раненые друзья и союзники, а?

— Я так решил, если бы имелись плохие новости, ты бы мне уже сказала.

Она исподлобья посмотрела на меня.

— Совершенно, — заметила она, — шовинистически-мужской подход.

Я ухмыльнулся.

— И как они все?

— Рамирес в больнице. В том же отделении, что и Элейн, на том же этаже, и мы за ними присматриваем. Неофициально, разумеется.

«Мы» — в смысле, копы. Ай да Мёрфи. Славные ребята.

— Как он?

— Его еще оперировали, когда я уезжала, но врач сказал, прогнозы благоприятные — главное, избежать инфекции. Приникающее ранение в брюшную полость — штука серьезная.

Я хмыкнул и начал подозревать, куда именно отправилась Молли, позаимствовав мою машину.

— Он выкарабкается. А как бедолага с головогрудью, с которым ты так бесцеремонно обошлась?

— Мистер Хендрикс тоже там с двумя из наемников. Марконе поставил своих людей охранять их.

— Копы и громилы, — заметил я. — Большая, счастливая семья.

— Тут удивляются, — сказала Мёрфи, — почему Марконе согласился помочь.

Я откинулся на спинку дивана и, закрыв глаза, помассировал затылок рукой.

— Я его подкупил.

— Чем это? — удивилась Мёрфи.

— Местом за столом, — тихо произнес я.

— Ась?

— Я предложил Мароне возможность подписать Неписанный Закон. В качестве свободно ассоциированного члена.

Мёрфи помолчала, переваривая это.

— Он хочет расширить свое влияние, — она подумала еще немного. — Или он считает, что его власти могут угрожать с этой стороны.

— Со стороны кого-нибудь вроде вампиров, — кивнул я. — Не забывай, пока не сгорело заведение Бьянки, Красная Коллегия де-факто контролировала проституцию в Чикаго. А теперь вот агент Белой Коллегии взял и на ровном месте убил одну из его девушек.

— А мы уверены, что это Мадригал?

— Я уверен, — сказал я. — У меня нет доказательств, но из всех Рейтов в этой истории был замешан он один.

— Но это можно считать случайностью, — возразила Мёрфи. — В смысле, то, что убили девушку, работавшую на Марконе.

— Но ведь убили, — ответил я. — А Марконе не потерпит, чтобы кто-то — кто угодно — убивал его людей.

— А как он станет... как там? И чем это ему поможет?

— Свободно ассоциированным членом, — повторил я. — Это значит, он получает в этом сообществе некоторые права — ну, например, право бросить вызов тому, кто убивает его служащих. Это значит, что если какая-нибудь сверхъестественная сила попытается выступить против него, у него будет возможность бороться с ней и даже победить.

— А много их, таких членов?

— Всего ничего, — сказал я. — Я просил Боба навести справки. Не больше двух десятков на всю планету. Два дракона, Дракула — настоящий, не малютка Влад — Архив, исполнительный директор «Монок-Секьюритиз», один почти бессмертный гуру с Украины... такой, в общем, народ. Все подписали Закон в качестве частных лиц. У всех одинаковые права и обязанности. Большинство вряд ли согласятся скажем, радушно принимать в гости компанию вампиров из Черной Коллегии, и уж наверняка никто из них не хочет оказаться втянутым в конфликт главных сил. И подставляться в качестве потенциальных мишеней тоже никто не хочет, поэтому подпись служит неплохим сдерживающим фактором, — я задумчиво потер подбородок. — И, кстати, ни один простой смертный этого пока не пытался. Марконе в этом отношении первопроходец.

Мёрфи покачала головой.

— И ты считаешь себя в состоянии устроить это для него?

— Ну, для подписи необходимо поручительство трех других участников соглашения, — сказал я. — Я пообещал ему, что мой голос у него уже есть.

— Думаешь, тебе удастся уломать Совет поддержать его?

— В том, что касается моей зоны ответственности как Стража, еще как могу. Если бы Совету это не нравилось, они не тащили бы меня силком на эту работу.

Мерфи кинула в рот еще горсть корнфлекса, задумчиво наморщила нос и подозрительно покосилась на меня.

— Ты манипулировал Марконе.

Я кивнул.

— Кто-нибудь вроде Лары Рейт попытается заполучить себе побольше власти над Чикаго — это всего лишь вопрос времени. Рано или поздно они полезут на меня толпой, а мы с тобой оба хорошо знаем, что у ОСР руки связаны уставами и политикой. Если Марконе подпишет Закон, мы получим неплохие возможности противостоять вторжению.

— Но если он попытается использовать свой новый статус для того, чтобы утвердить свое положение здесь? — тихо спросила Мёрфи. — Найдет себе новых союзников? Новые ресурсы?

— Угу. Мною он тоже манипулирует, — я покачал головой. — Я понимаю, решение не идеальное.

— Нет, — согласилась Мёрфи. — Не идеальное.

— Но он дьявол, которого мы хорошо знаем.

Несколько минут мы оба молчали.

— Да, — признала Мёрфи. — Знаем.

* * *

Мёрфи высадила меня у больницы, и я направился напрямик в палату к Элейн.

Я застал ее одевающейся. Она как раз натягивала джинсы на свои сильные, стройные ноги, почти не изменившиеся с тех давних дней у ДюМорна. Когда я открыл дверь в палату, она резко повернулась, держа в руке жезл.

Я поднял руки вверх.

— Полегче, стрелок. Я здесь не затем, чтобы бучу затевать.

Элейн испепелила меня взглядом — впрочем, довольно нежным — и убрала жезл в маленький кожаный чехол на поясе. Вид у нее был не самый лучший, но все же гораздо лучше, чем в прошлый раз, когда я ее видел. Лицо ее оставалось довольно бледным, и глаза ввалились, но двигалась она уже легко и уверенно.

— Ты бы не вламывался к людям вот так, — посоветовала она.

— Если бы я постучал, я мог бы тебя разбудить.

— Если бы ты постучал, ты бы лишился возможности увидеть меня не совсем одетой, — парировала она.

— Туше, — я огляделся по сторонам и увидел ее рюкзак. Упакованный. Желудок мой неодобрительно сжался. — Разве тебе не полагается лежать?

Она мотнула головой.

— Ты хоть пробовал смотреть дневные телепрограммы? Счастье еще, что этот ящик наконец-то сгорел. А то бы я совсем рехнулась, лежа здесь.

— Как ты себя чувствуешь?

— Гораздо лучше, — ответила Элейн. — И сильнее. Кстати, вот еще повод слинять отсюда. Не хочу, чтобы мне приснился какой-нибудь кошмар, а в результате у какого-нибудь бедного дедули грохнулся аппарат искусственного вентилирования легких.

Я кивнул.

— Так что, назад, в Калифорнию?

— Да. Для одной поездки я здесь достаточно всего покрушила.

Я сложил руки на груди и прислонился к двери, глядя как она расчесывает волосы, чтобы собрать их в хвост.

— Ты их взял? — спросила она, не глядя на меня.

— Угу.

Она закрыла глаза, зябко поежилась и вздохнула.

— Хорошо, — она тряхнула головой. — Только мне почему-то от этого не легче. Анне это уже не поможет.

— Это поможет многим другим — в долговременной перспективе, — заметил я.

Она с размаху ударила гребнем о спинку кровати, сломав его.

— Я сюда не затем, черт подери, приехала, чтобы пытаться помочь многим другим! — она посмотрела на сломанный гребень и чуть остыла. Потом устало отшвырнула его в угол.

Я подошел к ней и положил руку ей на плечо.

— Надо же, какая сенсация. Элейн не идеальна. Смотрите одиннадцатичасовые новости.

Она потерлась щекой о мою руку.

— Кстати, тебе это будет интересно, — продолжал я. — Я добился компенсаций от Белой Коллегии. Выкуп родственникам и наследникам.

Она уставилась на меня.

— Как?

— Мое мальчишеское обаяние. Можешь оставить мне информацию о семьях погибших? Чтобы знать, кому переводить деньги?

— Да, — кивнула она. — Только у некоторых родственников не было. У Анны, например.

Я нахмурился.

— Наверное, мы могли бы построить на эти деньги что-нибудь.

Элейн удивленно посмотрела на меня.

— Что?

— Ну, мы могли бы использовать эти деньги с толком. Расширить Орден, завязать необходимые контакты. Горячая линия для начинающих оккультистов. Мы свяжемся с группами вроде Ордена в других городах по всей стране. Мы можем связать людей с задатками сверхъестественных способностей в единую сеть. Возможно, если что-то вроде этого начнется снова, мы узнаем об этом раньше и затопчем огонь прежде, чем он распространится. Организуем курсы самообороны. Поможем людям взаимодействовать, сотрудничать, поддерживать друг друга. Мы будем действовать.

Элейн задумчиво прикусила губу и неуверенно посмотрела на меня.

— Мы?

— Ты же говорила, ты хотела помогать людям, — ответил я. — Вот тебе возможность это сделать. Что ты об этом думаешь?

Она встала, поднялась на цыпочки и мягко поцеловала меня в губы, заглянув в глаза.

— Я думаю, — тихо сказала она, — что Анне бы это понравилось.

* * *

Рамирес очнулся позже, тем же вечером, забинтованный с ног до головы, с ногой на вытяжке. Я как раз сидел у его койки. Что ж, приятное разнообразие. Обычно это я прихожу в сознание, полное замешательства, неловкости и боли.

Я дал ему несколько минут собраться с мыслями, потом нагнулся к его лицу.

— Эй, там, — произнес я.

— Гарри, — прохрипел он. — Пить.

Прежде, чем он успел договорить, я взял одну из стоявших у его изголовья маленьких бутылочек с ледяной водой и сунул пластиковую трубочку в его губы.

— Сам сможешь, или мне подержать?

Он сумел-таки испепелить меня слабым взглядом, с усилием поднял руку и взял у меня бутылочку. Он пососал немного через трубочку и откинул голову на подушку.

— О'кей, — произнес он. — Дрянь дело, да?

— Увы, — сказал я. — Жить будешь.

— Где?

— В больнице, — ответил я. — Состояние стабильное. Я позвонил Слушающему Ветер, и он заберет тебя завтра утром.

— Мы победили?

— Нехорошие парни взлетели на воздух, — заверил его я. — Белый Король сохранил трон за собой. Мирный процесс продолжается.

— Расскажи.

Я описал ему последние минуты сражения, умолчав о роли Лаш в событиях.

— Гарри Дрезден, — пробормотал Рамирес. — Человек — пушечное ядро.

— Трах, бах, чудеса, Гарри едет в небеса.

Он слабо улыбнулся.

— Ты накрыл Коула?

— Сомневаюсь, — признался я. — Он стоял рядом со своим проходом. Когда он увидел, что я бегу к выходу, десять против одного, что он просто шагнул туда и задраил люк. Честно говоря, я совершенно уверен в том, что он так и поступил. Если бы его проход оставался открытым, часть энергии взрыва ушла бы в него. Не думаю, чтобы нас тогда выбросило так далеко.

— А что с Витто?

Я покачал головой.

— Витто стоял одной, да нет, обеими ногами в могиле еще до того, как бомбы рванули. Я уверен, мы пришили и его, и всех вурдалаков.

— Это хорошо, что ты держал наготове всю эту свою армию, — заметил Рамирес, и в голосе его мне послышалось некоторое напряжение.

— Эй, — сказал я. — Уже поздно. Надо дать тебе отдохнуть немного.

— Нет, — сказал Рамирес заметно тверже. — Нам надо поговорить.

Я посидел молча, собираясь с мыслями.

— О чем? — спросил я наконец.

— О том, как ты тесно повязан с вампирами, — сказал он. — О том, какие сделки ты заключаешь с криминальными подонками. Я узнал Марконе. Я видел его фото в газетах, — Рамирес потрянул головой. — Господи Боже, Гарри. Мы же с тобой должны играть в одной команде. Это называется «доверие», чувак.

Я хотел было огрызнуться чем-нибудь злобным, и оскорбленным, и справедливо заслуженным. Вместо этого я заставил себя немного сбавить тон.

— Смотри-ка, — только и сказал я. — Мне не доверяет Страж. Надо же, новость какая.

Рамирес удивленно покосился на меня.

— Чего?

— Да ты не переживай. Я к этому привык, — сказал я. — Морган совал нос во все закоулки моего окружения всю мою сознательную жизнь.

Рамирес молча смотрел на меня, потом слабо фыркнул.

— Слава королеве сцены. Гарри... — он потрянул головой. — Я говорю о том, что ты не доверяешь мне, чувак.

Мой готовый уже сорваться с губ злобный ответ разом куда-то делся.

— Э... Чего?

Рамирес устало покачал головой.

— Позволь мне выдвинуть несколько предположений. Первое. Ты не доверяешь Совету. Ты ему никогда не доверял, но в последнее время еще меньше. Особенно с этой истории в Нью-Мехико. Ты считаешь, кто-то, передающий информацию вампирам, находится на самом верху, и чем меньше Совет будет знать, чем ты занимаешься, тем лучше.

Я молча смотрел на него.

— Второе. В игре появился новый участник. Коул как раз из этой, новой команды. Мы не знаем, кто они, но, похоже, они взялись за всех — за вампиров, смертных, чародеев, — он вздохнул. — Ты ведь не один заметил эти штуки, Гарри.

Я хмыкнул.

— Как ты их называешь?

— Черные Шляпы. Ну, в честь нашего приятеля-кольценосца, Коула. А ты?

— Черный Совет, — признался я.

— Уууу, — завистливо вздохнул Рамирес. — Твое лучше.

— Спасибо, — сказал я.

— То есть, значит, ты не можешь доверять своим, — кивнул он. — Но ты заключаешь сделки с вампирами, — он сощурился. — Ты считаешь, что тебе удастся найти предателя, глядя с той, другой стороны.

Я коснулся пальцем кончика носа.

— А гангстер? — поинтересовался Рамирес.

— Настоящий змей, — ответил я. — Но свое слово держит. И Мадригал с Витто убили одного из его людей. И я знаю, что он не работает на Коула и его организацию.

— Откуда знаешь?

— Потому что Марконе работает только на Марконе. Потому...

Рамирес слабо развел руками.

— Это что, так страшно трудно, Дрезден? Поговорить со мной?

Я откинулся на спинку стула. Напряжение, сковывавшее плечи, вдруг куда-то исчезло. На меня навалилась жуткая слабость. Я несколько раз вдохнул и выдохнул.

— Нет.

— Идиот, — негромко фыркнул Рамирес.

— Ну, — сказал я. — Ты считаешь, я должен пойти покаяться Мерлину?

Рамирес открыл один глаз.

— Ты шутишь? Он же тебя на дух не переносит. Он сразу объявит тебя предателем, запрет в кутузку и казнит, ты и охнуть не успеешь, — он закрыл глаз. — Но я с тобой, чувак. До конца.

Сил после такого, сквозь что пришлось пройти Рамиресу, остается не слишком много. Он уснул прежде, чем сам понял, что засыпает.

Я просидел с ним всю ночь, пока Слушающий Ветер, член Совета Старейшин, не приехал утром со своей медицинской бригадой.

Раненого друга одного не бросают.

* * *

На следующий день я постучал в дверь офиса «Превыше Всего» и вошел, не дожидаясь ответа.

— Сегодня вас навещают три духа, — объявил я. — Три духа, олицетворяющие прошлые, настоящие и будущие грехи. Они обучат вас истинному смыслу слов «вы все еще криминальный подонок».

Марконе сидел за столом с Хелен Бекит — или, возможно, Хелен Деметра. Она была одета в свой деловой костюм... сидела она, правда, у Марконе на коленях. И волосы ее, и костюм производили впечатление слегка помятых. Марконе сидел с расстегнутой до третьей пуговицы рубашкой.

Чтоб его, мой расчет времени. Приди я на десять минут позже, и я вломился бы к ним в самый разгар процесса. Это произвело бы куда больше впечатления.

— Дрезден, — произнес Марконе довольно-таки довольным голосом. Хелен не делала попытки слезть с его колен. — Приятно видеть вас живым. И чувство юмора у вас, похоже, не изменилось, что не удивительно, поскольку оно у вас, судя по всему, умерло еще в подростковом возрасте. Или покончило с собой вместе с нормами поведения.

— Ваше одобрение, — отозвался я, — много для меня значит. Я вижу, вы выбрались из Небывальщины.

— Без особых проблем, — кивнул Марконе. — Пришлось, правда, подстрелить несколько вампиров — уже на обратном пути. Мне не понравилось то, как они пытались совратить моих служащих.

— Блин-тарарам, — вздохнул я. — Вы кого-нибудь из них убили?

— Зачем? Я только наглядно довел до них свою точку зрения. После этого мы без проблем понимали друг друга — примерно как мы с вами.

— Насколько я поняла, вы разобрались с убийцами Анны, мистер Дрезден, — заметила Хелен. — С помощью, конечно.

Марконе улыбнулся мне своей обычной непроницаемой улыбкой.

— Люди, которые это совершили, никого уже больше не потревожат, — сказал я. — И большая часть тех, кто подвиг их на это, вышли в преждевременную отставку, — я покосился на Марконе. — С помощью.

— Но не все? — нахмурилась Хелен?

— Все, кого мы могли призвать к ответу, — заверил ее Марконе, — ответили. Маловероятно, чтобы мы могли достигнуть большего.

Что-то дернуло меня за язык.

— А я предпринимаю шаги, чтобы предупредить или уменьшить возможность подобных ситуаций в будущем. Здесь и где бы то ни было еще.

Хелен склонила голову набок, обдумывая мои слова. Потом кивнула.

— Спасибо, — очень тихо произнесла она.

— Хелен, — сказал Марконе. — Не будете ли вы так добры оставить нас на пару минут?

— Это недолго, — заверил я ее. — Мне здесь не нравится.

Хелен чуть улыbnулась мне и соскользнула с колен Марконе.

— Если вам от этого будет легче, мистер Дрезден, могу вам сказать по секрету, что ему ваше присутствие здесь тоже не нравится.

— Видели бы вы, насколько подлетают страховые взносы после ваших посещений, Дрезден, — он покачал головой. — А меня еще называют вымогателем. Хелен, пришлите к нам Бонни с той папкой?

— Разумеется.

Хелен вышла. Пухленькая брюнетка, Бонни, в своем гимнастическом костюмчике в обтяжку, впорхнула в кабинет с картонной папкой в руках, одарила меня улыбкой с рекламы «Колгейта» и упорхнула обратно. Марконе открыл папку, достал стопку бумаг и принялся листать их. Добравшись до последней страницы, он перевернул ее, подвинул ко мне через стол и достал из кармана авторучку.

— Вот тот контракт, который вы мне прислали. Будьте добры, подпишите.

Я подошел к столу, взял всю пачку и начал читать с первой страницы. Никогда не стоит подписывать контракт, не прочитав его, даже если вы чародей. Точнее, если вы чародей, это еще важнее. Принято шутить, что, подписывая что-либо, вы отдаете вашу душу или перворожденного наследника. В моем мире такое вполне возможно.

Марконе, похоже, не возражал против этого. Он сцепил пальцы и ждал с терпеливым спокойствием досыта накормленного кота.

Контракт поручительства за нового участника соглашения был стандартный, и хотя его перепечатали заново, Марконе не изменил в нем ни слова. Возможно. Я продолжал читать.

— Значит, это вы предложили Хелен фамилию Деметра? — поинтересовался я, переворачивая страницу.

Выражение лица Марконе не изменилось.

— Да.

— А что с Персефоной?

Он уставился на меня.

— Персефона, — объяснил я. — Дочь Деметры. Ее унес Властелин Подземного Царства.

Взгляд Марконе сделался ледяным.

— Он держал ее там, в Гадесе, но Деметра заморозила весь мир до тех пор, пока остальные боги не убедили его вернуть Персефону матери, — я перевернул еще страницу. — Девушка. — Та, которая лежит в коме, к которой вы ездите каждую неделю. Это ведь дочь Хелен, правда? Та, которая случайно угодила под пулю в ваших разборках.

Марконе не пошевелился.

— Газеты писали, что она погибла, — сказал я.

Я прочитал еще несколько страниц, прежде чем Марконе ответил.

— У Тони Варгасси, моего предшественника, если не ошибаюсь, был сын, Марко. Марко решил, что я начал представлять собой угрозу его положению в организации. Стрелял именно он.

— Но девушка не умерла.

Марконе покачал головой.

— Это поставило Варгасси в щекотливое положение. Если бы девочка пришла в сознание, она могла бы опознать в стрелявшем его сына, и ни один суд присяжных в мире не колебался бы, отправляя за решетку бандита, застрелившего милую маленькую девочку. Но если бы девочка умерла, а Марко опознали, для него это означало бы обвинение в убийстве.

— А в Иллинойсе убийца несовершеннолетней девочки получает смертельную инъекцию, — кивнул я.

— Совершенно верно. Коррупция в те годы была чрезвычайно высока...

Я фыркнул.

На мгновение на лице Марконе снова мелькнула его легкая улыбка.

— Прошу прощения. Скажем так: Варгасси бесцеремонно вмешивался в деятельность официальных органов. Он объявил о смерти девочки. Он убедил медицинского эксперта подписать фальшивое заключение, а саму девочку переправил в другую больницу.

— Ну да, — кивнул я. — Если бы в стрелявшем опознали Марко, Варгасси мог бы продемонстрировать девочку. Смотрите-ка, она вовсе не мертва...

— Вполне возможно, — согласился Марконе. — И если бы некоторое время все оставалось тихо, он мог просто уничтожить все документы.

— И ее саму, — сказал я.

— Да.

— А что случилось со стариком Тони Варгасси? — поинтересовался я.

Марконе блеснул зубами.

— Его настоящее местонахождение неизвестно. Равно как и Марко.

— Когда вы узнали о девушке?

— Спустя два года, — ответил он. — Все было устроено через подставной фонд. Она могла просто... — он отвернулся от меня. — Просто лежать там. Анонимно. Никто бы не знал, кто она такая.

— А Хелен знает? — спросил я.

Он мотнул головой. Потом помолчал еще немного.

— Я не могу вернуть Персефону из Гадеса. Смерть дочери почти уничтожила Хелен — и ее мир до сих пор скован льдом. Если она узнает, что дочь ее... просто лежит, не живая и не мертвая... — он тряхнул головой. — Это ее окончательно добьет, Дрезден. А мне бы этого не хотелось.

— Я обратил внимание, — тихо сказал я, — что большинство юных леди, работающих здесь, ровесницы ее дочери.

— Да, — кивнул Марконе.

— Не могу назвать это здоровым исцелением.

— Нет, — согласился Марконе. — Но она такова, какая есть.

Я обдумал это, продолжая читать. Возможно, Хелен имела право знать правду о дочери. Черт, да наверняка имела. Но как ни относиться к Марконе, он не дурак. Если он считает, что правда о судьбе дочери сокрушит Хелен, возможно, так оно и есть. Ну да, ей стоит это знать. Но есть ли у меня право принимать такое решение?

Возможно, нет — даже если бы Марконе не приложил все усилия к тому, чтобы убить меня, попытайся я сделать это. Он вложил в девушку и ее судьбу гораздо больше, чем я.

Потому что именно эту тайну я увидел, заглянув в душу Джентльмена Джонни Марконе много лет назад. Тайну, которая давала ему силу и волю править его преступной империей.

Он чувствовал себя ответственным перед девочкой, которая приняла предназначенную для него пулю.

Он правил чикагским преступным миром беззастенчиво и эффективно. Он всегда пресекал на корню любые проявления насилия. Двое-трое людей пострадали в разборках. О виновных в этом гангстерах никто больше не слышал. Я всегда считал, что Марконе просто хочет выступать в роле предпочтительной альтернативы менее разборчивым конкурентам, которые заняли бы его место, убери его полиция.

Я даже не рассматривал возможности того, что он действительно переживает за боль, причиненную невинным людям.

Конечно, это не меняло ровным счетом ничего. Он продолжал заправлять бизнесом, который убивал больше людей, чем все шальные пули вместе взятые. Он был и оставался преступником. Нехорошим парнем.

Но...

Он оставался дьяволом, но дьяволом, которого я знаю. И ведь он мог быть куда хуже.

Я дочитал контракт до последней страницы и обнаружил на ней места для трех подписей. Две подписи уже стояли.

— Донар Ваддерунг? — спросил я у Марконе.

— Исполнительный директор «Монок-Секьюритиз», — ответил тот. — Осло.

— И Лара Рейт, — пробормотал я.

— Поставившая свою подпись от имени отца, Белого Короля, правителя Белой Коллегии, — в голосе его прозвучали легкие нотки иронии. Кукольное представление ни в коем случае не обмануло его.

Я посмотрел на третью, пустую строчку.

И без лишних слов поставил свою подпись.

Наш мир не идеален. Я делаю все, что могу.

* * *

— Гмммм, — протянул Боб-Череп, глядя на мою левую руку. — Похоже, что...

Я сидел у себя в лаборатории, положив руки на стол. Череп обследовал мою ладонь.

Отметину на ней я носил уже несколько лет — маленький клочок неповрежденной кожи на изуродованной жуткими ожогами ладони. Клочок, в точности воспроизводящий по форме древний знак — имя Ласкиэли.

Отметина исчезла.

На ее месте светлело бесформенное пятнышко розовой кожи.

— Похоже, что знака там больше нет, — сообщил Боб.

Я вздохнул.

— Спасибо, Боб, — сказал я. — Всегда приятно выслушать мнение профессионала.

— А что ты хотел? — обиделся Боб. Череп повернулся на столе и чуть наклонился, заглядывая мне в лицо. — Гммм. И, говоришь, ее отражение тебе больше не отвечает?

— Нет. А она всегда выпрыгивала, стоило мне сказать «оп!».

— Любопытно, — сказал Боб.

— Что ты хочешь этим сказать?

— Ну, судя по тому, что ты мне рассказывал, психическое давление на твое сознание, блокированное отражением, было довольно жестким.

Я поежился при одном воспоминании об этом.

— Угу.

— И процесс, который она использовала для ускорения твоего мозга и блокирования воздействия извне, тоже носил травматический характер.

— Верно. Она сказала, это может привести к повреждению мозга.

— Так-так, — произнес Боб. — Я думаю, к нему и привело.

— Чего-о?

— Видишь, что я имел в виду? — радостно спросил Боб. — Ты уже тупеешь.

— У Гарри иметь молоток, — сказал я. — Гарри разбивать глупый болтливый черепа.

Для парня, лишённого ног, Боб сдал назад быстро и даже, я бы сказал, изящно.

— Полегче, шеф, не возбуждайся. Но про мозговую травму я серьезно.

Я нахмурился.

— Будь добр, объясни.

— Ну, я говорил тебе, что отражение в твоём сознании было вроде как записью настоящей Ласкиэли, так?

— Угу.

— И эта запись хранилась у тебя в мозгу, в той его части, которую ты обычно не использовал.

— Верно.

— Я думаю, эта часть и травмирована. То есть, вот я смотрю сейчас на тебя, босс, и вся твоя голова испещрена крошечными отверстиями.

Я зажмурился и ощупал голову пальцами.

— Ничего такого не чувствую.

— Это потому, что твой мозг не ощущает повреждений. Ему удастся ощущать повреждения остальной части тела. Но поверь мне, повреждения есть. Мне кажется, они и стерли отражение.

— Стерли... ты хочешь сказать, как...

— Убили его, — сказал Боб. — То есть, с технической точки зрения его и не существовало — в реальности. Как его записали, так и стерли, и...

Я нахмурился еще сильнее.

— И что?

— И еще... исчезла часть тебя самого.

— Уверен, это я бы заметил, — хмыкнул я.

— Не тела, — терпеливо, как слабоумному объяснил Боб. — Твоих жизненных сил. Твоего чи. Твоей души.

— Подожди, подожди. Часть моей души пропала?

Боб вздохнул.

— Люди почему-то очень возбуждаются, когда слышат это слово. Та часть тебя, которая менее материальна, но от этого не менее существенна. Называй ее как хочешь. Так вот, части ее недостает, и совершенно не обязательно ударяться по этому поводу в панику.

— Часть моей души пропала, и мне не стоит из-за этого волноваться? — возмутился я.

— Такое случается сплошь да рядом, — утешил меня Боб. — Скажем, ты поделился частью своей души с Сьюзен, а она с тобой. Именно это защитило тебя от Лары Рейт. Вы с Мёрфи тоже, сдается мне, недавно обменялись — должно быть, ты добился-таки от нее объятия или чего такого. Право же, Гарри, тебе давно пора трахнуть ее и покончить с...

Я дотянулся до рабочего стола, взял молоток и выразительно посмотрел на Боба.

— Э... да, — спохватился он. — Так, о чем это мы... Да, твоя душа. Ты все время отдаешь немножко себя. Все это делают. Магия тоже забирает некоторое ее количество. Она отрастает заново. Расслабься, босс.

— Если в этом нету ничего особенного, — спросил я, — что тогда в этом такого интересного?

— Ох, ну да, — ответил Боб. — Пойми, это ведь все энергия. И я думаю, возможно... возможно... подумай, Гарри. В тебе имелось некоторое, очень небольшое количество энергии Ласкиэли, поддерживавшее отражение, открывавшее тебе доступ к Адскому Огню. Теперь этого нет, но пока было, отражение использовало часть энергии для того, чтобы действовать вопреки источника этого отражения.

— То есть, оно питалось моей душой? Словно я батарейка какая, или аккумулятор?

— Эй, — одернул меня Боб. — Не строй из себя невинно оскорбленного. Ты сам дал это ей. Ты поощрял ее собственный выбор, ее бунтарство, ты провоцировал свободу ее воли, — Боб покачал верхней частью черепа. — Страшная это штука — свобода воли, поверь мне, Гарри. Я рад, что у меня ее нет. Ох, нет, спасибо, не надо. Но ей ты немного дал. Ты дал ей имя. Воля приходит с этим.

С полминуты я молчал.

— И она использовала ее, чтобы убить себя, — произнес я наконец.

— Типа того, — согласился Боб. — Она вычислила, какой части мозга достанется больше всего. Она приняла на себя психическую пулю, предназначавшуюся тебе. Я думаю, это то же самое, что выбрать смерть.

— Нет, не то же, — тихо возразил я. — Она выбрала не смерть. Она выбрала свободу.

— Может, потому это и называется свободой воли, — заметил Боб. — Эй, скажи мне, что ты по крайней мере прокатился на пони прежде, чем цирк уехал. Я хочу сказать, она ведь могла заставить тебя видеть и ощущать почти все, что угодно, и... — Боб осекся, и огоньки в его глазницах мигнули. — Эй, Гарри. Ты что, плачешь?

— Нет, — отрезал я и поднялся по лестнице из лаборатории.

В доме было... пусто как-то.

Я взял гитару, сел на диван и попытался привести в порядок мысли. Это давалось

нелегко. Я испытывал все разновидности злости, и смятения, и досады. Я продолжал убеждать себя в том, что это все эмоциональные последствия психического оружия Мальвора, но одно дело твердить это себе снова и снова, а совсем другое — сидеть и ощущать себя паршивей паршивого.

Я начал играть.

Великолепно.

Ну, не то, чтобы идеально — идеально играет компьютер. И пьесу я выбрал не особенно сложную. Мои пальцы не обрели вдруг особой ловкости — но музыка ожила. Я сыграл вторую пьесу, потом третью, и каждый раз в нужном ритме, и я пробовал новые нюансы, варианты аккордов, придававших простым мелодиям глубину и цвет — красивую грусть минорным, мощь мажорным, акценты и чувственность, которые я всегда слышал в голове, но не мог отразить в жизни. словно кто-то отворил дверцу у меня в голове. Или помогал мне.

Я услышал тихий, очень тихий шепот, похожий на эхо голоса Лаш.

Все, что в моих силах, хозяин дорогой.

Я поиграл еще немного, прежде чем осторожно отставил гитару в сторону.

Потом встал, позвонил Отцу Фортхиллу и попросил его приехать и забрать почернелый динарий, как только я выкопаю его из-под своего подвала.

* * *

Я засек Томаса у его дома и, держась в отдалении, проследил его путь по городу. Он направился по Эль в сторону Петли, потом свернул на параллельные улицы. Он казался бледнее и напряженнее обычного. Он потратил чертову уйму энергии, сражаясь с вурдалаками, и я знал, что ему необходимо кормиться — возможно, с опасностью для кого-то — чтобы восстановить утерянное.

Я позвонил ему на следующий же день после битвы и попытался поговорить с ним, но он говорил сухо и неохотно. Я сказал ему, что беспокоюсь за него, потерявшего столько энергии. Он повесил трубку. Два следующих звонка он обрубал, едва сняв трубку.

Поэтому, раз уж я такой хитрый и чувствительный тип, щадящий чувства брата, я шел за ним хвостом, пытаюсь выяснить, какого чета он избегает разговоров со мной. Что ж, если ему так трудно сказать, узнаю сам. Я же сказал: я чувствительный. И изобретательный. И, возможно, немного упрямый.

Томас не слишком скрывался. Я ожидал, что он будет перемещаться по городу как осторожный кот по спинкам кресел-качалок, но он просто шел вперед, чертовски стильный в темных штанах и свободной малиновой рубашке, сунув руки в карманы, с лицом, по большей части скрытым шевелюрой.

Даже так он привлекал к себе женские взгляды. Он напоминал ходячую рекламу одеколона — с той только разницей, что даже молча и не двигаясь с места он заставлял женщин оглядываться на него через плечо и будто невзначай поправлять прическу.

В конце концов он дошагал до Парк-Тауэр и зашел в модный салон-тире-кофейню под названием «Кубок Куафера». Я покосился на часы и прикинул, зайти ли мне за ним туда. В окно я разглядел несколько человек, сидевших за стойкой в кафе. Пара довольно симпатичных девушек раскладывала чего-то там на прилавке, но ничего больше не было видно.

Я нашел точку, откуда просматривалась дверь, стал там и сделал вид, что меня нет — это проще, чем можно подумать, даже если рост у вас как у меня. Чуть позже в «Кубок» вошли две женщины, волосы и ногти которых буквально визжали «красотуля!». Салон открылся через несколько минут после того, как туда вошел Томас, и дела в нем сразу же пошли довольно бойко. Основную клиентуру составляли явно состоятельные, ужасно привлекательные и по большей части молодые женщины.

Это поставило меня перед дилеммой. С одной стороны, я не хотел, чтобы кто-либо пострадал из-за того, что мой брат потерял ради меня столько сил. С другой, мне не слишком улыбалось войти и застать брата, царящего над толпой готовых молиться на него женщин на

манер какого-нибудь темного бога похоти и тени.

Я пожевал губу и в конце концов решил войти. Если Томас... если он превратился в такого же монстра, как остальные члены его милой семейка, я должен был хотя бы попытаться поговорить с ним, чтобы он немного одумался. Или хлопнуть по мозгам. Как получится.

Я толкнул дверь в «Кубок», и мне в нос немедленно ударил восхитительный аромат кофе. Внутри играла какая-то техно-музыка, гроыхающая и бездумно-позитивная. В первом зале располагались кофейный бар, несколько столиков и маленький подиум перед тяжелым занавесом. Стоило мне войти, как одна из юных дам за стойкой бара одарила меня шипучей, с большим содержанием кофеина улыбкой.

— Привет! — произнесла она. — Вы записаны на сегодня?

— Нет, — ответил я, косясь на занавес. — Э... мне только поговорить кое с кем надо. Секундочку.

— Сэр, — недовольно нахмурилась она и попыталась перехватить меня на полпути. Мои ноги длиннее. Я улыбнулся ей в ответ и, опередив ее на пару шагов, отдернул занавес в сторону.

Техно-музыка сделалась немного громче. Задняя комната заведения пахла так, как обычно пахнет в салонах красоты — разнообразной химией. Дюжина парикмахерских кресел (занятых все до единого) выстроилась вдоль боковых стен; у дальней стены, на невысоком подиуме располагалось еще одно парикмахерское кресло, больше и разнообразнее оснащенное. У основания подиума стояло кресло для педикюра, и молодая женщина в грязевой маске, с огуречными кружками на глазах как раз подвергалась этой процедуре. Выражения лица ее я, разумеется, не видел, но поза ее выражала расслабленное блаженство. С противоположной стороны под феном сидела другая молодая женщина, с видом блаженства, какое бывает после удачной стрижки, читавшая журнал. И, наконец, еще одна женщина в главном, люксовом кресле, с видом такого же блаженства запрокинула голову назад, пока ей мыли волосы.

Волосы ей мыл Томас.

Он приятельски болтал с ней за работой, и она как раз смеялась, когда я вошел. Он, пригнувшись, прошептал ей что-то на ухо, и хотя от входа я не мог разобрать ни слова, тон его не оставлял ни малейших сомнений в том, что разговор велся между-нами-девочками, и она рассмеялась еще раз.

Томас засмеялся и подошел к столику с... инструментами, наверное. Он вернулся к ней с полотенцем и — ей-Богу, не вру! — дюжиной зажатых в губах шпилек. Он еще раз прополоскал ей волосы и принялся закалывать их.

— Сэр! — еще раз возмущенно окликнула меня девица из бара, ворвавшаяся следом за мной.

Все замерли и посмотрели на меня. Даже женщина с огурцами на глазах сняла один, чтобы посмотреть.

Томас застыл как вкопанный. Глаза его сделались большими как дамские зеркала. Он поперхнулся, и шпильки выпали у него изо рта.

Женщины переводили взгляды с меня на него и обратно, возбужденно перешептываясь.

— Ты надо мной издеваешься, — сказал я.

— О-оф, — произнес Томас. — Ар-ри.

Одна из стилисток (назвать ее «парикмахершей» у меня язык не поворачивается) еще пару раз перевела взгляд с одного на другого и обратно.

— Томас? — спросила она (произнося это как «Тоу-мосс»). — Кто этот твой дружок?

Дружок. Ой-вэй. Я потер переносицу. Наверное, от этого мне никак не отделаться, доживи я хоть до пятисот лет.

Мы с Томасом присели за столик в кофейне.

— Это? — спросил я у него без всяких преамбул. — Это и есть твоя таинственная работа? Это и есть твоя денежная афера?

— Ну, сначала я ходил на курсы стилистов и косметологов, — ответил Томас. Говорил он с таким французским акцентом, что английский угадывался с трудом. — А ночью подрабатывал охранником на складе — надо же было платить за это.

Я снова потер переносицу.

— А потом... это? Я тут, понимаешь, уверен, что у тебя команда личных невольниц, что ты работаешь, типа, наемным убийцей или кем-то в этом роде, а ты... волосы моешь?

Мне стоило больших усилий не повышать голоса, но я старался. Слишком много ушей было в этом маленьком помещении.

Томас вздохнул.

— Ну... Да. Мою, стригу, укладываю, крашу. Я все умею, детка.

— Еще бы... — тут до меня дошло. — Так вот как ты кормишься, — сказал я. — Я думал, для этого...

— Секс? — спросил Томас и покачал головой. — Интимность. Доверие. И поверь, после секса, умывая или укладывая женские волосы, ты почти так же близок с ней, как это только возможно.

— Ты все еще кормишься на них, — сказал я.

— Это не совсем то же самое, Гарри. Это не так опасно — ну, я словно бы пригубливаю капельку, а не откусываю кусок. Я не могу съесть слишком много или слишком быстро. Но я здесь целый день, и... — он поежился. — В сумме хватает. — Он открыл глаза и встретился со мной взглядом. — И здесь у меня нет шанса сорваться и утратить контроль над собой. Им ничего не угрожает, — он дернул плечом. — Им это просто нравится.

На моих глазах женщина, которая сидела под феном, вышла, улыбнулась Томасу и взяла чашечку кофе у стойки. Она производила впечатление... ну, здоровой. Уверенной в себе. Ощущающей себя красивой и сексуально привлекательной. В общем, смотреть на то, как она двигается, просто доставляло удовольствие.

Томас смотрел на то, как она уходит, с гордостью творца. Или обладателя.

— Им это очень даже нравится, — он улыбнулся одной из этих его быстрых, ослепительных улыбок. — И думаю, куче мужей и приятелей это тоже нравится.

— Но у них, наверное, вырабатывается зависимость?

Он снова пожал плечами.

— У некоторых, возможно, да. Я пытаюсь по возможности не концентрироваться на ком-то. Конечно, это не идеальное решение...

— Но другого у тебя пока нет, — договорил я и нахмурился. — А что случается, если ты моешь кому-нибудь волосы, а она влюблена? Защищена?

— Настоящая любовь встречается не так часто, как тебе кажется, — ответил Томас. — Особенно в среде людей, достаточно богатых, чтобы они могли себе меня позволить, и достаточно поверхностных, чтобы считать, что они тратят свои деньги с толком.

— Но если встретится? — настаивал я.

— Ну... тогда она просто уйдет с чистой головой. Две подряд не случаются. Я знаю, что я делаю.

Я тряхнул головой.

— Все это время, и... — я фыркнул и отпил кофе из чашечки. Классный кофе. Насыщенный, и терпкий, и в меру сладкий. И стоил, поди, дороже целого обеда в «Макдоналдсе». — Они все думают, что я твой любовник, верно?

— Это же модный, высшего класса салон, Гарри. Никто не ожидает от работающего здесь мужчины нормальной ориентации.

— Ну-ну. И акцент... Тоу-мосс?

Он улыбнулся.

— Стилисту-американцу столько денег платить не будут. Увольте, — он пожал плечами. — Это вздор и предрассудки, но это так, — он подозрительно огляделся по сторонам и понизил голос, разом заговорив на нормальном английском. — Послушай. Я понимаю, что прошу о мно...

Мне стоило больших усилий не расхохотаться, но я все же ухитрился посмотреть на него хмуро и вздохнуть.

— Твоя тайна умрет вместе со мной.

Он с облегчением перевел дух.

— Мерси.

— Эй, — вспомнил я. — Можешь заскочить ко мне сегодня после работы? Я тут затеваю кое-что, что могло бы помочь людям, если кто-нибудь попытается проверить то же, то эти хмыри из Белой Коллегии. Мне показалось, ты бы не отказался поучаствовать.

— Гм... ну, да. Можно поговорить.

Я сделал еще глоток кофе.

— Может, и Жюстина могла бы поучаствовать. Кстати, это, возможно, способ вытащить ее оттуда, если ты хочешь этого.

— Ты смеешься? — нахмурился Томас. — Она целый год потратила на то, чтобы пробиться ближе к Ларе.

Я удивленно уставился на него.

— Блин-тарарам, то-то мне показалось, она вела себя немного странно. То есть, вышла как обдолбанная — ну, как остальные девицы-невольницы, но пару раз, когда ее никто, кроме меня не видел, сбрасывала маску. Я приписал это ее... ну... болезни.

Он мотнул головой.

— Она добывала для меня информацию. Пока ничего особенно существенного, кстати.

— А Лара не догадывается?

Томас снова мотнул головой.

— Эта мысль ей пока даже в голову не приходила. В Ларином представлении Жюстина всего лишь еще одна беспомощная телочка, — он поднял взгляд. — Я ведь поговорил с ней об этом. Она хочет остаться. Она Ларина личная помощница, а это место серьезное.

Я медленно выдохнул. Черт подери. Если Жюстина останется на своем месте, и если она готова делиться тем, что ей известно... информация, добытая на таком уровне, способна изменить ход войны. Ведь даже если предложенные Белой Коллегией мирные переговоры начнутся, это будет означать всего лишь смену стратегии. Вампиры так просто не сдадутся.

— Опасно, — тихо заметил я.

— Она хочет заниматься этим, — сказал он.

Я покачал головой.

— Я так понимаю, ты общался с Ларой?

— Еще бы, — ухмыльнулся Томас. — С учетом проявленного мною героизма, — он хитро подмигнул, — при защите Белого Короля от заговорщиков, я теперь снова в милости у Коллегии. Непутевого сына снова принимают с распростертыми объятиями.

— Правда?

— Ну, — добавил Томас, — морщась и воротя нос при этом. Лара зла как черт знает кто из-за Провала.

— Думаю, бомбы не пошли ему на пользу.

Томас блеснул зубами.

— Вся эта чертова пещера обвалилась. Огромная яма на поверхности, весь водопровод в поместье полетел к чертям собачьим, а у замка фундамент пошел трещинами. Починить все это обойдется в состояние.

— Бедная Лара, — хмыкнул я. — Куда ей теперь девать трупы?

Он рассмеялся.

— Приятно видеть ее раздосадованной. У нее обычно такой самоуверенный вид.

— У меня особый талант.

Он кивнул.

— В этом тебе не откажешь.

Мы посидели несколько минут молча.

— Томас, — произнес я, наконец, мотнув головой в сторону салона. — Почему ты мне

об этом не сказал?

Он пожал плечами и отвернулся.

— Сначала? Ну, это было унижительно. В смысле... работать по ночам, чтобы пройти обучение. Жить отдельно, выставя себя... — он махнул рукой. — Мне казалось... ну, не знаю. Сначала мне казалось, ты не одобришь, ну, или... смеяться надо мной будешь, или еще чего.

Я очень внимательно следил за своим лицом.

— Нет. Ни за что.

— А потом... ну... Я ведь утаивал от тебя. Я не хотел, чтобы тебе показалось, будто я тебе не доверяю.

Я фыркнул.

— Другими словами, ты мне не доверял. Не верил, что я пойму.

Его щеки чуть заметно порозовели, и он опустил взгляд.

— Гм. Пожалуй, так. Угу. Прости.

— Не бери в голову.

Он закрыл глаза и кивнул.

— Спасибо, Гарри.

Я положил руку ему на плечо, подержал секунду и убрал. Чего тут еще скажешь.

Томас подозрительно покосился на меня.

— Теперь ты будешь надо мной смеяться.

— Могу подождать, пока ты отвернешься, если хочешь.

Он снова ухмыльнулся мне.

— Да ладно. Мне на это, типа, наплевать с тех пор, как я начал питаться регулярно. Все-таки приятно больше не голодать. Смейся на здоровье.

Я еще раз огляделся по сторонам. Девушки из кофейни шушукались между собой, явно обсуждая нас двоих, если судить по их взглядам исподтишка и хитрым мордашкам.

Я ничего не мог с собой поделать. Я расхохотался, и это было здорово.